АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Д.И.Эдельман

Сравнительная грамматика восточноиранских языков

Морфология
Элементы синтаксиса

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В.И. АБАЕВ

МОСКВА
"НАУКА"
1990

ББК 8I.2-2
Э18

Рецензенты:
доктор филологических наук М.И.Исаев
доктор филологических наук И.М.Стеблин-Каменский

Эдельман Д.И.
Э18 Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. - М.: Наука, I990. - 287 с.
ISBN 5-02-010987-8

Монография является продолжением ранее вышедшей книги того же автора "Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология" (М.,I986). Это первое сравнительно-историческое исследование морфологии и основ синтаксиса восточноиранской группы языков в целом, включая живые языки (пашто, осетинский, памирские и др.) и вымершие (согдийский, хорезмийский, скифский и др.). Особое внимание уделено реконструкции общеиранской праязыковой системы и хронологии ее изменений в конкретных языках. Сравнительно-исторические выводы дополняются историко-типологическими и ареальными.

Для лингвистов - иранистов, индологов и индоевропеистов, специалистов по сравнительно-историческому, типологическому, ареальному языкознанию, по теоретической морфологии и синтаксису.

Edelman D.I.
The Comparative Grammar of the East-Iranian Languages. Morphology. Elements of Syntax.

The book is a sequel to the earlier monograph by the same author entitled "The Comparative Grammar of the East-Iranian Languages: Phonology"(M.,1986). It is the first comparative-historical study of the morphology and the elements of syntax of the East-Iranian group of languages as a whole, including the live languages (Pashto, Ossetic, the languages of the Pamir etc.) and the extinct ones (Sogdian, Khwarezmi, Scythian etc.). Special emphasis is made on the reconstruction of the Proto-Iranian language system and on the chronology of changes in the individual languages. The comparative-historical conclusions are supplemented by the typological and areal consideration.

The monograph is intended for specialists in linguistics - Iranists, Indologists and Indo-Europeanists, in the fields of comparative, historical, typological, areal linguistics, in theoretical morphology and syntax.

Э 4602020I00-I27 679-90, II полугодие
042(02)-90
ББК 8I.2-2
ISBN 5-02-010987-8
Издательство "Наука", I990

им. ГОРЬКОГО
БИБЛИОТЕКА
М. Г. У.
пр 98

ВВЕДЕНИЕ

Членение иранских языков на две основные генетические группы - западную и восточную - базируется на наличии в каждой из них совокупности определенных материальных инноваций, не разделяемых языками другой группы. Такое членение относительно четко проводится на основании историко-фонетических признаков (хотя, как выяснилось, не все из постулировавшихся традиционно черт той или иной группы [см. Geiger, 1898_3, 414 сл.; Оранский, 1960, 348 и др.; 1963_I, 176 сл.; 1979_I, 124 сл.; 1979_2, 89 сл.] оказались действительно классифицирующими [см. Эдельман, 1984_I; СГВЯ-Ф, 212-216]). Попытки выявить морфологические, синтаксические (и лексические) признаки, столь же существенные для генетической классификации иранских языков, пока не увенчались успехом. Все известные до сих пор черты этих уровней, характеризующие их историю, оказывались свойственными либо большей или меньшей части языков западной или восточной группы, либо ряду языков обеих групп [ср. Geiger, 1898_3, 417-423; Оранский, 1960, 350-351; 1963_I, 180, 185; 1979_I, 125-126; 1979_2, 85-86]. Этим диктуется необходимость сравнительно-исторического анализа морфологии (и элементов синтаксиса, обусловивших морфологические изменения) восточноиранских языков на новом этапе их изученности, что - при последующем сопоставлении полученных результатов с результатами такого же анализа западноиранских языков, - могло бы дать возможность вновь вернуться к поиску надежных морфологических (и синтаксических) критериев генетической классификации иранской языковой семьи. Эта необходимость усугубляется еще и тем, что сравнительно-исторического исследования морфологии всей восточноиранской группы языков в целом еще не проводилось: все труды в этой области были посвящены рассмотрению исторической морфологии либо входящих в нее подгрупп, либо отдельных языков, либо тех или иных морфологических подсистем; см., напр. [Geiger, 1898_I; Миллер, 1962; Tedesco, 1926; EGS, II; IIFL, II; Morgenstierne, 1942_{I-2}; ОЯФ; Konow, 1932; 1949; Лившиц, 1951; GMS; Боголюбов, 1956; 1957; Бенвенист, 1965; ГОЯШ; ГОМШ; Виноградова, 1982; Додыхудоева, 1982; 1988; Лашкарбеков, 1984] и др. Особую ценность в этом плане представляют очерки сравнительно-исторических грамматик конкретных языков в [ОИЯ, 1979; 1981; 1987].

Проблемы, стоящие на пути сравнительно-исторического исследования морфологии (и синтаксиса) восточноиранских языков, лишь до некоторой

степени сходны с проблемами такого же исследования их фонетики и фонологии [см. СГВЯ-Ф, 7 сл.]. Сходство состоит в специфике самого материала. Ее составляют: I) недостаточность, фрагментарность и жанровая неоднородность фиксированного материала в памятниках разных эпох; невозможность проследить по памятникам постепенную трансформацию системы хотя бы одного языка, поскольку у вымерших языков, как правило, нет потомков среди языков живых, и наоборот (даже ягнобский, продолжающий один из согдийских диалектов, восходит к диалекту, не отраженному в памятниках; о скифском предке осетинского см. ниже); 2) отсутствие древних восточноиранских письменных памятников, на которые можно было бы опереться при реконструкции общей системы древнего периода (скифские слова, дошедшие в иноязычной передаче, дают лишь разрозненные сведения о морфологии); общего "среднеиранского" состояния в морфологии, как и в фонологии, не существовало (обзор лингвистических признаков основных периодов развития иранских языков см. [СГВЯ-Ф, I6-I9]); 3) разбросанность языков на большом пространстве, вхождение в разные языковые союзы и воздействие разных по ареалам субстратов; 4) неравномерная изученность восточноиранских языков в синхронном и историческом аспектах.

Различие определяется тем, что общеиранская сложная флективная морфологическая система, пронизанная системой морфонологических чередований, с относительно свободным синтаксисом, в основных чертах сохраняется только в древнеиранских памятниках, и то в несколько упрощенном виде. В более поздних языках, включая восточноиранские, предстают значительно перестроенные различные системы, в том числе аналитические и аналитико-агглютинативные в именной подсистеме и аналитико-флективные в глагольной, с закрепленным порядком слов в предложении, т.е. системы, перестроенные в структурно-типологическом плане [ОИТИИЯ, I, I63 сл.]. При этом многие морфологические элементы уже утрачены, и реконструкция их из поздних языков невозможна. Утрачен или изменен также содержательный план ряда категорий; некоторые из них изменили способы выражения и т.д. Кроме того, в отдельных языках появились новые формы и конструкции, построенные из собственного материала, но по ареальным (субстратным и адстратным) моделям, либо перестроенные согласно новым содержательным категориям, иногда заимствованным из субстрата (реже - адстрата) [см., напр., Абаев, I956; I970; I978; Эдельман, I980].

При учете этих факторов реконструкция сколько-нибудь хронологически удаленного состояния не может быть проведена только на основании языков недревней эпохи. Такая "прямая" реконструкция общевосточноиранской морфологической (и синтаксической) системы заведомо была бы чревата возможностью проекции на праязыковую плоскость поздних единиц, структур и категорий, к тому же частично и иноязычных (и игнорированием утраченных позднее архаичных черт). Поэтому здесь, как и в предыдущей книге, принята процедура описания "от древности": на основании по-

казаний древнеиранских языков (которые в морфологии еще более существенны, чем в фонетике и фонологии) и других индоевропейских, прежде всего древнеиндийского (а также индоевропейской и общеарийской реконструированных систем), приемом "промежуточной реконструкции" восстанавливается общеиранская система, а затем рассматриваются ее отражения в конкретных восточноиранских языках и уже на их основе предпринимаются попытки выявить основные общие линии развития и общевосточноиранское состояние.

Изменение морфологии (и синтаксиса) восточноиранских языков определяется рядом общих положений структурной и контенсивной исторической типологии. Оно тесно связано с изменениями на других языковых уровнях и подчинено определенной иерархии.

Взаимосвязь морфологии с низшими уровнями - фонетическим и фонологическим - проявляется в отношении как чисто внешнего изменения слов и морфем, так и взаимодействия фонемной парадигматики, синтагматики и просодики с морфонологией, с морфологической парадигматикой и синтагматикой, с синтаксисом и с содержательным планом грамматических категорий. Их взаимодействие проявляется в разные периоды по языкам неодинаково и не всегда самоочевидно. Так, изменение сегментных единиц, принимавших участие в морфонологических чередованиях древности, способствовало отмиранию старых формул чередования, что вызывало активизацию иных способов выражения тех же грамматических значений. Однако само отмирание старых чередований и появление новых (см. [СТВЯ-Ф, 203-205]) обусловлено морфологией и, в конечном счете, содержательной стороной языка.

В словоформах, входивших в более или менее жесткую парадигму - морфологическую (напр., глаголы) или лексическую (напр., числительные, некоторые разряды местоимений), - наблюдается воздействие одних членов парадигмы на другие, а отсюда - "перебои" в исторической фонетике. Так, отражение древнего глагольного суф. *-sa < *-sśa < и.-е. *-sḱe (ставшего для восточноир. языков формантом непереходности) в виде -s после согласных (даже в языках, где группа *-Cs- в других словах подвергалась стяжению), иногда без изменения последних (даже в языках с оглушением *C перед *s в других случаях), свидетельствует об относительно поздней продуктивности этого суффикса, - более поздней, чем период изменения здесь групп *-Cs-. Отмечается тормозящее воздействие глагольной парадигмы и в других случаях (см. [СТВЯ-Ф, 108-109]): сохранение шипящего характера интервокальной *s̆ в основе наст. вр. под воздействием основ прош. вр., где он закономерен (в отдельных языках, где интервокальная *s̆ сонаризуется и/или исчезает). Этот процесс стал возможен, когда древние причастия вошли в парадигму финитных форм и стали основами прош. вр. Из изменений, связанных с вхождением словоформ в лексическую парадигму, интересны случаи уподобления друг другу "соседних" по счету числительных, принадлежащих к параллельно употреб-

ляемым в языке сериям указ. местоимений и т.п. Подробнее см. в соответствующих разделах. Эти и иные "перебои" создают иногда видимость нерегулярности историко-фонетических изменений и правил фонемной синтагматики, либо вызывают споры относительно общеиранского прототипа данных форм. Недоразумения устраняются при обращении к более высоким уровням.

Явления более высоких уровней, включая лексический и, в конечном итоге, содержательная сторона языка вызывают и иные, менее распознаваемые "перебои" фонетического развития словоформ. Например, становление глагольной категории переходности/непереходности (имевшей лексико-семантическое основание), сопровождавшееся уже в общеиранский период закреплением в презентных основах отдельных глаголов полной или продленной ступени огласовки для перех. глаголов ~ нулевой или полной - для непереходных (в сочетании с определенными аффиксами), установило тем самым и основные фонологические приметы переходности/непереходности. Эти признаки иногда бывали перенесены и на древние причастия (возможно, еще до окончательного вхождения их в парадигму). В результате причастия перех. глаголов, имевшие в праязыке нулевую огласовку, получали полную или продленную, что выглядит как "сбой" в отражении древнего аблаута.

Соотношение между местом словесного ударения в общеиранском состоянии (и в древних диалектах) и отпадением флексии в более поздние эпохи было неоднозначным (подробнее: [СТВЯ-Ф, 206-208]). Решающую роль в этом процессе играло не само по себе место ударения, а ценность для морфологии заударных слогов - носителей флексии. Именно этот фактор обусловил сохранение заударной личной флексии презенса и имперфекта глагола (и регенерацию ее в случаях совпадения или ослабления окончаний). Различная синтаксическая ценность разных падежей обеспечила определенную очередность элиминации их форм и отпадения двусложных окончаний: показатели генитива и инструменталя, т.е. падежей, оформлявших на позднем отрезке древнеиранского периода субъект действия переходного глагола в прош. временах, удерживались дольше других и генерализовались впоследствии как показатели общекосв. падежа (в двухпадежной системе) или - во мн. числе - как показатели множественности (при утрате падежей). Окончания же падежей менее "информативных" для субъектно-объектных отношений, находившиеся в таких же и даже более "выгодных" фонетических условиях, утрачивались в первую очередь. При изменениях парадигм имени и глагола их постфиксы, выражающие ситуационную характеристику актантов, т.е. в первую очередь обозначающие число (в имени и глаголе) и лицо (в глаголе), имеют тенденцию к сохранению и регенерации именно в качестве постфиксов (префиксация их крайне редка для иранских языков), а это налагает определенные ограничения на изменения типов парадигм.

При рассмотрении исторической морфологии, в частности восточноиранских языков, приходится учитывать и то, что утрата какого-либо

форманта - носителя той или иной грамматической категории не означает автоматической утраты самой категории. Имеются примеры того, как синтаксис берет на себя часть выражения синтаксических отношений имен еще до распада падежной системы и как это ускоряет ее распад и утрату падежных окончаний. Имеются и примеры становления новых падежей из сочетаний имен с послелогами и с переосмыслившимися как послелоги древними падежными окончаниями [ОИТИИЯ, II, 191 сл.]. Характерна связь выражения причастными конструкциями значения результативности действия и угасания древних форм перфекта, с выработкой затем новых флективных форм перфекта из этих результативных конструкций и т.п. [ОИТИИЯ, II, 282 сл.]. Т.е. взаимодействие морфологии и синтаксиса имеет результатом, помимо прочего, еще и регенерацию выражения некоторых грамматических категорий именно морфологическими средствами. Наблюдаются случаи сохранения грамматической категории при изменении средств ее выражения внутри самой словоформы. Напр., категория рода в языках шугнано-рушанской группы, выражавшаяся прежде исходом основы имен, не утратилась с отпадением этого исхода: в результате его воздействия на корневую гласную в раннешугнанском последняя подверглась изменению, и маркером родовых оппозиций стало противопоставление умлаутных (с a- и i-умлаутом) и неумлаутных огласовок; в такой ситуации исход основы стал избыточным и утрачивался без ущерба для выражения данной категории.

Таким образом, при перестройке общеиранской системы в частные системы конкретных языков в различных диахронических процессах ведущими оказываются изменения значимых уровней: морфологического, синтаксического, лексического и - в конечном счете - содержательной стороны языка. Изменения на фонетическом и фонологическом уровнях носят подчиненный характер. Морфологические изменения подчинены изменениям более высоких уровней. Поэтому при изложении результатов сравнительно-исторического анализа морфологии восточноиранских языков определенное внимание будет уделено значению форм и их систем и содержательной стороне изменения грамматических категорий, что позволит объяснить некоторые, казалось бы, чисто формальные изменения в морфологии. Из этих же соображений здесь рассматриваются и элементы синтаксиса, обусловившие определенные морфологические системы и их трансформации.

С учетом сказанного избрана композиция работы. В главе I анализируются морфология и элементы синтаксиса общеиранского состояния в наиболее архаичном виде; выявляется динамика этой системы и тенденции к дальнейшим изменениям, частично реализованные в древнеиранских языках. В главе II рассматриваются ее дальнейшее развитие в конкретных восточноиранских языках и фрагменты общевосточноиранского состояния. Заключение посвящено суммированию общих восточноиранских черт и основных линий последующего развития в генетических подгруппах и ареалах. Способ подачи материала - тот же, что в [СТВЯ-Ф]: материал древнеиранских

языков приводится обычно в транскрипции [AiW] , индоевропейские реконструкции - по [IEW] (как наиболее близкие к общеарийским и общеиранским прототипам; для более удаленных принимается в целом модель, предложенная в [Гамкрелидзе, Иванов, 1984]). Материал мертвых недревних языков приводится в традиционной транслитерации или в транскрипции, как он дан в специальных исследованиях (по ним выверены и примеры, взятые из других источников). Материал живых языков (также выверенный по специальным трудам) дается, как правило, в фонологической транскрипции; для отдельных языков и диалектов, фонологическая система которых не установлена, используется фонетическая транскрипция. В целях экономии места этимологическая праформа приводится непосредственно при рассматриваемом слове и лишь затем дается его перевод. Исключение составляют случаи резкого расхождения в семантике между праформой и конкретным словом: такие примеры снабжены переводами и праформы, и анализируемого слова. При приведении конкретных словоформ ссылки на литературу обычно не делаются, поскольку они могут быть найдены в исследованиях по конкретным языкам. Источники указываются лишь в спорных случаях. Ссылки даются тогда, когда речь идет об определенных правилах, о фрагментах систем или о несамоочевидных этимологиях.

Специальный обзор литературы здесь не приводится. Состояние изученности морфологии разных восточноиранских языков в синхронном и историческом аспектах освещено в ряде работ последних десятилетий - как обзорных, так и исследовательских, посвященных отдельным языкам и подгруппам (список см. [СГВЯ-Ф, 20] ; к нему следует добавить: [Абаев, 1965_I; ОИЯ, 1987]). Литература по разным вопросам синхронной и сравнительно-исторической морфологии различных восточноиранских языков и отдельных подгрупп огромна, поэтому к данной работе приложен только список трудов, цитированных в ней либо непосредственно использованных при ее написании.

Автор выражает искреннюю признательность Н.М.Волковой, проделавшей большую работу по подготовке макета данной монографии.

Глава I

ОБЩЕИРАНСКАЯ МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Элементы формообразования

Морфологическая система общеиранского периода, продолжавшая более древние - общеарийскую и далее индоевропейскую, - обладала ярко выраженным флективным строем. Словоформы состояли из основ и флексии (изменяемые) и из чистых основ, иногда с застывшей флексией (неизменяемые). В основе вычленялись корень и аффикс. При образовании основ от корня и при их функционировании в словоизменении существенную роль продолжала играть система морфонологических чередований гласных и сонантов (так называемый аблаут), а также согласных.

Корень как центральный элемент формообразования, несущий основную обобщенную семантическую информацию, был представлен различными фонологическими структурами, продолжавшими как типы корня позднего индоевропейского состояния, так и разновременные индоевропейские и общеарийские аффиксальные образования при утрате аффиксами продуктивности.

Прослеживаются унаследованные из общеарийского и индоевропейского односложные корни типа [cvc], [cv], [vc], [ccvc], [cvcc], [cv̄], [ccv̄] и др., причем [c] мог быть представлен согласным или неслоговым вариантом сонанта, [v, v̄] - кратким и долгим гласным и слоговыми вариантами сонанта. Большая часть этих разновидностей - результат трансформаций раннеиндоевропейского односложного "трехбуквенного" корня типа [cvc], см. [Бенвенист, 1955, 201], ср. [Bartholomae, 1895$_I$, 48]. Часть этих типов объясняется фонетическими изменениями, связанными с падением ларингалов и с аблаутом, например: [vc] < [cvc], где c_1 = н; [cv̄] < [cvc], где c_2 = н и т.д. К общеарийскому и особенно общеиранскому периоду состав корней пополняется за счет ранних индоевропейских основ: типа I - [cvc-c] с ударной полной ступенью огласовки первичного корня и нулевой ступенью суффикса - и типа II - [cc-vc] с нулевой огласовкой первичного корня и ударной полной ступенью суффикса [Бенвенист, 1955, 179-181; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 225 сл.]. Сращение первичного корня с распространителями, суффиксами, инфиксами и префиксами было в ряде лексем настолько ранним, что вычленить первоначальный корень уже практически невозможно. Особую группу среди этих "новых" корней (в иной терминологии: "мнимых" или

"квази-корней") представляют поздние индоевропейские основы (обычно глагольные: презентные или аористные), используемые уже и в формах, образуемых обычно от чистого корня. Ср. др.-инд. dad- от *√dā- 'давать': в 3 л. мн.ч. dad-ati, прич. datta-, деепр. dattvā- [Зализняк, 1975, 61], ир. *dasta-, контаминировавшееся с *źasta- 'рука', если возводить к *dad-ta 'дающая' [Климов, Боголюбов, 1980, 128]. То же в общеиранских новых корнях типа *ska(n)d- 'ломать(ся), разбивать(ся)', ср. тадж. šikan- : šikast, вах. škən- : škət, ав. sčandayeiti, skənda-, др.-инд. skhadate и т.п. из и.-е. *(s)k(h)ed-, *(s)k(h)end id. с распространением из *sek- 'резать' [IEW, 918-919] (где *-n-, возможно, было первоначально инфиксом), ир. *taxš- (ср. ав. taxš- 'отпускать, посылать; давать течь') при наличии и *√tak- 'течь, идти', ир. *baxš- 'дарить, наделять' (ав. baxš-, перс. bäxš- и т.п.) при *√bag- id. и т.п.

Хотя все эти корни возникли в результате разновременных процессов морфемного перераспределения внутри определенных форм, элементы которых в той или иной мере утратили свою продуктивность, для общеиранского состояния они являются корнями и относительно легко вычленяются из словоформ благодаря регулярности морфологических образований и морфонологических чередований (то же в древнеиндийском, см. [Зализняк, 1975, 59 сл.; Елизаренкова, 1982, 127 сл.).

В общеиранском формо- и словообразовании фонетический тип корня оказывается существенным, поскольку он предопределяет трансформации корня в различных словоформах (см., например, [Bartholomae, 1895_I, 67 сл.; Соколов, 1961, 38; 1979_I, 161; ср. Зализняк, 1975, 66]).

Традиционно выделяются, прежде всего, "легкие" и "тяжелые" корни. Легкие представляют в идеале тип [CVC], где [V] = *a, [C] = C/S, т.е. согласный или неслоговой вариант сонанта. Тем самым фонологически они предстают как /C/S + V + C/ или /C/S + S/ (поскольку финаль [VC] = /a + C/ и /a + S/), т.е. продолжают первичные корни Э.Бенвениста. Если воспользоваться введенным С.Н.Соколовым изображением элементов корня определенными буквами (по ряду причин в данной работе используются строчные буквы): C_1 - s, V - a, C_2 - p [ср. Соколов, 1961, 37; 1979_I, 161 сл.], то легкие корни с согласным исходом будут иметь вид "sap-" (ср. ир. *pak- [I] 'варить(ся)', *tap- 'греть(ся); теплый'), с сонантным - "sau-" (*bau- 'становиться', *kar- 'делать'). Тяжелые корни при той же ступени огласовки имели фонетический вид [(C)CVCC], [(C)CCVC] и более сложный, представляя фонологическую пос-

---

[I] Поскольку корни выступают в разных словоформах в различном звуковом облике (с разными ступенями огласовок, с разным отражением и.-е. гуттуральных в виде *k > ир. *k, *č и т.п.), здесь по традиции для отдельного обозначения корня принимается изображение его в средней ступени огласовки без результатов второй палатализации, напр., *√ɣak- 'говорить', *√bau- 'становиться'.

ледовательность /(C)C/S + V + CC/ или /(C)C/S + $\underset{\circ}{S}$ + C(C)/ и т.п. При этом собственно тяжелыми были корни с сонантной медиалью, типа "**saup-**", "**sarp-**" и т.п. (ир. ***u̯art-*** 'кружить(ся)'; ***raik-*** 'оставаться; сыпаться'; ***karš̌-*** 'проводить борозду'; ***raixš̌-*** 'сыпать(ся)' и пр.). Корни с медиалью ***a*** и согласной финалью -CC, типа ***baxš̌-***, ***taxš̌-*** и т.п., фонетически "тяжелые", на морфонологическом уровне примыкают к легким. Тяжелые корни продолжают обычно основы I и II Э.Бенвениста и более поздние образования. Тем самым для ряда морфологических подсистем существенной была не "легкость/тяжесть" корней, а их "сонантность/несонантность" предопределившая разные ступени огласовки корней в разных формах. Для группы корней существенным явилось наличие рефлекса и.-е. ***н/ə*** в финали (см. ниже).

К эпохе древнеиранских памятников, когда морфология перестраивалась, а морфонологические чередования были непродуктивны (и уже размывались как историко-фонетическими изменениями, так и парадигматическим выравниванием), вычленимость корня становится постепенно достоянием этимологии (ср. др.-п. **kunautiy**, ав. **kərənaoiti** 'делает', где прототипы основы ***kr̥-nau-*** и корня ***kar-*** отнюдь не самоочевидны), см. [ОИТИИЯ, I, 89-93].

Основы, представлявшие морфологическую реальность с точки зрения их продуктивности в формо- и словообразовании и служившие центром живых словоформ, в общеиранском несли, кроме семантической, грамматическую информацию: 1) о принадлежности большинства словоформ к имени или глаголу; 2) о классах и подклассах внутри этих категорий - как содержательно ориентированных (напр., род в имени, видо-временные и модальные основы глагола), так и чисто формальных. Из последних наиболее существенным было противопоставление тематических и нетематических основ. Тип основ предопределял наличие/отсутствие чередований, а также использование определенной флексии (подробнее см.с. 15-22, 39-40).

Морфонологические чередования, пронизывавшие слово- и формообразование общеиранского периода и выявлявшиеся прежде всего в основе, наиболее ярко представлены системой аблаута, которому подвергались гласные (с отражением индоевропейского аблаута ***e - *o - *Ø*** в виде общеарийского и общеиранского ***ā - *a - *Ø***) и сонанты. Аблаут в именных и глагольных основах функционировал обычно в корне и аффиксах по признаку дополнительности: при изменяемости суффикса или инфикса корень неизменяем. В корнях, подверженных аблауту, изменялась корневая огласовка. См. систему огласовок условных корней [Соколов, 1961, 27; 1979$_{I}$, 151-152]:

Нулевая ступень	**s**	**si**	**su**	**sr̥**	**sp**	**sip**	**sup**	**sr̥p**
Средняя ступень	**sa**	**sai**	**sau**	**sar**	**sap**	**saip**	**saup**	**sarp**

Продленная ступень	**sā**	**sāi**	**sāu**	**sār**	**sāp**	**sāip**	**sāup**	**sārp**

К ним примыкали корни с носовыми (и с *a < *$\underset{\circ}{m}$, $\underset{\circ}{n}$):

Нулевая ступень	**sap**	**sap**	**sa**	**sa**
Средняя ступень	**sanp**	**samp**	**san**	**sam**
Продленная ступень	**sānp**	**sāmp**	**sān**	**sām**

Последнее обстоятельство затемняло различия между основами с носовым в корне и в инфиксе, поскольку в дальнейшем основы типа *sanp- часто вели себя одинаково, независимо от этимологического состава. Примеры чередований: *√baud- 'запах; бодрствование; чуять' – *bauda- 'пахнуть' (ав. **baoδaite**), *budi̯a- (ав. **būiδyaēta** опт.); *√band- 'связывать, вязать' – *bandai̯a- 'связывать' (ав. **bandayąt**), *basta- (< *$\underset{\circ}{b}$ad-to-) 'связанный' (ав. **bastəm**): *√ar- 'двигаться, достигать' – *$\underset{\circ}{r}$-māu̯i аор. пасс. (ав. **ərənāvi**), *ar-u̯ant- 'быстрый' (ав. **aurvantəm**), *pati-āra- 'противодействие' (ав. **paityārəm**).

Сохранилась также система усложненных чередований, связанная с участием рефлексов индоевропейских сочетаний V или $\underset{\circ}{s}$ с ларингальным *H/ə, с включением в схему чередований слабых дифтонгов и т.п. [**Bartholomae**, 1895$_I$, 41; Барроу, 1976, 105; Соколов, 1979$_I$, 152; **Insler**, 1971, 573 и др.]. При этом в отражениях *VH > *$\bar{V}$ долгота уже не играла морфонологической роли: *$\bar{i}$, *$\bar{u}$ выступали в нулевой ступени огласовки, *ā – в нулевой (если из *$\underset{\circ}{n}$, *$\underset{\circ}{m}$), средней и продленной, т.е. рефлексы легких корней с *H/ə выступали: в нулевой ступени в виде "**si-**" (реже "**sa-**") < *"**sə-**", в полной – "**sā-**" < *"**saH-**, **soH-**, **seH-**". Тяжелые корни с конечным -H, продолжавшие раннеиндоевропейские основы I и II с ларингалом после первичного корня (типа **sapH-**, **spaH-**, **saiH-**, **si̯aH-** и т.п.) отражались в общеиранском различно, в зависимости от ступени огласовки корня и от типа ранних основ:

Корень (услов. форма)	Нулевая ступень	Полная ступень из осн. I	Полная ступень из осн. II
sapH	**spə** > **spi**	**sapH** > **sap**	**spaH** > **spā**
saiH	**siH** > **sī**	**saiH** > **sai**	**si̯aH** > **si̯ā**
sauH	**suH** > **sū**	**sauH** > **sau**	**su̯aH** > **su̯ā**
sarH	**$\underset{\circ}{r}$H** > **s$\bar{\underset{\circ}{r}}$** > **sar**	**sarH** > **sar**	**sraH** > **srā**
sanH	**$\underset{\circ}{n}$H** > **s$\underset{\circ}{n}$** > **sā**	**sanH** > **san**	**snaH** > **snā**
samH	**$\underset{\circ}{m}$H** > **s$\underset{\circ}{m}$** > **sā**	**samH** > **sam**	**smaH** > **smā**

[ср. Соколов, 1961, 28; 1979$_I$, 152]. Например, от ир. *√dar- (из и.-е. dher(ə)- [IEW, 252]) 'схватывать, держать' : *dāraia- (през. осн.), d$\bar{\underset{\circ}{r}}$ta- (прич.), *drā-, *dar- (в именах), ср. ав. **dārayeiṇti**, **darəta-** (**ar** < *$\bar{\underset{\circ}{r}}$-), **paiti.drąm** 'местопребывание' (акк. ж.р.), **darəθrāi** 'восприятие' (дат. ср.р.). Естественно, что не все корни прослежены во всех ступенях огласовок (обычны две ступени каждого корня).

Ступени огласовок в принципе были регламентированы по словоформам в парадигмах от нетематических основ. Соотношение между типами корней (легкий/тяжелый, сонантный/несонантный) до некоторой степени предопределяло ступени их огласовки: при "правильных" образованиях сонантные корни выступали в огласовке на ступень меньшей, чем несонантные в той же морфологической позиции [ср. Соколов, I96I, 38; I979$_{I}$, I6I]:

	I	2	3	4
Легкий несонантный корень	**sp**	**sap**	**sāp**	
Сонантный корень (с *i)		**si(p)**	**sai(p)**	**sāi(p)**

Тем самым равную морфологическую значимость имели такие реализации разных корней, которые обеспечивали равное количество слогового элемента: одна мора [v] во второй позиции и две моры - [$\bar{v}$] или дифтонг - в третьей. При этом в ряде случаев несонантные корни при отсутствии аффиксов могли выступать в средней ступени там, где по позиции (№ I) требовалась нулевая (ср. прич. ***bag-ta-*** от * $\sqrt{}$**bag-** 'делить': перс. **bäxt**). Это связано с фонетическим неудобством безвокалической реализации корня, если она не компенсируется вокализмом аффиксов (то же в древнеиндийском, см. [Зализняк, I975, 80]). Отсюда - вставные гласные и парадигматическое выравнивание по 2-й ступени, намечающееся уже в общеиранском и усилившееся в дальнейшем.

Система аблаута в дальнейшем постепенно затухает, хотя основные его принципы прослеживаются в авестийском и - слабее - в древнеперсидском языках, а рефлексы разных словоформ со следами аблаута - вплоть до современных иранских языков, включая восточноиранские (см. подборку [СГВЯ-Ф, 203]). Следы его нарушения обнаруживаются очень рано, даже в диалектах общеиранского состояния, особенно там, где в нулевую ступень сонантов включались слабые дифтонги (которые затем становились полными дифтонгами или сочетаниями [vC]). Ср., например, развитие * $\sqrt{}$**k/xan-** 'копать': к общеиранскому периоду лексикализовались его производные: прич. ***kata-*** $<$ ***kn̥ta-*** 'дом' и имя ***xan-*** 'источник, родник' (ср.ав. **kata-**, **xan-**, согд. **kt('k)**, кл. перс. **-kada**, **kad-**, ягн. **kat**, ш. **čīd**, р. **čod**, б. **čöd**, язг. **kůd**, **xex** $<$ ***xā-ka-*** 'вода' и т.п.), а попутно вырабатывались новые формы типа прич. ***kənta-***, ***kanta-*** - с слабым и полным дифтонгами, ср. ав. **-kanta-** (при др.-инд. **khātá-**), др.-п. **ka^{n}ta-**, кл. перс. **kand**, ш. **čīnt**, р. **čint**, язг. **ḱont** и т.п. Возможно, это связано также с утратой этимологической связи между ***n*** и ***a*** $<$ ***n̥*** и выработкой новых чередований. В некоторых случаях система огласовок изменяется под воздействием семантики: ср. отражение в ряде языков причастия от переходного глагола * $\sqrt{}$**kar-** 'делать' в виде не ***krta-***, а ***karta-*** : ав. **karta-**, **kərta-**, др.-п. **karta-**, кл. перс. **kard** (при ***r̥*** $>$ **ir**), ш. **čūd**, р. **čūg**, язг. **ḱeg**, ишк. **kůl/l̥**, пашто **kəṛ** и т.п., - по аналогии с полной и продленной огласовкой презентных основ многих переходных глаголов.

Немалую роль в общеиранской морфологической системе играли чередования согласных - в именной и глагольной подсистемах. Из них особенно характерны чередования финальных согласных корня в презентных основах глагола перед *-a, с одной стороны, и в причастиях, именах действия и других формах, где согласные выступают в преконсонантной позиции, - с другой. Наиболее характерны чередования: а) ир. *ś, *ź/ǰ ∼ *š̌ (архаич. также *ž̌) - из вариантов индоевропейских палатальных: в интервокальной позиции и.-е. *ḱ, *ǵ, *ǵh > ир. *ś, *ź/ǰ ∼ в преконсонантной *ḱ, *ǵ > š̌, *ǵh > *ž̌ путем: ар. *ć + t, *ǰ + t > ир. *š̌t; *ǰh + t > *žd (при дальнейшей унификации *ž̌ > *š̌); б) ир. *d ∼ *s (архаич. также *z) - из вариантов ар. *d, *dh: в интервокальной позиции *d > *d, в комплексе ар. *d + t > ир. *st; ар. *dh + t > ир. *zd (также с последующей унификацией *z > s); в) ир. *č, *ǰ ∼ рефлексы *k, *x, *g - чередование, сложившееся в результате "второй" палатализации доарийских гуттуральных в исходе корня перед тематической гласной в презентных основах, т.е. *-ke, *-ge, *ghe > ар. *-ča, *-ǰa, *-ǰha > ир. *-č̌a, *-ǰa - при отсутствии такой палатализации перед другими звуками в иных формах [СГВЯ-Ф, III-II3, 203]. Имеется и ряд чередований частного характера.

Особняком стоят чередования *r/n в именных основах типа ав. **hvarə** ∼ **x^{v}ānɡ** 'солнце', ир. ***i̯ak-n-** ∼ ***i̯ak-r-** 'печень' (ср. др.-инд. **yákṛt** ∼ ген. **yaknáḥ**): ср.-перс. **ǰakar** ∼ пашто **yə̌na** (< ***i̯ak-na-**) и т.п. Основы на *r/n, продолжающие соответствующие индоевропейские (к неясности их происхождения: ср. [Мейе, I938, 320; Бенвенист, I955, 27, II6 сл.; Семереньи, I980, I83]), имели затем особое отражение в единичных восточноиранских языках [**Emmerick**, I980; **Beekes**, I98I$_2$, 279 сл.], см. также гл. II.

Супплетивизм основ отмечен в общеиранском только у личных и указательных местоимений (см. ниже).

Флексия делилась на именную и глагольную. Характерна ее многофункциональность: практически каждый показатель выражал больше одной грамматической категории [ОИТИИЯ, I, I03-I04]. Сочетания определенных типов основ с определенными типами флексии образовывали различные классы словоизменения. Особую группу составляли слова, в основном пространственной, временной и дейктической семантики, лишенные словоизменения и употреблявшиеся в функциях конкретизаторов: наречий, превербов, частиц, союзов и пр.

Глагол

В глагольной системе общеиранской эпохи были представлены грамматические категории: лица и числа (окончаниями); залога и версии (т.е. обозначения предназначенности действия для другого/для себя - окончаниями актива/медиума); времени (первичными/вторичными окончаниями и аугментом), наклонения (основами и отчасти окончаниями); ряда видовых

значений, в основном сферы **Aktionsart** (основами). Раннеиндоевропейская категория активности/инактивности [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 293 сл.] уже не была живой: сохранялись лишь переосмысленные рудименты выражавших ее некогда форм. Категория переходности/непереходности не была еще грамматикализована, выявляясь на синтаксическом уровне и отчасти в лексике.

Ядро глагольной системы составляли личные формы; неличные были на периферии, относясь грамматически к глагольным именам.

Личные глагольные формы

Максимальная теоретическая модель личной словоформы здесь, как и в древнеиндийском, представлена компонентами: префикс (I) + аугмент (2) + первый элемент удвоенной основы (3) + корень (4) + суффикс видовой основы (5) + модальный суффикс (6) + флексия (7), - с взаимоисключением аугмента и модального суффикса [Елизаренкова, 1982, 271]. Наиболее полно система глагольных категорий была выражена в личных формах индикатива, поскольку только индикативу были свойственны временны́е оппозиции (и соответственно оппозиции "первичных"/"вторичных" окончаний, отсутствия/наличия аугмента). Индикатив выявляет и наибольший набор презентных, аористных и перфектных форм.

Индикатив

Система презенса

Основы

Презентные основы по способу образования и по грамматическим и лексическим значениям делились на классы (32 - по Хр.Бартоломе, ср. I9 классов авестийских основ по Г.Райхельту и I0 классов в сходной древнеиндийской системе по классификации индийских грамматик). Главное формальное членение основ - на тематические и нетематические - указывало также на их функционирование в парадигме: тематические были неизменяемы, атематические подвержены аблауту: в индикативе сильные огласовки выступали в ед. числе презенса и имперфекта, слабые - в остальных формах (отмечаются и иные типы огласовок, в том числе и архаичные и инновационные, см., например, [Mayrhofer, I979, 98]). В позднем индоевропейском эти два типа спряжения различались также флексией, однако к общеиранскому она была уже почти единой (см. с. 22-23).

Употребительные атематические основы (с аблаутом).

I. Корневые основы (I кл. Бартоломе и Райхельта, 2 кл. инд. грамматик) - в сильной морфологической позиции со средней огласовкой и корневым ударением, в слабой позиции - со слабой ("нулевой") огласовкой и с безударным корнем. Формула огласовки:

Сильн. -	√сред.	"sáp- : s(a)p-; sáu(p)- : su(p)-"
Слаб. -	√слаб.	

К этому классу примыкали основы с продленной огласовкой в сильных позициях (4а и I5а кл. Бартоломе) и отдельные основы без чередования. К концу общеиранского периода они постепенно тематизировались, и в языках памятников их осталось немного. Круг значений широк.

2. Редуплицированные основы с "неполным" удвоением (5 кл. Бартоломе, 2 кл. Райхельта, 3 кл. инд. грам.). В сильных позициях корень мог быть ударным, огласовка средняя; в слабых - корень безударен, огласовка слабая. Формула огласовки:

Сильн. - Rслаб. +	$\sqrt[(\acute{})]{}$сред.	"si-sáp- : si-sp-;
Слаб. - Rслаб. +	√слаб.	su-sáu(p)- : su-su(p)-"

Указывали на многократность, незавершенность действия, на состояние.

3. Редуплицированные основы с "полным" удвоением (7 кл. Бартоломе, 3 кл. Райхельта; в инд. грамматиках рассматриваются как особые "интенсивные" глаголы). Основной корень выступает в той же огласовке, что и в предыдущем типе. Формула:

Сильн. - R сильн. +	√сильн.	"sap-sap- : sap-sp-;
Слаб. - R сильн. +	√слаб.	sau(p)-sau(p)- : sau(p)-su(p)-"

Выражали интенсивное или повторяемое действие.

4. Основы с носовым суф. *-nā : -nī (II кл. Бартоломе, 6 кл. Райхельта, 9 кл. инд. грам.), присоединяемым к корню в слабой огласовке. Отмечены у сонантных корней. Огласовки суффикса: *-(a)nā́ в сильной позиции, *-(a)n - в слабой (перед согласной - -nī). Продолжали и.-е. основы с носовым инфиксом от корней на *-ā/-ə при морфемном перераспределении внутри словоформ [Мейе, I938, 23I-232].

Сильн. - √слаб. +	-(a)nā́	"sp(a)-nā́- : sp(a)-n-́;
Слаб. - √слаб. +	-(a)n	su(p)-nā́- : su(p)-n-́"

Указывали на переходность глагола. Уже с общеарийского периода отмечается их тематизация, ср. [Kuiper,1937,131;Kellens,1984,166].

5. Основы с носовым суф. *-nau : -nu, -nu̯, присоединяемым к корню в слабой огласовке (I0 кл. Бартоломе, 7 кл. Райхельта, 5, 8 кл. инд. грам.). Огласовки суффикса: -nau в сильной позиции, -nu, -nu̯ - в в слабой. Продолжали индоевропейские с носовым инфиксом от первичных и вторичных корней на *-u (при раннем морфемном перераспределении, поскольку суффикс наблюдается в разных языках, включая хеттский).

Сильн. - √слаб. +	-(a)náu	"s(a)p-náu- : s(a)p-nu-́;
Слаб. - √слаб. +	-(a)nu, -nu̯	su(p)-náu- : su-(p)-nu-́"

Склонны к тематизации. Значение - переходное действие.

6. Основы с носовым инфиксом *-na-/-n- в корне, выступающем обычно в слабой огласовке (8 класс Бартоломе, 8 кл. Райхельта, 7 кл.инд. грам.), как правило, образуются от корней с согласным исходом.Инфикс

имел огласовку $\overset{\text{на́}}{}$-na- в сильной позиции основы, -n- - в слабой:

Сильн. $\sqrt{}$ слаб. | "su-ná-p- : su-n-p-"
Слаб. $\overset{\text{n}}{\sqrt{}}$ слаб. |

Склонны к тематизации. Значение - переходное.

Таким образом, так называемые "назальные" основы (№ 4-6), составлявшие в раннем индоевропейском единый класс инфиксальных, к общеарийскому и особенно к общеиранскому периоду представали как рудименты трех типов образования: суффиксальные на *-nā/-nī, -n и *-nau//-nu; инфиксальный с *-na-/-n-. Значение однотипно: это в основном переходные и каузативные глаголы (или детерминативные и переходно-фактитивные [Елизаренкова, 1982, 309, 312, 315]).

7. Основы, состоявшие еще в общеарийском из корня + *-s (> ир. -s, -h, -š, в зависимости от окружения). Корень имеет обычно среднюю огласовку, реже - продленную или слабую (15а подкласс Бартоломе, разновидность 10 кл. по Райхельту; индийская традиция их не выделяет).

$\sqrt{}$ + ар. *s | "sap-s/h/š-, sau(p)-s/h/š-"

Основы непродуктивны, в ряде глаголов представляют вторичный корень (см.с.9-10). Большая их часть тематизирована.

8. Хр.Бартоломе выделяет также классы на *-á (21 кл.), *-ī (22 кл.), *-ai (25 кл.); по Райхельту, два первых объединяются в 5-й кл. Первые образованы от корня в слабой огласовке, непродуктивны, становятся "квази-корнями" и рано начинают принимать другие суффиксы (ср. др.-п. xšnāsātiy, где осн. *xšnā- <*źnā-, *√źan- 'знать' выступает с суф. *-sa <и.-е. *-sḱe); могут продолжать основы на и.-е. *-ā. Вторые относительно рано объединяются с предыдущей группой. Выявляются как архаизмы уже в общеарийском. Третьи образованы от корней в слабой, реже - средней огласовке; прослеживаются в имперфекте.

Употребительные тематические основы.

9. Основы, состоящие из корня в средней (реже - продленной) огласовке (обычно под ударением) и безударной тематической гласной (2 кл. Бартоломе, 4а кл. Райхельта, 1 кл. инд. грам.):

$\sqrt{}$ сред. + a | "sáp-a-; sáu(p)-a-"

Круг значений широк. Класс постоянно пополнялся за счет тематизации других основ, начиная с индоевропейского периода.

10. С предыдущими сходна группа основ с продленной огласовкой ударного корня (4б кл. Бартоломе, подкласс 6-го кл. Райхельта):

$\sqrt{}$ продл. + a | "sā́p-a-; sā́u(p)-a-"

Указывали на каузативность, переходность или интенсивный характер действия. Этот класс постепенно расширяется.

11. Основы, состоящие из корня в слабой огласовке и ударной тематической гласной (3 кл. Бартоломе, 4б кл. Райхельта, 6 кл. инд.грам.):

$\sqrt{}$ слаб. + á | "s(a)p-á-; sup-á-"

Последние три типа (особенно 11-й) наиболее продуктивны, пополняются за счет тематизации разных атематических основ. Диапазон значе-

им. ГОРЬКОГО БИБЛИОТЕКА

ний широк и постоянно расширяется с включением новых основ, в результате данный тип становится чисто формальным. Интерпретация 9, I0, II типов как единой структуры:

" $\sqrt{}$ сред. / прод. + a"~" $\sqrt{}$ слаб. + á" [Kent, 1950, 72] , - формально удобна, но затушевывает отсутствие симметрии в семантике.

I2. Основы, образуемые от корня в средней огласовке (для легких несонантных корней) или в слабой (для сонантных) при помощи суф. ***-sa** < ***-sə́a** < и.-е. ***-sḱe/o** (I4 кл. Бартоломе, I3 кл. Райхельта; в индийской традиции соответствующие основы с **-ccha** разделены между I-м и 6-м классом по месту ударения: **gácchati** - I кл., **rcchátі** - 6 кл.).

$\sqrt{}$ сред. / слаб. + **s** + **a** | **"sap-sa-; su(p)-sa-"**

Первоначальное инхоативное (начинательное) значение частично сохраняется в авестийском. Однако непереходность большинства этих основ в древнеиранских языках и их рефлексов в поздних языках указывает на продуктивность значения непереходности уже в общеиранском.

I3. Тематические основы, соотносимые с атематическими типа 7, состоят из корня в средней (реже - в слабой) огласовке, рефлекса суффикса ар. ***-s** и тематического ***-a** (I5б кл. Бартоломе, подкласс I0-го кл. Райхельта; индийская традиция их не выделяет).

$\sqrt{}$ сред. / слаб. + ар. ***s** + **a** | **"sap-h/s̆a-, sau(p)-h/s̆a-, sup-h/s̆a-"**

Образования непродуктивны, используются как "квази-корни".

I4. Основы, образуемые от ударного корня в средней огласовке и суф. ***-i̯a** (26 кл. Бартоломе, I6а кл. Райхельта, подкласс 4-го кл. в индийской традиции).

$\sqrt{}$ сред. + i̯ + **a** | **"sáp-i̯a-, sáu(p)-i̯a"**

Связан с типом I5 (аналогично тому, как связаны типы 9 и II) и не всегда отличим от него в поздних отражениях. Круг значений широк: переходное действие от одних глаголов и состояние, пассив - от других (ср. тип I5). Отмечаются также единичные основы, образованные от корня в продленной ступени огласовки (28 кл. Бартоломе, частный случай I6а кл. Райхельта, в инд. грамматиках не выделен).

I5. Сходный с предыдущими тип основ от обычно безударного корня в слабой огласовке с суф. ***-i̯a** (27 кл. Бартоломе, I6б кл. Райхельта, 4 кл. с ударным корнем - у инд. грам.):

$\sqrt{}$ слаб. + i̯ + á, / $\sqrt{}$ слаб. + i̯ + **a** | **"s(a)p-i̯a-, su(p)-i̯a-"**

Последние два типа основ от корней на ***-r, *-m, *-n** выявляют разные огласовки (по моделям сонантных и несонантных корней). Основы I5 типа (и частично I4) имеют значения непереходности, состояния, пассивности субъекта, используясь часто с медиальными окончаниями. Пассивное значение здесь, в отличие от древнеиндийского, не генерализо-

вано, и регулярной грамматической системы пассива (и тем самым категории залога) нет.

I6. Основы, состоящие из корня в средней (для несонантных корней) или слабой (для сонантных) огласовке и ударного суф. *-áia (24 кл. Бартоломе, подклассы I5 и I6 кл. Райхельта, I0 кл. инд. грам.).

√ слаб. + á̯i + a | "sap-áia-, su(p)-áia-"

Обозначают некоторую интенсивность действия. Рефлексы трудноотличимы от каузативных и ряда деноминативных.

I7. Основы от корня с продленной или средней огласовкой (для несонантных и легких сонантных корней) и со средней (для тяжелых корней) с суф. *-áia (30 кл. Бартоломе, I8 кл. Райхельта; производные основы у инд. грам.).

√ продл. / сред. + á̯i + a | "sāp-áia-, sāu-áia-, saup-áia-"

Продуктивны в общеиранский и последующие периоды. Значения: переходные (от непереходных), итеративные, каузативные, интенсивные (от переходных). В отличие от древнеиндийского, не стали полностью каузативными, находясь на грани лексических и грамматических классов. Позднее становятся лексическим классом переходных и каузативных. В древнеиранских языках не зафиксирован вариант основ, аналогичный древнеиндийскому с суф. *-(ā)paia, однако существование аналогичного суффикса (с последующим развитием *-p-> *-b-> v) в восточноиранских языках или сходного с ним, со "вставным" -d- перед *-aia-, как в авестийском [Kellens, I984, I55], или с другими вставными согласными, независимо от их происхождения, было вполне возможным в диалектах общеиранского состояния [ср. Барроу, I976, 334].

I8. Основы от корней в слабой (обычно) огласовке с суф. *-āiá (23 кл. Бартоломе, I5а подкласс Райхельта):

√ слаб. + ā̯i + á | "s(a)p-āiá-, su(p)-āiá-"

Непродуктивны, архаичны, с неясным значением. Мнение об их деноминативности [Kent, I950, 73] не подтверждается примерами.

I9. Основы, образованные от корня в средней огласовке рефлексами арийского суф. *-siá (I7 кл. Бартоломе, I2 кл. Райхельта; инд. грамматики относят их к будущему времени):

√ сред. + ар. si̯ + á | "sap-h/šiá-, sau(p)-h/šiá-"

Сложились уже к общеарийскому периоду, но после действия индоевропейского аблаута [Bartholomae, I895$_I$, 77]. Значение будущего времени отмечено в отдельных образованиях (включая причастные), они не стали генерализованным футурумом, как в санскрите.

Употребительные основы, образованные комбинацией рассмотренных выше средств.

А. Сочетание редупликации корня и суффиксации. 20. "Интенсивные" основы с "полной" редупликацией и тематической гласной при слабой огласовке корня (подкласс 7 кл. Бартоломе, 3 кл. Райхельта, ср. № 3). 2I. С обычной редупликацией и тематической гласной, с корнем в сла-

бой огласовке (6 кл. Бартоломе). 22. С редупликацией разных типов (корень в слабой огласовке) и суф. *-i̯á (29 кл. Бартоломе, подкласс I6 кл. Райхельта). 23. С редупликацией разных типов и суф. *-a̯i̯a, обычно каузативные и переходные. 24. С обычной редупликацией с суффиксом из ар. *-s и тематической гласной. Корень в слабой огласовке, место ударения неясно: в ведическом ударение падает на элемент удвоения, хотя по формуле должно было падать на тематический гласный (I6 кл. Бартоломе, II кл. Райхельта). Значение дезидеративное.

Б. Сочетание назальных элементов (инфикса, суффиксов) с другими. 25. Тематизированные основы с назальным инфиксом, корень в слабой огласовке, ударение на тематической гласной (9 кл. Бартоломе, 9 кл. Райхельта). Значение переходное, как у других глаголов с назальными аффиксами. Тематизация этих основ началась в индоевропейских диалектах и продолжалась в общеарийском и позднее. 26. С инфиксом от корня со слабой огласовкой и с суф. *-a̯i̯a. 27. С суф. *-nau̯/-nu и тематической гласной от корня в слабой огласовке (разновидность I0 кл. Бартоломе). 28. С суф. *-nau̯/-nu и *-a̯i̯a: *√kar- : *kr̥-nau̯-a̯i̯a-. 29. Тематизированные основы от нетематической с суф. *-nā/-nī. 30. Редкие и непродуктивные основы с комбинацией разных назальных элементов от корня в слабой огласовке: с инфиксом, суф. *-nau̯/-nu или *-ná, тематизированные и нетематические (I2 кл. Бартоломе). 3I. Основы из корня (обычно в слабой огласовке) с суф. -ani̯ + á (I3 кл. Бартоломе).

Имеется небольшая группа непродуктивных основ с посткорневыми элементами из более ранних суффиксов или распространителей. Практически это "квази-корни". 32. С элементом *-d < ар. *d, *dh (I8 кл. Бартоломе, I4 кл. Райхельта), соотносящиеся с различными типами основ: а) √сред. -d-a; б) √слаб. -d-i̯-á; в) √слаб. -d-i̯-a; г) √слаб. -d-á. 33. С элементом -u̯ от корня в средней или продленной огласовке (для несонантных корней) или слабой (для сонантных), тематические (20 кл. Бартоломе, I9 кл. Райхельта). К ним примыкают атематические основы на -au̯ с средней огласовкой корня: а) √ сред. -u̯-a; √слаб. -u̯-a; б) √сред. -au̯. Имелся и ряд других непродуктивных образований (I9, 22 кл. Бартоломе и др.). 34. Особняком стоят деноминативные основы - тематические и атематические - от именных основ (32 кл. Бартоломе) и с суф. *-i̯a (3I кл. Бартоломе, I3 кл. Райхельта), иногда с отпадением тематической гласной именной основы.

Подробнее о презентных основах: [Bartholomae, 1895_1, 67-85; 1895_2, 190-196; 1904, 1901-1911; Reichelt, 1909, 96-121; Kuiper, 1937, 35-95; 202-228; Мейе, I938, 2I4-237; Kent, 1950, 70-73; Соколов, I96I, 85-88; $I979_I$, 209-2I2; $I979_2$, 257-258; Brandenstein, Mayrhofer, 1964, 70-71; Mayrhofer, 1965, 94; Барроу, I976, 282-285; Семереньи, I980, 282-297; ОИТИИЯ, II, 346-348; Елизаренкова, I982, 297-322; Kellens, 1984, 85-197 и др.].

Итак, общеиранские презентные основы - конгломерат разновременных образований различной продуктивности. Некоторые из них смыкаются с

ристными (ср. основы с рефлексами ар. *-s и сигматический аорист; несение ряда авестийских основ Хр.Бартоломе к корневому и тематическому презенсу, а Ж.Келлензом - к аористу [Kellens, 1984, 2] и др.).

Презентные основы имеют обычно больше одного значения, большинство значения собственно глагольного грамматического характера. В основном это выражение способов действия (**Aktionsart**): начало, многократность, повторяемость, протяженность, предельность, интенсивность и т.п. (ср. № 2, 3, 9, 12, 16 и др.). Временной план выявляется лишь у основы № 19, относящей действие к будущему, однако это значение в общеиранском (как и в раннем ведическом) не генерализовано: возможно, здесь еще сохранялась связь с дезидеративностью, выражавшейся и.-е. -s-, представленной в основах с редупликацией и суф. ар. *-sa- (№ 24).

Большая группа основ означает переходное и каузативное действие - носовыми суффиксами и инфиксом (№ 4-6, 25-30) и с *-aia- (№ 16, 17, 3, 26), непереходное действие или состояние - с суф. *-sa < и.-е. -sḱe/o (№ 12), *-ia (№ 14, 6), пассивность - суф. *-ia (№ 15), - .е. выражает субъектно-объектную ориентацию глагола. Эти основы промежуточны между словообразующими и формообразующими, поскольку данные значения могут быть как лексическими признаками глагола, так и грамматическими (с трактовкой каузативных основ как подкласса переходных, а пассивных - как подкласса непереходных, выражающих состояние). Значения каузативности и пассивности у основ с носовыми элементами, с суф. *-aia и *-ia в общеиранском (и в авестийском языке) в отличие от древнеиндийского не генерализованы. Основы на *-sa (< *-sḱe/o), сохраняющие в части случаев значение начинательности, еще не могут быть целиком отнесены к непереходным, хотя эта тенденция у них имеется. При возможности образовывать разные основы от одного корня, уже с общеарийского периода наметилась тенденция к разбиению основ с переходным и непереходным значением по парам. Оно наблюдается в ведическом языке (**-na-** ~ **-ya**) [Елизаренкова, 1982, 50, 315, 322], частично в древнеиранских и затем в более поздних иранских языках, однако в общеиранский период его, по-видимому, не было, о чем говорит последующий неодинаковый по языкам состав этих пар.

В общеиранском (как и в ведическом) противопоставление переходности/непереходности не было еще грамматикализовано (это произойдет позднее, с внедрением в парадигму "перифрастического перфекта", см. ниже). Глагольная флексия показательна лишь в статистическом плане: переходные глаголы чаще имели активные окончания, непереходные - медиальные. Однако сочетаемость переходных глаголов также с медиальной флексией (при выражении версионного значения "действия для себя", ср. ав. **tāpaite** ‘нагревает’, **mərənčaite** ‘разрушает’), а непереходных (и глаголов состояния) - с активной (ср. ав. **asti** ‘он есть’) препятствует формализации этой оппозиции.

Часть презентных основ носит чисто словообразовательный характер (в частности, деноминативные); некоторые утратили первоначальные оттенки значений (ср., например, № I, 7, 8, 9, I3). Характерна непродуктивность ряда основ с превращением их в "квази-корни", при продуктивности другой части. Тенденция к тематизации, начавшейся еще в диалектах индоевропейского, расширяется, с чем связано наличие тематических основ от более старых атематических (№ 20, 25, 27).

От многих корней образовывались две и более презентных основ, о чем говорят различные основы от одних и тех же корней в разных иранских языках (закрепление разных основ за глаголами с тем или иным превербом происходило позднее [см. ОИТИЯ, II, 346-347]).

Флексия

Для общеиранского уровня еще существенно противопоставление тематического и атематического спряжения (с чередованиями в последнем), первичных и вторичных окончаний, активных и медиальных форм.

Активные первичные окончания

		Общеир.	Ав.	Др.-п.	Вед.
Ед.ч.	I л.	-mi(ат.)	-mĭ (ат.)	-mi(ат.)	-mi (ат.)
		-ā, -āmi(т.)	-ā, -āmi(т.)	-āmi(т.)	-āmi (т.)
	2 л.	-hi, -šĭ	-hĭ, -šĭ	-hi	-si, -ṣi
	3 л.	-ti	-tĭ	-ti	-ti
Дв.ч.	I л.	-uah(i)(ат.)	-vahi		-vas
		-āuah (т.)			
	2 л.	-t/ϑah	-tō, -ϑō		-thas
	3 л.	-tah			-tas
Мн.ч.	I л.	-mah(i),	-mahĭ,	-mahi	-masi,
		-amah(i)	-ămahĭ		-mas
	2 л.	-t/ϑa,	-ϑā, -tā	-tā	-tha,
		-t/ϑana (?)			-thana
	3 л.	-anti,	-ənti,-anti;	-ā^{n}ti,	-anti,
		-ati, -nti	-ati, -nti	-^{n}ti	-ati, -nti

Активные вторичные окончания

Ед.ч.	I л.	-m, -am	-m, -am	-m, -am	-m, -am
			-om, -ąm		
	2 л.	-h, -š	-ā, -ō < -ah	-a^{h} < -ah	-s, -Ø < s
			-š		
	3 л.	-t	-t, -Ø	-a^{t} < -at	-t, -Ø < t
				-iš < *-iš + t	
				-uš < *-uš + t	
Дв.ч.	I л.	-ua	-vă		-va
	2 л.	-tam			-tam
	3 л.	-tām	-təm	-tam	-tām

Мн.ч.	I л.	-ma	-mă̆, -ă̆ma	-ma	-ma
	2 л.	-ta,	-tă̆		-ta,
		-tana (?)			-tana
	3 л.	-an, -n	-ən, -in	-a^{n}, -ha,	-an, -n;
		-at;	-at;	-ša	
		-ar	-arə		-ur

Медиальные первичные окончания

Ед.ч.	I л.	-i, -ai	-ĕ̆, -ōi	-ai	-e
	2 л.	-hai, -šai	-he	-hai	-se, -ṣe
	3 л.	-tai, -ai	-tĕ̆, -ĕ̆	-tai	-te, -e
Дв.ч.	I л.	-u̯adai,	-vadi (?)		-vahe
		-u̯adi (?)			
	2 л.	-it/ṿai,	-tĕ̆, -it/ṿe		-āthe
		-āt/ṿai			
	3 л.	-itai, -tai;			-āte
		-ă̆tai			
Мн.ч.	I л.	-madai	-madĕ̆,		-mahe
			-maδe		
	2 л.	-du̯ai	-duyĕ̆		-dhve
	3 л.	-atai, -ntai;	-antĕ̆, -intē,		-ante, -ate,
			-ate, -nte;		-nte;
		-rai, -arai	-re		-re, -rate

Медиальные вторичные окончания

Ед.ч.	I л.	-i, -ai	-i, -e	-i	-i, -a
	2 л.	-ha, -ša,	-ha,	-ša	-thās
		-t/ṿah (?)	-ša (-ža)		
	3 л.	-ta	-tă̆	-ta	-ta, -i, -a
Дв.ч.	I л.	-u̯adi	-vadī		-vahi
	2 л.	-āt/ṿām,			-āthām
		-it/ṿām			
	3 л.	-ātă̆m,	-itəm, -təm,		-ātām
		-ită̆m	-iṿe		
Мн.ч.	I л.	-madi	-madi		-mahi
	2 л.	-du̯am	П. -δwəm		-dhvam,
			Г. -dūm		-dhva
	3 л.	-ata, -nta,	-əntă̆, -inta,	-^{n}ta,	-ata,-nta,-anta,
		-anta;	-ată̆, -ntă̆	-a^{n}ta	-ran,-ram,-rata
		-ram (?)			

Флексия продолжает позднюю индоевропейскую.

Активные первичные окончания ед. числа: в I л. тем. *-ā < ар. *-ā < и.-е. тем. *-ō; *-mi < ар. *-mi < и.-е. атем. *-mi. Их контаминация в новое тем. *-āmi началась в общеарийском, однако в диалектах, включая диалект Гат, *-ā сохраняется (позже -āmi способствовало удлинению тем. гласного в I л. дв. и мн.ч.). Во 2 л. *-hi, *-ši< ар.

*-si, *-ši < и.-е. *-si (после разных звуков); следов и.-е. тем. *-ĕi не обнаружено. В 3 л. *-ti < ар., и.-е. *-ti (рефлексов и.-е. *-e-t нет). Процесс наращения в индоевропейском к "вторичным" окончаниям *-m, *-s, *-t дейктической частицы *-i, указывавшей на отнесение действия к моменту речи, к общеарийскому уровню был уже завершен в индуцирующей части парадигмы, т.е. в ед. числе и в 3 л. мн. числа.

В дв. числе: в I л. *-u̯ah(i) < ар. *-u̯as < и.-е. *-u̯es/-u̯os, с поздним наращением *-i. Тем. *-āu̯ah - с -ā- по аналогии с I ед. Во 2 л. *-t/ϑah < ар. *-thas. В 3 л. *-tah < ар. *-tas. Считается, что оппозиция ар. "*-th- во 2 л. ~ *-t- в 3 л." - вторичная поляризация для размежевания форм (то же в мед. окончаниях), однако неустойчивость ир. *ϑ [СТВЯ-Ф, I66-I68] оставила ее нечеткой, и формы с *t/ϑ употребительны во 2-м и 3-м лицах (см. авестийские). Этому способствует и позиционная ограниченность перехода ар. *th > ир. *ϑ: после *s, *n - ар. *th > ир. *t (ср. от ар. *√as- 'быть': 2 л. *sthas > ир. *stah, 3 л. *stas > ир. *stah).

Во мн. числе I л. *-mah(i) < ар. *-mas < и.-е. *-mes (+ -i); *-amah(i) < ар. *-amas < и.-е. *-mmes (+ -i). Варианты с *-i могли возникнуть в общеарийских диалектах или позднее параллельно в иранских и ведическом (как и в др.-ирл.), см. ед. число. В *-āmah(i) -ā- по аналогии к I л. ед.ч. Во 2 л. *-t/ϑa < ар. *-tha < и.-е. *-te(s) с ир. *t/ϑ, как в дв.ч.; ар. *-thana, ир. *-ϑ/tana ?, поддерживаемое вед. -thana (и хетт.), в древнеиранских языках не прослеживается. В 3 л. *-ánti < ар. *-ánti < и.-е. *-énti под ударением после согласных, ар., ир. *-ati - из безударного постконсонантного и.-е. *-nti (с палатализацией рефлексов гуттуральных [СТВЯ-Ф, 30-3I]), ар., ир. *-nti < и.-е. *-nti после сонантов и гласного.

Активные вторичные окончания в ед.ч. I л. ир., ар. *-am из и.-е. *-mm после согласных и из *-om тем. глаголов; ир., ар. *-m < и.-е. *-m после сонорных; 2 л. ир. *-h, *-š < ар. *-s, *-š < и.-е. *-s; 3 л. -t < и.-е. *-t (др.-п. -iš, -uš в имперфекте под воздействием сигматического аориста). В дв.ч.: I л. *-u̯a < ар. *-u̯a (как в готском и других индоевропейских). Сходство 2 и 3 лиц иное, чем у первичных окончаний; 3 л. ир., ар. *-tām < и.-е. *-tom или *-tā(m). Во мн.ч.: I л. *-ma < и.-е. *-ma; 2 л. ир., ар. *-ta < и.-е. *-te; ир., ар. *-tana находит поддержку в ведическом (и в хетт. teni), ср. первичное окончание 2 л. мн.ч.; в древних иранских языках не зафиксировано. В 3 л. варианты и.-е. *-ent/-ont, -nt распределены по позициям аналогично прототипам первичных окончаний. Окончания с *-r обнаруживаются в авестийском в основном при передаче значений прош. вр. (а также в перф. и опт.): *-ar < и.-е. *-ér и *-rr.

Медиальные первичные окончания, как принято считать, выделились из вторичных в индоевропейских диалектах относительно поздно (в греч. - только в ед.ч. и в 3 л. мн.ч.), поэтому в I л. ир., ар. *-ai продолжает поздний диалектный и.-е. *-oi; аналогично - во 2 л.ир.*-hai,

*-šai < ар. *-ṣai, *-šai < *-soi; в 3 л. ир., ар. *-tai < *-toi, ср. вариант *-ai в части атем. глаголов. Эти формы стали индуцирующими для развития показателей дв. и мн. чисел. В дв. ч.: I л. ир. *-ṷadai < ар. *-ṷadhai или ир. *-ṷadi < ар. *-ṷadhi, поскольку размежевание первичных и вторичных окончаний здесь не доказано (единственный пример - ав. dvaidī < *duṷadi может быть и I ед. през. мед., и имперф. мед., ср. [Bartholomae, $I895_I$, 65], и рефлексом архаичной формы с едиными окончаниями). В ведическом оппозиция окончаний выработана. Показатели 2 и 3 л. практически не разграничены, как в активе. Во мн.ч. I л. *-madai < ар. *-madhai < и.-е. *-medha + i, как в активе. Во 2 л. *-dṷai < ар. *-dhṷai < и.-е. *-dhṷe + i (ср. вторичное окончание). В 3 л. ир., ар. *-atai < и.-е. *-ṇto + i после согласных, *-átai < и.-е. *-éto + i после согласных, под ударением, *-ntai < и.-е. *-nto + i после сонантов. Окончания с *-r- (отмечены в през., имперф., перф., опт.) возводятся к особой и.-е. серии.

Вторичные медиальные окончания более архаичны. В ед.ч. I л. *-i < и.-е. *-i или *-ə (в *-ai учитывается тем. гласный). Во 2 л. *-ha, *-šа < ар. *-sa, *-šа < и.-е. *-so (ср. греч. *-σο*, гот. *-za*); др.-инд. *-thās* является сложением *-tha (< и.-е. *-the, ср. др.-ирл. -ther) из системы перфекта с *-as или *-s в арийскую эпоху, либо продолжением атем. и.-е. *-t(h)ēs, отличного от тем. *-so. В древнеиранских памятниках не зафиксировано, но в общеиранском не исключено наличие соответствующего *-t/ϑāh [ср. Hoffmann, I958, I4; Макаев, I977, 39-40]. В 3 л. *-ta < и.-е. *-to. В дв. числе в I л. наличие оппозиции первичных и вторичных окончаний не доказано (см. выше). Слабость оппозиции форм 2 и 3 л., как и в первичных окончаниях, может быть связана с неустойчивостью *ϑ/t (скудость авестийских примеров на 3 л. и отсутствие - на 2 л. не позволяют делать выводов; ав. -iϑe - заимствовано из парадигмы первичных окончаний). Во мн.ч. I л. *-madi < ар. *-madhi < и.-е. *-medhi или *-medhə связано с первичным окончанием, возможно, подстроено по аналогии к нему. 2 л. *-dṷam < ар. *-dhṷam < и.-е. *dhṷe + m, аналогично образованию первичного окончания с *-i. В 3 л. ир., ар. *-ata < и.-е. *-ṇto; *-nta < *-nto; тем. *-anta < и.-е. *-énto; окончания с *r имеют аналогии в хетт., италийских, др.-ирл. и др. (первоначально - в безличном значении). Наращение *-m вторично, но относится к индоевропейской эпохе.

Подробнее о флексии см. [Bartholomae, $I895_I$, 57-66; $I895_2$, I90, I99 сл.: Reichelt, I909, I30 сл.; Мейе, I938, 24I-248; Kent, I950, 74-77; Соколов, I96I, 83-84; $I979_I$, 207-208; $I979_2$, 256-257; Барроу, I976, 286-297; Семереньи, I980, 249-259; Елизаренкова, I982, 293 сл.].

Система презенса объединяла две видо-временные формы: собственно презенса (с первичными окончаниями) и имперфекта (со вторичными окончаниями и факультативным аугментом). Значение форм собственно презенса - действие в настоящем, а также постоянное и длительное действие

и состояние (в авестийском употреблялось и для обозначения прошедшего действия). От основ на *-hi̯a могло обозначать будущее. Имперфект выражал длительное, многократное и незавершенное действие. Однако уже в авестийском значение длительности ослабевает, и он употребляется и для действия однократного, результативного, завершенного, смыкаясь с аористом и отчасти с перфектом (с этим связано, очевидно, появление причастных сочетаний с глаголами ay- 'идти', stā- 'стоять' для обозначения длительного действия в прошлом) [Reichelt, 1909, 303-304; Соколов, 1961, 92-93; 1979$_1$, 215-217, 224-225; ОИТИИЯ, II, 340-341].

Система аориста

Выделяются следующие основы. I. Атем. основы "сигматического" аориста с рефлексами и.-е. *-s (I кл. аориста по Бартоломе и Райхельту, 4 кл. инд. традиции). 2. Атем. основы с суф. *-iš̆ < и.-е. *-əs (2 кл. Бартоломе, 3 кл. Райхельта, 5 кл. инд. традиции). 3. Тем. основы с рефлексом и.-е. *-s + a (3 кл. Бартоломе, 7 кл. инд. традиции). 4. Корневые основы (I кл. инд. грамматиков). 5. Особый тип - "пассивный аорист", состоящий из основы (презентной или аористной) с показателем *-i, выступает как пассив 3 л. ед.ч.

В авестийском встречаются и иные формы тем. аориста, в том числе поздние. Ж.Келленз [Kellens, 1984, 2, 365-366] выделяет их в отдельный разряд, в отличие от предшественников, на основании синтаксического употребления. Вычленяется и редуплицированная основа аориста [там же, 374].

Чередования в атем. основах аориста отличны от чередований в основах презенса. Общеиранская система не выявляется. В авестийском разные исследователи усматривают разную систему чередований [ср. Bartholomae, 1895$_1$, 86, 91-92; 1895$_2$, 196-197; Reichelt, 1909, 121; Kellens, 1984, 353-357, 361 и др.]. В ведическом и состав основ, и принципы чередований отличны от авестийских [Елизаренкова, 1960; 1982, 325 и др.; Барроу, 1976, 311]. Флексией аориста, как и имперфекта, служат вторичные окончания. Аугмент не генерализован и здесь.

Таким образом, система общеиранского аориста реконструируется лишь в принципе;конкретные формы (кроме сигматического и пассивного типов) трудно отграничиваются от имперфекта(как в авестийском языке): невозможность установить полную парадигму каждого глагола препятствует различению основ,употребляющихся в индикативе только с вторичными окончаниями (аористные) или с первичными и вторичными (презентные).

Аорист обозначал действие "точечное" - краткое или однократное,завершенное, реже - результативное,обычно - в прошлом (контекстуально - и в будущем). В авестийском в этих значениях используется иногда и имперфект,постепенно (особенно к позднеавестийскому) захватывающий сферу аориста.В древнеперсидском процесс прошел еще дальше.Предполагает-

ся, что в этих языках аорист уже не был живым образованием. Подробнее об аористе: [Bartholomae, 1895_I, 85, 87, 91-92; 1895_2, 196-197, 211; 1904, 191I-1912; Reichelt, 1909, 120-122, 305-308; Kent, 1950, 73; Соколов, 1961, 91-92; 1979_I, 214-215; Cowgill, 1968; Барроу, 1976, 310-318; ОИТИИЯ, II, 341; Елизаренкова, 1960, 60-120; 1982, 286-287, 323-339, 349-350; Семереньи, 1980, 297; Kellens, 1984, 353-399].

Система перфекта

Основы, как правило, атематические с особым чередованием: в 3 л. ед.ч. актива - продленные огласовки легких сонантных корней, в остальных формах - как в презенсе: в ед. числе актива - средние, в других формах - слабые.

Наиболее характерны редуплицированные основы, прослеживаемые по авестийскому материалу (в древнеперсидском сохранилась лишь одна словоформа). По Бартоломе, делятся на два класса: а) с простым удвоением, б) с "полным" удвоением (обычно с огласовкой -ā-). Г.Райхельт членит их по виду корней: а) с гласным анлаутом, б) с согласным анлаутом. От индоевропейского состояния к общеиранскому дошли различные типы огласовок предкорневого элемента удвоения: 1) ранняя огласовка перфекта и.-е. *e (> ар., ир. *a); 2) слабая огласовка корней, заимствованная из парадигмы презенса, - как в ведическом[2]. Общая огласовка основы (с учетом легких сонантных корней) обусловлена огласовкой центрального корня: 1) 3 л. ед.ч. - R + √продл.; 2) сильн. - R + √сред.; 3) слаб. - R + √слаб., т.е. "su/a-sáu- : su/a-sáu- : su/a-su-". Особый случай - архаичная основа от *√ u̯aid- 'находить, знать', утратившая элемент удвоения еще в индоевропейском, но сохранившая перфектный тип чередования: ир. *u̯aid- < и.-е. *u̯oid- < *u̯e-u̯oid- (ср. ав. г. vaēdā 1 ед. акт., п. ав. vaēδa, vaēδa 3 ед. акт., ср. вед. véda, греч. οἶδα, гот. wait; ав. vōistā 2 ед. акт., ср. др.-инд. véttha; ав. vīδarə 3 мн. акт.). В авестийском языке отмечены также тематизированные основы перфекта, обычно с корнем в слабой огласовке (типа "su-sup-a"), в формах плюсквамперфекта, возможно, по аналогии с имперфектом.

---

[2] В раннем и.-е. огласовки первого компонента были форморазличительными: *e в перф. и аор. основах, но *i, *u и др., т.е. нулевые огласовки корня, - в презентных. К общеар. и общеир. эпохам под воздействием аналогии огласовки часто унифицируются и закрепляются за определенными глаголами (ср. др.-инд. bu-bodha 'он заметил', но ba-bhuva 'он сделался'). Подробнее: [Bartholomae, 1895_I, 53-56; Reichelt, 1909, 90-93; Мейе, 1938, 197-199; Барроу, 1976, 318-319; Соколов, 1979_I, 162; Семереньи, 1980, 284-286].

Для форм собственно перфекта в активе использовались особые окончания, в медиуме - первичные медиальные (в 3 мн. - *-rai), для плюсквамперфекта - вторичные окончания (см. с. 22 - 25). Активные окончания собственно перфекта:

		Общеир.	Ав.	Вед.
Ед. ч.	I л.	-a	-ă̆	-a
	2 л.	-t/∂a	-∂ă̆, -tā	-tha
	3 л.	-a	-ă̆	-a
Дв. ч.	I л.	-ua		-va
	2 л.	-at/∂r̥, -at/∂ar,	-atarə	-athur
	3 л.	-atr, -atar		-atur
Мн. ч.	I л.	-ma	-mă̆	-ma
	2 л.	(-t/∂a ?), -a	-∂ā	-a
	3 л.	-r̥, -ar	-arə	-ur

Эти окончания продолжают соответственно: в ед.ч. I л. ир., ар. *-a < и.-е. *-a (ср. греч.-α); 2 л. -t/∂a < ар. *-tha < и.-е. *-ta (ср. греч. -∂α); 3 л. ир., ар. *-a < и.-е. *-e; в дв.ч. I л. *-ua < и.-е. *-ue; размежевание 2 и 3 л., возможно, позднее, как и у показателей презенса; во мн. ч. I л. *-ma < и.-е. *-me; во 2 л., очевидно, исконным был показатель -á (ав. -∂ā < ир. *-t/∂a < ар. *-tha, "заимствован" из презенса уже в и.-е. диалектах, ср. греч. -τε, гот. -uþ). Окончания 2 и 3 л. дв.ч. и 3 л. мн.ч. имели *-r̥ или *-ar в общеарийском, откуда ир. *-r̥, *-ar, ав. -arə, вед. -ur. Мед. 3 л. мн.ч. *-rai восходит к и.-е. серии окончаний с *-r-.

Формы I и 3 л. ед.ч., различавшиеся первоначально для глаголов с легкими сонантными корнями огласовками основ, относительно рано совпадают в результате унификации сильных огласовок [Bartholomae, $I895_1$, 92; $I895_2$, I98; ср. Семереньи, I980, 3II]. Наблюдается воздействие презентной парадигмы на перфектную также в плане появления вторичного окончания 3 мн. с -nt вм. -r. Плюсквамперфект, образованный вторичными окончаниями (и аугментом, который и здесь не генерализован), обнаруживает и атематические формы, и тематические (последние часты в авестийском), возможно, под воздействием имперфекта.

Формы перфекта в общеир. период указывали на результат прошедшего действия, состояние, полученное в результате этого действия, вневременное состояние, действие в прошлом с результатом в настоящем, и реже - просто действие в прошлом. Далее, к авестийскому языку существенным становится временной аспект отнесения действия к прошлому (в плюсквамперфекте - к пред-прошлому или к прошлому), с затуханием семантики результативности. В итоге, с одной стороны, формы перфекта сближаются по значению (а затем и формально - окончаниями и огласовками) с имперфектом и аористом (особенно - формы плюсквамперфекта и модального перфекта), употребляясь даже в функциях однородных сказуемых в одном предло-

жении. С другой стороны, выражение состояния и результативного действия переносится на причастные обороты или просто причастия в функции финитных форм. Для древнеперсидского языка, где древний перфект представлен одиночной формой в архаизованном тексте, при наличии развитых причастных оборотов "перифрастического перфекта", древняя система перфекта была уже мертвой. Подробнее о перфекте: [Bartholomae, $I895_I$, 53-56, 87-89, 92; $I895_2$, I97-I99; Reichelt, I909, 90, I23-I26, 309-3I3; Мейе, I938, 220-223; Kent, I950, 73, 9I; Соколов, I96I, 8I, 92-94; $I979_I$, 206, 2I6-2I7; Cowgill, I968; Барроу, I976, 3I8-322; Семереньи, I980, 259-260, 307-3I5; ОИТИИЯ, II, 34I-342; Елизаренкова, I960, 28, I20 сл.; I982, 287-288, 339-346; Kellens, I984, 400-428 и др.].

Выводы

Формы индикатива выражали констатацию действия или состояния без существенных модальных оттенков. Индикатив обладал наибольшим числом форм, передававших комплекс видо-временных значений. В системе, унаследованной общеиранским от предшествовавших состояний (см. с.33-35), главенствующую роль играли характеристики, в основном те, которыми были противопоставлены формы презенса, аориста и перфекта: презенс и аорист выражали способы и временну́ю соотнесенность действия, перфект - в основном, состояние или результат действия. Тем самым здесь развивается более древняя оппозиция "действие (в его разных Aktionsart'ах и временах) в системе презенса-аориста ∼ состояние в системе перфекта".

Внутри системы презенса-аориста ведущими были видовые оттенки, передаваемые основами. Категория времени (настоящего ∼ прошедшего) находилась в подчиненном положении; была выражена окончаниями: первичными/вторичными (временна́я оппозиция перфекта/плюсквамперфекта выражена слабо). Отсутствие генерализации аугмента и его модальная (утвердительная) функция ограничивали его использование как показателя прошедшего времени. Футурум выражался отдельными презентными формами с суф. *-hi̯a, *-ši̯a, имевшими и другие значения, или неиндикативными наклонениями, т.е. не представлял особой системы форм.

Императив

Формы императива образуются от основ индикатива особыми окончаниями; зафиксированы в древнеиранских языках только для 2 и 3 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. В остальных случаях в авестийском в значении повеления используются формы конъюнктива, в древнеперсидском, как и в других индоевропейских (др.-инд., греч. и др.), - инъюнктива. По-видимому, сходная система была в общеиранском состоянии. Дв. число из древнеиранских языков не выявляется.

		Общеир.	Ав.	Др.-п.	Вед.
			Активные окончания		
Ед.ч.	2 л.	-Ø, -ă̄na, -di,-tāt?	-Ø, -ana, -di, -δi	-Ø, -di	-Ø,-āna,-dhi -hi, -tāt
	3 л.	-tu	-tu	-tu	-tu
Мн.ч.	3 л.	-antu,-ntu, -atu	-antu, -ntu	-ntu	-antu, -ntu, -atu
			Медиальные окончания		
Ед.ч.	2 л.	-hu̯a, -x^{v}a, -šu̯a	-hva	-hva,-šva,	-sva, -ṣva
	3 л.	-tām, -ām	-tām,-ąm	-tām	-tām, -ām
Мн.ч.	3 л.	-antām, -ntām, -atām	-antām		-ntām, -atām, -rām, -ratām

Активные окончания 2 л. ед.ч.: тем. -Ø, атем. -di < ар., и.-е. *-dhi – из частицы; *-ă̄na < ар. *-ă̄na. Окончание *-tāt, аналогичное ведическому (связанному с указ. местоимением и.-е. *-tō, как в греч. и лат.), первоначально безличное, в иранском материале не прослежено, но не исключено. В 3 л. ед. и мн.ч. имеем рефлексы сочетаний "вторичных" окончаний (очевидно, инъюнктива) с частицей *-u (как в хетт.). Медиальные: 2 л. ед.ч. ир. *-hu̯a, -x^{v}a, -šu̯a < ар. *-su̯a – из основы возвратного местоимения [Барроу, 1976, 325] или из показателя инъ. 2 ед. *-so по аналогии к 2 мн. *-su̯o [Семереньи, 1980, 263]. В 3 л. ед. и мн.ч., как и в активе, выступают рефлексы сочетаний окончаний инъ. с частицей *-ām; она же отмечается в ед.ч. без *-t- (в др.-инд. – в ряде глаголов, которые не содержат его и в 3 л. ед.ч. актива; формы с -r- – из вторичных мед. окончаний и частицы *-ām).

Значение – прямое приказание, пожелание; при отрицании с частицей *mā – запрет. Подробнее см. [Bartholomae, 1895$_1$, 57-65; 1895$_2$, 200, 209-211; Reichelt, 1909, 129-130, 134, 139, 323; Kent, 1950, 77, 90; Соколов, 1961, 100; 1979$_1$, 223-224; 1979$_2$, 263; ср. Мейе, 1938, 248-250; Барроу, 1976, 325-326; Семереньи, 1980, 261-266; Елизаренкова, 1982, 277-279, 293-295 и др.].

Конъюнктив

Основы конъюнктива образовывались модальным суф. *-a, присоединяемым к индикативным основам (презенса, аориста, перфекта): тематической (при этом *-a + a = ā) и атематической (*-Ø + a = a), последние при этом застывали в единой огласовке, обычно – средней. Особые окончания были только в 1 ед.: акт. *-ā, *-āni (ср. ав. г. -ā, -āni, др.-п. -ă̄niy, вед. -ā, -āni), мед. *-āi, *-ānai ? (ср. ав.г. -ai, -ānē, др.-п. -ānaiy ?, вед. -ai); в остальных формах выступали первичные или вторичные окончания индикатива (в древнеперсидском –

только первичные), но без выражения ими временны́х оппозиций (о возможных модальных различиях см. [Gonda, 1980, 110-111]). Окончание *-ā < и.-е. *-ō фактически тематическое активное индикативное. Ир., ар. *-ānі возводится к сочетанию *-ā с частицей *ni или *na, перестроенному по типу *-āmi [Семереньи, 1980, 274], хотя в других формах такая частица не появляется и функции ее неясны. Медиальные показатели: *-āi – из модального суф. *-a с окончанием мед. *-ai, форма *-ānai – из *-āni и мед. *-ai.

История сложения такой гетерогенной парадигмы вызывает споры, даже в последних (по времени) работах она выводится из разных источников: а) из инъюнктива с инновационным вхождением форм с первичными окончаниями по аналогии с индикативом [Gonda, 1980, 111 сл.], б) из тематического индикатива с первичными окончаниями (см. [Beekes, 1981_1, 23 сл.], там же обзор дискуссии [21-23]). При таких различных точках зрения не бесспорна и предложенная в работе [Beekes, 1981_1, 23] общеарийская парадигма (с поздними формами в скобках): ед.ч. 1 л. -ā, 2 л. -s (-si), 3 л. -t (-ti), мн.ч. соответственно -ma, -tha, -n (-nti). Тем самым, 3 мн. ир. *-nti (ср. ав. -ntī, др.-п. -^{n}tiy), отсутствующее в ведическом, может быть в общеиранском и архаизмом, и инновацией.

Круг модальных значений конъюнктива широк: сомнение, неуверенность, желательность, предположение, прямое и косвенное смягченное повеление. Часто обозначает действие в будущем (с естественными для будущего модальными оттенками). В сложных предложениях может означать любое чем-либо обусловленное действие, становясь общим косвенным наклонением. Сочетается с отрицаниями *nai и в позднеавестийском при запрете – mā.

Подробнее см. [Bartholomae, 1895_1, 56 сл.; 1895_2, 201; Reichelt, 1909, 127-128, 134, 137 сл., 313-318; Kuryłowicz, 1925; Мейе, 1938, 238; Kent, 1950, 74, 89; Соколов, 1961, 95-98; 1979_1, 218-221; 1979_2, 260-261; Тронский, 1967, 100-101; Барроу, 1976, 322-324; Семереньи, 1980, 273-275, 350; ОИТИИЯ, II, 414-415, 417-420; Елизаренкова, 1982, 210-212, 278, 280, 293, 295 и др.; Gonda, 1980, 68 сл.; Beekes, 1981_1].

Оптатив

Основы оптатива предстают как образования от индикативных основ суффиксами: *-ai в тематическом спряжении, *-i̯ā, -ii̯ā : -ī в нетематическом – при слабой огласовке корня. Суффиксы продолжают соответственно: ир., ар. *-ai < и.-е. -oi, ир., ар. *-i̯ā, *-ii̯ā < *-i̯ē, *-ii̯ē; ир., ар. -ī < и.-е. *-iH. Считается, что в атематических основах сильная огласовка суффикса – *-i̯ā – была в общеарийском только в ед.ч. актива (в остальных формах – *-ī), но затем распространилась на другие формы, о чем свидетельствуют ведический и авестийский (ср. генерализацию *-ī в готском). Это позволяет для общеиранского восстановить *-i̯ā для активных и части медиальных форм. Окончания: в 1 л.

ед.ч. мед. -a, в остальных формах – вторичные окончания с колебаниями в I л. мн. ч. мед. *-madi/-madai, как в индикативе (см. с. 22-25), и с вхождением в 3 л. мн.ч. окончаний с *-r-. Формы вневременные; употребление вторичных окончаний говорит о раннем вычленении оптатива из инъюнктива-инфекта (см. ниже), когда первичные окончания еще не были выработаны [Gonda, I980, 47-49].

Значения оптатива: желательность, пожелание, предположение, ирреальность действия, косвенное повеление, а также различные оттенки обусловленности действия в разных временны́х плоскостях, включая прошлое (с чем связано последующее взаимодействие форм прош. времени и оптатива в разных языках). Сочетается с отрицанием *mā (в ав. п. также с nōiṯ <*nai). Подробнее: [Bartholomae, $I895_I$, 57 сл.; $I895_2$, 2I2; Reichelt, I909, I28, I34, I38-I44, 3I8-320; Kent, I950, 74, 89-90; Benveniste, I95I; Соколов, I96I, 98-99; $I979_I$, 22I-223; $I979_2$, 26I-262; ср. Мейе, I938, 239-240; Барроу, I976, 326-328; Семереньи, I980, 275-276; Gonda, I980, 47-67, II7 сл.; Елизаренкова, I982, 277-280, 298-299 и др.; ОИТИИЯ, II, 4I5-4I6].

Инъюнктив, прекатив

Инъюнктив представлен совокупностью форм, образуемых вторичными окончаниями от основ презенса, аориста (и, возможно, перфекта) и не принимающих аугмента. Сочетается с отрицаниями *nai, *mā. В силу отсутствия морфологизации аугмента в индикативе формы инъюнктива практически едины с имперфектом, аористом (и плюсквамперфектом) индикатива. Выражают широкий круг модальных значений, начиная от констатации действия, какой-либо его обусловленности и кончая пожеланием, смягченным повелением, призывом к действию и запретом. Практически соотносятся с любым наклонением, являясь модально немаркированными.

Высказывались мнения об относительно позднем происхождении инъюнктива – из безаугментного аориста, а затем – по аналогии с ним – из имперфекта и плюсквамперфекта [Reichelt, I909, 320], из индикатива [Kent, I950, 74, 90] при элиминации "избыточных" дистинктивных признаков [Семереньи, I980, 280-282]. Однако более реальным представляется иной путь развития [Елизаренкова, I960, I20 сл.]: формы инъюнктива представляют рудименты раннеиндоевропейской единой системы презенса-аориста с "вторичными" окончаниями без аугмента, не имевшей еще ни модальных, ни временны́х характеристик и выражавшей и действие, и состояние – в противовес перфекту, выражавшему состояние. С выработкой "первичных" окончаний и становлением категории времени, выделившей индикатив (весьма рано, учитывая окончания серии *-mi в хеттском), и с выделением других наклонений, инъюнктив продолжал сохраняться пережиточно в виде архаичной системы форм с широким диапазоном модальных и временны́х значений.

Общеиранские формы с вторичными окончаниями от презентных и аористных основ (перфектные могли включаться сюда позднее, уже в авестийском языке) при отсутствии аугмента в разных контекстах относились, таким образом, к разным наклонениям: а) к индикативу, с отнесением действия к прошлому (реже - к будущему) без особых модальных оттенков (формы имперфекта, аориста, а позже плюсквамперфекта); б) к инъюнктиву - с широким временны́м и модальным диапазоном значений. Формы с аугментом были индикативными [ср. Kellens, I984, 43I-433].

Подробнее об инъюнктиве: [Bartholomae, I895$_I$, 56-57; Reichelt, I909, I29, 322-323; Kuryłowicz, I925; I964, I45-I47; Мейе, I938, 259-260; Kent, I950, 74, 90; Елизаренкова, I960, 5I-52, 54, 56-58, I20 сл.; Соколов, I96I, 99-I00; I979$_I$, 223; I979$_2$, 262; Мака́ев, I977, 50; Gonda, I980, 33-46; Барроу, I976, 322; ОИТИИЯ, II, 4I2-4I4; Семереньи, I980, 279-28I и др.].

Прекатив, аналогичный ведическому (образование от основы оптатива суффиксом, продолжающим и.-е. *s), обозначавшему желательность [Елизаренкова, I982, 279, 338-339], в древнеиранских памятниках не зафиксирован [Bartholomae, I895$_2$, 2I2], однако не исключено наличие таких форм (соответственно с основами на *-i̯ā-h- : -ī-š-) в общеиранском.

Выводы

В целом общеиранская система личных форм сходна с ведической, хотя имеет частные отличия. Ее ядром был индикатив с системой видовых основ (презентной, аористной, перфектной), от которых разными сериями окончаний образовывались видовременные формы презенса, имперфекта, аориста, перфекта, плюсквамперфекта. Остальные, косвенные, наклонения не имели временны́х оппозиций. Лицо и число выражались флексией; ею же (оппозицией актив/медиум) представлены рудименты глагольной диатезы в виде оппозиции активности/инактивности, версионных отношений (действие для другого / действие для себя), реже - актива/пассива. Оппозиция первичных/вторичных (и перфектных/вторичных) окончаний передавала категорию времени (настоящего/прошедшего или ближнего/удаленного) и отдельные другие категории.

Эта система, консолидировавшаяся в основном из элементов более ранних систем (с включением и инноваций), продолжает - в трансформированном виде - раннеиндоевропейскую двучленную систему с оппозицией перфекта/неперфекта (он же в разных традициях - "инфект", "инъюнктив" и т.п.). Неперфект, или инфект-инъюнктив, представлявший презенс-аорист, выражал действие и состояние (предположительно, - активное), используя активные и медиальные окончания. Оппозиция окончаний выражала глагольную диатезу, где "активные" формы обозначали действие "центробежное", исходящее от субъекта и внешнее по отношению к нему, а "медиальные" - процесс, по отношению к которому субъ-

ект являлся внутренним [Бенвенист, I974, I88], - ситуация, аналогичная категории "версии" древнеиндийского и ряда неиндоевропейских языков, где центробежность и центростремительность действия подразумевает и оппозицию "действие для себя~действие в интересах другого" [Schmidt, I967, 87-88]. Тем самым эта оппозиция из ранней активности/инактивности актантов перешла на направленность действия. Перфект выражал состояние и реализовался перфектными основами с перфектными окончаниями. Оппозиции окончаний он не имел, поскольку формы со значением состояния не подразумевают диатезы. Медиальные его формы появились позднее, по аналогии с неперфектными, когда перфект стал выражать уже и действие, и понадобилось уточнение его активности/инактивности (и "версии"). Плюсквамперфект возник еще позднее тоже по аналогии с неперфектными формами.

Таким образом, в общеиранском глаголе прослеживаются рудименты раннеиндоевропейской коренной оппозиции активности~инактивности в виде как оппозиции глагольных подсистем - "перфект (состояние)~инфект (действие, состояние)", так и оппозиции окончаний инфекта - "актив (активное действие; постоянное состояние живого существа)~медиум (состояние; а отсюда - действие для себя)". В этой ранней системе двух оппозиций проявилась динамика активности/инактивности [подробнее: Гамкрелидзе, Иванов, I984, I, 293-302]: от чисто классификационной, закрепленной в лексическом размежевании глагольной системы на активную и инактивную сферы, - до ситуационной активности/инактивности, когда один актант мог характеризоваться предикатами, выражавшими и действие, и состояние, и сами предикаты уже стали подвижны в этом плане.

Появление затем оппозиции "первичных"/"вторичных" окончаний, формализовавшей вначале актуализацию действия, а затем категорию времени [Гамкрелидзе, Иванов, I984, I, 327 сл.], было достаточно ранним (ср. серии **-mi~-hi** в хеттском). "Вторичные" окончания, более архаичные, послужили базой для образования "первичных" присоединением дейктического элемента ***-i**, указывавшего на одновременность действия с актом речи. Вначале это произошло с активными формами; выработка "первичных" медиальных окончаний происходила позднее, по аналогии с активными, и не во всех подсистемах была доведена до конца (в общеиранском во мн. числе и особенно в дв. числе она была неполной). Тем самым в медиальных формах категория времени ущербна. Будущее время не формализовано. Появление категории времени выделяет индикатив из группы инфекта-инъюнктива, стимулируя этим формализацию категории модальности. Более поздняя грамматикализация аугмента (из и.-е. частицы ***e**) при формах, обозначающих прошлое (разделяемая арийскими языками с греческим и армянским), закрепила индикативность этих форм[3], хотя и не привела к

---

[3] Ср. типологически сходное закрепление (**ha**)**me** при формах наст.-буд. вр. в кл. перс., вызвавшее закрепление за ними индикативного значения

генерализации аугмента (в общеиранском, как и в ведическом, он был факультативен; его закрепление как форманта прош. времен отмечается позднее в отдельных иранских языках и в санскрите).

Подробнее о ранней индоевропейской глагольной системе (разных этапов) см., например, [Kuryłowicz, 1925; 1964, 90 сл.; Елизаренкова, 1960, 120-124, 130 сл.; 1982, 345; Сафаревич, 1964, 14 сл.; Тронский, 1967, 82-98; Курилович, 1965, 422-427; Макаев, 1977, 50, 56-57; Семереньи, 1980, 313; Gonda, 1980, 35 сл.; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 293 сл.].

В общеиранскую эпоху и затем в языках эпохи древних памятников выявился и ряд инноваций, приведших впоследствии к коренной перестройке системы глагола. Продолжалась тематизация основ, уменьшавшая долю чередований огласовок и способствовавшая частичной унификации разных типов парадигм. При этом сохранялся ряд древних различий между парадигмами разных глаголов; помимо упомянутых здесь, к ним относится разноместное ударение, согласно которому глагольные основы и образованные от них формы членились на баритональные (с накоренным ударением) и окситональные (с ударением на суффиксах и на тематической гласной).

Происходили изменения содержательного характера, способствовавшие трансформации парадигмы. Постепенно усиливалась ценность категории времени с перевесом ее над видовыми оппозициями. Это связано, помимо прочего, с тем, что перфект стал выражать не только состояние, но и результативное действие в прошлом. В то же время имперфект постепенно захватывал сферу аориста. Все это привело к трансформации видо-временных оппозиций, свойственных общеиранскому: центром становится оппозиция "настоящее время ~ не-настоящее время", выражаемая оппозицией "презенс (наст. вр.) ~ не-презенс (прош. вр., т.е. имперфект, аорист, перфект, плюсквамперфект)". В результате наблюдается постепенное затухание видовых оппозиций в прош. времени, общим "прошедшим" становится имперфект как наиболее четко противопоставленный презенсу, а "избыточные" формы постепенно отмирают - сначала перфект (что особенно наглядно в древнеперсидском), затем аорист. Это сопровождается развитием причастных оборотов в функции предиката со значением результативности. Все это вызывает дальнейшую трансформацию выражения видо-временных отношений подробнее:[ОИТИИЯ, II, 352, 355-357].

Перестраивается и выражение модальности. Конъюнктив выявляет тенденцию к частичному совпадению с индикативом (особенно у тематических глаголов); оптатив, с его всегда "вторичными" окончаниями и с частым выражением обусловленного действия в прошлом, впоследствии оказывается в ряде языков связанным с претеритом [Benveniste, 1951; Rysiewicz,

---

(ср. me-ravam ~ ravam, biravam)[ОИТИИЯ, II, 387-391 и др.], закрепление наречий, частиц, дейктических основ как маркеров удостоверительности при личных формах в ряде восточноиранских языков и т.п.

1954; Фрейман, 1957; ОИТИИЯ, II, 423], см. также гл. II. При этом развиваются инфинитивные и причастные обороты с различными модальными значениями - материал для будущих аналитических модальных форм.

С разрушением раннеиндоевропейской системы противопоставлений, связанных с постоянной активностью/инактивностью актантов (см. выше), развиваются средства выражения их ситуационной активности/инактивности (теперь уже и пассивности), т.е. членение актантов на субъект и объект действия. С этим связано и членение глаголов на переходные (двухактантные)/непереходные (одноактантные), т.е. их лексическое размежевание по принципиально новым семантическим основаниям [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 336 сл.]. Это сказалось впоследствии на разных построениях причастных оборотов "перифрастического перфекта" для переходных и непереходных глаголов, а затем и на грамматикализации переходности/непереходности в большинстве иранских языков (о восточноиранских см. гл. II).

Глагольные имена

Причастия

Основные причастия, реконструируемые для общеиранского состояния: I. Активное причастие наст. вр. от презентных (редко - аористных) основ с суф. *-(a)nt : -at (< и.-е. *-ent/ont : -n̥t) м.р., *-atī, реже *-(a)ntī (< и.-е. *-n̥tī, *-ontī <*-ontiH) ж.р.: *√bau- 'быть, становиться': *bau̯ant- 'становящийся', *bŭšia̯nt- 'тот, кто станет'. 2. "Медиальное" прич. наст. вр. с суф. *-mna, реже *-mana (др.-инд. -mana < и.-е. *-meno, -mno) для тем. основ, *-ăna для атем. - в м.р., с исходом *-ā (*-mnā, *-ănā) в ж.р.: *√stau- 'восхвалять': *stau̯ăna- 'восхваляющий'. От перфектных основ - с суф. *-ăna (м.), *-ănā (ж.) иногда с активным значением: *√dar- 'схватить, держать': *dadrāna-. Позднее в рефлексах этих причастий преобладает огласовка *-āna (м.), *-ānā (ж.). 3. Активное прич. наст. вр. с суф. *-au̯ от деноминативных основ на *-i̯a: *√ah- 'быть': имя *ahu- - прич. *ahui̯au̯-. 4. Активное прич. наст. вр. от презентных основ (чаще - редуплицированных) с суф. *-a: dada- 'дающий'. 5. Активное прич. прош вр. от перфектных основ (обычно в слабой огласовке) с суф. *-u̯ăh : -uš (м.), *-ušī (ж.): *√u̯aid- 'искать' - *u̯iduš-. 6. Пассивное прич. буд. вр., оно же герундив со значением долженствования с суф. *-ata (м.р. из и.-е. *-eto), *-atā (ж.р.): *√i̯aź- 'поклоняться, приносить жертву': *i̯aźata- 'тот, кому должно поклоняться; божество'. Склонно к контаминации с прич. на *-ta (< *-to). В авестийском отмечено с суф. -anta (м.р.), -antī (ж.р.). 7. Активное перфектное причастие от перф. основ с суф. *-tau̯ant (отмечено несколько примеров в авестийском). 8. Пассивное причастие буд. вр. (или герундив) со значением долженствования, с суф. *-i̯a, *-ii̯a (м.р.), *-i̯ā (ж.р.):

*√uar- ‘избирать’ – *uarɨa- ‘тот, кого следует избрать; лучший’.
9. Пассивное причастие буд. вр. (герундив) со значением долженствования, с суф. *-t(u)ua (м.р.), *-t(u)uā (ж.р.): *√gan- ‘бить, убивать’: ав. jaϑwa- (др.-инд. hántva-) ‘тот, кого должно убить’.
10. Так называемые перфектные пассивные причастия, образуемые от корня (обычно в слабой огласовке) с суф. *-ta (м.р.), *-tā (ж.р., в ав. также с -tī): *√bar- ‘нести’: *brta-. Наблюдаются другие суффиксы: а) *-na (м.р.), -nā (ж.р.): *√par- ‘наполнять’: *pr̥na- ‘полный’ (ав. pərəna-, др.-инд. pūrṇa-, лат. plēnus); б) *-ua от единичных корней: *√pak- ‘варить(ся), созревать’: *pakuá- (ср. язг. pux°, др.-инд. pakvá-); в) *-t/ϑa<ар. *-tha (м.р.), *-t/ϑā (ж.р.):*√uak- ‘говорить’: *uk/xt/ϑa- (ав. uxδa-, др.-инд. ukthá-). Отмечены образования со сложением двух суффиксов: *-ta-uant (ср. др.-инд. kr̥távant- ‘имеющий [что-то] сделанным’), *-na-uant и др. Прослеживаются случаи средней огласовки корня, возникающей под воздействием разных причин, в основном – семантики (см. с. 13). Эти причастия от непереходных глаголов были активными, от переходных – обычно пассивными.

Употребление причастий – особенно наст. времени и перфектных – в предикативных сочетаниях встречается относительно рано. Уже к авестийскому становятся устойчивыми сочетания прич. наст. вр. с вспомогательными глаголами *√ai- ‘идти, приходить’, *√stā- ‘стоять’ для обозначения длительного, постоянного действия, с *ni-√had- – начинательности, перфектных причастий на *-ta, *-na, *-ua с факультативной связкой – результативного действия и т.п. Позднее последние сочетания стали наиболее продуктивны, употребляясь в функции аналитических форм перфекта практически во всех иранских языках. Подробнее о причастиях: [Bartholomae, 1895$_I$, 109-111; Reichelt, 1909, 148 сл., 159-162, 182 сл., 325-337; Мейе, 1938, 287-290; Kent, 1950, 78-79; Соколов, 1961, 103-105; 1979$_I$, 227-230; 1979$_2$, 265-266; ОИТИЯ, II, 340-341, 345, 347; Барроу, 1976, 342-346; Семереньи, 1980, 330-338; Елизаренкова, 1982, 351-358] и др.

Инфинитивы, герундивы, имена действия и т.д.

Для общеиранской системы понятие "инфинитив" условно, как и для авестийского, древнеперсидского, древнеиндийского и, в конечном счете, индоевропейского. Под этим термином объединяются имена действия (от глагольных корней и видовых основ), обычно застывшие в одной из падежных форм (или совпадающие с ней): датива, реже – аккузатива и совсем редко – иных падежей ед. числа. Неизменяемость отличает инфинитивы от обычных – склоняемых – имен действия. Грань между ними нечетка: при скудости древнеиранского материала выявить наличие/отсутствие словоизменения трудно.

Основные форманты инфинитивов – с учетом исхода падежных окончаний *-ai (дат.), *-m (акк.) и др.[4]: I) *-diāi дат. (ср. ав. -dyāi, вед. -dhyai: ав. srūidyāi 'слышать'); 2)*-tai дат. (ав. kərətəe 'делать') *-tim акк. (ав. dāitim 'давать') и др. (ср. ав. абл. -šūtōiṯ 'идти', ген. -pastōiš 'падать', инстр. upāiti 'подходить', лок. itē 'идти' и т.п.); 3) *-tu : -t/vua : -tau с падежными показателями; 4) *-tan : -t/vna обычно в дат. *-tanai (др.-п. čartanay 'делать'); 5) *-uan : -un – в дат. *-uanai : -unai (ав. vīdvanōi 'узнавать'); 6) *-t/vra – дат. *-t/vrai (ав. vīdōivre 'видеть'); 7) *-t/va (< ар. *-tha) – пассивное имя действия, в акк. *-t/vam (ав. ni-ǰatəm 'прибивать'), ср. именное употребление (ав. zanva- 'рождение', xᵛarəva- 'еда'); 8) *-man – дат. *-manai (ав. staomane 'восхвалять'); 9) *-na, *-āna – дат. *-nai, *-ānai (ав. urvānē 'выбирать'), ср. именное употребление (ав. yasna- 'жертвоприношение'); I0) *-ua – дат. *-uai (ав. vīduyē < *uid-uai- 'понимать', dāvōi 'давать'); II) *-aha – дат. *-ahai (ав. vaocaŋhē 'говорить') и т.д. Сюда же относятся застывшие падежные формы от глагольных корней и основ без суффиксов (ср. ав. buye, др.-инд. bhuve 'становиться'; ав. gərəbąm 'схватить' и т.п.).

"Инфинитивы" употреблялись в различных модальных конструкциях намерения, цели (типа "научи сделать", "желаю сделать", "выжал [для] вкушения"), желательности ("пусть будет [для] вкушения"), повеления, призыва к действию (независимо от лица: "сделать!", "пусть сделает!") и др. Характерно пассивное значение инфинитива в предикативном использовании, особенно при отрицании (сохранение архаичной черты индоевропейского синтаксиса [Disterheft, I98I]). Подробнее об инфинитивах: [Bartholomae, I895$_I$, I44-I47; Reichelt, I909, I98-200, 337-349; Benveniste, I935; Бенвенист, I955, I63-I77, 238-24I; Kent, I950, 77-78; Соколов, I96I, I05-I06; I979$_I$, 230-232; I979$_2$, 266-267; ср. Мейе, I938, 284-285, 290-29I; Семереньи, I980, 338-340; Елизаренкова, I982, 358-364; Степанов, I985 и др.].

К разряду глагольных имен относятся также деепричастия, абсолютивы, герундивы и т.п. – неизменяемые слова, образованные от глагольных основ и корней и использовавшиеся обычно для обозначения побочного действия в предложении. Для авестийского в этих функциях зафиксированы имена на -am,-tīm (совпадающие с акк. ед.ч.) и употребляемые аналогично им причастия на -ya, -tva, -ata, -anta (ср. вед. на -tvā́ya < *-tua-ia и деепр. прош. вр. на *-tvī). Подробнее: [Reicheit, I9C9, 333-337; Барроу, I976, 346-347; Соколов, I979$_I$, 230; Елизаренкова, I982, 364-367; Степанов, I985, I6, 20 сл.].

---

[4] Состав форм и соответственно формантов в трудах разных исследователей варьирует: ср., например, [Bartholomae, I895$_I$, I44-I47; Benveniste, I935; Соколов, I979$_I$, 230-232].

Имя

Существительные и прилагательные

В именной парадигме общеиранского сохраняются унаследованные из общеарийского и индоевропейского категории рода, числа, падежа. Род у существительных закреплен лексически, у прилагательных - словоизменительная категория. Ср.р. выявляется в основном в падежных окончаниях: отсутствием оппозиции ном./акк. в ед.ч. и согласованием форм ном. мн.ч., обозначающих собирательное множество, с глаголом в ед.ч. - как в общеарийском (и греческом) [см. Reichelt, I909, I62-I63, 300-30I]. Категории числа (ед./дв./мн.) и падежа выражены флексией и фонетическим видом ряда основ. Именная словоформа в максимальном варианте включает предкорневой элемент удвоения (I) - корень (2) - суффикс (3) - флексию (4). Тип основы (I-3, обычно - 2-3) предопределяет класс склонения.

Основы

Наиболее частые атематические основы: I. Корневые и редуплицированные основы на согласную и производные на *-ăt : -t; *-t; *-it и *-tāt (4-7, 9 кл. Бартоломе, I, 4-5 кл. Райхельта). В основах, подверженных аблауту, полная огласовка в "сильных" падежах: ном., акк. ед. и дв. ч. и ном. мн.ч. имен м.и ж.р., а также ном., акк. мн.ч. ср.р. (ном., акк. и лок. ед.ч. возможны и с продленной огласовкой, во всяком случае, в авестийском, ср.[Reichelt, I909, I46-I47]). В остальных - "слабых" падежах огласовка слабая. Ведические параллели показывают, что эти чередования связаны с подвижным ударением, однако их взаимосвязь не однозначна [Елизаренкова, I982, 20I-203]. 2. Основы на *-ah (< и.-е. *-s) - корневые и суффиксальные (подкласс I кл. Бартоломе, 2 кл. Райхельта) и этимологически родственные им основы на *-iš̆, *-uš̆ (< и.-е. *-is, *-us; 2 кл. Бартоломе, 3 кл. Райхельта), у которых в м.р. "сильная" огласовка отмечается в ном. ед.ч., в ср.р. - в ном.-акк. мн.ч. 3. Основы на *-ant, -at (< и.-е. *-n̥t), -nt - м. и ср.р., включая прилагательные и причастия (8 кл. Бартоломе, 6-7 кл. Райхельта), иногда с продленной огласовкой в акк. ед.ч. м.р. и в других формах. 4. Основы на *-r̥ и на *-r/n (I0-I3 кл. Бартоломе, 8 кл. Райхельта), а также на *-ăr : -r̥ : -r; имена деятеля м.р. и термины родства м. и ж.р. на *-tăr : -tr̥ : -tr. Имена деятеля выступают с продленной огласовкой в сильных падежах, остальные - в м. и ж.р. - с продленной в ном. ед.ч.; имена ср.р. - с продленной в ном. и акк. мн.ч. без окончания; в слабых падежах огласовка слабая. Ср. ав. pitar- ‘отец’ в ед.ч.: ном. pita (< *pitā), акк. ptarəm, дат. pivrĕ; мн.ч. ном. ptarō, дат. ptərəbyō и т.п. 5. Основы на *-n, включающие производные на *-ăn : -a (< *n̥), с суф. *-măn : -ma (< *-mn̥), -mn; *-u̯ăn : -u̯a (< *-u̯n̥), -un; и *-i̯an, -ii̯an : -ĭn (I5 кл.

Бартоломе, 9 кл. Райхельта) – с долгой огласовкой в сильных падежах в тех же подклассах, что и в основах на *-r. В слабых падежах огласовка средняя в именах на *-man, слабая – в остальных. Имена ср.р. выступают с продленной огласовкой также в лок. ед.ч., акк. мн.ч. 6. Основы на *-ăi : -i, -i̯ и на *-ău : -u, -u̯ (соответственно I6 и I7 кл. Бартоломе, I0 и II кл. Райхельта) характерны для имен м. и ср.р. Отличаются огласовками: полная ступень (т.е. дифтонг) – в дат., ген., вок. ед.ч., ном. мн.ч.; продленная (*-āi, *-āu) – в лок. ед.ч.; слабая (*-i, *-u) – в остальных падежах (с колебаниями в ном., акк. ед. ч.). Сочетаются с окончаниями, несколько отличными от использующихся с основами предыдущего типа. 7. Основы на *-ū, -uu̯ (I9 кл. Бартоломе, I3 кл. Райхельта) имен м. и ж.р. без чередования огласовок, но с отражением исхода в виде *-uu̯ перед гласными окончаний. 8. Основы на *-i̯ā : -ī (< и.-е. *-i̯aH : -iH), -ii̯ (I8 кл. Бартоломе, I2 кл. Райхельта) – в основном, имен ж.р., соотносимых с именами м.р. на согласные и сонанты, реже – на тематическую гласную. 9. Особняком стоят корневые основы с сонантным исходом, индивидуальное склонение которых наблюдается в разных индоевропейских языках с разными типами парадигматического выравнивания [Семереньи, I980, I90–I93] (подклассы I0, I2, I4 и 20, 2I кл. Бартоломе, I кл. Райхельта). Ср. ав. **gav-** ‘бык, корова’ – ед.ч.: **gāuš** ном., **gąm** акк., **gave** дат. и т.п.

Тематические основы: I0. Основы м. и ср.р. на *-a (< и.-е. *-e/o) – первичные и вторичные, появившиеся при тематизации атематических основ (22 кл. Бартоломе, I4 кл. Райхельта), с отсутствием чередований и единой формой ном.-акк. ср.р. во всех числах, в отличие от м.р. Этот тип основ постепенно расширяется, захватывая древние атематические, начиная с диалектов индоевропейского языка. Тематизации способствовала унификация парадигмы. II. Основы на *-ā ж.р., противопоставленные тематическим м. и ср.р. (23 кл. Бартоломе, I5 кл. Райхельта).

Подробнее об основах: [**Bartholomae**, I895$_{I}$, 94–I08; **Reichelt**, I909, I46–I62; **Kellens**, I974; Соколов, I979$_{I}$, I67–I79 и др.].

Флексия

Именная флексия несколько различна для тематического и атематического склонений. Общеиранские основные падежные окончания обоих типов:

	Общеир.	Ав.	Др.-п.	Вед.
Ед.ч.				
Ном.(м.,ж.)	-h, -s̆,(-s), -Ø	-h,-s̆,(-s), -Ø -Ø$_2$(-ah>ō)	(-h), -s̆, -Ø	-s, -Ø
Акк.(м.,ж.)	-am, -m	-əm, -m	-am, -m	-am, -m
Ном.-акк.(ср.)	-am,-m,-Ø	-əm,-m,-Ø	-m	-m, -Ø

Ген.	-hi̯a;-ah,	-he, -hyā;	-hya,-âyā;	-sya,
	-as, -š̆	-ā̊, -as;	-š̆	-as, -s
	-āi̯āh	-š̆, -Ø		
Инстр.	-Ø,-ā,-aina	-Ø, -ā;	-ă̆,-āyā;	-ena, -Ø;
	-ī, -ū ?	-ayā,-ī,-ū	-ā	-ā
Дат.	-ai	-āi,-ōi,-e,	= ген.	-e,-a,-ā,
		-aē, -ə̄e		-ai, -āya
Абл.	-at/d	-at̰, -āt,	-a,-āyā,	-āt/d, -ās
		-ayāt̰;-ət̰,	-ā, -auš̆	-s, -as
		-t̰, -ōit		
Лок.	-Ø;-āu,-au;	-i,-ae,-e	-ai,-āyā,	-i,-ām,-Ø,
	-āi, -ai	-ōi; -aya;	-iyā;	-au, -ā
	-ai̯ā	-Ø; -ō,	-au,-avā	
		-āu, -ā̊		
Вок.	-Ø,-ai,-au	-Ø, -e	-a	-i,-Ø,-e,
				-o
Дв.ч.				
Ном.,акк.,вок.	-ā,-i,-a	-Ø,-ā̊,-ō,	-Ø	-au,-ā,-ī,
	-ī	-e,-ōi,-i		-Ø, -a
Инстр.,дат.,	-(i)bi̯ā	-byă̆,-aēbya,	-aibya	-bhyām,
абл.		-oibya,-ābya		-ābhyām
		-we, -byą̄m		
Ген.	-i̯-āh	-yā̊, -ā̊,	-yāh,	-os, -ayos
		-āh	-āyā	
Лок.	-i̯-au,-au	-yō, -āu,		-os, -ayos
		-au		
Мн.ч.				
Ном.,вок.	-ah,-āhah	-ō,-ā̊ŋhō,	-ā,	-as, -ās;
(м., ж.)	-īš̆	-ā̊, -īš̆	-āhah,	-asas
			-ā(h)	-īs
Акк.(м.,ж.)	-ah, -ns,	-ō, -ą̄s,	-ā (-a?),	-as, -n;
	-am; -uš̆,	-Ø, -a;	-Ø	-s, -ān
	-iš̆	-uš̆, -īš̆		и др.
Ном.-акк.	-ā, -āni;	-i, -ă̆	-ā	-Ø, -ā;
(ср.р.)	-a : -i	-Ø,-ū,-i		-āni
Инстр.	-āiš̆	-āiš̆,	-aibiš̆	-ebhis,
	-biš̆,-i-biš̆	-ābiš̆,-bīš̆,	-biš̆	-ais,-bhis
	-ābiš̆ (?)	-īš̆		
Дат.-абл.	-bi̯ah/s,	-byo,-bhyas-		-bhyas,
	-i-bi̯ah,	-i-byō,		-ebhyas
	-a-bi̯ah,	-ā-byō;		
	-ai̯ah	-ayō		
		-wyō,-uyō		
Ген.	-ām,	-ą̄m,-ă̆nąm,	-ānām	-ām,

	-ă̈nām	-unām,		-ānām
	-ĭ̈nām	-ĭ̈mām		-īmām
Лок.	-(a)iš̆u,	-aēš̆u,	-aiš̆uv-a,	-eṣu
	-āhu,	-āhŭ,	-āhvā	-su,-ṣu
	-š̆u,-su	-š̆u, -su		

Приведенные окончания продолжают более старые, с фонетическими вариантами, обусловленными исходом основ. Однако в некоторых фрагментах возможны и инновации (ср. воздействие местоименной парадигмы на тем. склонение имен м.р. в дв. и мн.ч. в авестийском [Соколов, I979$_{I}$, I69-I70]). В ед.ч. в ном. м., ж.р. *-ø (главным образом у производных основ) - как и в и.-е.; *-h, -š̆, -s[5] < и.-е. *-s при тем. и согласных основах (распространение рефлексов *-s на основы с *-i, *-u - вторично [Барроу, I976, 2I7] и охватывает не всю лексику; ср. сохранение ав. ном. **ahū** < ***ahu** 'господин' вм. ***ahuš̆** [**Kuiper**, I967; I985, 287-290][6]; акк. ир., ар. *-m, **-am** < и.-е. *-om, -m̥m, -m; то же - в ном.-акк ср.р.; ген. *-ah < ар. *-as < и.-е. *-e/os; *-š̆, -h/s < ар. *-š̆, -s < и.-е. *-s; ир. *-hi̯a < ар. *-si̯a < и.-е. *-si̯o; ир. *-āi̯āh < ар. *-āi̯ās [ср. Reichelt, I909, I67-I68; Семереньи, I980, 202]; инстр. ир., ар. *-ā < и.-е. *-ē (ав. **-ayā** при осн. на -ā - из местоименного склонения); *-ī, *-ū - арийская инновация в именах на *-i, *-u по аналогии с *-a→*-ā тем. основ. Дат. *-ai < и.-е. *-éi для тем., корневых и производных основ. Абл. ир., ар. *-at/d < и.-е. *-od (-o-od> -ōd > ар. -āt/d); во многих словах абл. заменяется или контаминируется с ген. Лок. *-ø - наиболее древний, сохраняется у ряда имен; *-āu, **-au**, -āi,-ai от осн. соответственно на -i, -u, -a и нек. др. Вок. м., ж.р. *-ø (в ср.р. вок. = ном.) < и.-е. *-ø. В дв. ч. ном.-акк.-вок. ир., ар. *-ā < и.-е. *-ō (результат растяжения тем. гласной), остальные - при трансформации исходов основ или при наращении *i. Ном.-акк. ср.р. имеет окончание ир., ар. *-ī < и.-е. *-iH; от тем. основ - ир., ар. *-ai < *-oi. Инстр.-дат.-абл. - из ар. *-bhi̯ā, *-bhi̯am < и.-е. *-bhi̯ō(m),-mō. Ген. ир. *-āh < ар. *-ās < и.-е. *-ōs (в др.-инд. -os под воздействием локатива с *-au при унификации ген.-лок.). Лок. *-au отражается в ав. -ō. Во мн.ч. ном. *-ah < ар. *-as < и.-е. *-es; ир. *-āhah - в тем. основах из ар. *-āsas. В отдельных именах на *-ī - показатель *-īš̆ (арийское новообразование); от основ на *-an - показатель *-āni. Акк. м. и ж.р. - из и.-е. *-ns после гласного, *-n̥s - после согласного (от тем. основ - *-oms < *-om-s, -ā). Ном.-акк. ср.р. *-ā от имен на

---

[5] Напр., ***napāt-s** 'внук' (ср. лат. **nepōs** < ***nepōt-s**), отразившееся в ш. **nibōs**, язг. **nabes** и т.п., при ав. **napā**, др.-п. **napā**, перестроенных по типу ном. от основ на *-ah (или в др.-п. - по аналогии с **pitā** ?; к отражению *-t + s > s см. [СТВЯ=Ф, I03-I04]), ***ātar-š̆** 'огонь', продолженное в ав. **ātarš̆**, перс. **ātaš̆** и т.д.

[6] Ср. мнение о возможности образования в древних диалектах от основ ж.р. на *-ī форм ном.ед.ч. на *-īš̆ и ряд других окончаний в ед. и мн.ч. [**Sims-Williams**, 1979, 345-346].

*-a; *-i < *-ə; *-āni - от основ.на *-n. Инстр. - из и.-е. *-bhi с последующим наращением *-s; ир., ар. *-āiš̌ < и.-е. *-ōis от тем. основ. Дат.-абл. - из того же и.-е. *-bhi с поздним наращением *-os. Ген. *-ām; от основ на *-a,-ā, -i,-u, -ī, -ū - *-nām; происходит из тем. и.-е. *-ōm, *-ō̆n с переходом затем на другие основы. Лок. *-s/hu, -šu из и.-е. *-su, зафиксированного в языках сатэм (от тем. основ с добавлением перед окончанием *-i-). Подробнее об окончаниях: [Reichelt, 1909, 163-181; Мейе, 1938, 302 сл.; Соколов, 1961, 55-60; 1979$_{I}$, 179-184; Барроу, 1976, 216-227; Семереньи, 1980, 170 сл. и др.].

Общеиранская падежная система продолжает (с рядом инноваций [Соколов, 1979$_{I}$, 181-182]) позднеиндоевропейскую восьмипадежную систему с выражением трех родов (м., ж., ср.) и трех чисел (ед., дв., мн.,), которая восходит, в свою очередь, к раннеиндоевропейской, построенной по иному типологическому принципу - двучленной классификационной оппозиции имен по активности/инактивности, из которых первые обозначали вначале живые существа, вторые - неодушевленные предметы. Маркерами имен были соответственно *-os/-om - флективные показатели ном./акк. ед.ч. и ген. ед. и мн.ч. (рефлексы их прослеживаются в общеиранских окончаниях данных падежей).

При дальнейшем усложнении классификации имен (с разделением активных на м. и ж.р. и сохранением инактивных в виде ср.р.) усложняется и грамматическая парадигма имени. Грамматикализуется выражение раздельной множественности дифференциацией показателей ед. и мн.ч., особенно для активных имен (т.е. м. и ж.р.). Для инактивных, т.е. ср.р., понятие множественности выражалось как собирательность, а собственно мн. ч. выработалось позднее, при переходе к номинативной типологии. С этим "отставанием" имен ср.р. связано употребление их мн. числа - как собирательного - с глаголом в ед. числе, что отразилось впоследствии на синтаксисе иранских языков, включая восточноиранские. Формы дв.ч. выделялись не очень четко, поэтому падежная парадигма дв.ч. скуднее, чем мн.ч. Выработка других падежных форм, кроме "первичных" ном., акк. и затем ген., происходила много позднее. Подробнее об индоевропейской именной системе и этапах ее перестройки см. [Мейе, 1938, 345 сл.; Бенвенист, 1974, 162-164; Тронский, 1967, 48-82; Семереньи, 1980, 167 сл.; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 267-291].

В общеиранской системе наблюдается ряд явлений, способствовавших ее дальнейшей трансформации. Так, продолжается унификация именной парадигмы, в основном в виде тематизации склонения, начало которой относится еще к индоевропейским диалектам (однако при сохранении древнего разноместного ударения в именных словоформах). Попутно затухает аблаут (вызывая омонимию некоторых падежей, напр., ном. мн.ч.м.и ж.р.и акк.мн. ч.) [см. Соколов, 1961, 60-61; 1979$_{I}$, 183-184; ОИТИИЯ, I, 113 сл.; II, 135]. К этому добавляется сближение "именной" (т.е. существительных и прилагательных) и "местоименной" парадигм [см. Соколов, 1979$_{I}$, 169-

I70]. В древнеперсидском языке наблюдается элиминация ряда древних падежных форм и "синкретизм" оставшихся, выражавших большее количество синтаксических отношений, чем в общеиранской парадигме [ОИТИИЯ, II, I24, I36-I37]. Выражение все большего количества синтаксических отношений имен берет на себя синтаксис (см. с. 65-66). Категория числа, выражаемая в падежной парадигме, тоже выявляет тенденцию к упрощению - ослаблением форм дв. ч., которые и прежде имели ущербный статус. В позднеавестийском дв.ч. имени употребляется с мн.ч. глагола. Позднее дв.ч. исчезает, оставляя рефлексы в виде отдельных форм [ОИТИИЯ, II, 205-206]. Категория рода, которая уже в общеиранском была в основном формальной, упрощается за счет затухания ср.р. В дальнейшем она в одних языках исчезает, в других сохраняется, в зависимости от трансформаций содержательного порядка [ОИТИИЯ, II, 32 сл.]; о восточноиранских языках см. гл. II.

Степени сравнения прилагательных

Прилагательные грамматически отличались от существительных словоизменительным характером категории рода и согласовательностью форм рода, числа, падежа.

Прилагательные с качественным значением имеют формы степеней сравнения (и интенсивности вне сравнения с чем-либо). Прослеживаются две подсистемы их выражения: I. Присоединение к корню суффиксов: сравн. степ. *-(i)i̯ah : -(i)i̯āh (ср. вед. -(ī)yas : -(ī)yāṃs)< ар. *-i̯as : -i̯ās<и.-е. *-i̯es/-i̯os; превосх. степ. *-iš̌ta (ср. вед. -iṣṭha)< ар. *-iš̌tha< и.-е. *-is-to (с нулевой ступенью суффикса сравн. степени). Эти суффиксы могли присоединяться к именному и глагольному корню, указывая иногда на интенсивность без сравнения. Ср. *uahi̯ah-/*uahiš̌ta- 'лучше/лучший' (ав. vahiš̌ta-, др.-инд. vasiṣṭha-), *śrai̯ah-/*śraiš̌ta- 'красивее/красивейший' (ав. srayah-/sraēš̌ta-, др.-инд. śreyas-/śréṣṭha-). 2. Присоединение к основам суффиксов: сравн. степ. *-ara, *-tara (ав. -ara, -tara, др.-инд. -tara)< и.-е. *-ero, *-tero; превосх. степ. *-ama, *-tama<и.-е. *-mo, *-tmo. Эти суффиксы в общеиранском, как и в других и.-е. языках, указывали не только на степень качества, но и на подобие, образовывали наречия, порядковые числительные (см. с. 5I) и т.п. Ср. *upara-/*upama- 'более верхний/самый верхний; наверху' (ав. upara/upama, upəma-, др.-инд. upara-/upamá-); *aśu̯a-tara- 'похожий на лошадь' → 'лошак' (др.-инд. aśvatara-, перс. ästär), *i̯au̯a-tara- 'похожий на ячмень' → 'рожь' (перс. ǰävdär) [Стеблин-Каменский, I982, 30]. Подробнее: [Bartholomae, I895$_I$, I09; Reichelt, I909, I59; Kent, I950, 66; Барроу, I976, I42; Соколов, I96I, 42-43; I979$_I$, I66; I979$_2$, 246; Семереньи, I980, 205-2I4; Елизаренкова, I982, I54-I55, I67-I68].

Числительные

Количественные числительные

Для общеиранского периода восстанавливается система числительных, продолжающая позднюю индоевропейскую децимальную (с этимологическими рудиментами более старой - четверично-восьмиричной). Поскольку числительные склонны к изменениям по аналогии с названиями "соседнего" меньшего числа (ретардация) или большего (антиципация), при реконструкции каждого из них приходится учитывать их общий состав и последовательность, т.е. их лексическую парадигму и, следовательно, систему счисления.

Числительные первого десятка.

"1" было представлено разными по ареалам основами: А. *aiu̯á- (ж.р. *aiu̯ā-) с колебаниями ударения по диалектам или с ранним сдвигом его в части диалектов на первый слог, поскольку в дальнейшем выявляются рефлексы *aiu̯á- и *áiu̯a-. Характерны суффиксальные образования: *aiu̯á-ka- (язг. wūg), *áiu̯a-ka- (перс. yek). Ср. ав. aēva-, ав. п. ōiva-, др.-п. aiva-, при др.-инд. é-ka-. Происходит из и.-е. дейктической основы *oi-/ei- 'тот, он' с разными по языкам распространителями (ср. ав. aēva, др.-инд. e-vá 'так', e-na- 'он', e-sá- 'тот' [IEW, 286; Оранская, 1984, 56-60]. Б. *ś(i)i̯a- (ж.р. *ś(i)i̯ā-), отразившаяся в орм. лог. šē, кан. sa (ж.р. sye); хс. śśau (акк.), śśiye, śśye (ж.р. śśā), тумш. śo и продолжающая другую и.-е. дейктическую основу - *k̂o-, *k̂e- в форме *k̂(i)i̯o- 'этот' [IIFL, I, 407; Konow, 1932, 50; Ефимов, 1986, 158; ср. IEW, 609] (продолжение в этих формах ир. *aiu̯a- [DKS, 404] фонетически невозможно; об отражении ир. *śi > орм. лог. š, кан. s, хс. ś(ś) см. [IIFL, I, 336; Konow, 1949, 32; Ефимов, 1986, 83; Герценберг, 1981, 247; СГВЯ-Ф, 83-84]). Рефлексы *ś(i)i̯a- в языках-наследниках окраинных диалектов общеиранского континуума: сев-зап. (ормури) и юго-вост. (сакских) свидетельствуют об архаичности прототипа. В. *ha- <*sa- < и.-е. *sm̥- отмечается в композитах (напр., ав. hakərət-, др.-инд. sa-kŕt- 'один раз').

"2" - *duu̯á-(со слабым дифтонгом *-uu̯- [СГВЯ-Ф, 34]), ср. ав. dva- (двусложная основа в ритмических текстах; ж.р. dvā-), др.-инд. dvá-, duvá-, dváu (ср., ж.р. dve) < и.-е. *duu̯o-.

"3" - *trai-, *tri- (ж.р. *tišr-) с начальной *tr- [СГВЯ-Ф, 26, 172-175], ср. ав. θray- (ж.р. tišr-, ср.р. θrī), вед. trí-, tray- (ж.р. tisr-) < и.-е. *trei- (ж.р. *t(r)isr-, ср.р. tri-).

"4" - *čatuár-/čátur- (ж.р. *čatahr-) с срединной *-tu̯- [СГВЯ-Ф, 60, 175 сл.], ср.ав. čaθwar-, čatur- (ж.р. čataŋr-), вед. catvár-, catur- (ж.р. cátasr-) < и.-е. *k^{w}etu̯or- (ж.р. *-esr-).

"5" - *pánča (без дифференциации рода, как и обозначения дальнейших чисел), ср. ав. paṇča-, вед. páñca- < и.-е. *penk^{w}e-.

"6" - *xšuaš < *šuaš, ср. ав. xšvaš, вед. ṣáṣ-, ṣaṭ из ар. *šuaš < *sua(ć)š < и.-е. *s(u̯)eks- (из более раннего *ueks- с наращением

*s- по аналогии с *septm̥- '7' [Nehring, 1962, 129-131], с общеар. ассимиляцией *s- > *š- по конечной *-š и затем общеир. наращением *x- [СТВЯ-Ф, 53]).

"7" - *haptá, ср. ав. hapta, вед. saptá < и.-е. *septm̥-.

"8" - *aštā, *aštāu, ср. ав.ašta, вед. aṣṭáu, aṣṭā́ из и.-е. *okt̂ō(u)- (форма дв.ч. от более раннего и.-е. *okt̂o- '4', ср. ав. ašti 'мера ширины в 4 пальца') - раннеиндоевропейской единицы второго порядка в четверично-восьмиричном счете [Henning, 1949, 69; IEW, 775; Эдельман, I975I, 33-34].

"9" - *nâua (о возможности более архаичного *anaua- в составе "I9" см. ниже), ср. ав. nava, др.-инд. náva- из и.-е. *-neun̥- < *e-neu̯en- (связанного со словом "новый", что отражает, наряду с "8", более старый четверично-восьмиричный счет в раннеиндоевропейском [IEW, 318-319]).

Названия полных десятков различны по словообразованию и грамматическим свойствам.

"I0" - dáśa-, ср. ав. dasa, др.-инд. dáśa- из позднего и.-е. *dek̂m̥-.

Числительные от "20" до "50" - в основном представляли собой композиты, где во второй части выступала основа *-śat- < и.-е. *-k̂m̥t- < *-dk̂m̥-t-, первоначально являвшаяся формой дв. числа (т.е. выступавшая в "20"), с переходом затем и на другие числительные этой группы (основа мн. числа *-śamt- < и.-е. *(d)k̂omt- прослежена в единичных случаях, напр., ав. vrisąs < *tri-śam/nt-s [ср. Reichelt, 1909, 215]). В первой части выступали застывшие падежные формы или основы числительных первого десятка (иногда с растяжением гласного):

"20" - *u̯í(n)śati (с *-n- по аналогии с *tri(n)śat-, см. ниже) - из ар. *u̯ī-ćati - формы дв.ч. из и.-е. *(d)u̯ī-k̂m̥ti '2 десятки', ср. ав. vīsaiti, вед. viṃśatí.

"30" - композит *t/vri-śat или *tri(n)-śat- - из *trīn (акк. м.р.) или *trīni (ном.-акк. ср.р.) + *-śat-, ср. ав. vrisat-, др.-п. *vriṿat-, др.-инд. triṃśát-; реже - *trai-śat (см. гл. III).

"40" - *čatu̯ār-śat-, ср. ав. čaṿwarsat-, др.-п. *čaṿvarṿat-, - либо *čatu̯āri (ном.-акк. ср.р.) + *-śat-, ср. вед. catvāriṃśát-.

"50" - *pančā́-śat (с и.-е. акцентом, ср. греч. πεντήκοντα, в отличие от вед. pañcāśát с вторичным переносом ударения по аналогии к последующим числительным [Дыбо, I974, 85]), ср. ав. pančāsat, др.-п. *pančāṿat.

Названия полных десятков от "60" до "90" - абстрактные имена на *-ti от числительных "6"-"9":

"60" - *xšu̯aš-tí- (или с вторичным ударением *xšu̯ášti, см. гл. III), ср. ав. xšvašti-, вед. ṣaṣtí-.

"70" - *haptā́ti-, ср. ав. haptāiti-, вед. saptáti- (с растяжением *-a- > *-ā- по аналогии к "80" [Bartholomae, 1895I, 119]).

"80" - *aštā́ti- - из *aštá (ном.-акк.), ср. ав. aštaiti-, при вед. aśītí- (об этимологии последнего см. [Hamp, 1982, 37-38]; оба прототипа противоречат предложенному О.Семереньи и.-е. *okt̄ō-kˆomt- [Семереньи, 1980, 239]).

"90" - *nauáti-, *nauatí-, ср. ав. navaiti-, вед. navatí- (выявляются и формы с поздним ударением: *náuati).

Названия единиц более высоких порядков (от "100" и выше) представляют существительные ср. рода на *-a: "100" - *śáta- (ном.-акк. ед.ч. *śatam < и.-е. *kˆm̥tóm <*(d)kˆm̥tom), ср. ав. satəm, др.-инд. śatám. "1000" - *haźáhra- (ном.-акк. ед.ч. *haźáhram), ср. ав. hazaŋrəm, др.-инд. sahásram (единого индоевропейского прототипа не было; для арийского, греческого, латинского предполагается *sm̥-ĝheslom из *sm̥- 'I', *ĝheslo- 'тысяча, множество' [IEW, 446; Семереньи, 1980, 242]). "Множество", традиционно трактуемое как "десять тысяч" (или "мириад"), - *baiuar-, ср. ав. baēvar-/baēvan-, кл. перс. bevar (при вед. ayúta-) неясной этимологии (ср. [Bartholomae, 1895_1, 112; ИЭСОЯ, I, 262], о сомнительности соответствия этой формы др.-инд. bhúri см. [KEWA, N 15, 514]).

Числительные, составленные из двух и более основ, строились различно. Числительные, обозначавшие неполные десятки, имели единый порядок компонентов: от единиц к десяткам, т.е. "11" = "1 (+) 10", "21" = "1 (+) 20", "31" = "1 (+) 30" и т.д. Однако связь основ, обозначавших единицы и десятки, была дифференцированной. Числительные второго десятка (от "11" до "19") обычно представляли композиты, отчасти рефлексы более старых сочетаний полнооформленных слов. Отмечаются случаи растяжения гласных первой основы и изменения по аналогии с соседними числительными. Отдельные модели различались по ареалам уже в общеиранском (особенно в обозначении "11", диалектно неоднородного уже в силу этимологически различных названий единицы); часть различий могла быть и более поздней - по аналогии с числительными третьего и последующих десятков в ограниченном ареале.

"11" - А. *aiuą- + daśa-: а) композит *aiuą̄-daśa- (с *-a- > *-ā- по аналогии к *duuą̄-daśa 'I2', ср. вед. ékādaśa с таким же растяжением), ср. пашто yawólas; б) продолжение более древнего (возможно, арийского) сочетания полнооформленных слов: (ар. *aiuam daśá >) ир. *aiuam daśa (акк. м.р. или ном.-акк. ср.р.) > *aiuandaśa [ср. Bartholomae, 1895_1, 112], ср. ав. aēvandasa-, парф. ʿywnds [ēvandas] (о восточноиранских языках см. гл. III)[7]. Б. *ś(i)ia- +

[7] Ср.-п. yāzdah и его продолжения в персидском, таджикском и дари, объясняемые дальним влиянием pānzdah 'I5' [Horn, 1898, 114], могут продолжать и относительно позднее сочетание *aiuą-ča daśa- по аналогии с "21", "31" и т.п. с тем же растяжением *-ā-. То же относится к ср.-перс. d(u)vāzdah 'I2' и sezdah 'I3', хотя в последнем случае не исключено и более сложное развитие (см. ниже).

daśa-: сочетание полнооформленных слов *ś(i)i̯am daśa > *ś(i)i̯anda-śa-, ср. орм. лог. šándas, кан. sándas, о сакских см. гл. II.

"I2" - *duu̯ā + daśa-: композит *duu̯ā-daśa- (возможно, из более раннего сочетания, где *duu̯ā - ном.-акк. м.р.), ср. вед. dvādaśa-[8].

"I3" - *trai- + daśa-: а) композит, возможно, поздний: *tri-daśa- или *trīn-daśa (и с огласовкой *tri- - по аналогии с "30"), ср. ав. θridasa-; б) сочетание полнооформленных слов ар. *traiias daća (ном. м.р.)> ир. traiah daśa > вторичный композит *trai-daśa- (ср. вед. tráyodaśa-) и продолжения с рефлексами *-ai- в иранских языках (см. орм. лог. šes, кан. šʳes, о восточноиранских языках см. гл. II). Для части диалектов возможно сочетание полнооформленных слов и их раннее сращение: ар. *traiias daća > ир. диал. *traiaz-daśa > ср.-перс. sezdah (> кл. перс., тадж. sezdah), наличие -z- в котором способствовало уподоблению его pānzdah 'I5' и дало варианты тадж. senzdah, перс. диал. sinz(d)a[9].

"I4" - *čatu̯ar-/čatur- + daśa-: композиты *čatu̯ār-daśa- (рефлексы см. в гл. II), čatur-daśa-, ср. вед. cáturdaśa-, ав. čaθru-dasa- (в порядковом числительном).

"I5" - *pańča= + daśa-: композит *pāńča-daśa-, ср. ав. pańča-dasa-, др.-инд. pāñcadaśa-.

"I6" - *xšu̯aš + daśa-: композит, сложившийся уже к арийской эпохе (с озвончением *-š-> *-ž-) - ар. *šu̯až-daća-, откуда вед. ṣoḍaśa- (ḍ <*-žd) и ир. *xšu̯až-daśa-, продолжаемое в ряде языков с рефлексами *-žd-> *-rd-: орм. лог. ɣalés, кан. šóles (l<*rd), ср.-перс. šāzdah (-zd-<*-žd-) и др. (о восточноиранских см. гл. II); ав. xšvašdasa- - вторичное сложение или гиперкорректное "фонологическое" восприятие *xšu̯ažda̯sa- [Reichelt, 1909, 214; EVP, 76; IIFL, I, 332, 347; Benveniste, 1955, 320-321; Henning, 1958, 118; Лившиц, Хромов, I98I, 450-45I; Ефимов, I986, I59; СГВЯ-Ф, II8]. Кл. перс. šānzdah - по аналогии с pānzdah 'I5', облегченной наличием -z- в исконной форме.

"I7" - *hapta- + daśa-: композит haptá-daśa-, ср. ав. hapta-dasa-, др.-инд. saptádaśa-.

"I8" - *aštā= + daśa=: композит *aštā-daśa-, ср. ав. aštadasa-, вед. aṣṭādaśa-.

"I9" - *nau̯a + daśa-: композит náu̯a-daśa- (ср. ав. navadasa-, др.-инд. návadaśa-). В отдельных языках начальный компонент предстает с *a- - по аналогии с "I7", "I8" (орм. лог. (a-)nés, кан. a-nes [Ефимов, I986, I60], см. также гл. II): архаизм в виде ир.

---

[8] Прототипом ср.-п. dvāzdah, тадж. duvozdah могло послужить вторичное сочетание *duu̯ā-ča daśa-, ср. "II" (ср.также с.49).

[9] Хотя и здесь возможен прототип *trai-ča daśa-.

*anaua̯n- из индоевропейского *eneuen- менее вероятен [10].

Числительные третьего и последующих десятков имели, как правило, более свободное построение. В древнеиранских языках, как и в древнеиндийском, преобладали сочетания полнооформленных слов с соединительным элементом - союзом *-ča и без него. Композиты составляли меньшинство. Однако по другим языкам отмечаются рефлексы разных древних построений: и сочетаний (с союзом и без), и композитов. Ср. ав. pančā-ča vīsaiti, вед. pañca-ca viṃśati '25'; ав. nava-ča navaitīm-ča, др.-инд. náva ca navatíś ca '99' и т.п. (ср. также - по аналогии с ними - ав. dva-ča +dasa-ča '12' [AiW, 700]). Не исключены для диалектов общеиранского и образования методом вычитания, типа "без одного 30" = "29", "на один меньше 40" = "39", зафиксированные в ведическом [Елизаренкова, 1982, 235] и имеющиеся в живых иранских языках, где они оформляются всякий раз заново с использованием современного материала (о восточноиранских см. гл. II).

Названия нескольких сотен, тысяч и т.п. были представлены в основном сочетаниями числительных, обозначающих их количество, с именами ср. рода "сто", "тысяча" и т.п. в соответствующем числе и падеже. Композиты редки. Например, *duua̯i śatai '200', букв. 'две сотни' (дв. ч.), ср. ав. duye saite, др.-инд. dvé śaté (тадж. диал. duvest); *duua̯i haźahrai '2 тысячи' (дв.ч.), ср. ав. duye hazaŋre; *čatua̯rah śata- '400', ср. ав. čaϑwārō sata; *tri śata- (ср.р.) и композит *tri-śata- '300', ср. вед. triśatá-, при ав. вторичном tišrō sata (ж.р.) [Reichelt, 1909, 213-217]. Ср. три способа выражения нескольких сотен в ведическом [Елизаренкова, 1982, 234-235].

Таким образом, для общеиранского состояния реконструируется развитая система количественных числительных. I. Полный набор числительных первого десятка, хотя и с различием по ареалам для названий единицы. Последнее естественно, поскольку в разных индоевропейских языках "один" происходит из различных дейктических основ со значениями "тот", "этот" и др., ср. [IEW, 286, 609, 902-903; Оранская, 1984, 56-60; Степанов, 1989$_{I}$, 59]. Как минимум две из них (*aiua̯-, *ś(i)ia̯-) использовались в диалектах общеиранского в значении счетной единицы (возможно, употреблялись в этой роли также рефлексы и.-е. *sem- 'I' в огласовке *sm̥- > ар. *sa- > ир. *ha-, засвидетельствованное в композитах, напр., *hakṛt- 'один раз', *haźahra- 'тысяча', этимологии см. выше). 2. Названия полных десятков, варьирующие по диалектам в словообразовательном и фонетическом аспектах. 3. Названия сотни, тысячи, а также некоего множества *baiua̯r-, которое лишь позднее вошло в систему счета ряда языков как счетная единица "10 000"; для общеиранского это было еще имя, обозначавшее "несметное множество", "мириад".

---

[10] Ср.-п. nōzdah из позднего сочетания *naua-ča daśa- (при возможной аналогии с "15", см. выше).

Труднее поддаются реконструкции названия "промежуточных" чисел, обозначающих неполные десятки. Они представлены сочетаниями основ, обозначающих единицы и десятки, однако конкретные прототипы с определенными звуковыми обликами основ и способами их соединения восстанавливаются не всегда. Более или менее однозначно (хотя и с диалектными вариантами) реконструируются числительные второго десятка. Здесь к общеиранской эпохе относятся лексикализовавшиеся композиты (в некоторых из них проступают черты более ранних сочетаний полнооформленных лексем), а возможные сочетания (особенно с соединительным союзом) носят поздний характер и являются построениями по аналогии с числительными третьего и дальнейших десятков.

Числительные третьего и последующих десятков восстанавливаются обычно как сочетания полнооформленных слов (реже - композиты) с закрепленным порядком компонентов. Способ их соединения в языках древних памятников различен: от примыкания (*traiah tri(n)śat- '33') до связывания компонентов союзом *-čа (при одном из членов сочетания или при обоих). В более поздних языках наблюдаются рефлексы древних числительных, образованных простым примыканием. Очевидно, при обычном счете в нейтральном или деловом стиле речи употреблялись сочетания полнооформленных слов с примыканием, лексикализовавшиеся как составные числительные (типа рус. "двадцать два"), а в поэтических, сакральных текстах, - сочетания с соединительными элементами, реже - композиты, - т.е. стилистически отмеченные не лексикализованные обороты (типа рус. "двунадесять", "тридесятое царство", "тридцать лет и три года"), ср. аналогичные ведические [Елизаренкова, 1982, 234-236]. Последние и дошли до нас в памятниках соответствующего стиля.

Словоизменение количественных числительных, выявляемое в основном из древнеиранских языков, было неодинаковым для разных числительных даже в первом десятке. Числительные от "1" до "4" имели категорию рода; от "1" до "10" склонялись: *aiua- и, по-видимому, *ś(i)ia- '1' - по типу местоимения *ha-, *ta- в ед. числе (что подтверждается элементом *-n- в *aiuandaśa-, *ś(i)iandaśa- 'II', продолжавших *aiuam daśa, *ś(i)iam daśa, см. выше, где "1" выступало в ном.-акк. ср.р. или акк. м.р. ед.ч.); "2" склонялось как имя на *-a (м., ср.р.), *-ā (ж.р.) в дв. числе; числительные от "3" до "10" - как имена с соответствующими исходами основ по парадигме мн. числа (об этом свидетельствуют ведические данные; в авестийском числительные от "5" до "10" практически неизменяемы). Склонение *trai- '3', возможно, различалось по родам, аналогично ведическому, где основа на -i выступала в м. и ср.р., на -r - в ж.р.; авестийский выявляет уже тематизированные основы. Названия полных десятков на *-śat и *-ti выступали как собирательные имена в ед. числе; фиксируются обычно как бы застывшей формой акк.

ед.ч. ж.р. (принадлежность к ж.р. подтверждается ведическим), ср. ав. čaϑwarəsatəm, pančāsatəm и т.д. Исключение - *u̯ī(n)śati '20', являющееся формой ном. дв. числа. Названия "100", "1000", "10000" (или "мириада") являлись существительными ср. рода с полной парадигмой склонения, как в ведическом [ср. Елизаренкова, 1982, 235-238].

Порядковые числительные

Порядковые числительные в общеиранском грамматически относились к прилагательным, являлись суффиксальными производными от количественных, кроме числительного "первый", выражаемого прилагательным "передний": *f/pra-tara-, *f/pra-tama- (ср. ав. fratarō, fratəmō, др.-инд. prathamá-), или *pau̯ru̯ia- (ср. ав. г. paouruya-, ав. п. paoirya-, др.-инд. pūrvyá-, рус. первый).

У остальных числительных первого десятка за определенными их группами были закреплены определенные суффиксы: *-ia, *-īia, *-ϑa (из ар. *-tha), *-(a)ma (последний происходит из исхода порядковых основ на *-m от числительных на *-m: *septm- '7' и *dekm- '10', - который распространился еще в и.-е. диалектах по аналогии на другие числительные [IEW, 775, 909 и др.] и переосмыслился как суффикс).

"2-й" - *du̯uitīia-, ср. ав.г. daibitya-, ав.п. bitya-, др.-п. duvitīya-, др.-инд. dvitíya-.

"3-й" - *tritīia-, ср. ав. ϑritya-, др.-п. ϑritīya-, др.-инд. tṛtíya-.

"4-й" - *(k)turīia-, ср. ав.п. tūirya- (но āxtūirīm 'четырежды'), др.-инд. turíya-, turya- (caturthá- новое, по аналогии с образованием по типу последующих числительных еще в ар. *turthá-).

"5-й" - *pančama-, *pu/akt/ϑa- (< *pnk-tha-), ср. ав. puxδa- (с -u- по аналогии с ар. *turtha- '4-й'), др.-инд. pakthá-, но и pañcamá-, pañcathá-.

"6-й" - *šašϑ/ta-, ср. др.-инд. ṣaṣṭhá- (ав. xštva- - для [štua-] с метатезой и отпадением первого слога (?), ср. [Bartholomae, 1895_1, 113; Reichelt, 1909, 216]).

"7-й" - *haptaϑ/ta-, *haptama- (?), ср. ав. haptaϑa-, др.-инд. saptátha-, saptamá-.

"8-й" - *aštama-, ср. ав. aštəma-, др.-инд. aṣṭamá- (с кратким -a- по аналогии к "7-й", "10-й" [Bartholomae, 1895_1, 113; Reichelt, 1909, 216].

"9-й" - *nau̯ama-, ср. ав. naoma-, др.-инд. navamá-.

"10-й" - *daśama-, ср. ав. dasəma-, др.-инд. daśamá-.

Для обозначения полных десятков, сотен и тысяч использовался суф. *-tama (при фонетических изменениях на стыке морфем): *u̯ī(n)śastama- <*u̯ī(n)śat-tama- '20-й', ср. кл. перс. bīstum, п. ав. vīsaštəma-; *tri(n)śastama- <*tri(n)śat-tama- '30-й', ср. ав. ϑrisas-

təma-, др.-инд. triṃśattamá-; *śatatama- ‘100-й’, ср. ав. satō.-təmō, др.-инд. śatatamáḥ; *haźahratama- ‘тысячный’, ср. ав. hazaŋrō.təmō, др.-инд. sahasratamáḥ и т.п. [Bartholomae, 1895$_1$, 113].

Порядковые числительные от "11" до "19" представляли склоняемые по типу прилагательных тематические основы количественных числительных. В ведическом они отличались от количественных ударением на конечной тематической гласной: ekādaśá- ‘11-й’, dvādaśá- ‘12-й’, ṣoḍaśá- ‘16-й’ [Елизаренкова, 1982, 239]. Не исключено такое же ударение в общеиранском, учитывая отсутствие здесь в авестийском специальных формантов порядковых числительных [Reichelt, 1909, 216-217].

Другие разряды числительных

Числительные других разрядов, прослеживаемые в основном в авестийском, представляют грамматические наречия. Выявляется несколько типов образования, например: ав. biš (др.-инд. dvíḥ) ‘дважды’, θrīš (др.-инд. tríḥ) ‘трижды’; ав. hakərət (др.-инд. sakṛ́t) ‘один раз’; ав. navasō ‘9 раз’ (ср. др.-инд. śataśáḥ ‘100 раз’) и др. [Reichelt, 1909, 217].

Местоимения

Местоимения разных разрядов обладали различными лексическими и словоизменительными свойствами. Категория рода имелась у указательных, вопросительных и относительных местоимений; число (как и лицо) личных местоимений выражалось лексически, у остальных - морфологически. Категория падежа прослеживается у всех местоимений субстантивной и адъективной семантики (ударных и большинства энклитических); выражена она особой парадигмой, отличной от именной и несколько различной для разных разрядов местоимений; в склонении личных и указательных ударных местоимений наблюдается супплетивизм основ.

Личные местоимения

Личные местоимения были представлены 1 и 2 л. (3 л. обслуживалось указательными, см. с. 55)

	Общеир.	Ав.	Др.-п.	Вед.
			1-е лицо	
			Ед. число	
Ном.	aźám	azəm	adam	ahám
Акк.	mám	mąm	mām	mām
Ген.	mána	mana	manā	máma
Инстр.	mā ?			máyā

Дат.	mábi̯ā	maibyā, -byō, māvōya		máhyam, máhya
Абл.	mat/d	mat̰	mat	mát, mámat, mattas
Лок.	mai			máyi
		Дв. число		
Ном.	u̯ā́m			vā́m
Акк.	āu̯ā	ə̄əāvā		
Абл.	āu̯á́t			āvát, āvābhyām
		Мн. число		
Ном.	u̯ai̯ám	vaēm	vayam	vayám
Акк.	ahma	ahmā, ə̄hmā		asmā́n
Ген.	ahmā́kam	ahmākəm	amāxam	asmā́kam, asmé
Инстр.	ahmā́, -ābiš			asmā́bhis
Дат.	ahmabi̯ā, ahmāi	ahmaibyā, ahmāi		asmábhyam, asmé
Абл.	ahmát	ahmat̰		asmát
Лок.	ahmái			asmé, asmā́su
		2-е лицо		
		Ед. число		
Ном.	tuu̯ám	tvəm, tūm, tū	tuvam	tvám
Акк.	ϑ/tu̯ā́m	ϑwąm	ϑ(u)vām	tvā́m
Ген.	táu̯a	tavă̄		táva
Инстр.	ϑ/tu̯ā	ϑwā		tvā́, tváyā
Дат.	tabi̯ā	taibyā, -byō		túbhya, túbhyam
Абл.	ϑ/tu̯at	ϑwă̄t̰		tvát
Лок.	ϑ/tu̯ai			tváyi
		Дв. число		
Ном.	i̯uu̯ám			yuvám
Акк.				yuvā́m
Ген.	i̯uu̯ākam ?	yavākəm		yuvós, yuváyos
Дат.				yuvábhyām
Абл.				yuvát
		Мн. число		
Ном.	i̯ūš-am, i̯ūš	yūžəm, yūš		yūyám
Акк.	ušma			yuṣmā́n
Ген.	ušmākam	yūšmākəm, xšmākəm		yuṣmā́ka(m), yuṣmé
Инстр.	ušmā, -ābiš	xšmā		yuṣmā́bhis
Дат.	ušmabi̯ā, ušmai ?	yūšmaibyā, xšmaibyā		yuṣmábhyam yuṣmé

Абл.	ušmat	yūšmaṭ, xšmaṭ	yuṣmát
Лок.	ušmai		yuṣmé, yuṣmā́su

Происхождение всех этих форм проследить трудно. В ед. числе ном. I л. *aźám из и.-е. *eĝ(h)óm, где *-om - частица, 2 л. *tuam от *tuu < и.-е. *tū̆ с той же частицей. Основа косв. падежей I л. *ma- из и.-е. *me, mo, 2 л. - из и.-е. *t(e)ue, te. Акк. I л. из и.-е. *mēm, 2 л. из *tuēm/tēm. Ген. из и.-е. *mene, *teue или *teuo. Инстр. *v̥/tuā < и.-е. *tuā (< *tu + ā); вед. máyā, tváyā - инновации по аналогии с именами на -ā. Дат. на *-biā (ср. слав. тебе) восходит к и.-е. *mebhi, *tebhi (древность др.-инд. mahya(m) спорна, ср. [Барроу, 1976, 249] и [Семереньи, 1980, 230]). Абл. соответствует лат., хетт. образованиям на и.-е. *-ed. Лок. и.-е. *moi, *tuoi > ар., ир. *mai, *tuai (др.-инд. máyi, tváyi - вторичны).

Основы дв. числа I и 2 л. и номинатива мн. числа I л. связаны с раннеиндоевропейским корневым элементом *u инклюзивных основ *uei, *ues, указывавших на включенность говорящего и собеседника в единую группу. Общеарийские основы дв. числа ударных местоимений образованы наращением к этому древнему корню препозитивных элементов: в I л. - *ā- <*nH ? [Семереньи, 1980, 235], во 2 л. - *iu- (ср. лит. jù-du ‘вы двое’); последний участвует и в основе 2 л. мн.ч. ном. *iui (ср. основу I л. *uei).

Основы косв. падежей мн. числа содержат эксклюзивный корневой элемент *m, указывавший на множественность каждой группы (говорящего и собеседника) по отдельности. К нему присоединялись препозитивные элементы: в I л. *ah- из энклитики и.-е. *nes (или *mes) в нулевой огласовке: и.-е. *ns, *ms > ар. *as > ир. *ah; во 2 л. - из и.-е. *ues: и.-е. *us > индоар., ир. *uš. Тем самым наиболее архаичное звучание этих основ было: I л. ир. *ahma-, др.-инд. *asma-; 2 л. ир., инд. *ušma- [Kuiper, 1978, 19, 36]. Ав. yūšma-, др.-инд. yuṣma- - результат позднего наращения y- по аналогии с номинативом, охватившего далеко не все языки группы, включая иранские (в языках, где начальная *y- <*i- сохраняется или "усиливается", переходя в ǰ-, ž- (> z-) и т.п. [СГВЯ-Ф, 78], следов *y- в этих формах нет). Об ав. xšma- см. с. 55.

В образовании форм ном. мн. числа I и 2 л. участвовал инклюзивный корневой элемент *u (см. выше). I л. продолжает и.-е. *uei + ар. *-am (как в ед.ч.): *uai-am. Во 2 л. и.-е. *iūs (ср. лит. jus, гот. jūs) > ир. *iūš (продолжавшееся в ав. yūš в энклитической позиции) с наращением (возможно, при эмфазе) того же *-am: *iūš-am. Ав. yūžəm продолжает эту форму с поздним озвончением интервокальной *š (др.-инд. yūyám - из *iūsam по аналогии к vayám). В акк. I л. ир. *ahma < и.-е. *nsme - более архаично, чем вторичная вед. форма на -ān (по типу *nsmēn <*nsmens); 2 л. *ušma < и.-е.

*usme. В ген. ир. *ahmākam, *uš̌mākam, как и соответствующие ведические, продолжали притяжательные местоимения-прилагательные ср. рода (и.-е. ген. *nŏs̆om, *u̯ŏs̆om не прослеживается). В инстр. показатель *-ā - из того же индоевропейского показателя, что и в ед. числе. В дат. архаичные формы продолжают и.-е. *nsmei, *usmei; показатель *-bi̯ā - тот же, что в ед. числе. Лок., возможно, вторичен (*-ai вм. *-i).

Таким образом, парадигма личных местоимений отлична от именной. Характерно, помимо прочих ее черт, что во многих падежных показателях мн. числа проступают следы показателей ед. числа. Это связано с большим архаизмом парадигмы местоимений; последний подкрепляется тем, что категория числа здесь выступает как лексическая, а не грамматическая, т.е. формы парадигмы "мн. числа" на деле являются в большинстве формами ед. числа от основ, обозначавших собирательное или "групповое" множество (о разных типах множества см. также в гл. II). Окончания собственно мн. числа, сходные с именными, в ряде случаев появляются позднее, при сближении именной и местоименной парадигм. Подробнее: [Bartholomae, 1895_1, 140-141; Reichelt, 1909, 204-207, 213, 289-290; Мейе, 1938, 338-342; Kent, 1950, 67; Соколов, 1961, 67-69; 1979_I, 190-192; 1979_2, 253; Барроу, 1976, 247-251; Семереньи, 1980, 226-235; Елизаренкова, 1982, 241-243; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 291-293].

Относительно рано, возможно, в диалектах общеиранского, наблюдается трансформация ряда форм. Так, отпадение *u- в косв. падежах 2 л. мн. числа зафиксировано уже в Авесте (вариант xš̌ma- есть графическая передача *š̌ma- <*uš̌ma-). Ген. мн.ч. I л. *ahmākam рано по многим ареалам дает *amākham > *amāxam [Kuiper, 1965, 305] (о фонетических процессах см. [СГВЯ-Ф, 61]). По аналогии с ней перестраивается 2 л. *(u)š̌mākam > *(u)š̌māxam. Дальнейшие изменения этих форм происходили в уже разделившихся языках[II]. Парадигма дв. числа, и без того ущербная в общеиранском, постепенно исчезает. Падежные показатели имеют тенденцию сближаться с именными, однако некоторые архаизмы в этом плане сохраняются до сих пор.

Указательные местоимения

Указательные местоимения (употреблявшиеся и для обозначения 3 л.), указывавшие на субстанцию и качество, выявляются в виде лексем, соотносимых с различными ступенями удаленности от говорящего и собе-

II Ср.: сохранение основ I и 2 л. мн.ч. в большинстве языков; совпадение их в единой основе *māx в юго-восточной подгруппе (см. гл. III); развитие вторичных форм типа 2 л. мн.ч. *yuhma, откуда телахедешки humā; сохранение и генерализация ном. *i̯uš̌, *i̯uš̌am, откуда сурхеи huž, афтари hūǰ, лазгирди hož и т.д. [Morgenstierne, 1960, 103; Эдельман, 1971].

седника (не исключены и иные мотивы различий между ними, типа видимый/невидимый, одушевленный/неодушевленный и т.н.). Лексические различия местоимений реализуются наличием ряда серий, образуемых от разных основ. Для общеиранского восстанавливаются основы: первичные - I) *a-, *ā- (ж.р.)<и.-е. *o-, *ā-; 2) *ai- : i-, I- < и.-е. *ei/oi : *i (связана чередованиями с предыдущей); 3) *ha-, *hā- (ж.р.) <и.-е. *so-/se-, *sā-; 4) *ta-, *tā- (ж.р.)<и.-е. *to-, *tā-; 5) *au̯a-, *au̯ā- (ж.р.)<и.-е. *ou̯o-, *ou̯ā-; 6) *hu̯a-, *hu̯ā- (ж.р.) <и.-е. *su̯o-, *su̯ā-; а также отдельные основы в составе энклитик (см. с. 60); вторичные, получившиеся в результате морфемного переразложения внутри падежных форм от первичных основ, либо путем сращения двух первичных - 7) *ima- (ар. инновация от *i-), *iia-, *aia- (от *i-, *a-); 8) *ai-šа-, *ai-šā- (ж.р.) из и.-е. *ei/oi- + so-, sā-; 9) *ai-ta-, *ai-tā- (ж.р.) из *ei/oi- + to-, tā-; I0) *ai-u̯a-, *ai-u̯ā- (ж.р.) из *ei/oi- + u̯o-, u̯ā- (ср. ав. aēva 'так'); II) *ana-, *anā- (ж.р.) из *o- + no-, nā-; I2) *ai-na-, *ai-nā- (ж.р.) из *ei/oi- + no-, nā-; I3) *hau-, *hāu- из *so-, *sā- + u (дейктический элемент); I4) amu- из вторичной *ama- (+ дейктический элемент *u ?); I5) возможно, также *hiia-, *hiiā- (ж.р.);*tiia-, *tiiā- (ж.р.), аналогичные указательным др.-инд. syá-, tyá-, употреблявшиеся в иранских языках как относительные (см. с. 6I) и *h(u)u̯a-/x^{v}a-, *t/θu̯a- (ср. ав. ^{3}θwa- в формах θwat, θwāt) в указательном значении (о возвратных аналогах см. с. 62, ср. [Benveniste, 1954$_1$, 36-37]); I6) *ś(i)ia-, *ś(i)iā- (ж.р.) <и.-е. *k̂(i)io-, *k̂(i)iā-, сохранившееся в числительных (см. с.45) и в композитах (ср. орм. šān 'сегодня' [IIFL, I, 408]).

Распределение этих основ по семантическим сериям и падежным парадигмам не всегда очевидно. В индоевропеистике выделяются три основных серии: I - ближняя для говорящего, "Ich-Deixis" ("этот, что возле меня"), II - ближняя для собеседника, "Du-Deixis" ("(э)тот, что возле тебя"); она же обычно была эмфатической ("именно тот") и анафорической ("тот, который..."), т.е. "Der-Deixis"; III - удаленная от обоих собеседников, ("тот"), находящаяся возле третьего лица ("тот, что возле него"), т.е. "Jener-Deixis" [Brugmann, 1904]. Установить соотнесенность рассмотренных иранских основ с этими (или иными) сериями трудно даже для конкретного вымершего языка с небольшим корпусом текстов[I2]. Тем более приблизительна она для реконструируемой системы. На основании наиболее общих закономерностей употребления рефлексов этих основ в разных иранских языках можно предположить их следующее распределение в праязыке.

Первичные *ai- : i-, I-; *a принадлежали к "Ich-Deixis", как и

I2 Ср. несколько различное распределение по сериям ав. основ в: [Reichelt, 1909, 279-287] и [Соколов, I979$_I$, I85-I86].

примыкающие к ним вторичные *aia-, *iia-, *ima-. Тем самым эта сфера продолжала и.-е. серию с *i, *e/o, а не с *ḱ, как в ряде других языковых групп [Мейе, I938, 333] (о судьбе рудиментов серии с *ḱ см. выше). Основы с детерминативами *t и *h, *s̆ (< и.-е. *s): первичные *ta-, *tā-, *ha-, *hā- и вторичные *aita-, *aitā-, *aiša-, *aišā- продолжали и.-е. основы с *t, *s, выполнявшие функции "Du-Deixis" и "Der-Deixis" [Мейе, I938, 332][13]. Этот комплекс значений сохранялся в общеиранском (и в ряде конкретных языков, включая восточные, см. гл. II). Функции "Der-Deixis" отчасти представляли, как и в других индоевропейских языках [Мейе, I938, 334; Бенвенист, I974, 23I-239], относительные местоимения (см. с. 6I). К серии "Jener-Deixis" из засвидетельствованных относятся *aua-, *auā-, *hāu-, *amu-, *ana-, *anā- (ср. *an-(i)ia-, *an-tara- 'другой') [ср. Мейе, I938, 334].

Трудности отнесения основ к той или иной серии сказываются и в неоднозначности их объединения в словоизменительные парадигмы. Известно, что некоторые основы объединялись в падежные парадигмы уже с общеарийского (и более удаленного) периода, например продолжения и.-е. *so-/*to-, однако в ряде случаев такое объединение возможно с известной долей допущения. Некоторые предполагаемые общеиранские парадигмы могли быть едиными, хотя и гетерогенными комплексами, другие, наоборот, - набором падежных форм, относившихся к разным лексемам и не составлявших единой парадигмы.

Склонение указ. местоимений отличалось от именного, а также и от склонения личных местоимений. Здесь характерны в косв. падежах (дат., абл., лок.) элементы *-hm- в ед.ч. ~ *-h- во мн.ч. (из ар. *-sm- ~ -s-) и некоторые особые окончания, хотя в целом падежная флексия указ. местоимений уже заметно приближена к именной. Ср. реконструированные формы от первичных основ *ha- ~ *ta-, *hā- ~ *tā- и вторичных *aiša- ~ *aita-, *aišā- ~ *aitā- (ведические параллели приводятся только от первичных основ):

	Общеир.	Ав.	Вед.
		Муж. род	
		Ед. число	
Ном.	ha(h), aiša(h)	hō, aēšō	sá, sás
Акк.	tam, aitam	təm, aētəm	tám
Ген.	tahia, aitahia	aētahe	tásya
Дат.	tahmai, aitahmai	aētahmai	tásmai
Абл.	tahmāt, aitahmāt	aētahmāt	tásmāt

[13] Раннеиндоевропейская оппозиция корней с *s/*t, маркирующая одушевленность/неодушевленность, активность/инактивность (ср. ном. ед.ч. м.р. *so, ж.р. *sā, ср.р. *tod), к общеиранскому была уже мертва; ее рудименты прослеживаются лишь в словоизменении.

Инстр.	tā, aitā, (ai)taina	tā, aēta	téna
Лок.	tahmi, aitahmi	aētahmi	tásmin, sásmin
		Дв. число	
Ном.	tā, aitā	tā, tā̊, aēta	tá́, táu
Ген.	taiāh, aitaiāh	aētayā̊	táyos
Дат.	tābiā		tábhyām
		Мн. число	
Ном.	tai, aitai	tē, tōi, aēte	té
Акк.	tanh/s > tān	tą, təng	tā́n <*tans
Ген.	taišām, aitaišām	aētaēšą̄m	téṣām
Дат. Абл.	taibiah, aitaibiah	aētaēibyō	tébhyas
Инстр.	tāiš, (ai)taibiš	tāiš	tais, tébhis
Лок.	taišu, aitaišu	aētaēšu, -šva	téṣu
		Жен. род	
		Ед. число	
Ном.	hā, aišā	hā, aēša	sá́
Акк.	tām, aitām	tą̄m, təm, aētą̄m	tá́m
Ген.	tahiāh, aitahiāh	aētaŋhā̊	tásyās
Дат.	tahiāi, aitahiāi		tásyai
Абл.	tahiāt, aitahiāt		tásyās
Инстр.	taiā, aitaiā	aētaya	táyā
Лок.	tahiai, aitahiai		tásyām
		Дв. число	
Ном.	tai		té
		Мн. число	
Ном. Акк.	tāh, aitāh	tā̊, aētā̊	tās
Ген.	tāhām, aitāhām		tá́sām
Дат. Абл.	tābiah, aitābiah	aētāibyō	tá́bhyas
Инстр.	tābiš, aitābiš		tá́bhis
Лок.	tāhu, aitāhu		tá́su
		Ср. род	
		Ед. число	
Ном.-акк.	tad/t, aitad/t	tat̃	tá́d
		Дв. число	
Ном.-акк.	tai, aitai		té
		Мн. число	
Ном.-акк.	tā, aitā	tā, təng, aētā	tāni

В других парадигмах наблюдаются отличия падежных окончаний. Ср., например, м.р. ном. и акк. ед.ч. от основ *a-, *i-: ном. *aiam (ав. aēm, ayəm, вед. ayám), акк. *imam (ав. imәm, вед. imám);

от *aua-: ном. м., ж.р. *auā, *auāh (ав. avā), ном.-акк. ср.р. *auam, *auat (ав. aom, avat), от *hau- - ном. *hāu (м. и ж.) и т.д. Не исключены и вторичные номинативы м.р. типа *aiah, *iiah (по типу *aišah) в более поздние периоды (продолжения их отмечаются в восточноиранских языках), а также иные вторичные основы (аналоги вед. áma-, amī- и т.п.).

Подробнее об указательных местоимениях: [Bartholomae, 1895, 136 сл.; Brugmann, 1904; Reichelt, 1909, 200-202, 208, 279-287; Мейе, 1938, 332 сл.; Kent, 1950, 68-69; Соколов, 1961, 62-66; 1979$_1$, 184-188; 1979$_2$, 252; Барроу, 1976, 252-257; Семереньи, 1980, 217-221; Елизаренкова, 1982, 243-248].

Энклитические местоимения

Энклитические местоимения личной и указательной семантики употреблялись при отсутствии эмфазы и, следовательно, фразового ударения на местоимении. Это связано со слабой акцентной позицией в высказывании, которой является обычно второе место в предложении. При тенденции (хотя и не очень отчетливой) к построению предложения в общеиранский период по модели SOV (см. ниже) естественным было употребление энклитик как субститутов объектов (разного типа) и определений. Выражение ими субъекта отмечается значительно реже и, как правило, не в начальной позиции [Оранская, 1986, 20-31]. Поэтому наиболее употребительны были энклитики, соотносимые с косв. падежами местоимений. Характерна этимологическая связь ряда основ полных местоимений с энклитическими и взаимозависимость их употребления [Оранская, 1986, 73 сл.].

Употребительные личные энклитики:

		Общеир.	Ав.	Вед.
		I-е лицо		
Ед.ч.	Акк.	mā	mā	mā
	Ген.-дат.	mai	mē, mōi	me
Дв.ч.	Общая форма	nā	nā	nau
Мн.ч.	Акк.	nāh	nā, nō, nā	nas
	Ген.-дат.	nah	nō, nā	nas
		2-е лицо		
Ед.ч.	Акк.	θ/tuā	θwā	tvā
	Ген.-дат.	tai	tē, tōi	te
Дв.ч.	Общая форма	uā	vā	vā(m)
Мн.ч.	Акк.	uāh	vā, vō	vas
	Ген.-дат.	uah	vō, vā	vas

К ним примыкает энклитическая безударная форма, связанная с основами ударных местоимений - ном. 2 л. мн. числа *iūš (ср. ав. yūš, засвидетельствованное в непервой позиции в предложении) и, возможно, иные (см. ниже).

Собственно энклитические местоимения продолжают индоевропейские: в ед. числе I л. - и.-е. *mei/moi, 2 л. - *t(u̯)ei/t(u̯)oi; во мн.ч. продолжаются основы I л. *nes/nos, *nēs/nōs; 2 л. *u̯es/u̯os, *u̯ēs/u̯ōs (продленная огласовка - для акк. ед. и мн.ч.), в дв. числе - те же основы с продленной огласовкой без *-s.

Для 3 л. использовались указательные энклитики со следующими основами: I) *i-, *ī- < и.-е. *ei/oi, *i-: ав. ед.ч. акк. īm (м., ж., ср.р.), ǐṭ̰ (ср.р.), дв.ч. ī (м., ж.р.), мн.ч. īš (м.р.); 2) *hai- : hi-; *šai- : ši- < и.-е. *sei- : si-, связанной этимологически с обозначающей возвратность [ср. Мейе, 1938, 342; Reichelt, 1909, 201, 205]: ав. ген.-дат. hōi, hē, še, акк. hīm и т.п. - об их употребительности см. [Оранская, 1986, 70-72, 78]; 3) *dai- : di- из и.-е. дейктической основы (местоимения или частицы) *di или *dm̥ с последующими трансформациями [Степанов, 1985, 14-15; Оранская, 1986, 69, 81]: ав. ед.ч. м.р. dim, ж.р. dǐm, ср.р. dim, diṭ̰; мн.ч. м., ж.р. dǐš, ср.р. dī (отождествляемые с аккузативом).

Энклитические местоимения в общеиранском тесно смыкались с формами или основами ударных местоимений, попадавших в безударную позицию и подвергавшихся различным трансформациям. С этим связано относительно раннее взаимодействие парадигм ударных и энклитических местоимений, начавшееся еще в индоевропейский период, где прослеживаются явления вторичной энклизы и, наоборот, образования эмфатических местоимений от энклитических [Оранская, 1986, 20, 63, 77 и др.]. Подробнее об энклитиках: [Reichelt, 1909, 201 сл.; Kent, 1950, 67-68; Барроу, 1976, 250-251, 258 и др.; Соколов, 1961, 64-65, 69; 1979_1, 187, 191; 1979_2, 253; Семереньи, 1980, 226 сл.; Елизаренкова, 1982, 241 сл.; Оранская, 1986].

Наличие энклитических местоимений сужало сферу употребления ударных личных и указательных местоимений в общеиранский и последующие периоды. Взаимодействие их парадигм продолжалось, так как при отсутствии эмфазы часто вместо ударных форм употреблялись энклитики, а "ударные" местоимения, попадая в "неударную" позицию и теряя ударение, подвергались значительной фонетической редукции (сопровождавшейся морфологической "ущербностью", см. свертывание парадигмы указательных местоимений при их адъективном и артиклевом использовании). В орбиту вторичной энклизы попадали и другие местоимения с постоянно адъективным значением. В результате этого взаимодействия наметились две противоположные тенденции, реализуемые затем в разных языках: I) вхождение энклитик в парадигму ударных местоимений, их частичная контаминация; замена энклитиками ударных основ при выбывании последних; 2) закрепление безударных энклитик в функциях показателей: принадлежности (при именах) и лица и числа глагола (при глаголах и других частях речи). В ряде случаев в этих функциях вместе с энклитиками закрепляются отдельные формы ударных местоимений при вторичной энклизе (см. главу II).

Вопросительные, неопределенные и относительные местоимения

Вопросительные, неопределенные и относительные местоимения, соотносимые с субстанциями и качеством (о наречиях см. с. 62), грамматически примыкали к указательным.

Вопросительные: *ka- (м., ср.р.), *kā- (ж.р.), ср. ав., вед. ka-, kā- – из и.-е. *k^{w}o-, *k^{w}ā-, а также *čai- : či- < и.-е. *k^{w}ei- : k^{w}i-, ср. ав. ед.ч. ном. čiš < и.-е. *k^{w}is (но вед. -kis), акк. ав. čim < *k^{w}im (вед. -kím). Они же выступали в значении неопределенных и отчасти – относительных. Неопределенные образовывались также сочетанием вопросительных с частицами *čit, *ča (ср. ав. čit, ča, вед. cit, ca): ном. *kas-čit ‘кто-нибудь, кто бы ни’ и т.п.

Для общеиранского периода прослеживаются относительные местоимения от двух основ: I) *i̯a- (м., ср.р.), *i̯ā- (ж.р.), ср. ав., др.-п., др.-инд. ya-, yā- – из и.-е. *i̯o-, *i̯ā-, производных от анафорического *i (считается сатэмно-греческой инновацией) и 2) *čai- : či-, выступавших и как вопросительные (см. выше) и отразившихся благодаря относительному значению в парф. "изафетном" čē [Расторгуева, Молчанова, 1981$_2$, 206], в союзах и союзных словах, типа пашто cə, язг. čə, шугн. ca, а также в соотносительности употребления др.-п. či-ta ~ ya-ta [Szemerényi, 1959, 65-67]. Ср. мнение о неупотребительности одновременно обеих данных основ как относительных ни в одном индоевропейском языке [Семереньи, 1980, 224-225]. С основой *i̯a- также были связаны местоимения, соответствующие др.-инд. sya-, tya- (см. с. 56), продолженные в ав. hyaṯ, др.-п. графич. "hy", "ty" (возможное сочетание двух основ *ha-, *ta- + *i̯a-), ср. [Bartholomae, 1895$_1$, 138; Kent, 1950, 68, 214-215; Brandenstein, Mayrhofer, 1964, 22; Hinz, 1973, 137; Szemerényi, 1975, 323-325; Schmitt, 1976; Соколов, 1979$_2$, 252-253]. Их фонетическая интерпретация спорна (о возможности произнесения в "изафетной" позиции в виде др.-п. tiia-, hiia- см. [СГВЯ-Ф, 34-36]). Относительные местоимения употреблялись не только как анафорические слова, но и как средства выделения имен (в артиклевой и "изафетной" функциях), что впоследствии сыграло роль в морфологии ряда иранских языков.

Определительные, притяжательные, возвратные местоимения

Грамматически эти местоимения являлись прилагательными со значениями указания, вопроса, соотношения с чем-либо и т.п. (часть из них связана основами и типом склонения с собственно местоимениями), например, утвердительные – *u̯iśu̯a-, *haru̯a- ‘весь, целый’ (ав. vīspa-,

haurva-, др.-п. haruva-, др.-инд. víśva-, sárva-); *an-(i)i̯a-, *an-tara- 'другой, иной' (ав. anya-, ainya-, antara-, др.-п. aniya-, др.-инд. anyá-, ántara-, antama-); *h(u)u̯a- : x^{v}a-/h^{v}a-/hu- <и.-е. *sue-, seue- 'свой, себе' (ав. x^{v}a-, hva-, др.-п. uva-, др.-инд. svá-, ср. с. 56); *hama- 'каждый, некий; тот же' (ав., др.-п. hama-, др.-инд. sama-) и др.; вопросительные - *ka-tăra- 'который (из двух)', *ka-tăma- 'который' (ав. katāra-, katāma-, вед. katará-, katamá- - о суффиксах см. с. 44), *č(i)-u̯ant-, *č(i)-i̯ant- 'сколь большой' → 'сколько' (ав. čvant-, čavant-, др.-инд. kíyant-, kívant) и др.; относительные - *i̯a-u̯ant- (ср. ав. yavant-, др.-инд. yā́vant- 'такой же большой, как...'), *i̯a-tăra- (ав. yatāra-, др.-инд. yatará- 'тот, который [из двух]'), *i̯a-tă-ma- (др.-инд. yatamá- 'тот, который') и т.п.

Подробнее о вопросительных, относительных и определительных местоимениях: [Bartholomae, 1895$_1$, 138 сл.; Reichelt, 1909, 202, 211-212, 288-289, 292; Мейе, 1938, 334 сл.; Kent, 1950, 69; Соколов, 1961, 65-67; 1979$_I$, 188-190; 1979$_2$, 252-253; Семереньи, 1980, 222-226, 236; Елизаренкова, 1982, 245-246, 248-250].

Наречные местоимения

Грамматически местоимения этого разряда представляли наречия, образованные определенными суффиксами от основ указательных, вопросительных, относительных и др. местоимений; в основном они обозначают время, место и образ действия: *i-t/ϑra 'здесь', *au̯a-t/ϑra 'там', *ku-t/ϑra 'где?', *i̯a-t/ϑra 'где (относительное)', *i-ϑā 'этак', *au̯a-ϑā 'так', *ta-dā 'тогда', *ka-dā 'когда' и т.п. См. реконструкцию и авестийские примеры: [Соколов, 1979$_I$, 206].

Неизменяемые слова

В эту категорию, кроме застывших инфинитивов, входили наречия (в широком смысле термина), союзы, частицы (и междометия, которые практически не реконструируются).

Наречия, предлоги, послелоги, превербы

В класс наречий входили слова корневые, образованные наречными суффиксами (*-t/ϑra, *-ϑā, *-dā, *-ra и др., ср. наречные местоимения), или представляющие застывшие падежные формы имен (чаще всего - абл., инстр., акк.): *durāt (ав. durāṯ) 'издалека', *nau̯ā (ав. nava) 'вновь', *dargam (ав. darəγəm, darəgəm) 'долго' и т.п.

Многие из наречий (особенно корневых) использовались в полусамостоятельной позиции при имени и глаголе, становясь постепенно предлогами, послелогами, превербами и т.д. См., например, *api (ав.

aipi, др.-инд. ápi) ‘за, у, на’; *abi (ав. aiwi, avi, aoi, aibī, др.-инд. abhí) ‘к, навстречу, в (направлении)’; *antar (ав. antarə, др.-инд. antár) ‘внутри, внутрь, в’; *aua (ав. áva, avā, др.-инд. áva) ‘в, вниз, от’; *upa (ав. upa, upā, др.-инд. úpa) ‘возле, к, под’; *us/uz (ав. us, uz, др.-инд. úd) ‘вверх, наружу, из’; *pati (ав. paiti, paitī, др.-инд. prati) ‘возле, у, обратно’; *pari (ав. pairi, pairī, др.-инд. pári) ‘кругом, вокруг, пере-’ и мн. др.

Союзы

Из собственно союзов характерны сочинительные - энкл. *-ča ‘и, также’ (ср. ав. -ča, др.-инд. -ca), возможно, также продолжение и.-е. *kai ‘и’[IEW, 519], *-uā ‘или’ (ср. ав., др.-инд. vā) и относительно самостоятельный (имеющий ударение) *utā ‘и’ (ср. ав. uta, др.-п. utā, др.-инд. utá). Не исключены и аналоги др.-инд. ced ‘если’ и комбинации двух союзов типа др.-инд. utá-vā и др. Состав союзов пополнялся в разных регионах на разных этапах за счет союзных слов и сочетаний, частиц и т.п. (возможны были и субстратные заимствования).

В качестве союзных слов в основном подчинительного (относительного) значения использовались местоимения: относительное *ia- ‘который’ в требуемой родовой и падежной форме (в авестийском уже в виде застывших форм yā, yat), возможно, также *hia-, *tia- (или *ha-ia-, *ta-ia-) ‘который’ (см. выше). Как союзные слова могли использоваться и сложения вопрос. и относ. основ типа *ka-ia-, *či-ia- (или *čai-ia-> *ča-ia-), составленные по той же модели, что и *ta-ia-: их рефлексы в виде подчинительных союзов ki, či и т.п. (наряду с продолжениями относительного *čai-) встречаются практически во всех группах иранских языков. Интерпретация их прототипов как ген. *kahia (и вторичного *čahia) представляется возможной, но не единственной. В функции подчинительных слов выступали и наречные местоимения, особенно от относительных основ: *iadā ‘когда, если’, *iatā, *iavā ‘как, когда, чтобы’ (ср. ав. yadā, yavā, др.-п. yātā, yavā), *iadi ‘если, если бы’ (ср. ав. yeδi, yeiδi, yezi, др.-п. yadiy, др.-инд. yádi), а также различные сложения (см., например, *ia + ua, ср. ав. yavat, др.-п. yāvā ‘до тех пор, пока’), первичные частицы (ср. ав. nu, пашто no ‘если’) и т.п., подробнее: [Reichelt, 1909, 357 сл.; Соколов, 1979_1, 232-233; 1979_2, 268-271; Елизаренкова, 1982, 406 сл. и др.]. Список союзных слов и сочетаний был открытым и мог варьировать по ареалам; пополнялся за счет местоимений, местоименных наречий и частиц. Учитывая, что союзные слова и сочетания вводят обычно придаточные предложения, малохарактерные для разговорной речи, их инвентарь в общеиранский период наверняка был невелик.

Частицы, несомненно употребительные в общеиранскую эпоху (как принадлежность разговорного языка), тем не менее трудно поддаются реконструкции: стилистическая "возвышенность" древнеиранских текстов не способствовала фиксации большинства из них, поэтому сохранилась незначительная их часть. Кроме того, частицы, легко усваиваемые из других языков, в частности из субстрата, могли иметь различный состав в разных зонах общеиранского континуума.

Из частиц, относящихся к высказыванию или ситуации в целом и имеющих ярко выраженный модальный характер, наиболее достоверно реконструируются негативные: отрицательная *na 'нет, не-' (при глаголах также *nai, в составе сложных слов - *a- перед согласными, *an- перед гласными - из и.-е. *n̥-) и запретительная *mā 'не-', используемая при глаголе, но относящаяся ко всему высказыванию. Утвердительная же "да", несомненно, существовавшая в общеиранском, реконструкции не поддается: разнокорневые "да" не сводимы этимологически даже в пределах близкородственных языковых групп. Их объединяет только утвердительная интонация (ср. перс. bäli, åri, тадж. ha, диалекты Фарса ha, ā̆, тат. härі, eri; бел. ān, орм. лог. wåya, кан. (h)ā; см. также гл. II).

На общеиранский уровень могут быть спроецированы отдельные частицы, сохранившиеся в составе грамматических форм и в самостоятельном употреблении: усилительные - *-gā (вошедшая затем в состав местоимений, см. гл. II, ср. др.-инд. gha, ha 'действительно'), *na, *nu (ср. лат. -ne, вед. ná, ав. -nā̆, язг. nak, хор. na-), *kim (ср. др.-инд. kim 'именно', ягн. -k, ш. ik и др.), вопросительные и неопределенные типа *čit (ср. ав. čiṯ, čа, др.-инд. cit, ca, образовывавшие неопределенные местоимения от вопросительных) и др. Рефлексы индоевропейских частиц, выявляемые в общеиранском, уже не всегда остаются к этому времени частицами. Ср., например, указательно-удостоверительную и.-е. *i (послужившую основой указ. местоимений и образовывавшую "первичные" окончания глаголов от "вторичных", см. с.24-25), которая продолжала существовать как удостоверительная частица в общеиранском и позднее в отдельных языках (см. гл. II), и частицу и.-е. *dm̥ (присоединяемую к герундивам и слившуюся в общеиранском с энклитическими местоимениями, см. с. 60), достоверных следов которой в общеиранском (и позднее) не обнаружено.

Подробнее о неизменяемых словах: [AiW, 1993 сл.; Reichelt, 1909, 266-279; Барроу, 1976, 261-269; Соколов, 1961, 78-81; 1979$_1$, 203-206, 225-226; 1979$_2$, 254; Елизаренкова, 1982, 251 сл.; и др.].

Праязыковые синтаксические структуры реконструируются с большей степенью условности, чем морфологические, поскольку объектом реконструкции здесь являются не материальные единицы, а модели, конструкции, отношения слов, которые могут быть сходными в неродственных языках и несходными в родственных. В качестве материальной опоры в синтаксической реконструкции приходится использовать единицы других уровней, прежде всего, морфологического и лексического. Определенным ориентиром служит также выявляемый из этих уровней содержательный характер передаваемых отношений.

Для характеристики содержательной стороны языковой системы этого периода существенно то, что: а) в глаголе оппозиция актива/медиума постепенно теряла древнее значение активности/инактивности актантов (см. с. 34); б) имя объекта переходных глаголов имело особое оформление – аккузатив (для имен не-ср. рода), в отличие от имени субъекта, оформляемого номинативом (для той же группы имен). Это означает, что язык был в своей основе уже номинативным (в отличие от раннеиндоевропейского), что объект осознавался как ситуационный (а не лексически заданный) инактивный актант, что имелась предпосылка для лексического членения глаголов по переходности/непереходности и что строй предложения был уже ориентирован на передачу субъектно-объектных отношений [см. Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 311 сл.]. Для характеристики формальной синтаксической системы существенными были: а) сложная флективная система имени и глагола; б) словоизменение существительных в функциях второстепенных членов предложения (напр., генитивное определение); в) согласовательное словоизменение прилагательных, местоимений в адъективной функции и т.п. Это свидетельствует об относительно свободном порядке как главных членов предложения, так и относящихся к ним второстепенных. Частично такой порядок сохранялся в языке Гат [Соколов, 1979_1, 232]. При этом, возможно, относительно рано проявляется тенденция к последовательности SOV, как во многих других индоевропейских языках (см., напр., [Lehmann, 1980, 39-40; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 320 сл.], ср. [Степанов, 1989_2, 226 сл.])[14].

Основные члены предложения имели единообразную маркировку, как в других индоевропейских языках: номинатив имени субъекта, аккузатив – объекта (кроме имен ср. рода, см. выше). Глагольный предикат (или часть предиката) соотносился в лице и числе с синтаксическим субъектом. При этом возможно, что уже в диалектах общеиранского состояния,

---

[14] Отмечаемая в авестийском и некоторых пассажах "высокого штиля" в древнеперсидском последовательность VS(O) – инверсионна и обусловлена стилистическими целями [ср. Reichelt, 1909, 356 сл.; Kent, 1950, 96; Соколов, 1979_1, 232; 1979_2, 267].

либо несколько позднее, но в период до создания древних текстов, здесь, как и в индоарийских и в других древних индоевропейских языках, развиваются причастные и инфинитивные конструкции. Наиболее существенными для синтаксиса (и для последующих изменений в нем и в морфологии) были: причастные результативные конструкции (так называемый "перифрастический перфект") с причастиями на *-ta, реже - на *-na и отдельными на *-ua (см. с. 37), а также инфинитивные модальные обороты (см. с. 38) и нек. др. Вначале они выступали как свободные словосочетания, при этом указанные причастные конструкции, установившиеся после выработки понятия объекта и классификации глаголов по переходности/непереходности, имели построения, четко различавшиеся по этому признаку (как в других индоевропейских языках). Подробнее об их структуре см. с. 71-72, здесь укажем лишь их основные признаки, предопределившие развитие этих конструкций практически во всех иранских языках: сочетания с непереходными глаголами строились по модели *aźam čiuta- ahmi 'я ушел', букв. 'я ушедший есмь'; с переходными - по принципу посессивных оборотов, однако поскольку глагол "иметь" в древних диалектах отсутствовал (глаголы от *√dar- приобрели это значение позднее и не во всех языках), моделью для них послужили древние связочные посессивные конструкции, имевшие с данными глаголами пассивный характер, типа др.-п. *ima... mana // mai kartam (asti) 'это... у меня // мной сделанное // сделано (есть)'. Грамматикализация этих (и иных) конструкций происходила значительно позднее, параллельно и неодновременно по разным языкам (см. гл. III).

Определенными способами оформления и позицией в предложении характеризуются и второстепенные его члены. При первоначальном свободном их расположении, впоследствии намечается тенденция к их фиксации при опорных словах. В определительных сочетаниях определения - качественные (адъективные) и посессивные (генитивные) - начинают тяготеть к препозиции; в относительных же сочетаниях (типа "дом, который отца", "дом, который большой") со связующими относительными местоимениями (особенно *ia-, *či-), отмечаемых и в других древних индоевропейских языках [Бенвенист, 1974, 225 сл.; Соколов, 1979$_{I}$, 232; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 387], выявляется тенденция к постпозиции и относительного элемента, и определения, хотя и с колебаниями позиции последних относительно друг друга: ср. продолжающие их а) изафетные конструкции ("определяемое - относительный элемент - определение") и б) предложения с придаточными определительными ("определяемое - определение - относительный элемент", "определяемое - относительный элемент - определение"). В сочетаниях числительных с существительными последние могли выступать в генитиве дв. или мн. числа (ср. ав. θriš satāiš ... naraṇm 'с тремястами человек', вед. śatá ca viṃśatím ca gónām 'I20 быков'), либо в согла-

сова́тельном паде́же дв. или мн. числа, т.е. оформлялись как постпозитивные определения к числительному (вопреки внутреннему содержанию сочетания, где числительное является количественным определением к имени), что делало такое оформление нестабильным.

Обстоятельства, включая наречия и имена, выявляют тенденцию к постепенному закреплению либо в начальной позиции, либо при имени или глаголе. В дальнейшем закрепление наречий (особенно корневых полусамостоятельных) в приименной и приглагольной позициях, способствовало их превращению в служебные элементы: предлоги, преверbы и т.п. [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 354 сл.], подробнее см. в гл. II. В переходный период возможна иногда их двойная трактовка (ср. интерпретацию одного и того же элемента как преверба или послелога в одном и том же авестийском контексте) [Соколов, 1979_{I}, 203].

Личные и указательные местоимения выступали в полноударном виде в роли субъекта, при эмфазе также и в других функциях. В остальных случаях они заменялись энклитическими, либо, утрачивая или ослабляя собственное ударение, фонетически редуцировались, сближаясь с ними, подвергаясь вторичной энклизе [Оранская, 1986, 20].

Глава II

РАЗВИТИЕ МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Элементы формообразования

После распада общеиранского состояния материальная и типологическая трансформация протекала различно в разных языках, включая восточноиранские, однако основные ее тенденции были сходны.

Изменения материального плана во многом предопределялись историко-типологическими процессами, в первую очередь контенсивно-типологическими, поскольку проходили на фоне изменения от последовательно номинативной типологии праязыковой системы к смешанной номинативно-эргативной (с перевесом номинативного компонента) в большинстве конкретных языков, с возвратом затем части из них к чистой номинативности [см. Миллер, 1935, 313-315; Пирейко, 1968, 35 сл.; Pirejko, 1979, 487; Эдельман, 1974, 24-25; 1985, 45,48]. Менялась также содержательная сторона некоторых грамматических категорий глагола и имени. Изменился и структурно-типологический облик большинства языков: здесь сказалось основное направление развития на рубеже древнего и последующего периодов - к различной (по языкам) степени унификации парадигм (в основном по тематическому типу) и аналитизму, а затем, в части языков (и регионов), - к вторичному синтезу аналитических конструкций [ОИТИИЯ, I, 112], что породило поздние вторичные флективные и агглютинативные парадигмы. Эта типологическая перестройка изменила функции и соотношение формообразующих элементов, в том числе и унаследованных из праязыковой системы. Часть древних элементов была утрачена, однако появились новые.

В результате структурных изменений в словоформах перестает вычленяться корень (ср. с.9). Центром их становятся основы - носители и лексической, и главной грамматической информации. Условно их можно разделить на "первичные", продолжающие общеиранские или несколько более поздние основы (безаффиксальные) или основы с уже непродуктивными аффиксами, и "вторичные" - с продуктивными или недавно утратившими продуктивность и легко распознаваемыми элементами основообразования. Для вторичных основ характерны аффиксальные. Самым распространенным способом их образования является суффиксация. Префиксация от-

мечается реже и служит больше слово-, чем формообразованию. Инфиксация непродуктивна уже начиная с языков памятников. Редупликация (полная и неполная) употребляется как словообразовательный способ (экспрессивная лексика и дистрибутивные построения). Супплетивизм отмечается в местоимениях и глаголе. Характерно также образование основ путем стяжения аналитических форм (или их частей).

Морфонологические чередования в основах частично продолжают древние (напр., чередования в основах наст./прош. вр. глагола в большинстве языков, продолжающие древние чередования в основах презенса/причастий на *-ta), - частично - инновационны (напр., чередования в основах прош.вр./перфекта/инфинитива, осложненные чередованиями в основах м.р./ж.р. и ед.ч./мн.ч., в шугн.-руш. группе, возникшие в результате умлаутирующего воздействия суффикса на корень, с последующим отпадением суффикса), подробнее: [СГВЯ-Ф, 204-206].

Флексия делится, как и в общеиранскую эпоху, на глагольную и именную и характерна своей неоднофункциональностью, в отличие от суффиксов, образующих агглютинативные формы. Словоизменительные постфиксы в ряде случаев могут представлять в одних языках флексию, в других - агглютинативные суффиксы (ср. восходящие к древним падежным окончаниям мн.ч. показатели мн.ч. в языках, сохраняющих падежные оппозиции, и в беспадежных).

В восточноиранских языках развились аналитические элементы формообразования, т.е. морфемы, не входящие в словоформу, но спаянные с ней грамматически. Это, с одной стороны, самостоятельные лексемы (напр., глаголы в функции вспомогательных в аналитических формах, местоимения и числительные в функции артиклей), с другой - морфемы: а) примыкающие к словоформе, но не входящие в ее состав (напр., изафет, заимствованный некоторыми восточноиранскими языками; предлоги и послелоги, сросшиеся с именами); б) не примыкающие к словоформе, но спаянные с ней морфологически (напр., отделяемые личные показатели глагола; приглагольные частицы, входящие в видо-временные и модальные формы). К последним могут быть отнесены и морфемы, выступающие в качестве групповых показателей (напр., показатели мн.ч. группы имен).

Неизменяемые слова в ряде языков, особенно живых (в отличие от общеиранского, см. с. 62), стали входить в разные грамматические классы. Относительно бедное словоизменение, особенно имени, обусловило слабость противопоставления существительных и прилагательных и сложность отграничения от них наречий, а также трудности в отделении полнозначных слов локальной и темпоральной семантики от происшедших от них служебных (предлогов и послелогов).

Глагол

В различных восточноиранских языках получили развитие разные глагольные категории; наиболее общие - категории лица, числа и времени.

Развился комплекс видо-временных форм, различающихся по языкам в плане содержания (ср. значения **Aspekt**, т.е. "завершенности/незавершенности", в пашто и осетинском, но различные значения круга **Aktionsart** - во многих других языках) и в плане выражения. Категории наклонения и залога свойственны не всем языкам. Лексически заданная категория переходности/непереходности в большинстве языков получила формальное подкрепление.

Усложнились отношения между слово- и формообразованием глагола. Кроме общей зависимости словоизменения от лексического значения глагола (особенно в плане переходности/непереходности) добавились особенности формообразования от префиксальных и от сложноименных глаголов (т.е. сочетаний имени с глаголом, разной степени идиоматичности, типа тадж. гӯш кардан ‘слушать’, букв. ‘ухо делать’): часть глагольных формантов, особенно препозитивных (превербы, частицы отрицания, аугмент) может иметь здесь различную закрепленность. Свои особенности имеют и поздние сложновербальные глаголы, наблюдаемые в единичных языках (в виде сочетания одинаковых личных форм, типа шугн. **pinĭw-dŏw-čĭxtŏw** ‘примерять’, букв. ‘надеть-посмотреть’).

Личные глагольные формы

Личные формы лишь частично продолжают соответствующие общеиранские; часть же - аналитические и вторичные флективные - является результатом морфологизации аналитических конструкций прошлого. В небольшой группе восточноиранских языков (группа А: согдийский, хорезмийский, ягнобский) сохранились флективные формы прош.вр. (продолжающие имперфект), а "перифрастический перфект" (с рефлексами первичных причастий) занимает только перфектную сферу. В остальных языках (группа Б) сочетания "перифрастического перфекта", утратив значение результативности, перешли в сферу прош.вр., а результативность стала выражаться новыми аналитическими формами - в основном от вторичных причастий на ***-ta-ka** [подробнее: ОИТИИЯ, II, 358, 361 сл.]. Тем самым новая ведущая временна́я оппозиция "настоящее/прошедшее" (см. с. 35) стала выражаться различно: в языках группы А - оппозицией личных показателей (и отсутствием/наличием аугмента) при единой основе, в группе Б - оппозицией основ (продолжающих презентные/причастные) и различием в происхождении личных показателей.

В период, переходный от эпохи древнеиранских памятников к последующим, усилилось наметившееся ранее членение глаголов на переходные/непереходные, ориентированное в конечном итоге на ситуационную характеристику актантов, т.е. на противопоставление ситуационно активного/инактивного актанта (субъект действия//состояния) ~ ситуационно инактивного, теперь уже пассивного (объект действия). Классификация глаголов на имеющие объект (эксплицитный или потенциальный) - переходные - и не имеющие его - непереходные - постепенно стирала

более старую классификацию глаголов по активности/инактивности (т.е. в конечном итоге - по одушевленности/неодушевленности актантов, см. с. 34,65). В этот период категория переходности/непереходности получила грамматическое выражение в различии построений предложений с "перифрастическими" результативными конструкциями для перех. и неперех. глаголов.

Предложения с неперех. глаголами строились по типу ***aźam čiutaahmi** 'я ушедший есмь', где имя субъекта оформлялось номинативом, с ним согласовывались: причастие - в числе, падеже (ном.) и роде (соответственно в ед.ч. м.р. ***čiutah**, ж.р. ***čiutā**, ср.р. ***čiutam** и т.п.) - и связка - в лице и числе. Предложения с перех. глаголами строились в большинстве языков по типу древнеперсидских конструкций ***ima... mana//mai kartam (asti)** 'это... [у] меня//мной сделанное//сделано (есть)', где субъект действия выражался именем (в ген. или - в части языков - в инстр.) или энкл. местоимением; объект первоначально - именем в ном., факультативная связка согласовывалась в лице и числе с объектом. О форме причастий перех. глаголов нет единого мнения. Факт согласования связки с объектом и ряд других косвенных данных указывают, что причастия также согласовывались с объектом [Лившиц, 1951;1954; Пирейко, 1968, 13-14; **Pirejko, 1979, 482;** Эдельман, 1973, 178; 1987_{I}, 319], однако не исключается их изначальная неизменяемость [Боголюбов, 1982, 4-5]. Трудно исключить также различия в согласуемости/несогласуемости причастий с объектом по разным подгруппам иранских языков (включая восточноиранские) и по ареалам. Они тем более вероятны, что причастные результативные конструкции грамматикализовались относительно поздно, параллельно и не одновременно в разных подгруппах иранских языков, как и в соседних индоарийских и многих других индоевропейских, причем и конкретные типы построения, и словоизменительные способности причастий в каждом языке, и состав глагольной лексики, были к этому времени уже неодинаковы. В качестве аналогии ареальных различий в сходных построениях можно указать на конструкции с согласованными и несогласованными причастиями на -то и на -но в разных русских говорах, включая случаи несогласованного причастия при согласованном вспомогательном глаголе (типа "попрошено соседи были помочь", см. [Кузьмина, 1975_{I-2}], там же библиография)[I]. В единичных языках с литературной традицией позднее появились переходные конструкции "я то-то сделанным имею" с причастием первоначально в акк., именем субъекта в ном. и

[I] Предполагается также использование здесь имен действия на ***-ti** в конструкциях типа "у меня мое делание" [ГОЯШ, 107-108; ГОМШ, 95, 138-140], что типологически менее вероятно и не имеет фиксации в памятниках. Вхождение рефлексов имен на ***-ti** в формы, продолжающие древние перифрастические, стало возможным лишь в некоторых языках и значительно позднее, при частичной контаминации уже неизменяемых основ, продолжающих а) причастия и б) имена действия (см. с.108 сл.).

вспомогательным глаголом "иметь", продолжающим ир. *√dar- [2], см. ниже.

Различия в большинстве древних диалектов в построении предложений с перех. и неперех. глаголами (вначале со значением результативности, а затем и действия в прошлом) способствовали "стандартизации" оппозиции синтаксических конструкций: номинативной при неперех. глаголах (как и при любых глаголах в наст.вр.) и "эргативной", или эргативообразной - при переходных. В результате смешанная номинативно-эргативная (с преимуществом черт номинативности) типология наложила отпечаток на дальнейшее развитие и глагольной, и именной системы.

Подробнее об иранской (и индоарийской) глагольной системе этого "переходного" периода см.: [Benveniste, 1952; 1960; Бенвенист, 1974, 192-225; Пирейко, 1967; 1968; Pirejko, 1979; Эдельман, 1974; 1985; 1987, 324-325; ОИТИИЯ, II, 277-301, 355-357, 366 сл.; Ефимов, 1981, 130-134; 1986, 178 сл. и др.].

Учет этих моментов структурной перестройки в подсистеме глагола помогает сравнительно-историческому исследованию глагола (и имени) восточноиранских языков. Поскольку основной, ведущей парадигмой, наиболее богатой видо-временными формами, остается, как и в древности, индикативная, она является генерализующей для истории остальных наклонений, чьи формы "подстраиваются" под индикативные. Это относится к продолжениям как древних флективных форм, так и причастных оборотов.

Индикатив

Изменение древних флективных форм

Как уже говорилось, только единичные восточноиранские языки (согдийский, ягнобский и хорезмийский, составляющие бóльшую часть северной подгруппы) относятся к типу А, т.е. сохраняют временну́ю оппозицию древности "собственно презенс∼имперфект", которая продолжается здесь материально (хотя и в новой видо-временной системе).

В согдийском языке древние презенс и имперфект трансформировались в формы соответственно наст.-буд. и прош.вр., образуемые от единых (у большинства глаголов) основ. Бóльшая часть основ продолжает древние основы презенса. К ним относятся: 1) большая группа основ, тематических либо тематизированных вторично, входивших в общеиранском в разные классы (см. гл. I): βr- [var-] < *bara-, *√bar- 'приносить', pswč- < *√sauk- 'очищать'; 2) основы главным образом непереходных глаголов с -s < *-sa < *-sḱe: ман. tys- < *ati-isa-, *√ai- 'входить', согд. yɣwsty < *√iaug- 'учиться'; 3) непереходные и пассивные с огласовкой -y- [i, e] (результат i-умлаутного изменения древней сла-

---

[2] Т.е. по типу аналогичных конструкций в романских и германских языках. О зависимости типов построений "я то-то сделанным имею" и "у меня то-то сделано//сделанное есть" от развития абстрактной семантики "иметь" у глагола *dar- к моменту грамматикализации этих конструкций см. с. 138-139.

бой огласовки корня под воздействием суф. *-ia, впоследствии утраченного): будд. ''β'yr [āver] < *ā-br̥-ia-, *√bar- 'был принесен'; myr- [mir-] < *mr̥-ia-, *√mar- 'умирать'; 4) переходные и каузативные - с огласовкой, продолжающей древнюю дифтонговую или продленную под воздействием суф. *-aia, напр. основы с огласовкой [-ē-]: prβ'yr- [fravēr-] < *fra-bāraia-, *√bar- 'объяснять', ман. xwyr-, будд. γw'yr- [xwēr-] < *xᵛāraia-, *√xᵛar- 'кормить'; 5) отыменные основы разновременного образования [Лившиц, Хромов, 1981, 468]; 6) ряд основ, частично непродуктивных уже в древнеиранский период, напр.: с рефлексами и.-е. *-s - βxš- 'давать' < *baxš(a)-, *√bag-; с суф. *-n - wyn- 'видеть' < *uaina-; с инф. *-n- (включая случаи вторичной тематизации или суффиксации *-aia) - ман. ptmynč- [patminč-] < *pati + √mauk- 'одевать'; с редупликацией - 'wšt- < *aua-hišta-, *√stā- 'стоять'; с продленной огласовкой без суф. *-aia - хр. 'ž'w- 'оживить' и др., см. [GMS, 83-88; Виноградова, 1982]. Классификацию согдийских основ на синхронном уровне по исходному звуку см. [EGS, II, 9-23; GMS, 88-94; Лившиц, Хромов, 1981, 469]. Особняком стоят основы прош.вр., образуемые от предыдущих суффиксом -(')'z [-āz], отмечаемые в 3 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. (подробнее: [GMS, 121-122; Боголюбов 1960$_1$, 140-141; Gershevitch, 1975, 201; Исхаков, 1977, 87-90; Лившиц, Хромов, 1981, 489]).

Существенным для изменения спряжения явился сменивший и преобразовавший древнее разноместное ударение так называемый "ритмический закон" - фактор тяжести/легкости основ, состоявший в том, что в древних диалектах - предках согдийского языка в словоформах с "тяжелыми" основами, имевших (и частично получивших позднее) ударение на основе, заударная флексия (или ее вокализм) относительно легко редуцировалась; после "легких" основ флексия сохранялась лучше. Хотя в последующие периоды наблюдалась регенерация флексии у глаголов с "тяжелыми" основами по аналогии с "легкими", результаты воздействия "ритмического закона" сказываются в согдийских памятниках в виде различных фонетических вариантов флексии (напр., окончания с гласным/без гласного) или в виде ее сохранения/утраты после соответственно легких/тяжелых основ. Подробнее: [Tedesco, 1923$_1$, 314; 1926, 102; Gershevitch, 1949, 61 сл.; GMS, 72-81; Henning, 1958, 107-108; Лившиц, Хромов, 1981, 417-418; Виноградова, 1982; 1985; Sims-Williams, 1981; 1984].

Личные окончания наст.-буд.вр. продолжают в основном общеиранские "первичные" окончания индикатива актива (сросшиеся с предшествующей тематической гласной): ед.ч. 1 л. [-am] < *-āmi, 2 л. лег. [-ǐ], тяж. -ø < *-ahi, 3 л. лег. [-t/di], тяж. [-t/d] < *-ati; мн.ч. 2 л. лег. [-t/da, -v̆a], тяж. [-v̆(a)] < *-at/v̆a, 3 л. [-and] < *anti. В 1 л. мн.ч. [-ǐm] продолжает показатель опт. акт. *-aima (с поздним переходом ē > ǐ), что естественно при частичном слиянии древнего опт. с инд., включая его употребление в плане прош.вр. (см. с. 122), и

взаимное влияние парадигм наст.-буд. и прош. времен (особенно при употребительности наст.-буд.вр. в разных временны́х и модальных планах, см. ниже); показатель [-ĭman] - вторичен, образован от [-ĭm] по типу "двойного множественного" под влиянием энклитики. Подробнее: [EGS, II, 23-25; Исхаков, 1977, 12-15; Лившиц, Хромов, 1981, 473]. Окончания прош.вр. продолжают в основном в ед.ч. "вторичные" окончания инд.акт.: I л. [-u] < *-am, 2 л. [-i] < *-ah - при возможном воздействии 2 л. наст.вр. (см. выше), либо опт. *-aiš, 3 л. [-a] < *-at; во мн.ч. окончания относительно поздние, поскольку общеиранские должны были редуцироваться в раннесогдийском [EGS, II, 28]: I л. [-ĭm, -ĭman] (и происходящий из последнего [-ĭmu]), как и в наст.-буд.вр., связаны с опт. (поздние на -an > -u - под воздействием энклитики); 2 л. [-ʾwa, -ʾw] - из наст.-буд. вр.; 3 л. [-and] - из наст.-буд. вр. или из связки [EGS, II, 28-31; Исхаков, 1977, 25-27; Лившиц, Хромов, 1981, 473-475]. Сохраняются также рудименты форм 3 л. ед.ч. имперф. с "вторичными" окончаниями инд. мед.: лег. [-t/dā], тяж. [-t, -t/da] < *-ata, употребляющиеся с активным значением [Исхаков, 1977, 32-34; Лившиц, Хромов, 1981, 488].

Аугмент в беспрефиксальных глаголах, оказавшись в анлауте, был утрачен, в префиксальных же, где он ставился между префиксом и основой, - сохранился. Наиболее показательные рефлексы: 1) удлинение конечной гласной *-a и *-i преверба ([wāstayand] 'они поместили' от [wāstay-] < *aua-stāya- 'помещать', [patīxwāy] 'он убил' от [pat-xwāy-] < *pati-√xᵛah- 'убивать'), 2) вставка -ī- после преверба на согласный ([zīwartand] 'они вернулись' от [zwart-] < *us-√uart- 'вернуться'); 3) вставка -ī- по аналогии с префиксальными глаголами в начальную группу cc- беспрефиксальных ([sīnāy] 'он вымыл' от [snāy-] < *√snā- 'мыть'); 4) -m-, -m'- у глаголов с историческими превербами *ham-, *han-, *ā- [GMS, 95-99; Исхаков, 1977, 28-32; Лившиц, Хромов, 1981, 486]. Примеры: ман. γrβ'm 'знаю', γrβyy 'знаешь', βrty 'приносит', ''γuδym 'хотим', kwnδ 'делаете', δ'βrw 'я давал', будд. nγ'wš 'ты слушал', wyn'nd 'они видели'.

Формы наст.-буд. и прош. вр. выступали в широком диапазоне видовременных и модальных значений. Первая обозначала действие: обычное, совершающееся в данный момент, либо в будущем (реальное, предположительное, возможное и т.п.), а также в прошлом; вторая - действие в прошлом, обычно без видовых характеристик, в разных контекстах также - длительное, многократное, "прежде прошедшее" и т.п. Как во многих других языках, данные формы прош.вр., не имеющие видовых признаков, могли употребляться в модальном плане ирреального условия, ирреальной возможности и т.п. (см.также с.122-123). Прош. вр. с суф. [-āz] указывало на длительное и многократное действие в прошлом.

От форм наст.-буд. и прош. вр. с помощью приглагольных частиц образовывались вторичные аналитические формы: 1) с частицами [(a)skun] и

- в согд. будд. текстах - **'šᵛtn** [(ə)štan] (из ***hištana-** - прич. наст. вр. или прилаг. от през. основы ***hišta-**, ***√stā-** 'стоять', см. [Боголюбов, 1956, 19; **Benveniste**, 1966, 46-49; Хромов, 1972, 134; 1987, 683]) - со значением длительного действия, соответственно в настоящем (от форм наст.-буд. вр.) и прошлом (от форм прош. вр.); 2) с частицей **k'm** [kām] (продолжающей деноминативный глагол ***kām** 'хотеть, желать') от формы наст.-буд. вр. со значением буд. вр. (через этап модального оборота "хотеть, собираться что-л. делать"). Поскольку частица [kām] выступала также с формами иных наклонений, образованные с ней конструкции, означавшие действие в будущем с разной модальностью, представляли собой поздние аналитические построения. Форма прош. вр. индикатива принимала эту частицу только при использовании в модальном плане со значением ирреального действия в будущем. О сочетаниях с част. **x't** [xāt] в манихейских текстах, о рефлексах древнего опт. и об использовании форм прош.вр. в модальном значении см. с. 121 сл. Подробнее о сочетании индикативных форм с частицами см. [EGS, II, 40-42; GMS, 101-102; Исхаков, 1977, 92 сл.; Лившиц, Хромов, 1981, 479, 485-486].

Система флективных форм дополнялась формами причастного происхождения (см. ниже). При этом в христианских текстах флективные формы прош. вр. постепенно вытеснялись причастными конструкциями (т.е. вся система имела тенденцию к переходу из типа А в тип Б, см. с.70).

Система ягнобского языка в принципе продолжает согдийскую, но с отличиями не только хронологического, но и диалектного характера. Здесь также флективные формы наст.-буд. и прош. вр. индикатива образуются от единой основы. Основы продолжают в целом те же древние и более поздние классы, что и зафиксированные согдийские, включая каузативные: **ziwirt-** 'возвращать' (ср. **ziwort** 'возвращаться') < ***√ṷart-**; с перегласовкой: **niᵛž-** 'выходить' - **nayᵛž-** 'заставить выйти', - а также новые каузативные с заимствованным суф. **-on** и т.д. [Боголюбов, 1956, 17-18; Хромов, 1987, 679-680].

Личные окончания составляют различные серии, зависимые от видовременных форм и типа спряжения. Характерны следующие общие моменты: 1) в формах со значениями длительности, многократности, продолжения действия в определенный период в прошлом или в момент речи окончания представляют сращения собственно флексии с постпозитивной частицей **-išᵛt**, продолжающей согд. **'šᵛtn**, см. выше; 2) формы инд. имеют варианты, относящиеся к самостоятельным и зависимым парадигмам: первые представляют "полные" флективные формы, выступающие в самостоятельных позициях, вторые - "ущербные", выступающие в позиции второго и следующих однородных сказуемых при одном подлежащем (о происхождении см. ниже).

Основные окончания наст.-буд. вр. в чистом виде (т.е. без частицы **-išᵛt**) в зависимой парадигме продолжают: в ед.ч. 1 л. **-om** < согд.

-ām < ир. *-āmi, 2 л. -Ø из безударного *-ahi; 3 л. -t, -ti < *-ati; во мн.ч. I л. -im - по аналогии со связкой или окончанием прош.вр., связанным с опт.; 2 л. зап. и перех. говоры -t, вост. -s - из ранненягн. *-ə̌ < ир. *-aə̌a; 3 л. -or <*-ar < мед. инд. *-arai (в отличие от согдийского) - с огласовкой -o- вм. -a-, возможно, по аналогии с I л. ед.ч. наст. вр., либо благодаря частичному совпадению парадигм инд. и конъ. (с вхождением конъ. *-ā в индикатив) с "обменом" окончаниями 3 л. мн.ч. (о конъюнктиве см. с. 123); не исключено и относительно позднее влияние -o- окончания 3 л. мн.ч. прош.вр., где оно закономерно (см. ниже) [ср. Боголюбов, 1956, 20, 22; Хромов, 1987, 683]. В самостоятельной парадигме эти окончания выступают с наращением -išt: ед.ч. I л. -omišt, 2 л. -išt, 3 л. зап. -tišt, вост., перех. гов. -či (<*-tši<*-tišt); мн.ч. I л. -imišt, 2 л. зап. и перех. гов. -tišt, вост. -sišt, 3 л. -ošt (-š- <-rš-). Ср. šawomišt 'иду, пойду'; tíščі 'входит'.

В прош.вр. зависимая парадигма выступает без окончаний (в виде основы с аугментом). В самостоятельной парадигме окончания в основном позднего происхождения: в ед.ч. I л. -im< опт. *-aiam, 2 л. -i< опт. *-aiš (возможно также из имперф. инд. акт. *-ah или мед. *-aha, но с последующей перегласовкой по оптативному типу); 3 л. -Ø - скорее из имперф. инд. акт. *-at, чем из опт. *-ait (последний отразился бы в виде *-i, как и во 2 л.); во мн.ч. I л. зап. -om из окончания тем. имперф. акт. *-āma, вост. и перех. гов. -im < согд. -im - из опт. акт. *-aima, 2 л. зап. и перех. гов. -ti, вост. -si - из опт. *-aiə̌a; 3 л. -or < опт. акт. *-iār(š) [ср. Боголюбов, 1956, 20-21]. Тем самым здесь, как и в согдийском, выявляется наложение на имперфект парадигмы оптатива. От формы прош. вр. частицей -išt образуется прош. длит. вр. инд. с показателями: ед.ч. I л. -imišt, 2 и 3 л. -išt, мн.ч. I л. зап. -omišt, вост., перех. гов. -imišt, 2 л. зап., перех. гов. -tišt, вост. -sišt, 3 л. -ošt (š < rš).

Таким образом, в наст.-буд. вр. зависимая парадигма продолжает более архаичное состояние, самостоятельная образуется присоединением частицы. В прош. временах соотношение парадигм иное: зависимые формы едины для прош. и прош. длительного и не изменяются по лицам и числам, а самостоятельные - флективны. Происхождение парадигм прош. вр. трактуется неодинаково: по М.Н.Боголюбову, зависимая парадигма продолжает древний имперфект, утративший заударные окончания, а самостоятельная образована вторично - присоединением к уже безличным формам окончаний из других парадигм [Боголюбов, 1956, 20-21; 1962$_2$, 4]. По М.М.Исхакову, особой зависимой парадигмы здесь нет: прош. вр. ягнобского продолжает прош. вр. согдийского - по крайней мере во 2 и 3 л. ед.ч. и во 2 л. мн.ч., а опущение флексии в однородных сказуемых, присущее в известной степени и наст.-буд. вр., развилось сравнительно поздно [Исхаков, 1977, 28], ср. [Хромов, 1987, 682-683]. Думается, что при поздней утрате флексии в однородных сказуемых этот процесс

должен был охватить и формы наст.-буд. вр. в равной степени, т.е. с утратой окончаний, чего на деле не произошло. Очевидно, зависимые парадигмы и наст.-буд., и прош. вр. отражают архаичное состояние глагольной системы, не подвергшееся унификации и регенерации окончаний, поскольку окончания здесь синтаксически избыточны; самостоятельные парадигмы, носящие унифицированный характер, "регенерировали" флексию именно в силу ее информативной ценности для синтаксиса.

Аугмент входит в формы прош. вр. и образованные от них формы прош. длит. вр. Выражен префиксом **a-**, генерализованным здесь для всех глаголов, причем в глаголах с превербами ставится перед превербом (в отличие от согдийского и хорезмийского). Его генерализация - результат его длительной продуктивности (как показателя прош. вр. индикатива), продолжавшейся в период сращения и после сращения исторических превербов с основами [подробнее: Боголюбов, 1956, 19; Исхаков, 1977, 30 сл.; Хромов, 1987, 683-684]. Ср. **aš́áwim** 'я пошел', **aš́áwimišt** 'я ходил'.

Форма наст.-буд. вр. обозначает действие в момент речи, в будущем и обычно совершающееся; форма прош. вр. - действие в прошлом: краткое, но контекстуально также длительное, многократное, а также действие в будущем, предшествующее другому будущему; форма прош. длительного - длительное, многократное действие в прошлом, используется и модально - для обозначения ирреального пожелания, условия в прошлом (см. с. 124). Форма будущего не выработалась. Флективные формы индикатива дополняются аналитическими формами и сочетаниями. Подробнее: [Боголюбов, 1956, 22-23; 1966, 352 сл.; Хромов, 1972, 30 сл.; 1987, 685 сл.].

Сходная в принципе система флективных форм прослеживается в хорезмийском языке. Здесь также наблюдается оппозиция форм наст. или наст.-буд. и прош. времени, образованных от единых основ, продолжающих в целом те же общеиранские: продуктивные рефлексы каузативных основ на ***-aia** (> хор. **-iy**) и вторичные каузативы, см. **bd'fsȳ-** <***upa-tafs + iy-** (с поздним **ā** <***a**), ***√tap-** 'нагревать'; **δ'ry-** [**δārīy-**] < ***dāraia-**, ***√dar-** 'держать, иметь', [**wāxiy-**] 'выращивать, воспитывать', ср. [**wax-**] < ***uaxš-** 'расти' [Henning, 1936, 33], **zywy-** 'оживлять', ср. **zyw-** 'жить' и т.п.; основы неперех. и пассивных глаголов на **-s** <***-sa** <***-sk̂e**: **ps-** <***√pak-** 'свариться', **yxs-** 'быть приготовленным', **'s-** <***ā-isa-**, ***√ai-** 'приходить', **xwfs-** 'уходить, убираться' (ср. переходный **xwnb-**, см. ниже), **(')pxs(y)-** 'быть отрезанным' (ср. **(')pxw'h-** 'отрезать' <***√xᵛah-**); рефлексы различных других основ - корневых и тематических: **cyy-** <***ati-√āi-** 'входить', **xnd-** 'смеяться', ^{1}**kn-** 'копать', ^{2}**kn-** 'быть разбитым' <***√kan-**; с суф. ***-n-**: **wyn-** < ***uaina-** 'видеть', с инф. ***-n-**: **xwnb-** <***√xaub/p-** <***keu-p-** 'устранять, убирать', ср. неперех. **xwfs-**; непереходных и пассивных с суф. ***-ia-**: **'my-** [**əmiy-**] < ***mr̂i̯a-**, ***√mar-** 'умирать' и т.д. Имеется большое количество поздних основ (ср. отыменную **tfsyr(y)-** 'комментировать Коран' из араб.). О типах основ см. [Henning, 1955$_2$, 45-46; MacKenzie, 1975].

Выявление основных вариантов окончаний не всегда просто, что ска-

зывается на их исторической трактовке. Обилие вариантов связано с двумя аспектами строя (и графики) хорезмийского языка. Во-первых, глагольные окончания, как и исход именных форм, варьируют в зависимости от нахождения словоформы внутри синтаксического блока или в исходе, перед паузой. "Паузальная" форма пишется с -y- перед конечной согласной, что отражает ударность и удлинение гласной последнего слога; "непаузальная" -y- не имеет. Ср. паузальную h'βryd [hāvrída] 'он дал' ~ непаузальную h'βrd [hāvírda] < *fra-barata. Во-вторых, поскольку в хорезмийском распространено "приклеивание" к глагольной словоформе местоименных энклитик и поствербов (см.с.244-245), личные окончания перед последующими элементами выступают с "проясненными", т.е. продленными гласными элементами (h'βrd'h [hāvirdāhi] 'он дал ему') [Henning, 1955$_2$, 44, 46-49].

С учетом этих факторов выявляются окончания, которые в наст.-буд. вр. продолжают главным образом древние "первичные", однако здесь чаще, чем в согдийском, представлены рефлексы медиальной флексии (часто - от тематических основ). В ед.ч. I л. -'m, -'my, -'myn [-ām(i), -āmī] - из акт. *-āmi (наращение -n возможно по аналогии с окончанием конъ. и/или прош. вр. инд.); 2 л. -Ø, -^{i} [-ī] < *-ahi, 3 л. -(y)c(') [-(i)ca, -ic(a)] < *ati; во мн.ч. I л. -'mn(y) [-mni, -āmni] из мед. *-āmadai с назализацией *d > n под влиянием *m (менее вероятно акт. *-āmah(i) с наращением -ni по аналогии с энклитикой); 2 л. -βy, -β [-vi, -vvi] < мед. *-duai (через этапы *du > *b > v), вариант -ī - по аналогии с прош. вр.; 3 л. -'r, -'ry, -'ryn [-āri, -ārī], пауз. [-īr]? - из "первичного" мед. *-arai. В единичных глаголах в 3 л. окончание -l [-li] (ср. yl [yelli] 'они суть'), где l - по аналогии с прош. вр. (при продолжении ир. *hanti такая форма не могла возникнуть).

Окончания прош. вр. - более пестрого происхождения: здесь на рефлексы имперфекта наложились признаки оптатива с его суффиксом (тем. *-ai, атем. *-iā, -iiā : -ī) и с особым окончанием в 3 л. мн.ч. В ед.ч. I л. -(y)n, -n [-(i)na, -inna] - из конъ. акт. *-āni с "перегласовкой" *-ā- > *ī под воздействием опт. (?); если окончание имело вид [-ī], то оно могло продолжать и имперф. инд. акт. *-am с "оптативной" перегласовкой, и опт. акт. *-aiya m; 2 л. -(y)x, -x [-(i)xa, -xxa] может быть из опт. показателей с *-š- (ср. тем. акт. *-aiš, мед. *-aiša и атем. мед. *-īša) с переходом *-š- > x (не исключено и сопоставление с инд. акт. *-ah, мед. *-aha и с опт. атем. акт. *-iah, хотя фонетически оно менее вероятно); в 3 л. -d, -yd, -yyd, -yt [-(i)da, -(i)ta, -aytta] может продолжать тем. инд. акт. *-at, мед. *-ata (или атем. окончания), либо опт. акт. *-iat, мед. *-īta (ср. изменение коренной гласной типа *bara- > vir-, vrī-, возможное как при нейтральном, так и при i-умлаутном развитии, т.е. перед историческим суф. с *-ī-, -i-). Во мн.ч. I л. -'m(y)n [-ām(i)na] могло состоять из [-ām] < имперф. акт. *-āma - с наращением [-(i)na] под воздей-

ствием энклитики, однако не исключены и имперф. мед. *-ā̆madi с назализацией *d (ср. наст. вр.), и опт. акт. *-i̯ā̆ma или мед.*-i̯ā̆madai; 2 л. -(y)f [-(ǐ)f, -fa] из имперф. мед. инд. *-(a)du̯am или опт. *-ĭdu̯am, возможно, при контаминации с рефлексом энклитики (с оглушением при резкой палатализации); 3 л. -'r(') [-ā̆ra] и в единичных случаях -l [-la, -aila] (ср. c'yl [cā̆yla] 'они вошли') указывают первый - на имперф. акт. *-ar, мед. *-aram, второй - на опт. акт. *-i̯ā̆r(š̆), если l из *rš̆ [Henning, 1958, 117] или из *r при палатализации, как в осетинском. О личных окончаниях см. [Henning, 1936, 33; 1955_2, 45 сл.; 1958, 117-118; Фрейман, 1951; Rysiewicz, 1954, 95; Samadi, 1986, 283 сл.]. О судьбе исторического оптатива в хорезмийском см. также с. 125.

Аугмент выражен в ряде глаголов, в основном префиксальных, долгим ā в первом слоге (историческом префиксе, реже - в корне). Такая презентация связана, как и в согдийском, с тенденцией к отпадению начальной гласной: в беспрефиксальных формах аугмент отпадал, а в префиксальных, где он следовал за превербом, - сохранялся, удлиняя (и видоизменяя) исходную гласную преверба. По аналогии с префиксальными глаголами -ā- развилась и у части корневых, особенно - многосложных или начинающихся с cc-. Ср. p'xyt'h '[он] отрезал это', p'xs(y)d '[он] был отрезан', hāvirna '[я] принес'. У глаголов с гласным анлаутом аугмент, как в согдийском, представлен m-, mn-, ср. mnɣrd'h '[он] проглотил это', mnɣws(y)d '[он] слушал', mikkina '[я] сделал' (ср. ikkām 'делаю') и т.п. Подробнее об аугменте: [MacKenzie, 1975; Samadi, 1986, 305 сл.].

Флективные формы используются при обозначении действия в настоящем и прошедшем, с широким диапазоном видовых и модальных значений. При отнесении действия к будущему, как и в согдийском, используется форма наст.-буд. вр. с частицей k'm [kām, kə̃ā̃]: hβr'm:k'm 'дам', hβry:k'm 'дашь', 'k'mk'm 'сделаю', 'kyk'm 'сделаешь' и т.п. Форма прош. вр. используется также в модальном плане, обычно с частицей mnc, mnc', mnc'c (от глагола *man- 'думать, предполагать', см. также с.125). Подробнее о флективных формах индикатива: [Henning, 1936, 33-34; 1955_{1-2}; 1958, 117-118; 1977; Henning, MacKenzie, 1971; Фрейман, 1951; MacKenzie, 1975; Молчанова, 1978, 104-106; ОИТИИЯ, II, 359-360]. Материалы см. также: [MacKenzie, 1970-1972; Benzing, 1968; 1983; Samadi, 1986]. Система флективных форм дополнялась аналитическими причастными формами перфекта (см. ниже).

Все остальные восточноиранские языки относятся к группе Б, используя для прош. времени рефлексы древних причастных конструкций, хотя принципы их построения (и сами причастия) неодинаковы. Исконные флективные формы индикатива охватывают сферу наст. или наст.-буд.вр. и продолжают древние презентные (и построенные по их типу разновременные новые флективные формы).

Осетинский язык, входящий в северо-восточную подгруппу, развил своеобразную, в сравнении со всеми другими иранскими языками, систему. По основному показателю - оппозиции наст./прош. вр. - он входит в группу Б, однако сфера вторичного перфекта (и плюсквамперфекта) в нем не выработалась, что объясняется развитием здесь необычной для иранских языков системы глагола, где значения завершенности и результативности связаны между собой и выражены превербами и другими лексическими средствами, аналогично русскому языку, см. [Абаев, 1965_I, 54-68]. В связи с этим в осетинском, как и в остальных языках типа Б, противопоставлены основы наст. и прош. вр. От первой образуются в индикативе две флективные формы: наст. и буд. вр. (о формах прош. времен см. с. 105-106).

Основы наст. вр. продолжают в целом древние презентные. Выявляются рефлексы основ: 1) корневых и тематических без аффиксов: q°ys-/iɣus-<*guša-, *√gauš- 'слышаться'; fyc-/fic-<*pača-, *√pak- 'печь', kæs-<*√kaś- 'смотреть'; tæʒ-<*tača-, *√tak- 'течь каплями' (ср. taʒ-<*tāč(aia)- 'лить по капле'); 2) каузативных и деноминативных - с продленной огласовкой типа *-ā- и суф. *-aia или без него: dar-<*dār(aia)-, *√dar- 'держать', qūs-/iɣos-<*gauš(aia)-, *√gauš- 'слышать', æmbaw-<*ham-pāu(aia)-, *√pau- 'заставить гнить', mar-<*mār(aia)-, *√mar- 'убивать', waf-<*uāf(aia)-, *√uaf-< и.-е.*uebh- 'ткать, плести'([ИЭСОЯ, IУ, 40]; о случаях перехода и.-е. *bh>*ph> ир. f см. также [Эдельман, 1982, 38-39; СГВЯ-Ф, 24]); 3) редуплицированных: dæd-<*dada-, *√dā- 'давать', st-/ist-<*hišta-, *√stā- 'стоять'; 4) с носовыми суф.: wyn-/win-<*uaina- 'видеть', ælxæn-<*xr-nā-, *xrinā- 'покупать', kæn-<*kr-nau-, *√kar- 'делать'; 5) с инф.: tynʒ-/itinʒ-<*√tanja-, *√ϑ/tag- 'расстилать'; bætt-<*band- 'вязать'; 6) с суф. *-sa<*-ske: xwyss-/xuss-<*x^{v}afsa-, xufsa-, *√x^{v}ap- 'спать', tæfs-<*tafsa-, *√tap- 'согреваться' (ср. tav-<*tāp(aia)- 'греть'); 7) с суф. *-ja: za-<*źāja-, *√zan- 'рождать-(ся)', æmbij-/æmbuj-<*ham-puja-, *√pau- 'гнить, тлеть'; mæl-<*mrja-, *√mar- 'умирать' и т.п. [Миллер, 1962, 98-112; Бенвенист, 1965, 89-92; Абаев, 1965_2, 12-13; Исаев, 1987, 606-612].

Форма наст. вр. образуется от основы флективными окончаниями. Их происхождение: в ед.ч. I л. -yn/-un - из более раннего *-an<ир. тем. инд. акт. *-āmi или конъ. *-āni при последующем выравнивании огласовок окончаний по типу раннеосет. *a, которое в положении перед носовыми давало u (ср. 3 л. мн.ч.); ирон. -y- - результат более позднего выравнивания огласовок окончаний уже в самом иронском (ср. 2 л. ед.ч.) [ср. Абаев, 1965_2, 8-9]; 2 л. -ys/-is - из атем. *-ši под воздействием опт. -i- (в диг., возможно, из акт. опт. *-aiš, ср. с.126) с последующим выравниванием в иронском огласовки окончания; 3 л. -y/-uj<*-ati (через этапы *äc>*uc>uj> ирон. -y), *a>u по аналогии к I л. Во мн.ч. I л. -æm/-æn<*āmahi (през. тем. акт.) - с

ир. *ā> раннеосет. *а при выравнивании огласовок окончаний, но без последующего перехода в u (возможно, результат поддержки дальнейших слогов флексии -*-ahi); диг. -n - по аналогии с I л. ед.ч. или с мест. энклитикой; 2 л. -ut/-etæ - из тем. акт. *-aṷa, но с поздними перегласовками: в ирон. по аналогии с 3 л. мн.ч. или со связкой (ср. stut), в диг. - со связкой (ср. ajtæ); 3 л. -ync/-uncæ из акт. *-anti (с *а>u перед носовым). Таким образом, в фонетическом облике окончаний сказались: а) ранняя унификация их огласовок по типу *а, затем переход *а> u перед носовыми и воздействие других парадигм, б) поздние процессы: иронская унификация огласовок по типу -y- и различные изменения в диг. и ирон. по аналогии со связками и с другими членами парадигмы [ср. Миллер, I962, II8–II9; Абаев, I965$_2$, 8–9; Исаев, I987, 6I6–6I7]. Ср. ирон.: kalyn 'лью', kaly 'льет', kalync 'льют' и т.д. Буд. вр. образуется от той же основы суффиксом: ирон. ед.ч. -zyn-, мн.ч. -zy-, диг. ед.ч. и 3 л. мн.ч. -zæn-, мн.ч. -zin- (из *čana-, *čina-'хотящий', типологически аналогично согд., хор., перс. конструкциям) [Бенвенист, I965, 87–89; Абаев, I965$_2$, II] и особых окончаний, происходящих из старой формы связки [Исаев, I987, 62I]. См. kalzynæn 'буду лить', kalzæn(is) 'будет лить', kalzysty 'будут лить'.

Особую роль в системе осетинского глагола играют превербы – не только для форм наст. или буд. времени, но и для всей парадигмы глагола в целом. Помимо непродуктивных превербов, которые служат средством словообразования (как и в других языках), здесь имеется система продуктивных – с рядом функций. Превербы этой группы, во-первых, выражают направление действия в пространстве с ориентацией на местонахождение говорящего. В этом они сравнимы по функциям со средствами пространственной ориентации кавказских языков [Цаболов, I959, I8–I9], ряда нуристанских и др. языков Гиндукушского региона (см., например, [Грюнберг, I980, 265 сл.]), с лично-направительными местоимениями в пашто (см. с. 239). Ср. ирон. a-cyd 'вышел' (наблюдатель находится внутри), ra-cyd id. (наблюдатель снаружи), ba-cyd 'вошел' (наблюдатель снаружи), ærba-cyd id. (наблюдатель внутри); ær-cyd 'сошел (сверху)' (наблюдатель снизу) , ny-cyd id. (наблюдатель наверху). Дигорская система несколько отлична по количеству превербов (здесь их меньше) и по функциям. Во-вторых, продуктивные превербы указывают на многократность, длительность, начинательность, интенсивность действия. В-третьих, они образуют словоформы со значением завершенности, предельности действия от беспревербных форм, не имеющих этих значений. По аналогии с русским языком их называют формами совершенного и несовершенного вида, хотя удельный вес собственно видовых и некоторых иных, чисто лексических, противопоставлений в разных парах этих глаголов неодинаков (как и в русском языке), ср. næmyn 'бить' – fæ-næmyn 'побить', zynyn 'казаться' – fæ-zynyn 'показаться' и т.п.

Система превербов, наложившая отпечаток на всю парадигму осетинского глагола (и особенно на изменения в сфере прош. вр., см. ниже), сыграла роль и в сфере наст. и буд. вр. Так, глаголы с превербами, имеющие значение завершенного действия, неупотребительны, естественно, для обозначения действия в настоящем. Поэтому формы наст. вр. от них обозначают многократное действие, а для обозначения настоящего или во всяком случае непредельного действия используются вспомогательные средства или аналитические построения (см. с. 106).

Процесс превербизации глаголов протекал в иронском и дигорском различно. В результате в иронском преверб крепко спаян с основой, и присоединяемые к словоформе энкл. элементы ставятся вне нее (например, энкл. местоимение - позади глагола). В дигорском это сочетание менее спаяно, энкл. местоимения и некоторые частицы ставятся между превербом и основой [Миллер, 1962, 136; ОЯФ, 421; Исаев, 1987, 612-613]; такая постановка допустима и в диалекте Уаллагкома [Исаев, 1976, 68-69], ср. диг. **ar-ba-dæmæ-xassun** 'я тебе приношу', Уаллагком: **ba-mæ-farsta** 'он меня спросил'. Это свидетельствует об относительно позднем характере сращения преверба с глаголом, уже после разделения осетинского языка на диалекты: по мнению М.И.Исаева, энклитические элементы, стремившиеся занять второе место в синтагме, присоединялись в иронском к уже "сращенной" словоформе, в дигорском - к превербу, который представлял еще в то время относительно самостоятельный (в акцентном плане) элемент. На относительную самостоятельность превербов указывает и возможность их повтора при глаголе в диг. (реже - в ирон.) в виде препозитивного и постпозитивного элементов, напр. **is-lezaj-is!** 'беги-ка, беги!', вставки после них и форманта **-cæj-** энкл. местоимений (см. ниже) и постановки превербов перед именной частью сложного глагола (в обоих диалектах). Подробнее о системе и истории превербов: [Миллер, 1962, 136-141; ОЯФ, 107, 419 сл.; Абаев, 1962, 551-553; 1965_1, 54 сл.; 1965_2, 14-15; Бенвенист, 1965, 103-112; особенно - Цаболов, 1959; Исаев, 1966, 80-86; 1987, 612-615; Bielmeier, 1981].

Видовые значения передаются и иными средствами - как традиционными лексическими (**zuryn** 'говорить' - **zæɣyn** 'сказать'), так и инновационными: обычно это особые форманты и приглагольные частицы, например частица **iw/ew** (< *i̯au̯ai- ?, ср. ав. yavae- 'постоянно'), придающая глаголу значение длительного и многократного действия [ИЭСОЯ, I, 558] (об омонимичной частице в императиве см. ниже); форманты **-cæj-** (неясной этимологии, см. [ИЭСОЯ, I, 299]), ставящийся после преверба перед основой и придающий предельным глаголам значение непредельности, начинательности (ср. ирон. **cydi** 'он шел' - **ra-cydi** 'он вышел' - **ra-cæj-cydi** 'он выходил, начал выходить'). Характерно, что после **-cæj-** энкл. местоимения и частицы могут быть вставлены перед основой и в иронском [ОЯФ, 421], и в дигорском диалектах, ср. диг. **ær-**

ba-cæj-mæmæ-ce ‘приди-ка [ты] ко мне’[3]-с энклитикой I л. ед.ч.

Наиболее архаичной в южной подгруппе явилась система сакских диалектов, в основном, хотаносакская. Здесь формы наст. вр. индикатива (в отличие от других наклонений) сохраняют активные и медиальные окончания, т.е. две парадигмы, хотя почти у каждого глагола прослеживается лишь одна парадигма (исключения типа **yan-** ‘делать’ - единичны). Употребление единой основы в разных парадигмах встречается при лексическом размежевании значений, ср. **bar-** акт. перех. ‘нести’ ~ **bar-** мед. неперех. ‘ехать верхом’. Основы от одного этимологического корня с разными превербами к этому периоду уже лексикализованы как основы разных глаголов, каждый со своим типом спряжения, при этом далеко не всегда переходные глаголы имеют акт. парадигму, непереходные - медиальную. Ср. **panaśś-** <*apa-naśia- ‘заблудиться, пропасть’ с активной парадигмой, **hanaśś-** <*fra-naśia- ‘погибнуть’ - с медиальной (по мнению Р.Эммерика [SGS, 5], парадигмы разных глаголов развивались в этом плане произвольно).

Хотаносакские основы наст. вр. продолжают в целом общеиранские презентные, большей частью тематические или вторично тематизированные, в отдельных случаях и атематические (напр., **ah-** ‘быть’ : I ед. **Imä, mä** <*ahmi, 2 ед. **ī** <*ahi и т.п.; **āh-** ‘сидеть’ : 3 ед. **āste**, 3 мн. **āre** и т.д.). Прослеживаются типы древних основ: I) первичные корневые и тематические: **ah-** <*ah- ‘быть’, **ttav-** <*tap(a)- ‘быть горячим’, **ysār-** <*√ʃar- ‘петь’; 2) редуплицированные (с тематизацией и без нее): **ṣṭ-** <*hišta-, *√stā- ‘стоять’; 3) с инф.: **nuvaṃth-** < *ni-pa-n-θ-, *√paθ- ‘быть передвинутым’; **haraṇ-** <*fra-randa-, *√rad- ‘бросать’(?); 4) с назальными суф.: **paysān-** <*pati-źā-nā-, *√źan- ‘узнавать’, **yan-** <*r-nau-, *√ar- ‘делать’; 5) с суф. *-sa <*-ske/o (большей частью непереходные): **thūs-** <*θu-sa-, *√θau- ‘зажигать’, **vasus-** <*aua-śuk-sa-, *√śauk- ‘очищаться’ (см. ниже **vasūj-**), **ttaus-** <*tap-sa-, *√tap- ‘нагреваться’, **hūs-** <*hup-sa-, **x^{v}ap-sa-**, *√x^{v}ap- ‘спать’, **byūs-** <*ui-uas/h-sa-, *√uas/h- ‘рассветать’; 6) перех. и неперех. с полной огласовкой корня и суф. *-ia: **panaśś-**, **hanaśś-** (см. выше), **maṇ-** <*mania-, *√man- ‘считать (чем-л.)’; 7) неперех. с нулевой огласовкой корня и суф. *-ia: **mär-** <*mr-ia-, *√mar- ‘умирать’, **ksär-** <*fšr-ia- от *fšar- ‘устыдиться’ (ср. **kṣer-** <*fšāraia- ‘устыдить’), **hambīr-** <*ham-pr-ia-, *√par- ‘наполняться’; 8) переходные, каузативные и деноминативные с огласовкой **-e-** и палатализацией согласного - рефлексы основ с полной и продленной огласовкой и суф. *-aia- - обширный и продуктивный класс: **ber-** <*uāraia- ‘дождить’, **byev-** <*abi-āpaia-, *√ap- ‘получать, достигать’, **hvah-** <*x^{v}ahaia-, *√x^{v}ah- ‘ударять’, **hvāṇ-** <*x^{v}ānaia-, *√x^{v}an- ‘говорить’, **panāśś-** <*apa-nāśaia- ‘терять’, **hanāśś-** <*fra-

[3] Любезно сообщено М.И.Исаевым.

nāśaia- ‘разрушать’ (ср. неперех.: panaśś-, hanaśś-, см. выше) и др. Характерно наличие также продуктивного каузативного суф. -ev <*-āpaia (ср.с.I9), отмечаемого и в отдельных живых языках (см. ниже), ср. хс. kṣam- ‘одарять’ (перех.) ~ kṣamev- ‘просить прощения’; baj- <*baǰ-ia-, *√bag- ‘разбиться’ ~ bajev- ‘разбить’; относительно поздних образований с суф. *-aya от основ на *-āna, как в ряде других языков (ср. хс. dyāñate ‘показывает’, berāñite ‘вызывает дождь’). Отмечаются и рефлексы непродуктивных основ типа būṣṣ- <*baxš-, *√bag- ‘давать, наделять’ и т.д. Подробнее о типах основ: [Konow, 1949, 47; SGS, 177-189; Emmerick, 1968$_2$, 21-23; Герценберг, I98I, 27I-278].

От этих основ образуются формы наст. вр. Будущее время не грамматикализовано, выражается формами конъюнктива и контекстуально - индикатива. Прош. вр. инд. выражено формами, продолжающими древние причастные конструкции (см. ниже).

Окончания форм наст. вр. - в акт. парадигме: в ед.ч. I л. -Imä, -mi <*-ami <*-āmi с сокращением *-ā> *-a по аналогии с другими формами (раннехс. имел варианты -ämä, -umä, позднехс. -a, -e, -u); 2 л. -^{i}ä [4], -i <*-ahi, 3 л. -ti <*-(a)ti - с i-умлаутной перегласовкой основы и с стяжениями группы -Ct на стыке основы и окончания; во мн.ч. I л. -āmä <*-āmah <*-āmahi (с ранней утратой -i, не вызвавшего фонетических изменений предшествующих слогов); 2 л. -ta - из инд. *-at/-a или конъ. *-āt/-a; 3 л. -Indä <*-anti. Отмечается ряд фонетических вариантов, наиболее характерны: 3 л. ед.ч. -iti, -aittä, -aiyä, мн.ч. -Indi, -aindä. В мед. парадигме: в ед.ч. I л. -e <*-ai, 2 л. -a из "вторичного" *-aha, 3 л. -te <*-tai; во мн.ч. I л. -āmane, общее для инд. и конъ. (акт. и мед.), - из конъ. мед. *-āmadai, возможно, с назализацией *d > n (не исключено, но менее вероятно продолжение здесь окончания I л. мн.ч. конъ. акт. *-āma - по аналогии с I л. ед.ч. конъ. мед. *-āne [SGS, 200] - или древнего элемента окончания -n-, аналогичного хеттскому [Герценберг, I98I, 29I]); 2 л. не имеет надежной фиксации, 3 л. -āre < *-ārai. Здесь также имеются фонетические варианты. Подробнее об истории окончаний: [Konow, 1932, 54; 1949, 46; SGS, 177, 190-200; Герценберг, I98I, 289-29I].

По типу окончаний в 3 л. ед. и мн.ч. синхронное спряжение подразделяется на четыре типа: A - акт. ед.ч. -iti, мн.ч. -Indi, мед. соответственно -ite, -āre; B - акт. -ti, -Indi, мед. -te, -āre; C - акт. -aittä, -aindä, D - акт. -aiyä, -aindä, мед. -aiye, -(i)yāre [SGS, 176 сл.]. Ср. śśäte ‘ложится’, śśāre ‘ложатся’, hambuśdä ‘сгибается’, hamberäte ‘наполняет’, haberIndä ‘наполняют’, rrvIttä ‘растет’, rrvIndä ‘растут’ и т.д.

Прослежены рудименты древнего имперфекта от основ наст. вр. Зафик-

[4] Здесь и далее, вслед за [SGS], ^{i} при окончании указывает на i-умлаутную перегласовку основы и палатализацию ее конечной согласной.

сированы I и 3 л. ед.ч. с окончаниями: I л. акт. -u<*-am, 3 л. акт. -a<*-at и мед. -(ä)ta<*-(a)ta. Они использовались в модальном контексте наряду с опт. при выражении намерения, смягченного повеления и т.п., но также и как имперф. инд.: parsu 'я спросил (бы)', haraysda 'я простерся ниц'. Во многих глаголах с палатализованной согласной в основе или с огласовкой типа ī, e формы I л. неотличимы от оптативных и сливаются с ними, как в других языках. Определение этих форм как инъюнктива условно [Konow, 1949, 49]; очевидно, это непродуктивные застывшие формы имперф. инд., использовавшиеся в основном модально, как в других языках; подробнее:[Konow, 1932, 56-57; 1949, 49; Bailey, 1946, 35; SGS, 210-211; Dresden, 1970$_2$, 136 сл.; Герценберг, 1981, 292].

В языке пашто в индикативе древнюю парадигму презенса продолжают флективные формы наст. вр. и образованные от них поздние - буд. вр. Основы наст. вр. продолжают древние презентные или образуются по их типу. Выявляются классы древних основ: I) корневые и тематические типа "sáupa-": swáž-<*śauča-, *√śauk- 'гореть', kən-, kin-<*kána-, *√kan- 'копать, вырывать', kāž-<*kárša-, *√karš- 'тянуть, тащить', wuz-<*uaź(a)-, *√uaź- 'выходить', wṛ- (д-т африди wr-)<*bará-<*bára- (с поздним переносом ударения), *√bar- 'нести, уносить'; 2) тематические типа "supá-": məž-<*mrźá-, *√marź- 'тереть, мазать'; žd-<*hrźá-, *√harź- 'класть' (ср. др.-инд. sṛjá-), 3) с носовыми суффиксами: win-<*uáina- 'видеть', skəṇ-a-<*hača-krt-nă-,*√kart- 'резать', 4) с инф. *-n-: aṛund-<*a-gu-n-d-, *√gaud- 'одевать'; 5) с суф. *-sa (<*-s(ś)a < и.-е. *-sḱe): yos-<*iāsa-, *√iam- 'нести, везти', nis-<*ni-iasa-, *√iam- 'брать, хватать'; 6) с суф. *-ia: xež-<*xež-<*xaiź-ia-, *√k/xaiź- 'всходить'; 7) каузативные с полной или продленной огласовкой и с суф. *-aia: šay-<*śrāuaia-, *√śrau- 'показывать'; ṛar-<*gart-aia-, *√gart- 'крутить, скручивать'. Отмечаются и более новые образования: каузативы с суф. -aw и т.д. На синхронном уровне все глаголы делятся на четыре класса: I - непроизводные, II - префиксальные, III - суффиксальные, IV - сложные (составные), несколько различающиеся при спряжении [Грюнберг, 1987$_I$, 112 сл.].

Окончания наст. вр. продолжают древнюю "первичную" флексию инд. акт. с изменениями, вызванными ранним воздействием опт., а также частичной унификацией внутри парадигмы и влиянием со стороны связки. В ед.ч. I л. -əm<*-āmi с промежуточным сокращением *ā>a и i-умлаутным воздействием исхода окончания, благодаря которому раннеафг. *a не перешло в u перед m, как в I л. мн.ч.; 2 л. -e<*-ai<*-ahi (или *-aiahi [Morgenstierne, 1942$_1$, 104]; не исключен, но менее вероятен опт. акт. *-aiš); 3 л. -i<*-ai<*-(a)ti (или *-aiati [там же]), либо опт. мед. *-īta. Во мн.ч. I л. -u<*-āmah с *ā>*a и затем *a>u перед *m (при последующей его утрате); 2 л. зап. -st, -āst, вост. -əy - из парадигмы связки (ср. зап. yāst, вост. yəy)

[Morgenstierne, 1942_1, 105]; 3 л. -i< *-in - из *-anti (или *-aianti [Morgenstierne, 1942_1, 104]), либо опт. акт. *-aian. Ср. ẓam 'иду', winu 'видим', rasawe 'доставляешь', raséẓe 'достигаешь'. Огласовки флексии наст. вр. типа i, e объяснялись Р.Готьо тем, что глагольная система пашто продолжала основы не на *-a, а на *-aya [Gauthiot, 1916_3, 12 сл.], однако П.Тедеско не усматривал здесь единой системы [Tedesco, 1923_1, 281 сл.], по Моргенстьерне это - продолжения разных основ в разных формах [Morgenstierne, 1942_1, 104-105]. Если признать, что на парадигму индикатива воздействовали в переходную эпоху конъ. и особенно опт., как в ряде других восточноиранских языков, эти огласовки могут быть результатом воздействия оптативных форм.

Особый интерес представляет собой акцентуация флективных глагольных форм в пашто, и в частности - наст. вр. инд. Здесь ударение в одних глаголах падает стабильно на основу, в других - на окончание, либо колеблется, в зависимости от наличия/отсутствия исторического преверба и - на синхронном уровне - наличия/отсутствия префикса отрицания и постглагольной энклитики. При этом типы акцентных парадигм несколько различны по диалектам (что связано с разными типами унификации их в системах различных диалектов), подробнее: [Дыбо, 1989, 109]. В литературном языке распределение глаголов по акцентным парадигмам не совпадает с распределением их по классам спряжения: ср. 3 л. ед.ч. I кл. leẓí 'посылает', wahí 'бьет', II кл. preẓdí 'оставляет', но rānísi 'ловит', III кл. rasawí 'доводит', но raséẓi 'достигает' и т.п. В III кл. переходные глаголы имеют ударение на окончании, непереходные - на суффиксе основы [Грюнберг, 1987_I, 120-122], что связано с историей глагольного ударения в пашто. Сравнительно-исторический анализ [Дыбо, 1989] показывает, что в глаголе пашто в течение длительного времени сохранялось древнее разноместное ударение ведического типа: формы с накоренным ударением продолжали в целом акцентуацию индоиранских баритонированных форм, а формы с конечным ударением - окситонированных (в префиксальных глаголах - с переносом ударения на преверб). Иными словами, здесь продолжались в целом типы основ с ударением на корне и на суффиксе, включая тематическую гласную (т.е. сохранялась оппозиция основ типа "sáup-, sáupa- ~ supá-, saup-áia-, sup-náu-, sup-ná-, sup-iá-, sáup-ia-" и т.п.). В дальнейшем окситонные структуры с ударением на тематической гласной и на суффиксе (особенно при слабой огласовке корня, но и не только при ней) объединились в единую парадигму с "конечным" ударением, т.е. с ударением на исходе основы, который был впоследствии - при морфемном перераспределении - интерпретирован как элемент окончания. Ударение в этих глаголах закрепилось на окончании. В префиксальных же глаголах окситонированной парадигмы ударение перетягивалось на начало основы. Баритональные глаголы в основном сохранили баритональную парадигму с ударением на основе (хотя в ряде глаголов этой группы отмечается

вторичный переход ударения, ср. конечное ударение в глаголе wr- 'нести, уносить'). Эти два типа раннеафганских акцентных парадигм, аналогичных ранним парадигмам ряда других восточноиранских языков (см. ниже) и по крайней мере одного западноиранского - ормури [Ефимов, 1979; 1985, 38 сл.; 1986, 109 сл., 198 сл.], впоследствии пополнялись на разных этапах истории пашто включением в каждую из них новых основ и перераспределением старых, в том числе и по принципу появления "сильной" или "слабой" огласовки в исходе инновационной основы и при разновременном закреплении превербов при различных основах. Ср. teraw- 'проводить' из *√tar- и позднего кауз. суффикса, имеющий в современной парадигме конечное ударение (terawə́m, terawé, terawí и т.д.) по типу рефлексов древних каузативов, и tereẍ- 'проходить' - от того же корня с суф. -eẍ неясной этимологии (ср. ар. *-sia ?), - с ударением на суффиксе (teréẍəm, teréẍe, teréẍi и т.д.). При наличии ряда глаголов с колеблющимся ударением и различии ударения в одних и тех же глаголах по диалектам установить характер современных акцентных парадигм и их истории можно только после детального исследования акцентной системы пашто в целом. Подробнее историю акцентуации глагола в пашто см. [Дыбо, 1989].

Форма наст. вр. обозначает действие в настоящем, а также обычное, постоянное (и контекстуально - будущее или прошедшее). От нее превербом wú- (соответствующим этимологически и отчасти функционально кл. перс. bi, придающему оттенок предельности [Фрейман, 1925_2, 373; EVP, 85; Оранский, 1963_2, 95-96]) и энкл. частицей bə (неясной этимологии [EVP, 14]) образуются вторичные формы: 1) с част. bə, присоединяемой к первому ударному слову в предложении, - буд. несовершенное: likə́m bə 'буду писать', bə ... rāzi 'будет приходить (сюда)'; 2) превербом wú- (перетягивающим на себя ударение) - наст. вр. конъ.[5]; 3) сочетанием этих элементов - буд. совершенное инд. (у глаголов 1 и 2 гр. I кл., I гр. III кл. и kaw- 'делать' частица bə может ставиться между превербом wú- и основой, у остальных - вне словоформы). Ср. от win- 'видеть': 3 л. ед.ч. наст. вр. инд. wíni, буд. несов. вр. инд. wíni bə, ... bə wíni; наст. вр. конъ. wú-wini, буд. сов. вр. инд. - wú-bə-wini. Тем самым роль преверба и частицы здесь существенно отлична от роли осетинских превербов: wú- несет здесь абстрактную грамматическую нагрузку, переводя обозначение действия из общего в завершенное, предельное (без пространственного значения), а частица bə переносит его из настоящего в будущее (при формах прош. вр. функции этих элементов несколько иные, см. ниже), подробнее [Калинина, 1976]. Сближает же с осетинской системой то, что глаголы, имеющие словообразующие превербы, не принимают wú-(он здесь избыто-

[5] Здесь принята номинация форм по кн. [Грюнберг, 1987_1]. Ср. иные наименования: [Morgenstierne, 1942_1, 107; Лебедев, 1956, 98 сл. и др.].

чен), и значение предельности выражается переносом ударения на первый слог. Значения совершенности (предельности)/несовершенности (непредельности) пронизывают всю глагольную систему пашто: кроме указанных способов, они передаются также основами, т.е. лексически, как в осетинском. Наиболее показательны эти значения для форм прош. и буд. вр. (см. ниже), поскольку действие в настоящем непредельно и не входит в данную оппозицию. О месте формы конъ. типа wú-wini см. с. 128.

Система флективных форм индикатива ванеци изучена слабо. Отмечены формы наст. вр. с окончаниями: в ед.ч. I л. -ī, -īna из опт. акт. *aį̂(a)m, возможно, при контаминации с конъ. акт. *-āni, 2 л. -ē из инд. акт. *-ahi или опт. акт. *-aiš̌, 3 л. -ə, -ī, -ø, -īn - разновременного происхождения: первые три могут продолжать *-ati или опт. мед. *-īta после разных основ; -īn возникло по аналогии с 3 л. мн.ч. Во мн.ч. I л. -ū имеет ту же этимологию, что в пашто; -ūnū - вторично (связано с присоединением исторической энкл. I л. мн.ч. с *n ?), 2 л. -ō < *-aha < *-aw̌a ? , 3 л. -īn, -ī, как и в пашто: из *-anti (или *-aį̂anti), либо из опт. акт. *-aį̂an; вариант -īna - вторичен. Подробнее: [Morgenstierne, 1930, 165-166; Elfenbein, 1967, 574-575; 1984, 60-61] - в последней работе даны существенные уточнения состава флексии. Для ванеци, как и для пашто, предполагалось продолжение в наст. вр. основ не на *-a, а на *-aya, однако не всегда в тех же формах, что в пашто [Morgenstierne, 1930, 165-166; 1942_1, 104 сл.]. Однако и здесь возможна контаминация древней парадигмы индикатива с конъюнктивной и оптативной, но с иным распределением личных форм.

В мунджанском языке от основ наст. вр., продолжающих древние презентные (или построенных по их типу), образуются две видо-временные формы индикатива - наст.-буд. вр. и прош. длит. вр. (последняя - вторична, см. ниже). Исторические типы основ: I) корневые и тематические: wūǰ- < *u̯aiča-, *√u̯aik- 'помещаться', kan- < *√kan- 'копать', kuy- < *kuš̌a-, *√kauš̌- 'свежевать (тушу)', wuzn- < *au̯a-snā̆- 'мыть'; 2) со слабой огласовкой и суф. *-sa < *-sk̆e/o (в основном, непереходные): ās- < *ā-isa-, *√ai- 'идти', yuxs- < *i̯uxsa-, *√i̯aug- 'научиться', xāfs- < *xufsa-, *√xaup/b- < *keu-p- 'спускаться', yis- < *i̯ā̆sa-, *√i̯am- 'носить'; 3) с рефлексом и.-е. *-s: boxš̌- < *(ham)baxš̌-, *√b̥ag- 'делить'; 4) со слабой или средней огласовкой и суф. *-i̯a (непереходные и отдельные переходные глаголы): b̥oš̌- < *hača-ha/idia-, *√had- 'падать', nəx̌- < *ni-hi/adi̯a-, *√had- 'садиться' (о x̌ < *ϑ̂ < *di̯ см. [СТВЯ-Ф, 177]), mər- < *mr̥i̯a-, *√mar- 'умирать', pəy- < *pui̯a-, *√pau- 'гнить', zəy- < *źā̆i̯a-, *√źan- 'рождать'; 5) с суф. *-n: kən- < *kr̥nau-, *√kar- 'делать', yoń- < *arna-, *√ar- 'молоть', xan- < *xrīnā- 'покупать'; 6) инфиксальные, устанавливаемые косвенным путем (поскольку *n перед смычными в мунджанском выпадает относительно поздно): oγəd-, nəγūd- < *ā-, *ni-√gaud- 'надевать' (ср. язг.

nəɣ°and-), xərəd-<*xra-n-d- ‘скоблить’ (ср. язг. bərxand-, ш. kirand-) [ГОМШ, I25-I26]; 7) переходные и каузативные с рефлексами полной или продленной огласовки, с суф. *-aia и без него; благодаря продуктивности этого класса в раннемунджанском, под этот тип подстраивается огласовками ряд других глаголов; впоследствии в этом классе генерализуется огласовка o (во вторичных основах прош. вр. ей соответствует e): stow-<*stāu(aia)-, *√stau- ‘ругать’, prow-<*pari-āp-, *√ap- ‘находить’, sow-<*śāu(aia)- ‘мазать’, wof-<*uāf(aia)-, *√uaf-<*uebh- ‘плести’, wušow-<*ui-śrāu(aia)-, *√śrau- ‘звать’, lor-<*dār(aia)-, *√dar- ‘держать, иметь’; 8) переходные и кауз. основы с рефлексами суф. *-āpaia в виде -ov/w (в основах прош. вр. -ev/wd) [ГОМШ, I58], ср. положение о заимствовании этого суффикса восточноиранскими языками из индоарийских [IIFL, II, 149]; ввиду продуктивности -ov/w в современном языке имеется много новообразований, ср. rəvzov- ‘трясти’ (rəvz- ‘дрожать’), dəfov- ‘зажигать’ (dəf- ‘загораться’), yəxsov- ‘обучать’ (yuxs-‘научиться’); группа глаголов имеет поздний каузативный суф. -on из таджикского языка. Таким образом, в раннемунджанском были продуктивны основы: с рефлексами *-ia (но не *-sa) [ГОМШ, I22, I30] для неперех. глаголов, с растяжением гласного - для переходных (суф. *-aia решающей роли здесь не играл, поэтому его явные рефлексы отсутствуют). Позднее, при активизации суф. -ov/w [ГОМШ, I58], а затем при заимствовании -on эти суффиксы маркировались той же огласовкой -o-, что и кауз. основы. Подробнее об истории основ: [IIFL, II, 146 сл.; ГОМШ, III сл.; Стеблин-Каменский в: Грюнберг, 1987_2, 200-2I3].

В современном языке различаются два класса глаголов, главным образом, по соотношению основ наст. ~ прош. вр. (т.е. рефлексов причастий, см. с. I08 сл.). К первому относятся глаголы с различным их соотношением, включая супплетивизм, различия огласовок и т.п., ко второму - глаголы с чередованиями огласовок: o в наст. вр. ~ e в прош. вр., т.е. рефлексы древних каузативных и новые каузативные глаголы [Стеблин-Каменский в: Грюнберг, 1987_2, 20I сл.]. Основное формальное различие этих классов - показатель 3 л. ед.ч. наст.-буд. вр.: для I кл. -i или -t/d, для II кл. только -t/d. Это различие связано с неодинаковым отражением в них "первичного" тем. акт. *-ati. По мнению Г.Моргенстьерне, здесь выступают рефлексы исхода разных основ с окончанием: *-aya-ti> -I, *-ati> -t [IIFL, II, 147]. В.С.Соколова усматривает более сложное развитие: *-yati> [-yayi]> -I, но *-ayati и *-ati унифицировались по типу *-ati> -(ə)ti> -t, при этом произошло смысловое закрепление окончаний: -t - за перех. глаголами, -I - за непереходными [ГОМШ, 65-66, 68]. По мнению А.Л.Грюнберга [1987_2, 2I3 сл.], распределение окончаний по переходности/непереходности глаголов имеет частотное, а не абсолютное свойство (из 63 глаголов I кл. 24 переходных) и носит в настоящее время лишь характер тенденции.

Можно предположить также, что в становлении окончаний -t ~ -i немалая роль принадлежала не только исходу основы (поскольку в *-ati, *-ăi̯ati и *-i̯ati - *-t- мог одинаково отразиться как -i - в интервокальной палатализующей позиции), но и историческим акцентным характеристикам в прошлом всей словоформы: глаголы с "сильной" (полной или продленной) огласовкой, а также корневые или тематические с накоренным ударением в древности, очевидно, сохраняли "неконечное" - баритональное ударение в раннемунджанском, в результате чего заударная тем. гласная в *-ati рано редуцировалась, а *-t-отразился как постконсонантный: -t, -d. Глаголы со "слабой" огласовкой и с ударением на тем. гласной сохраняли в этот период "конечное" - окситональное ударение, что способствовало более позднему сохранению ударной *-a- в *-ati и отражению *-t- как интервокального палатализованного: *-áti> *-ǝti> *-ǝy^{i}> -ī (ср. йд. -ī) > мдж. -i. Это согласуется с сохранением разноместного древнего ударения (или его рефлексов) в презентных формах в йидга [Дыбо, 1972, 44], в пашто (см. с.86-87) и ряде других восточноиранских языков (см. ниже).

Часть глаголов (в том числе поздних - от основ прош. вр., от заимствованных или отыменных основ) распределяется и перераспределяется по этим двум классам относительно недавно, присоединяясь к глаголам, имевшим в раннемунджанском ту или иную акцентуацию. Вторичному отнесению глаголов к I или II кл. мог способствовать и поздний фактор "тяжести" ~ "легкости" основы, т.е. наличие в ней к этому периоду сильной ~ слабой огласовки. Так, позднее растяжение гласного основы переходного глагола (по аналогии с исконными каузативными) или присоединение каузативных суффиксов с сильной огласовкой вызывало перенос на нее ударения и, следовательно, редукцию вокализма флексии. При этом сам принцип - "усиление" гласного основы именно переходного глагола (по аналогии с древними) - имел семантическое основание - различение переходности/непереходности и стремление передать ее в формах наст.-буд. вр. - по аналогии с формами прош. времен, где она была четко выражена (см. с. 71). В этом плане положения о соотнесенности классов спряжения с переходностью/непереходностью [ГОМШ, 65-68, 118-119] и о том, что эта соотнесенность носит характер не закона, а тенденции [Грюнберг, 1987$_2$, 213 сл.], дополняют друг друга. Тенденция к усилению огласовок переходных глаголов в формах наст.-буд. вр. (а затем, по аналогии с ними, и в основах прош. вр.) характерна практически и для всех памирских языков (см. ниже), однако этот процесс проходил в них не одновременно и неравномерно и дал различные результаты.

Для большинства "сильных" глаголов (кроме имеющих коренную -i-) характерна также i-умлаутная перегласовка основы в 3 л. ед.ч. наст.-буд. вр. - под влиянием -i в *-ati, как и в других языках Памиро-

Гиндукушского региона (ср. мдж. I л. dróyəm, 3 л. dret 'бросать', но I л. nəɣ̌úyəm, 3 л. nəɣ̌úyd 'слышать'), объясняемая ранним выпадением тематической гласной.

Остальные окончания наст.-буд. вр. в собственно мунджанском едины для всех глаголов; в йидга различаются по ударности/безударности в разных классах, как в пашто. Продолжают в основном древние, при унификации спряжения по парадигме инд. акт. тем. глаголов: в ед.ч. I л. мдж. -əm, йд. -ëm, -əm < *-āmi (при выравнивании огласовок окончаний по типу *-a-), 2 л. мдж. -əy, йд. -ë < *-ahi; во мн.ч. I л. мдж. -ām, йд. -am < *-āmah, 2 л. мдж. -āf, йд. -ɛf - из окончания мед. инд. *-aduai или конъ. *-ādu̯ai (при совпадении древних наклонений в единое и при том, что конъ. выполнял во 2 л. мн.ч. также функции императива, имеющего в мунджанском то же окончание) - через этапы *-du̯ai > *-bi > *-b' > *-f (ср. хорезмийский язык, с.79), возможно при частичной контаминации с показателем 2 л. мн.ч. прош. вр. (см. с. 109); 3 л. мдж. -āt, йд. -et < *-anti (с утратой *n перед согласной). См. мдж. nəɣ̌úyəm 'слышу', nəlvāt 'спят', йд. kit 'делает', ср. ударения в йд.: pərsə́m 'спрашиваю', mərə́m 'умираю', avərúm 'несу', но wĭ́nem 'вижу', xŏ́šəm 'тяну, тащу' и т.д. [Дыбо, 1972, 44].

Значение форм наст.-буд. вр. - действие в настоящем или будущем (редко, в определенном контексте - в прошлом) с широким видовым диапазоном (синхронность речи; постоянное, многократное и т.п.) и различными модальными оттенками (намерения, условия, пожелания, сомнения, побуждения и т.п.). Практически индикатив здесь, как и в других памирских языках, нейтрален в модальном отношении.

Сочетанием личной формы наст.-буд. вр. с застывшей формой 3 л. ед.ч. прош. вр. viyá от глагола āst- : viy- 'быть' образуется вторичная аналитическая форма прош. длит. вр. (ср. āvə́rəm viyá 'я приносил', āvə́rəy viyá 'ты приносил' и т.п.), обозначающая длительное или многократное действие в прошлом. Происходя от наст.-буд. вр., эта форма обусловливает номинативную конструкцию предложения, в отличие от форм причастного происхождения (см. с. 109). В йидга отмечается также поздняя форма наст. продолженного вр. (или наст. вр. данного момента), образуемая от наст.-буд. вр. безударным постпозитивным показателем -(ə)stə/ə < *√stā- 'стоять' (pərsəm-istə 'я спрашиваю') [IIFL, II, 151-152, 161; Грюнберг, 1987_2, 222]. Подробнее о флективных формах индикатива и их истории: [IIFL, II, 105-106, 144 сл.; Грюнберг, 1972, 427 сл.; 1987_2, 200-215, 221-222; ГОМШ, 64-94].

В языках и диалектах шугнано-рушанской группы, как и в остальных языках Памира, рефлексы древних флективных форм индикатива "свернуты" до форм наст.-буд. времени. Среди исконных основ (в целях экономии места примеры даются только шугнанские) прослеживаются: I) древние корневые (с вторичной тематизацией) и тематические с ударением

на корне и с различным отражением корневой гласной: а) с а-умлаутной перегласовкой: ш. ancāv- <*ham-drab-a-, *√drab/p- 'шить', anǰāv- < *ham-kap-a-, *√kap- 'хватать', riwāz- <*fra-u̯aź-a-, *√u̯aź- 'летать', sifān- <*us-fan-a-, *√fan- 'подниматься', firāw- <*frau̯-a-, *√frau- 'полоскаться'; wāf- <*u̯af-a-, *√u̯af- (<*u̯ebh-) 'ткать'; б) без умлаута: δůz- <*dauǰ-a-, *√daug- 'доить', parwēz- <*pari-u̯aič-a-, *√u̯aik- 'просеивать', wirůz- <*au̯a-, *ui-rauǰ-a-, *√raug- 'расплетать', wiǯēb- <*ui-gaib-a-, *√gaib- 'возвращаться'; безумлаутное отражение характерно для основ, содержащих в общеиранском тяжелые сонантные корни CṛC, а а-умлаутное - для основ с легкими корнями типа CVC, CṚ и т.п.; по-видимому, тематическая гласная, представленная в древности в виде *-ā- в формах I л., генерализовалась здесь позднее для всей парадигмы данной группы глаголов (возможно, при контаминации с конъюнктивом), обусловив а-умлаут, но не имела воздействия на тяжелые сонантные корни в силу их фонетической устойчивости; 2) тематические - с ударением на теме и с нулевой огласовкой корня (обеспечившей отсутствие аффрикации заднеязычных в начале корня), при позднем растяжении гласного до "полной" ступени: x̌ikar- < *skṛ-á-, *√skar- 'искать', kaǰ- <*kuš́á-, *√kauš- 'резать (скот)', parwiδ- <*pari-u̯id-á-, *√u̯aid- <и.-е. *u̯ei-d(h) [IEW, 1123] 'заглушать (о сорняках)', wiš- <*au̯a-ix-á-, *√aix- 'остужать, помешивать еду'; piniz- <*pati-muča-, *√mauk- 'одеваться'; 3) редуплицированные: δāδ- <*dadā-, *√dā- 'давать', aǰi/as- <*a-(hi-)šak- (с поздним *-s, см. ниже), *√hak- (ср. руш. aways-, б. awas-, с. alos-) 'лежать', biǰis- <*upa/api-(hi-)šik- (с поздним *-s), *√haik- (ср. х. biways-, р. buways-, с. b(ʜ)lis-) 'распухать', aǰan- <*a-(hi-)ši-na-, *√hai- 'покрывать, укрывать' (ср. язг. awān 'подол'); к развитию редуплицированных основ с отражением и.-е. *s > *h, *š см. [СГВЯ-Ф, I02-I03]; 4) с рефлексами и.-е. *-s: viraǰ- <*bruša-, *√brau-š- 'ломаться' < и.-е. *bhr-eu-s-, žiraǰ- <*gruša-, *√grau-š- 'кусать' <и.-е. *gr-eu-s-, pirēx- <*pari-raixš-, *√raik- 'посыпать'; 5) с суф. *-sa <*-sḱe/o - продуктивный тип неперех. основ, действовавший и после разделения шугн.-руш. группы: sitafc- <*us-taf-sa-, *√tap- 'жариться', yōs- <*iā-sa-, *√iam- (*ā <*m̥) 'нести, везти', wiža/ifc- <*au̯a-gib-sa-, *√gaib- 'возвращаться', ris- < *rik-sa-, *√raik- 'оставаться' (ср. позднее -s: zinōys- 'поскользнуться' <*snāia- + s, *√snā-, riwōys- <*fra-u̯āia- + s, *√u̯ā(i)- 'голодать', ср. язг. pərway-; 6) с суф. *-ia и слабой огласовкой корней (иногда в сочетании с *-s-) - для неперех. (и нескольких перех.) глаголов; этот тип стал в прашугнанском продуктивным признаком непереходности, что вызвало перегласовки по нему ряда других непереходных глаголов, ср.: niv- <*ni-hi/ad-ia-, *√had- 'садиться, сидеть', binis- <*apa-naś-ia-, *√naś- 'теряться', pis- <*pač-ia-, *√pak- 'вариться, созревать'; zi- <*źā-ia-, *√źan- 'рождать', ci- <

*dru-i̯a-, *√drau- ‘жать, косить’, cif- <*trəf-i̯a-, *√tarp- ‘красть’, pirmir- <*pari-mr̥-i̯a-, *√mar- ‘увядать’; 7) с полной, чаще продленной огласовкой основы и суф. *-ai̯a - класс каузативных основ, генерализовавшийся позднее для переходных и каузативных глаголов и вызвавший последующие перегласовки по аналогии к нему (наиболее характерна ш. ê - как рефлекс *ā при i-умлауте): rinês- <*fra-nās-ai̯a-, *√nas- ‘забывать’, têb- <*tāp-ai̯a-, *√tap- ‘крутить’, parǰīv- <*pari-kab-ai̯a-, *√kap- ‘отнимать’, zīn- <*ǰan-ai̯a-, *√gan- ‘убивать’ (ср. ricêv- ‘гнать’ от riciv- ‘убегать’ из *frat-rad(s)-i̯a-, *√rad-; zibēn- ‘заставлять прыгать’ от ziban- ‘прыгать’, biγēn- <*apa-(hi)šan-, *√han- ‘трясти, сбивать плоды с дерева’ - с вторичными ê, ē); 8) с носовыми суф. (непродуктивные для шугн.): kin- <*kr̥-nau-, *√kar- ‘делать’, wizūn- <*au̯a-zā-na-, *√zan- ‘знать’, piδin- <*pati-di-na-, *√dai- ‘зажигать’, wiǯin- <*u̯i-či-na-, *√kai- ‘выбирать’, yān- <*ar-nā-, *√ar- ‘молоть’; 9) с инф. (непродуктивные) wixkamb- <*u̯i-skumba-, *√skaub- ‘теребить шерсть’, pirēnd- <*pati + √rad- ‘рвать’ (возможно, с поздней перегласовкой по кауз. типу); ciramb- ‘жечь, саднить’, nixciramb- ‘щипать’ - из *(niš-)-us-ra-n-p-, *√rap/b- (ср. язг. rūvn, осет. ryn/run ‘боль’ [ИЭСОЯ, II, 444]). Подробнее историю шугнанских основ см. [Додыхудоева, 1982I, 25-76; 1988, 19-52]. Из новообразованных основ характерны каузативные с заимствованным раннетадж. суф. *-ān при уподоблении его огласовки исконной каузативной: -ēn (šandēn- ‘смешить’ от šand- ‘смеяться’, riwōysēn- ‘морить голодом’ от riwōys- ‘голодать’).

Для разных языков шугн.-руш. группы указанные типы древних основ (и рефлексы образующих их средств) имели неодинаковую продуктивность уже после разделения общешугнанского. Так, противопоставление по переходности/непереходности, существенное в связи с наличием данной оппозиции в прош. временах, здесь было активизировано разными способами. В шугн. развивается каус. огласовка для перех. основ и суф. -s (и -c <*s) для неперех. В барт. особого рефлекса *-ai̯a в огласовке переходных глаголов не наблюдается, зато развилась i-умлаутная перегласовка непереходных глаголов (рефлекс суф. *-i̯a): xāw- ‘зажигать’ - xīw- ‘гореть’. В сар. активизировался новый каус. суф. -on для перех. глаголов и т.д. Основы с носовыми здесь более продуктивны, чем в мунджанском, и, как правило, относятся к переходным глаголам, хотя особого развития они не получили (подробнее о продуктивности разных средств основообразования по языкам: [ГОМШ, II4 сл.]). В ряде глаголов в 3 л. ед.ч. основа получает i-умлаутную огласовку под влиянием i показателя *-(a)ti при ранней редукции *-a-: ш. yōs- - 3 л. ед.ч. yêst, р.х. yōs- - yēst, б. ayōs- - ayēst (с. yus- - yust) ‘уносить’ <*i̯āsa- - *i̯āsati, *√i̯am- ‘хватать’ (с изменениями в отдельных случаях конечных согласных, включая поздние: ш.р.б. kin- (ш. барв. kan-) - kixt, с. kan- - kaxt ‘делать’ <*kərnau- - *kərnti < *kr̥nauti, *√kar-).

Формы наст.-буд. вр. образуются от основ наст. вр. личными окончаниями, несколько различающимися по языкам:

	Ед. число	Мн. число
I л.	ш.р.х.б.рош. -um, с. -am	ш. -ām, р.х. -am, б.рош.с. -an
2 л.	ш.р.х.б. (раум.-сип.) -i, б. (бас.),рош.с. -Ø	ш. -ēt, р.х.б.рош. -at, -af, с. -it
3 л.	-t после глухих согл. и сонорных, -d после звонких (с перебоями)	ш. -ēn, р.х.б.рош. -an, с. -in

Окончания восходят в основном к "первичным" окончаниям инд. акт. Некоторые отклонения в вокализме связаны с их безударностью в языках группы (возможно, вследствие позднего выравнивания акцентной парадигмы по глаголам с ударением на основе), а в этих условиях особенно легка унификация огласовок в единой парадигме (ср. выравнивание огласовок в парадигме указ. местоимений в этих языках, см. ниже). В ед.ч. I л. ш.р.х.б.рош. -um, с. -am продолжают сочетание тем. гласной с окончанием инд. акт.: *-āmi с последующим выравниванием огласовки окончаний по типу *ā > *a (после того, как выравнивание ее по типу *ā вызвало a-умлаут в части основ, см. выше); огласовка u связана с влиянием носового m; 2 л. ш.р.х.б. (раум.-сип.) -i < *-ahi (отсутствие умлаутизации гласных основы объясняется, по-видимому, аналогией с огласовкой основы в I л.; опт. *-aiš менее вероятен); в барт.-бас., рош. и сар. окончание утрачено, и 2 л. ед.ч. выражается чистой основой (как в верх. говоре ваханского, см. с. 98); 3 л. -t/d (при i-умлаутном воздействии на основу) < *-ati (при ранней утрате *a). Во мн. ч. I л. ш. -ām, р.х. -am из инд. акт. *-āmah(i) или конъ. акт. *-āma; б.рош.с. -an "заимствован" из парадигмы прош. вр. (см. с. 113); 2 л. ш. -ēt, р.х.б.рош. -at, с. -it из опт. акт. *-aita (возведение его к императ. < инъ. *-ata или инд. *-aϑa фонетически труднодоказуемо; опт. в условиях слияний древних парадигм разных наклонений в единую возможен и фонетически, и семантически), с поздней перегласовкой в руш., хуф., барт., рош. в -a- по аналогии с окончаниями других лиц; показатель р.х.б.рош. -af, употребляемый параллельно с -at, по-видимому, из парадигмы прош. вр., см. с. 113; менее вероятна здесь по системным соображениям контаминация с рефлексом мед. *-aduai, прослеживаемым в хорезмийском и ряде живых языков (см. с. 79, 91, 98, 100); 3 л. ш. -ēn, р.х.б.рош. -an, с. -in из инд. акт. *-anti, причем в шугн. и сар. *-a- был под воздействием *-i, а в остальных произошла унификация огласовок показателей; не исключен в качестве прототипа и опт. акт. *-aian, как во 2 л. (ср. мнение об отражении во 2 и 3 л. мн.ч. шугн. и сар. и во 2 л. ед.ч. шугн. и руш. спряжения на *-(a)ya, а во 2 л. ед.ч. барт. и

сар. – на *-a [ГОЯШ 36]). Таким образом, личные окончания не только гетерогенны в плане продолжения в них показателей из различных древних парадигм, но и разнообразны по языкам в плане поздних типов унификаций – внутри самих парадигм наст.-буд. вр. (унификация огласовок окончаний по типу *-a- в руш., хуф., барт., рош.) и с парадигмами прош. времен. Примеры: ш.х. tíyum, р.б.рош. tēyum, с. tezam 'иду', ш.х. tīzd, р.с. tizd, б. tēzd, рош. tāt 'идет', ш.р.х.б.рош. xā́rum, с. xoram 'ем', ш. xīrt, р. xīrd, х. xirt, б.рош. xērd, с. xird 'ест' и т.п.

Форма наст.-буд. вр. выражает действие в настоящем или будущем (контекстуально – также в прошедшем в качестве прошедшего исторического), с широким кругом видовых (действие в определенный момент или обычное, многократное и т.п.) и модальных значений, уточняемых контекстом, а также удостоверительными частицами (наиболее распространены -ta, -ti) и выбором частицы отрицания при негативных формах (см. с.130). Поскольку форм косв. наклонений, кроме императива, в основной части языков группы нет, форма наст.-буд. вр. практически нейтральна в модальном плане, выражая, кроме констатации действия, значения как уверенности, так и сомнения, пожелания, желательности, неуверенности, смягченного повеления и т.п. – кроме прямого приказа. В рош., бас. диалекте барт. и в сар., где 2 л. ед.ч. наст.-буд. вр. не имеет окончания, формы инд. и императ. не противопоставлены. Категория наклонения тем самым в сар. держится только на вторичных образованиях (см. с.129), а в рош. и бас. диалекте барт. элиминирована вовсе. Здесь формы "индикатива" модально полностью нейтральны. Подробнее о формах наст.-буд. вр. и истории: [Соколова, 1966, 378,380; ГОМШ, 114 сл.; Додыхудоева, 1982_{I}; Эдельман, 1987_{I}, 317-319, 322-324, 326-329] (там же литература).

В язгулямском языке картина почти та же, что в шугн.-руш. группе. Основы наст. вр. в исконной части продолжают те же древние. Наиболее характерны: 1) корневые (с вторичной тематизацией) и тематические (с корневым ударением) с полной огласовкой корня: var-<*bara-, *√bar- 'приносить', paǰ/ž-<*pača(ia)-, *√pak- 'варить, печь', waz-<*u̯aź(a)-, *√u̯aź- 'плавать, купаться', pərwəǰ/ž-<*pari-u̯aiča-, *√u̯aik- 'просеивать', w(ə)rə/iǰ/ǰ-<*u̯i-, au̯a-rauǰa-, *√raug- 'распарывать', 2) тематические с нулевой огласовкой корня и ударением на тем. гласной: x̌(ə)kər-<*skərá-, *√skar- 'искать, ворошить', kaw-<*kuš́á-, *√kauš- 'резать (о скоте)'; 3) с редупликацией: δaδ-<*da-dā-, *√dā- 'давать', в том числе с различным отражением и.-е. *s-: (a)way-<*a-(hi)-šāia-, *√hai- 'положить, поместить', baway-<*upa-/api-(hi)šāia- (от того же корня) 'укрыть, накрыть'; 4) с рефлексами и.-е. *-s: vəra/iw-<*bruš(a)-, *√brau-š- 'разбиться, сломаться'<и.-е. *bhr-eu-s-; wərix̌-<*au̯a-/u̯i-rauxš̌(a)-, *√raug- 'вспороть'; 5) с суф. *-sa<*-sḱe/o и нулевой огласовкой, относи-

тельно продуктивный в раннеязг. для неперех. основ (но позже менее продуктивный, чем в шугн.-руш. группе): wəroxs- <*u̯i-/au̯a-rug-sa-, *√raug- 'распороться, разойтись (о шве)', cəʀafs- <*us-rap-sa-, *√rap- <*rap(h)- 'саднить, щипать', tifs-, təʀfs- <*tafsa-, *√tap- 'разогреться', ɣ°a/əʀfs- <*au̯a-gib-sa-, *√gaib- 'возвращаться' (ср. позднее образование от основы с сильной ступенью огласовки: paδays- 'загораться' из *pati-√dai + s-, при наличии "правильного" paδis- id.); 6) с суф. *-i̯a и нулевой огласовкой (иногда в сочетании с *-sa), главный тип основ непереходных глаголов, вызвавший впоследствии генерализацию для них огласовки -i-, ср. древние глаголы: niv̌- <*ni-hi/adi̯a-, *√had- 'садиться, сидеть', ma/ər- <*mr̥-i̯a-, *√mar- 'умирать', paδir- <*pati-dr̥-i̯a-, *√dar- 'удерживаться', pəš- <*paǩ-i̯a-, *√pak- 'вариться, созревать', sin- <*śən-i̯a-, *√šan- 'всходить, подниматься (о растениях, светилах)', caf- <*trəf-i̯a-, *√tarp- 'воровать'; 7) с полной или продленной огласовкой основы и суф. *-ai̯a, - тип, ставший в раннеязг. одним из ведущих в выражении переходности (в большинстве случаев с огласовкой -a-, в противовес непереходным): san- <*śa̋n-ai̯a-, *√šan- 'выращивать', pərδar- <*pari-da̋r-ai̯a-, *√dar- 'удерживать', bəraz- <*upa-ra̋ź-ai̯a-, *√raź- 'пить', paδāy- <*pati-dāi̯a-, *√dai- 'зажигать'; 8) с носовыми суф.: k°ən- <*kr̥-nau-, *√kar- 'делать', vəzan- <*abi-źa̋-nā-, *√źan- 'знать', yawn- <*ar-nā, *√ar- 'молоть', win- <*u̯aina- 'видеть'; 9) с носовым инф.: səran(d)- <*us-ra-n-d-, *√rad- 'разорвать', cəram(b)- <*us-ra-n-p-, *√rap- 'ущипнуть' ← 'причинить боль' (ср. язг. rů̈vn 'боль', cəʀafs- 'болеть, щипать'), bərxand- <*upa-ri-xa-n-d-, *√xad- 'скоблить', x̌°amb- <*u̯i-sku-n-b-, *√skaub- 'взбивать шерсть лучком' (ср. рус. диал. скубить). Последние два типа основ для образования переходных глаголов в язг. более продуктивны, чем в большинстве языков шугн.-руш. группы (кроме руш.) [ГОМШ, I22 сл.]. Из новообразованных основ характерны кауз. с суф. -ān, возникшие под влиянием тадж. языка (с огласовкой, соответствующей сильной огласовке старых кауз. [ГОМШ, II8-II9]). В ряде глаголов в 3 л. ед.ч. основа получает i-умлаутную огласовку под влиянием *i показателя *-(a)ti: təžín 'хожу' - težd (<*taǩa-, *√tak-), mərín 'умираю' - mard (<*mr̥i̯a-, *√mar-); реже меняется консонантизм: k°ənín 'делаю' - kəx̌t (<*kərnti < *kərnauti, *√kar-).

Личные окончания восходят к древним окончаниям разных наклонений, хотя превалируют "первичные" индикативные. Выявить этимологию их не всегда легко, поскольку относительно поздний перенос ударения с основ на окончания во всей парадигме видоизменил в ряде случаев вокализм и основ, и окончаний. В ед.ч. I л. -ín из конъ. акт. *-āni, 2 л. -áy < *-ahi (через ступень -í с поздней дифтонгизацией; менее вероятен опт. *-aiš), 3 л. -t/d < *-(a)ti с ранней редукцией тем. гласной; во мн.ч. I л. -ém из инд. акт. *-āmah(i) или конъ. акт.

*-ama, 2 л. -it из опт. акт. *-aita, 3 л. -an из инд. акт. *-anti.

Значение формы наст.-буд. вр. – действие в настоящем или будущем, видовые и модальные оттенки которого передаются контекстом, реже – действие в прошлом с разными стилистическими и временными оттенками. Употребительна также удостоверительная частица -ta//-da//-a. Наличие императива только во 2 л. ед.ч. ограничивает модальные возможности форм наст.-буд. вр. инд. лишь на этом участке; остальные инд. формы практически модально нейтральны. Ср. badín 'иду, пойду, пойду-ка и т.д.', badáy 'идешь, пойдешь, пошел бы и т.п.'. Подробнее о наст.-буд. вр. и истории: [Эдельман, 1966, 51-52, 57-58; 1987_2, 392-397; ГОМШ, 115 сл.].

Сходная система обнаруживается и в ваханском языке. Основы продолжают тот же круг древних классов, но с отличиями в их продуктивности в раннем состоянии ваханского[6]. Прослеживаются основы: 1) корневые и тематические (включая случаи поздней тематизации): draw- <*draua-, *√drau- 'косить, жать', pac- <*paca-, *√pak- 'варить', ʤaw- <*ʤau(a)-, *√ʤau- 'гореть', nəspər- <*ni-spara-, *√spar- 'наступать ногой', wɨzdɨy- <*aua-snāia-, *√snā-, snā(i)- 'мыть, стирать'; ʧaw- <*ʧiaua-, *√ʧiau- 'идти', pərwic- <*pari-uaiča-, *√uaik- 'просеивать' и т.д.; отражение здесь гласных в виде a – из *a при a-умлауте – связано с воздействием тематической гласной (особенно при выравнивании огласовки по основам типа "supá-", как в шугн.-руш. группе и язг., см. выше); в виде i – из дифтонгов *ai, *au [Соколова, 1981, 38, 46] и т.п. – закономерно для основ инд. (ср. мнение о продолжении в части этих глаголов древних основ конъ. или опт. [Пахалина, 1987_1, 462-463]); 2) единичные редуплицированные: puv- <*piba- 'пить', tsy- <*hišta-, *√stā- 'быть'; 3) древние и вторичные кауз. с растяжением корневой гласной (или с отражением полной огласовки сонантных корней) и с суф. *-aia (или без него): а) с рефлексами полной и продленной огласовки и суф. *-aia в виде -y: pɨtmɨy- <*pati-māia- 'дразнить', ðɨvɨy- <*dābāia-, *√dab- 'воровать'; б) аналогичные основы без суф. *-aia (не всегда отличимые от продолжения древних корневых или тем., см. п. 1), характеризующиеся в большинстве огласовками ɨ< ир. *a;i< ир. *ai, *au и т.п.; включают древние основы и новые, образованные перегласовкой: drɨw- 'заставлять косить', kɨf- 'заставлять лопаться' (ср. kaf- 'лопаться'), ʤɨw- <*ʤāu(aia)-, *√ʤau- 'жечь', ðic- <*dauǰ(aia)-, *√daug- 'доить', ɣiz- <*rauǰ(aia)-, *√raug- 'распарывать', ǯip- <*gaiþ(aia)-, *√gaiþ- 'прясть', wɨdɨr- <*-dār(aia)-, *√dar- 'держать', bɨn- <*duān(aia)-, *√duan- 'вертеть, бросать', nɨs- <*nāś(aia)-, *√naś- 'терять' и т.п. (позднее основы прош. вр. этих глаголов меняют огласовки на o); 3) каузативные, включая поздние и современные с суф. -ɨv – с той же огласовкой,

[6] Об этапах развития системы вах. глагола (и соответственно типов основ) подробнее: [Лашкарбеков, 1985].

что в рассмотренных выше кауз. (в прош. вр. им соответствует -ov): nisыv- 'укладывать спать' (ср. nəsəy- 'ложиться спать'), gəfsыv- 'гнать, погонять' (от gəfs- 'бежать', см. ниже); 4) с суф. *-n - непродуктивный тип перех. основ: win-<*u̯aina- 'видеть', vrin-<*brīna- 'стричь (овечьими ножницами)', wič̌in-<*u̯i-/au̯a-čina-, *√kai- 'сыпать (зерно из кузова мельницы)'; 5) с инф. *-n- - также непродуктивные перех. основы: x̌ənʒ- 'черпать, переливать', rəsənʒ- 'вешать', š̌kənd- 'разбивать' (ср. š̌kəδ- 'разбиваться'), rand- 'давать', nund-<*ni-ha-n-da-, *√had- 'сажать'; 6) в основном неперех. основы с суф. *-i̯a: nəs(ə)y-<*ni-√sśa(i)- 'ложиться спать', mər(ə)y-<*mri̯a-, *√mar- 'умирать', pəč̣-<*paču̯a-, *√pak- 'вариться, печься', yož̌-<*ā-źā̆-i̯a-, *√źan- 'рождать'; 7) с суф. *-sa<*-sk̂e/o - неперех. основы: gəfs-<*gifsa-, *√gaib- 'бежать', pəδməṣ̌-<*-dam-s-i̯a- 'пухнуть', wərəfs-<*u̯i-rafsa-, *√ra(m)b- 'стоять'; nəδəfs-<*ni-dafsa-, *√da(m)b- 'прилепляться'. В ранневах. в неперех. глаголах распространились рефлексы слабой огласовки корня (в виде вах. -ə-) и суф. *-i̯a (при малопродуктивности суф. *-sa); в переходных же продуктивными стали рефлексы продленной огласовки (в виде вах. -ы-) и суф. *-ai̯a, при последующей генерализации суф. -ыv (при непродуктивности основ с носовыми) [Лашкарбеков, 1985, с. 100]. Подробнее об основах и их истории: [IIFL, II, 497 сл.; Пахалина, 1975, 65-68; Стеблин-Каменский, 1981$_{I}$; Соколова, 1981, 39, 45-46; Лашкарбеков, 1975; 1984$_{I}$; 1984$_{2}$, 4, 14-15; 1985, 98-100, 104]; иначе: [Пахалина, 1987$_{I}$, 460-463]. В 3 л. ед.ч. часть основ имела i-умлаутную перегласовку под воздействием *-i окончания *-(a)ti (ср. mírit 'умирает', nísit 'спит' и т.д.).

Окончания продолжают в целом древние "первичные" инд. акт. тем. спряжения (при отнесении тем. гласной к окончанию): в ед.ч. 1 л. -əm <*-āmi (с ранним сокращением *ā>*a по аналогии к другим лицам), во 2 л. факультативный -i<*-ahi; возникновение его в нижнем говоре по аналогии с тадж. языком, как и варианта 2 л. мн.ч. -it (см. ниже) [Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, 669], менее вероятно; 3 л. -t/d<*-ati; во мн.ч. только 3 л. -ən (и, возможно, диалектный вариант -in [Gao Erjiang, 1985, 114]) продолжает инд. акт. *-anti или конъ. акт. *-ānti (или *-ān); 1 и 2 л. имеют более сложную историю: 1 л. -ən, очевидно, из парадигмы прош. вр. (см. с. 117); 2 л. -əv из показателя мед. инд. *-adu̯ai или конъ. *-ādu̯ai, как в хорезмийском и мунджанском (см. выше), с ранним сокращением *ā>*a и, возможно, уподоблением в вокализме показателю прош. вр.; вариант -it - из опт. тем. *-aita (менее вероятна аналогия с тадж. окончанием, см. выше). Подробнее: [IIFL, II, 499-500; Лашкарбеков, 1984$_{I}$; 1984$_{2}$, 5-6; Пахалина, 1987$_{I}$, 464].

Значение формы - действие в настоящем и будущем (контекстуально также в прошлом) с большим диапазоном видовых значений (настоящее

данного момента, многократное или обычное; краткое или длительное действие в будущем и т.д.) и модальных. Индикатив противопоставлен императиву только в нижнем говоре - оппозицией форм 2 л. ед.ч. без окончаний (императ.)~с оконч. -i (инд.). В остальных случаях (а также в верхнем говоре, где во 2 л. ед.ч. -i отсутствует) форма наст.-буд. вр. является модально нейтральной. Нейтральность к виду и модальности компенсируется контекстом, включая употребление частиц (напр., -əš̌ <*hišta-, ср. согд., ишк. и др.) и союзов: wuz rəč̣əm 'я иду, пойду', wuz cə rəč̣əm 'если я пойду', wuz-əš̌ rəč̣əm 'я иду' (в данный момент), rəš̌ 'иди; ты идешь', nə rəš̌ 'не идешь', mə rəš̌ 'не ходи!' и т.п. (см. также с. 131). Подробнее о форме и истории: [IIFL, II, 499; Пахалина, 1975, 75-76, 82; 1987$_I$, 464-465; Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, 623-624; Лашкарбеков, 1984$_I$; 1984$_2$, 4-6].

Аналогична форма наст.-буд. вр. в ишкашимском языке. Исконные основы продолжают те же древние классы, что и в других языках: 1) корневые (с вторичной тематизацией) и тематические: andɫrv- <*handrab(a)-, *√drab- 'шить', ишк. xar-, сгл. xwār- <*x^{v}ar(a)-, *√x^{v}ar- 'есть', ишк. xɫy- , сгл. xūi- <*x^{v}ah- 'молотить' (к этимологии и отражению *h: [Бенвенист, 1965, 56-57; СГВЯ-Ф, 97]), ишк. kɫl/ḷ-, сгл. kəl-, kul- <*kuša-, *√kauš- 'закалывать, резать', pɫmɫc- <*patimuča-, *√mauk- 'одевать(ся)', tac- <*tača-, *√tak- 'уходить', 2) непродуктивные редуплицированные: pɫv- <*piba- 'пить'; 3) перех. основы с полной и продленной огласовкой и суф. *-aia или без него; этот тип долго оставался продуктивным; его продолжают ишк. основы с -i-, -e-, т.е. с отражением сильного корневого гласного при i-умлауте под воздействием суффикса (и в ряде глаголов с поздней перегласовкой по аналогии к этому типу): reǰ/ž- <*raužaia-, *√raug- 'распарывать, распускать', сгл. pārδē- <*pari-dā(-aia)-, *√dā- 'продавать', iv- <*yiv- <*gaib(aia)-, *√gaib- 'прясть', if- <*uāf(aia)-, *√uaf- <*uebh- 'ткать', ишк. siw-, сгл. sīw- <*θau(aia)-, *√θau- 'зажигать', ср. saw- 'гореть' (ср. глаголы с поздней перегласовкой: deš- 'доить' из *√daug- с рефлексом и.-е. *-s; ximb- 'спускать, снимать' из *√xaup- <*keu-p- с назальным инф., ср. неперех. xafs- 'спускаться' и др.); 4) неперех. с рефлексом суф. *-sa <*-sḱe/o: is- <*isa-, *√ai- 'приходить', fris- <*fra-rixsa-, *√raik- 'оставаться, уставать', ишк. urofs-, сгл. wərōfs- <wərofs- <*ui-rāfsa-, *√ra(m)b-, rap- 'стоять'; xafs- <*xufsa-, *√xaup- <*keu=p= 'спускаться', nɫdɫfs- <*ni-dufsa-, *√daub- или *da(m)b- 'прилипать, приставать'; 5) неперех. и единичные перех. со слабой (реже - средней) огласовкой и суф. *-ia, рефлекс которого в виде -y иногда сохраняется (в ряде основ i-умлаутная перегласовка корня отсутствует, что свидетельствует, наряду с редуцированным отражением гласной корня, о наличии здесь раннеишк. ударения на суффиксе, а не на корне): až̌ɫy- <*ā-źā̆-ia-, *√źan- 'родиться', nid- <*ni-ha/id-ia-, *√had-

'садиться, сидеть', ambid-<*ham-p(a)di̯a-, *√pad- 'падать'; atiy- *ati-i-i̯a-, *√ai- 'входить', ишк. mьr-, сгл. mur-<*mr̥-i̯a-, *√mar- 'умирать'; tьrьf-<*tr̥fi̯a-, *√tarp-, *trap- 'воровать', dьray-< *drau̯-i̯a- или *dru-i̯a-, *√drau- 'жать, косить'; 6) переходные с назальными суф.: ишк. xьrn-, сгл. xərn-<*xrīnă- 'покупать', vьrn-< *brī-nă-, *√brai- 'стричь (овец)', ишк. yurn-, сгл. yūn̥-<*ar-nā-, *√ar- 'молоть', pьdin-<*pati-di-na-, *√dai- 'зажигать свет', wen-< *u̯aina- 'видеть', ишк. kьn-, сгл. ken-<*kr̥-nau-, *√kar- 'делать'; 7) переходные с инф. *-n-: uškьmb-<*u̯i-šku-m-b-, *√skaub- 'теребить шерсть' (ср. ш. wixkamb-, язг. x°am(b)-, рус. диал. скубить). Историю основ см. также [IIFL, II, 357-358], иначе: [Пахалина, I987$_2$, 5I9-522]. Наблюдаются и инновационные основы, включая заимствованные из тадж. в форме императива (с преф. ишк. bь-/bi-, сгл. be-), часто с тадж. кауз. суф. -on (см. [IIFL, II, 357]).

Окончания продолжают в целом "первичную" акт. инд. тем. флексию: в ед.ч. I л. ишк. -ьm, сгл. -em<*-āmi (с ранним переходом *ā>*a по аналогии с другими лицами), сгл. -en, -ən - из конъ. акт. *-āni (как в язг.), что естественно при совпадении в единой форме различных древних наклонений; 2 л. ишк., сгл. -i<*-ahi, 3 л. ишк. -u, сгл. -ō^{u}, -ū - из конъ. мед. *-āta (?), либо акт. *-ati через этап *-ōδ [IIFL, II, 359] (в гл. "быть" 3 ед. vúni - с i из *-(a)ti или из раннеишк. -u при диссимиляции u - u ⟶ u - i), во мн.ч. I л. ишк. -on из конъ. акт. *-āma при последующем переходе *m>n по аналогии с -on в прош. вр. (см. с. II8); сгл. диал. -um, -em, -əm - из *-āma без уподобления прош. времени; 2 л. ишк. -ьv, сгл. -əf, -uf - из мед. инд. *-adu̯ai или конъ.*-ādu̯ai при контаминации с показателем прош. вр., как в ряде других языков группы (см. выше); 3 л. ишк. -on, сгл. -ăn из инд. акт. *-anti или конъ. *-ānti, *-ān [ср. IIFL, II, 358-360; Пахалина, I987$_2$, 525].

Формы наст.-буд. вр. имеют различное ударение, в зависимости от огласовки основ: при основах с -ь- ударение падает на окончание, в остальных случаях - на основу: tácu 'уходит', kьnú 'делает'. Возможно, здесь, как в пашто и раннем мундж. (см. выше), в течение длительного времени сохранялось древнее разноместное ударение ведического типа, которое закрепилось затем по принципу "тяжести" огласовок: основы с сильной огласовкой (включая относительно новые) получили ударение; в глаголах со слабой огласовкой основы оно закрепилось на тем. гласной, суффиксе и затем на окончании (см. также [Дыбо, I972, 44]).

Форма наст.-буд. вр. выражает действие в настоящем или постоянное, многократное, а также в будущем. Нейтральна в видовом плане и почти нейтральна в модальном (только во 2 л. ед.ч. противопоставлены: инд. с -i ~ императ. на -Ø, ср. táci 'ты идешь, ходишь, пойдешь' - tac 'иди, уходи'), может сочетаться с частицами -bi (усиление, обычно

при указании на будущее действие) и -(ъ)s (при указании на многократность или одновременность действия; возможна ее этимологическая связь с *√stā- 'стоять'). Подробнее о форме и ее истории: [IIFL, II, 358-361; Пахалина, 1959, 52-53; 1987$_2$, 519 сл.].

Таким образом, изменение древних флективных форм индикатива состоит в основном в постепенном свертывании их парадигмы.

Уменьшается количество продуктивных классов древних презентных основ. Длительную продуктивность сохраняют основы с выраженными значениями переходности и непереходности, что поддерживается и стимулируется формализацией оппозиции переходности/непереходности в прош. временах (см. ниже). Существенно, что в различных языках в образовании пар переходных/непереходных основ используются различные древние классы в разной их комбинации, например: каузатив с *-aia (перех.)~ основы с *-sa (неперех.) в одном языке, основы с носовыми элементами (перех.)~ основы с *-ia (неперех.) в другом и т.д. Различия в выборе компонентов данной пары наблюдаются даже в близкородственных языках [ГОМШ, II4-I32]. Это означает, что продуктивность всех этих основ сохранялась в общеиранском состоянии и продолжалась уже после разделения его на подгруппы и даже отдельные языки (см.с.I35 сл.). Другие классы древних основ утратили продуктивность и прослеживаются лишь этимологически. Развились новые основы, в основном каузативные, разные по языкам.

Изменяются флексия и категории, связанные с нею. Исчезает форма дв.ч. Медиалис как особая парадигма сохраняется лишь в хотаносакском, однако и здесь оппозиция ее активной чисто формальна. Остальные языки выявляют ее рудименты, в разной степени утратившие взаимосвязь и сохраняемые в основном там, где они имеют фонетическую или смысловую поддержку (ср. 2 л. мн.ч. наст.(-буд.) вр. с элементом v, f< *-du-, поддержанным показателем 2 л. мн.ч. прош.вр. с w из энкл. *uah). В результате ранней тематизации основ, распространения тем. спряжения и последующего перераспределения морфем с отнесением тем. гласной к флексии наметилась тенденция к дальнейшему парадигматическому выравниванию вокализма новых окончаний. В результате в ряде языков в I л. ед.ч. (и в некоторых - в I л. мн.ч.) произошли: сокращение рефлекса тематической *-ā-> *-a- по аналогии с другими лицами и дальнейшие изменения, различающиеся по языкам. При этом новая *-a- в I и 2 л. оказалась относительно устойчивой; в 3 л. ед.ч. в хотаносакском, мунджанском, памирских языках и, возможно, в других *-a- рано выпала, что обеспечило воздействие *-i окончания *-(a)ti на гласную (и иногда исходную согласную) основы. Постепенно уменьшается удельный вес временны́х форм, продолжающих древние флективные формы индикатива: от двух в большей части сев.-вост. языков (наст. и прош.вр.) до одной (наст. или наст.-буд. вр.) в остальных. В последних языках эта флективная форма, сосуществуя в парадигме с аналитическими или

вторичными флективными формами прош. времен со своими личными показателями (см. ниже), начинает "прорастать" новыми флективными элементами, "заимствованными" из прош. вр. в ходе дальнейшей унификации парадигмы. То же происходит и при постепенной утрате косв. наклонений и слиянии их рефлексов (и функций) в единую парадигму, которую можно назвать индикативом лишь условно: флективные формы старого индикатива, расширяя круг значений и становясь в некоторых языках модально нейтральными, усваивают из отмирающих косв. наклонений и элементы флексии.

Аугмент в флективных формах прош. вр., продолжающих имперфект, генерализовался только в ягнобском языке. В согдийском и хорезмийском наблюдаются лишь его рудименты в позиции, способствовавшей его фонетической сохранности (после превербов). Это означает, что для общевосточноиранской системы аугмент был живым элементом, но не генерализованным в функции признака прош. вр. индикатива. Впоследствии его рудименты сохраняются вместе с формами имперфекта в хорезмийском и в большинстве согдийских диалектов; в диалектах же, легших в основу ягнобского языка, аугмент оставался продуктивным и в процессе сращения превербов с основами, и после него.

Формы буд. вр. выработались не во всех языках. Там, где они есть, они вторичны. Интересно их образование в согд., хор., осет. - с формантами, продолжающими разные основы со значением "хотеть" (аналогично зап.-ир. языкам с вспом. глаголами от *$x^{v}\bar{a}h$-), что типологически сближает данные иранские языки с балканскими [см., напр., Schaller, 1975, 152-155]. В содержательном плане в этих формах продолжается традиция употребления в древности конъюнктива для обозначения действия в будущем.

Важным оказался фактор акцентной неоднородности древних парадигм, сохранявшейся в общевосточноиранский период [СГВЯ-Ф, 61-65, 197-202] и продолжавшейся с различными трансформациями в разных восточноиранских языках. При сохранении баритональной и окситональной парадигм в дальнейшем вокруг них происходила различная по языкам группировка глагольных словоформ; к тому же при сращении основ с превербами в части случаев ударение переходило на преверб. При этом с отнесением тем. гласной к окончанию (см. выше), ударение во второй парадигме стало падать на окончание. В согд.-ягн. подгруппе к старым глаголам с ударением на основе присоединились новые, с "тяжелыми" основами (включая переходные с вторичной продленной огласовкой, многосложные и др.), а глаголы с ударением на окончании объединили все "легкие" основы (односложные с кратким гласным), что отразилось на разной сохранности флексии (или ее вокализма, см. с. 73-74). Сходный тип развития прослеживается в мундж. языке, где разноместное ударение, переросшее в фактор тяжести/легкости основ, имело результатом разную относительную хронологию утраты *-a- в окончании 3 л. ед.ч. *-ati и разное

историко-фонетическое развитие окончания (см. с. 90). Нечто похожее происходило в раннем состоянии ишкашимского, но с иным результатом: словоформы остались разноударными (см. с.I00). В пашто просматривается более архаичное распределение глаголов по акцентным парадигмам (см. с.86-87). В севернопамирских языках разноместность древнего ударения находит отражение в разных огласовках основ, продолжающих древние тематические типа "sápa-, sáupa ∽ s(a)pá-, supá-" (см. с.9I, 95). Кроме того, закрепление ударения в шугн.-руш. группе во всех глаголах на основе, а в язг. вторичный перенос его на окончание (о чем говорит отражение гласных окончаний по безударному типу, при современной их ударности) также может быть результатом поздней унификации неодинаковой прежде акцентуации личных глагольных форм. Возможно, с различной акцентуацией связаны также наличие/отсутствие воздействия в 3 л. ед.ч. исхода *-i окончания *-(a)ti на основы разных глаголов в хотаносак. и памирских языках (см. выше).

Таким образом, для общевосточноиранского периода реконструируется сложная флективная система индикатива древнего типа. Не выявлены лишь системные рефлексы древних перфекта и аориста, однако, поскольку "перифрастический перфект" был грамматикализован позднее (см. с.II9-I20, I38-I39), можно предположить, что формы перфекта и аориста были еще живыми, хотя, возможно, продуктивность их была уже невелика.

Изменение древних причастных конструкций

Для языков группы А (см. с. 70) наиболее характерна согдийская система. Здесь парадигма флективных форм (см. выше) дополняется системой причастных результативных форм - перфекта, плюсквамперфекта (и поздних косв. наклонений, см. с. I23).

Формы перфекта сохраняют различие конструкций для перех. и неперех. глаголов, причем переходные в основной части документов, отражающих литературную норму (т.е. в официальных и религиозных текстах), строются по типу "я сделанным имею" (аналогично романскому или германскому перфекту) с вспом. глаголом δ'r- [δār-] 'держать, иметь'. Базой служат рефлексы прич. на *-ta в акк. м.р. ед.ч.*-tam: после тяж. основ [-t], после легких - [-tu] с дальнейшей утратой [-u] по диалектам. Вспом. глагол выступает в форме наст.-буд. вр. Наблюдаются случаи стяжения [-t] перф. основ с [δ-] вспом. глагола: t + δ > t, δ (ср. от глагола "делать": [əktu δār-] > будд. kδ'r-, 'kδ'r-, хр. qδ'r-). По аналогии с этими стяженными формами без [-t-] в поздних текстах развивается образование перфекта от основ наст. вр. В языке Старых писем, отражающем разговорную норму, используются более архаичные построения типа "это у меня сделано (есть)". Значительно реже они отмечаются в официальных документах. Неперех. глаголы продолжают конструкции с прич. на *-ta в ном. ед.ч. *-tah со связкой, кроме 3 л. ед.ч., где связка отсутствует.

Основа, выявляемая в 3 л. ед.ч., имеет признаки: [-t/d] для тяж. основ, [-ti] - для легких. Отмечена контаминация спряжения перех. и неперех. глаголов, выражающаяся в проникновении [δār-] в парадигму непереходных, однако в ряде случаев оно имеет содержательную базу - при уподоблении перех. глаголам непереходных с активной семантикой (см. с.139-140). Перфект обозначал прош. результативное действие, однако в хр. текстах значение результативности уже затушевано, и форма употреблялась в функции претерита, приближая этот диалект к языкам типа Б.

Формы плюсквамперфекта, зафиксированные только для перех. глаголов, образованы от тех же перф. основ формой прош. вр. глагола [δār-]. В различных текстах выявляются также построения со вторичными прич. на *-ta-ka (от перех. и неперех. глаголов), имеющие как собственно перф. (и плюсквамперф.) значения, так и пассивное. Отмечаются и инновационные модальные формы перфекта (см. с. 121). Подробнее о сфере перфекта и истории: [EGS, II, 49 сл.; GMS, 126-130; Benveniste, 1952; 1960; Боголюбов, 1956, 24-25; Кауфман, 1956, 492 сл.; Исхаков, 1977, 119-150; Молчанова, 1978, 100-101; Лившиц, Хромов, 1981, 489-492].

Ягнобский язык развил систему причастных перфектных форм, сходных по построению с согдийскими разговорными. Они представляют сочетания современного прич. на -ta (<*-taka, как в языках группы Б, см. с. 70) со связкой (продолжающей в основном древнюю связку, кроме 3 л. ед.ч., где она замещена, как и в согд., основой указ. местоимения): tórta-im 'я ушел'. От перех. глаголов М.Н.Боголюбовым зафиксированы построения, характерные для языков группы Б: сочетание причастия с энклитикой, выражающей лицо субъекта; объект может быть выражен связкой, следующей за энклитикой: wéta-m-x 'я его видел', weta-š-im 'он меня видел', weta-š-išt 'он тебя видел' [Боголюбов, 1956, 23-25; 1966, 354]. В последующие годы эта форма уже не встречалась, и перех. глаголы стали спрягаться так же, как непереходные: wófta-īm 'я сказал' [Хромов, 1972, 35-36; 1987, 687]. Аналогично строются формы преждепрош. перфекта, состоящего из того же причастия и перфекта глагола vu- 'быть, становиться': wófta-vúta-īm 'я сказал', а также сходные с ними формы преждепрош. вр., состоящие из того же причастия и связки в прош. вр.: wóft(a)-oyim 'я сказал' (факультативность -a в причастии объясняется стяжением гласных на стыке морфем, а не продолжением архаичного причастия на -t<*-ta); оба построения инновационны. Значения форм: перфект выражает результативное действие в прошлом, преждепрош. перфект - законченное действие, результат выяснения; указывает также на неочевидность, заглазность действия, что составляет модальный план его употребления. Преждепрош. вр. обозначает действие, совершившееся давно, либо прежде другого (без оттенка результативности).

По тому же типу образуется недавняя форма прош. вр. конъ., см. с. 123. Отмечается также группа предикативных оборотов с причастиями и инфинитивами, из которых наиболее своеобразны инфинитивные - с энкл. местоимением и связкой, - употребляемые в значении настоящего и прошедшего определенного. Подробнее о сфере перфекта: [Боголюбов, 1956, 23-25; 1966, 353-354; Хромов, 1972, 35-36, 40 сл.; 1987, 686-687, 689, 690-693].

В хорезмийском языке перфектные формы представляют конструкции с особыми основами или причастиями (из древних прич. на *-ta и *-taka), сходные в целом с согдийскими. Отмечены конструкции с вспом. глаголом δ'ry- [δārīy-] 'держать, иметь' как для перех., так и для неперех. глаголов, что может означать начавшуюся в тот период унификацию парадигмы перфекта по перех. типу. Вспом. глагол в наст.-буд. вр. употреблялся в конструкциях перфекта, в прош. вр. - в конструкциях плюсквамперфекта. Общий принцип построения форм перфекта выявить трудно, поскольку зафиксированные примеры типа 'ktk δ'ry'myn 'я сделал' (перф.), 'ydk δ'ryd 'она пошла' (плюскв.) единичны [Henning, 1936, 33; Фрейман, 1951, 41, 112].

Осетинский язык, в отличие от остальных северовосточных, относится к группе Б (см. с. 70), т.е. имеет формы прош. вр., продолжающие раннеосетинские причастные сочетания. При морфологизации этих сочетаний рефлексы древних причастий на *-ta превратились здесь, как и в других языках этой группы, во вторичные основы прош. вр. Как и в других восточноиранских языках, различается спряжение перех. и неперех. глаголов.

Парадигма непереходных глаголов представляет сочетания основы прош. вр. со связкой в индикативе (с небольшими изменениями), продолжая в целом конструкции типа "я пошедший есмь" (см. с.71). Парадигма перех. глаголов предстает синхронно как сочетание той же основы с вспом. глаголом "быть" в форме, продолжающей древний конъюнктив (с фонетическими изменениями на стыке морфем, в частности с геминацией -d-> -dd- и последующей диссимиляцией - -dt-). Ср.: kald(is) 'лился' - kaldta 'лил' (3 л. ед.ч.), kaldysty 'лились' - kaldtoj 'лили' (3 л. мн.ч.), marddæn 'я умирал' - marddon 'я убивал'[Миллер, 1962, 122-124; ОЯФ, 561 сл.; Исаев, 1987, 619-620]. Конъ. форму связки здесь объясняют употреблением конъюнктива в значении имперфекта [Миллер, 1962, 124] или перемещением оппозиции конъ./инд. из сферы наклонений в сферу переходности/непереходности, когда старый способ выражения этой оппозиции был ослаблен [ОЯФ, 564-566; Исаев, 1987, 620]. Действительно, в раннеосетинском были конструкции с перех. глаголами типа "[у] меня/мною то-то сделано/сделанное (есть)" (см. с. 71), о чем говорит падежная система местоимений (см. с.205, 216). Последующая переориентация глагольной формы на выражение каким-то приглагольным показателем именно субъекта (в отличие от древ-

ней связки, ориентированной на объект) должна была быть достаточно поздней и проходить под воздействием парадигмы неперех. глагола, но не быть тождественной ей. Отсюда, возможно, - конъюнктивная форма глагола "быть".

Как уже говорилось (см. с. 81-82), в осетинском языке, благодаря наличию превербов, придающих глаголу значение завершенности и употребляемых во всей парадигме, включая прош. вр., значение результативности, свойственное обычно перфекту, оказалось подчиненным общему значению завершенности. В результате вторичный перфект индикатива с основой из прич. на *-taka здесь не развился. Кроме рассмотренных вторичных флективных форм имеется ряд аналитических конструкций модального, видового, залогового значений, например обороты, обозначающие повторность, длительность - из прич. прош. вр. во мн. числе с глаголом "делать", редупликация основ с превербами и др., а также употребление причастий в функции предиката взамен личных форм [подробнее: Абаев, 1962, 552, 557-558, 591 сл., 661 и др.; Исаев, 1966, 79, 87 сл.].

В хотаносакском языке, также относящемся в целом к группе Б, формы прош. вр. в общих чертах восходят к древним соответствующим конструкциям. Формы от неперех. глаголов продолжают сочетания прич. на *-ta в ном. (с сохранением рудиментов форм рода и числа) и связки. Ср. исход форм прош. вр.: в ед.ч. I л. м.р. -tämä<*-tah + ahmi, ж.р. -tamä<*-tā + ahmi; 2 л. м.р. -tī<*-tah + ahi, ж.р. - , 3 л. м.р. -tä<*-tah, ж.р. -ta<*-tā (без связки); во мн.ч. окончание I л. в ранних текстах не зафиксировано (в поздних используется -tamdūm из более раннего *-tandä mä - исхода формы перех. гл.), 2 л. м. -tasta<*-tāh + sta, ж. -te-sta<*-tāh (?) + sta, 3 л. м. -ta<*-tāh, ж. -te<*-tāh ? или, скорее, вторично (без связок). У перех. глаголов прич. осложнено наращением элемента -āndä, который продолжает, как полагают, прич. наст. вр. от *ah- 'быть' [Konow, 1932, 36; SGS, 220-221; Герценберг, 1981, 293-295]; лицо выражено связкой, представленной в ед.ч. I л. м. и ж.р. -mä, 2 л. м. и ж. -ī, -i; во мн.ч. I л. м. и ж. -mä, 2 л. м. и ж. -sta, - продолжением древней связки с фонетическими отклонениями. 3 л. ед.ч. м.р. -e, ж.р. -tātä - менее ясной этимологии (предполагается: м.р. из *-ants - исхода ном. ед.ч. прич. на *-ant, ж.р. - из исхода ж.р. прич. на -tā + *atī - из прич. на *-ant в ж.р. [SGS, 221]). Подробнее о прош. вр. (по Р.Эммерику, - перфекте) см. [Konow, 1932, 57-58; 1949, 50-51; SGS, 220-228; Герценберг, 1981, 293-295].

Отмечаются также единичные формы со значением прошедшего действия, образованные, возможно, от глагольных имен на *-ti с перегласовкой основы, типа hvetä 'он сказал', tsuetä 'он пошел'; менее вероятно присоединение здесь псевдоархаичного первичного окончания *-ti [Konow, 1949, 51]. Отмечены также причастные и инфинитивные конструкции

с разными видо-временными значениями: настоящего длительного и обычного (от прич. наст. вр.), начинательного (с инфинитивом) и др. [Кохов, 1932, 58; 1949, 51-52], и с различными модальными оттенками, передаваемыми в основном формой вспомогательного глагола [Emmerick, 1987].

В пашто в прош. временах существенно видовое противопоставление по предельности/непредельности, или совершенности/несовершенности. В обеих этих подсистемах особую роль играет переходность/непереходность глагола, выражаемая здесь не только субъектным или объектным согласованием глагола, но и строем фразы в целом: номинативным при неперех. глаголе и эргативным, или эргативообразным - при переходном.

Основами прош. вр. несов. вида служат у ряда глаголов рефлексы прич. на *-taka, у большинства - современные инфинитивы (у некоторых глаголов в 3 л. м.р. - усеченные инфинитивы), совпавшие с рефлексами причастий. Показателями I и 2 л. ед. и мн.ч. являются рефлексы связок (и отчасти энклитик), совпадающие с личными окончаниями наст. вр.: ед.ч. I л. -əm <*ahmi, 2 л. -e <*ahi, мн.ч. I л. -u <*hmahi, 2 л. вост. -əy, зап. -st, -āst <*-a-sta. В 3 л. ед. и мн.ч. выступают рефлексы энклитики *hai, либо нулевой показатель (т.е. исход основы исторического причастия или имени действия): ед.ч. м.р. -ə, -Ø, ж.р. -a, мн.ч. м.р. -Ø, ж.р. -e. Личные показатели неперех. глаголов указывают на лицо, число (а в 3 л. и на род) субъекта, переходных - на те же черты объекта: xatə́le ‘ты поднимался’, rozə́le ‘[он] воспитывал тебя’. Это объясняется историей окончаний: их единая серия возникла в результате совмещения парадигм связки и энклитик в результате контаминации прич. конструкций с перех. и неперех. глаголами. В отличие от других восточноиранских языков пашто сохранил в перех. глаголах объектную ориентацию словоформы, характерную для древней конструкции типа *ima ... mana//mai kartam asti ‘то ... у меня//мною сделано//сделанное есть’. Это объясняется тем, что в раннеафг. связка 3 л. ед.ч. не опускалась, что поддерживало объектное согласование причастия и конструкции в целом (в отличие от большинства иранских языков, где опущение факультативной связки способствовало ранней утрате объектной ориентации конструкции и развитию субъектной) [Лившиц, 1951]. В дальнейшем при параллельном существовании конструкций с перех. и неперех. глаголами (при построении последних по типу "я пришедший есмь") происходит частичная их контаминация, в результате которой энклитики перемещаются со второго места в предложении в позицию после причастия (по аналогии со связкой), а затем частично вытесняют связку (особенно заметно - в 3 л., возможно, по аналогии с употреблением энклитик для обозначения объекта при формах наст.-буд. вр., как в других языках). Однако и при совпадении новой флексии перех. и неперех. глаголов объектная ориентация словоформ с перех. глаголами (и эргативное построение предложения) сохранилась.

От формы прош. вр. несов. вида образуются производные. Форма прош. повествовательного вр. несов. вида образуется частицей bə: xatə́ləm bə '[я], бывало, поднимался', zə bə pə wana xatələm 'я, бывало, поднимался на дерево'. Формы сов. вида, производные от данных несовершенных, различны для разных классов глаголов; они образуются префиксацией wú-, использованием супплетивных основ, переносом ударения на первый слог словоформы, использованием супплетивных основ вспом. глагола (при различной комбинации этих средств): прош. вр. сов. вида образовано от прош. вр. несов. (xatə́ləm - wú-xatələm), а прош. повествоват. сов. - от предыдущей формы добавлением bə: wú-xatələm bə (буд. вр. сов. образуется от флективной формы наст. вр., см. выше, и с остальными формами сов. вида этимологически не связано). Все эти способы относительно новы (кроме супплетивизма основ, идущего от лексики).

Перфектные формы базируются на современном прич. прош. вр. Г.Моргенстьерне возводит его исход ед.ч. м.р. -álay к *-tayāi [Morgenstierne, 1942$_1$, 107], однако не исключено продолжение здесь *-ta + *-ka при последующем переходе *-k-> -y. Исход прич. ед.ч. ж.р. -e, мн.ч. м. и ж.р. -i. Личными показателями служат: в перфекте - современная связка (происходящая в I и 2 л. из древней связки, в 3 л. - из местоимений), в плюсквамперфекте - гл. "быть" в прош. вр. Подробнее о вторичных причастных формах и их истории: [Morgenstierne, 1942$_1$, 107 сл.; Оранский, I95I; Лившиц, I95I; Грюнберг, I987$_I$, I23 сл.; Грюнберг, Эдельман, I987, 93, 96-II3].

Система форм ванеци не установлена. Материалы см. [Morgenstierne, 1930; Elfenbein, 1967; 1984].

В мунджанском языке система форм от основы прош. вр. значительно более проста. Исконные основы прош. вр. большей части глаголов продолжают древние прич. на *-ta(с отражением *t в виде t, d, ǩ и др. после согласных и неслоговых вариантов сонантов, в виде y после гласных и слоговых вариантов сонантов), ср. pərwəyd- <*pari-u̯ik-ta-, *√u̯aik- 'просеивать', nəyūst- <*ni-gus-ta-, *√gaud- 'надевать'; ləšǩ- <*drš̥ta-, *√darš- 'видеть', viy- <*buta-, *√bau- 'быть', ləyay- <*ati-gata-, *√gam- 'входить', ləy- <*dā̆ta-, *√dā- 'давать'. Различия рода и числа у них утрачены. В ряде глаголов основа прош.вр., возможно, восходит к имени действия на *-ti [ГОМШ, 94-95], которое могло войти в эту парадигму относительно поздно, после утраты словоизменения более ранними основами - рефлексами причастий. Многие глаголы имеют вторичные основы прош. вр., образованные по аналогии с историческими причастиями присоединением к основам наст. вр. -t, -d, -Vy после согласных, -y после гласных: wuznóy- <*au̯a-snāta-, *√snā- 'мыть', ср. nəčoy- 'капать' от nəč- <*ni-hinča-. У основ, образованных от презентных каузативных (старых и поздних), огласовка -o- заменяется на -e-: āvoz- <*upa-āź(a̯ia)-, *√aź- ~ āvezd- 'приводить',

wušow- < *u̯i-śrāu̯(aia)-, *√śrau- ~ **wuš**evd- ‘звать’, **kab**ov- (< **kaḍ** ‘мало’) ~ **kab**evd- ‘уменьшать’, **yuxs**ov- (от **yuxs**- ‘учиться’) ~ **yux-sevd**- ‘учить’. Тем же правилам подчиняются заимствованные основы: **bəfahmon**- : **bəfahmend**- ‘объяснять’, **bəpar**- : **bəpariy**- ‘летать’. Подробнее: [IIFL, II, 154-158; ГОМШ, 66 сл.; Грюнберг, 1972, 434-444; Стеблин-Каменский в: Грюнберг, 1987_2, 200 сл.]. От основ прош. вр. образуются формы прош. вр., различные в собственно мунджанском для неперех. и перех. глаголов (с различием также типов построения предложения - номинативного и эргативного). Различается и происхождение личных показателей переходных и непереходных глаголов. У непереходных, продолжающих древние сочетания причастий со связкой, окончания восходят в основном к связке: в ед.ч. 1 л. **-ām** < ***ahmi**, 2 л. **-āy** < ***ahi**. В 3 л. **-a** (у глаголов, в которых 3 л. ед.ч. наст.-буд. вр. совпадает с основой прош. вр., за некоторыми исключениями), **-Ø** (у остальных глаголов) не восходят к связке, и **-a** может быть не исходом древнего причастия, а поздним наращением при поляризации фонетически сходных форм (ср. также [ГОМШ, 67; Грюнберг, 1987_2, 216-217]); во мн.ч. 1 л. **-ām** из связки ***mahi** с **-ā-** по аналогии с ед.ч. или с окончанием 1 л. мн.ч. наст.-буд. вр.; 2 л. **-āf** из парадигмы перех. глагола (см. ниже), 3 л. **-āt** из связки ***hanti**. Ср. **šəyām** ‘я пошел’, **šəyāt** ‘они пошли’. Перех. глаголы продолжают в целом конструкции, состоявшие из причастия, факультативной связки, ориентированной на объект, и энклитики, ориентированной на субъект, типа ***ima... mai kartam (asti)** ‘то... у меня//мною сделано (есть)’. По-видимому, связка была здесь в течение длительного времени функциональной, как в пашто, в результате чего причастия на ***-ta** сохраняли в этот период объектное согласование. Это обусловило впоследствии аналогичное объектное согласование новых причастий, используемых во вторичных формах перфекта, которое сохраняется и поныне, хотя основы прош. вр. из первичных причастий уже утратили словоизменение [Эдельман, 1987_1, 319]. В дальнейшем при утрате связки 3 л. ед.ч. и при частичной контаминации конструкций с перех. и неперех. глаголами, исторические энклитики по аналогии со связками переместились со второго места во фразе в позицию после причастия и послужили материалом для новой флексии. Дальнейшая контаминация спряжения перех. и неперех. глаголов привела к вторжению рефлексов связок в парадигму перех. глаголов. Ср. окончания: в ед.ч. из энклитик 1 л. **-əm** < ***mai** (в сращении с гласной позднего падежного показателя прич. на ***-ta**), 2 л. **-ət** < ***tai**; но в 3 л. - тот же прототип, что и в неперех. глаголах (см. выше); во мн.ч. 1 л. **-ām** и 3 л. **-āt** из связок, 2 л. **-āf** из энкл. ***u̯ah** при фонетическом уподоблении окончанию наст. вр. (см. с.91), как и в ряде других языков региона. Подробнее: [ГОМШ, 107-109; Грюнберг, 1987_2, 216-217]. Формы прош. вр. обозначают краткое или однократное действие в прошлом, контекстуально - условное действие в будущем [Грюнберг, 1987_2, 217-218].

В йидга парадигма прош. вр. уже едина, здесь исторические показатели перех. глаголов генерализовались как общие, имя субъекта перех. глагола употребляется в ном., т.е. противопоставление номинативной и эргативной конструкций стирается, ср. vīem 'я был' ~ žiem, žīm 'я бил', vīet 'ты был' ~ žiīt, žīt, žiet 'ты бил' и т.д. [IIFL, II, 158-160]. Отмечен также имперфект - прош. длит. (или прош. данного момента), - образованный от формы прош. вр. постпозитивными спрягающимися формантами от основ st-, št- (< *√stā-): žīm-stəm 'я бил', žīt-stət 'ты бил' и т.п. [IIFL, II, 161; Грюнберг, I987$_2$, 222].

Инновационные формы перфекта в мунджанском образуются от вторичных причастий окончаниями прош. вр. Эти рефлексы вторичных причастий на *-ta + aka различают род и число. Показатель м.р. ед.ч. -əy из суф. м.р. ед.ч. *-akah; показатели ж.р. ед.ч. -ə́ga, -ɣa, -ga продолжают суф. ж.р. ед.ч. *-akā (давший a-умлаутную перегласовку основы)[7] с наращением вторичного -ɣa, -ga [ГОМШ, I42]. Мн. число образуется по именному типу: форма ед.ч. +i. Ср.: осн. прош. вр. nyost- 'садиться, сидеть' <*ni-had-ta-, *√had- ~ прич. ед.ч. м.р. nyóstəy < *ni-had-ta-kah и производные: ед.ч. ж.р. nyástəɣa, мн.ч. м.р. nyóstəyi, ж.р. nyástəɣi. Формы перфекта перех. и неперех. глаголов различаются не только окончаниями, как в прош. вр., но и согласованием причастий: у неперех. причастия согласуются в роде (а в 3 л. мн.ч. - и в числе) с субъектом, у перех. - в роде (и при субъекте 3 л. - в числе) с объектом, при том, что личные окончания имеют субъектное согласование. Ср. za ləɣáyəyām 'я вошел', za ləɣáyɣām 'я вошла', wa ləɣáyəy 'он вошел', wa ləɣáyɣa 'она вошла', wāy ləɣáyəyi 'они (м.) вошли', wāy ləɣáyɣi 'они (ж.) вошли', но при перех. глаголах: mən vow āvézdiyəm 'я (косв.) его (косв.) привел' (I ед. субъ., м.р. объекта), mən vowa āvézdəɣəm 'я (косв.) ее (косв.) привел' (I ед. субъ., ж.р. объекта), подробнее: [Грюнберг, I972, 433-434; I987$_2$, 2I8, 220-22I]. Различная ориентация разных элементов формы от перех. глаголов: субъектная ориентация лица и числа личного показателя и объектная - рода и числа самого причастия (о причинах см. выше), - создает определенные трудности, пути преодоления которых наглядны в развитии некогда сходной системы в шугнано-рушанской группе (см. ниже). Перфект обычно обозначает результативное действие в прошлом и состояние как его результат. Он же в сочетании с viyá - застывшей формой 3 л. ед.ч. прош. вр. гл. "быть" - образует форму преждепрош. вр. недавнего происхождения (аналогично форме прош. длит. вр. от наст.-буд., см. выше) [Грюнберг, I972, 444, 446-447; I987$_2$, 22I-222].

---

[7] При наличии в прототипе этой формы суф. *-(a)ǩi [ГОМШ, 35-36, I42], а не *-(a)kā, ожидалось бы i-умлаутная, а не a-умлаутная перегласовка, т.е. результат в виде -ī-, а не -ā-.

В языках и диалектах шугнано-рушанской группы система прош. времен более архаична, чем в остальных памирских языках. Основы прош. вр., продолжающие прич. на *-ta, в большинстве языков группы в значительной части непереходных глаголов различают формы м. и ж.р. ед.ч. и форму мн.ч. (м. и ж.р.), совпавшую с ж.р. ед.ч. (исключение - сар., где категория рода утрачена, а неизменяемые основы продолжают в основном м.р. ед.ч.). Основы м.р. ед.ч. продолжают причастие в форме ном. м.р. ед.ч. на *-tah (что обусловило нейтральную огласовку корня), основы ж.р. ед.ч. - ном. ж.р. ед.ч. на *-tā, основы мн.ч. - ном. мн.ч. м. и ж.р. на *-tāh (в результате две последние обусловили a-умлаутную перегласовку корня). Ср. "идти, уходить": ш.х.б. tūyd, р. tuyd, с. tʉyd (м.р.) < *taktah, ш.х.б. tōyd, р. tāyd (ж.р. и мн.ч.) из *taktā (ж.р.) и *taktāh (мн.ч.), *√tak-; "идти, становиться": ш.р.х.б. sut, с. sʉt (м.р.) < *čiutah, ш.р.х.б. sat, sad (ж.р. и мн.ч.) из *čiutā (ж.р.) и *čiutāh (мн.ч.), *√čiau-. Основы перех. глаголов неизменяемы, обычно с нейтральной огласовкой, восходят к прич. в м. или ср.р. ед.ч., ср. ш. vūd, х.б. vūg, р. (a)vūg, с. vɛwg 'принес' < *bṛta-, *√bar-. Выявляются и основы более нового образования. Так, в группе глаголов очевидна контаминация рефлексов прич. на *-ta и имен действия на *-ti (ср. ш. kift 'вонзился', wīrvd 'кипел'), выразившаяся в i-умлаутной перегласовке корня; такая контаминация стала возможной, когда рефлексы древних причастий уже утрачивали изменяемость по родам и числам. Большая группа глаголов имеет еще более поздние основы, образованные от основ наст. вр. или уподобленные им фонетически, напр. ш. niwōz- : niwêzd 'играть на музыкальном инструменте', ср. также основы, образованные от рефлексов старых каузативных с суф. *-aiа и от новых: ш. pa/it(t)êwd, х. patēwd, р. patēwt, б. patawd, с. patɛwd 'бросил' от *pati-t/dāu-aiа-, ш.р. šandēnt, б. šandōnt, с. šandond 'рассмешил' от šandēn- и т.д. с вторичными -t, -d. Тенденция к унификации основ прош. вр. наблюдается во всех языках группы. Характерно взаимное фонетическое уподобление в разные периоды основ наст. и прош. вр., либо тормозящее действие осн. прош. вр. на осн. наст. вр. и наоборот, либо инновации в одних основах по аналогии с другими. Ср. растяжение гласных в основах прош. вр. переход. глаголов по аналогии с основами наст. вр. (в разные исторические эпохи , изменение согласных и т.п. (подробнее: [Додыхудоева, 1982$_1$, 80 сл., прилож. I-7; 1982$_2$, 8-9; 1982$_3$; 1985; 1988, 98 сл.], о фонетическом аспекте также: [СГВЯ-Ф, I08-I09 и др.]).

Изменяемость части непереходных основ и неизменяемость переходных указывает на различие в общешугнанском переходного и непереходного спряжений. Непереходные, согласовывавшие род и число причастия-основы с субъектом, сохранили эти категории и при выработке новой субъектной парадигмы (с показателями из связки). В переходных же конст-

рукциях причастие-основа не согласовывалось с субъектом, поэтому при становлении нового субъектного спряжения (из причастия и мест. энклитики, см. ниже) оно застыло в виде единой формы, продолжающей причастие в м. или ср.р. ед.ч. (на *-tah или *-tam). Очевидно, эта форма была единой в общешугнанском состоянии, поэтому именно в ней застыли также сарыкольские основы. Такое положение, как и происхождение подвижных показателей прош. вр. (см. ниже), связано с продолжением формами прош. вр. разных конструкций для перех. и неперех. глаголов. Непереходные продолжают конструкцию типа *aźam čiuta- ahmi 'я пошедший есмь', где лицо и число субъекта было выражено связкой, а причастие согласовывалось с субъектом в роде, числе, падеже (ном.), переходные - конструкцию типа *ima ... mana//mai kartam (asti) 'это ... у меня//мною сделано//сделанное (есть)' - с обозначением субъекта именем в косв.п. или энклитикой и с обычным опущением связки, согласованной с объектом. Вопрос о согласовании причастия, как уже говорилось (см. с. 71), решается различно, однако представляется, что для древних диалектов афгано-памирского ареала оно было объектным. Это подтверждается объектным согласованием аналогичных форм в пашто и отчасти структурой перф. форм в мунджанском (см. выше). В дальнейшем параллельное существование этих конструкций вызвало их частичную синтаксическую контаминацию, в ходе которой связки переместились на место энклитик (т.е. на второе место в предложении, в отличие от пашто и мунджанского). Новое сходство вызвало дальнейшую унификацию конструкций - выработку относительно единой парадигмы личных показателей для перех. и неперех. глаголов.

Личные показатели прош. вр. представляют подвижные энклитические показатели; их парадигма неодинакова по языкам:

	Ед. число	Мн. число
I л.	ш.р.х.б.рош. -um, с. -am	ш. -ām, р.х. -am, б.рош.с. -an
2 л.	-at	ш. -ēt, р.х.рош.с. -af, б. -at, -af
3 л.	б. (раум.-сип.), с. -i, ш.р.х. (-i), б. (бас.), рош. -∅	ш. -ēn, р.х. -an, с. -af, б. -an - при неперех., -af//-an - при перех., рош. -af, реже -an - при перех. и неперех.

Одновременно они являются связками при именном предикате, кроме 3 л. ед.ч., где связка отсутствует. В 3 л. мн.ч. связкой в барт. служит -an, в рош. -af, реже -an. Происхождение показателей: в ед.ч. I л. ш.р.х.б. -um, с. -am из связки *ahmi, возможно, при контаминации с сочетанием гласного исхода основы значимого слова и энкл. *mai (совпадение его с окончанием наст. вр. фонетическое и не связано с позднейшим уподоблением), 2 л. -at из энкл. *tai, 3 л.

-i в бас. диалекте барт. и в рош. не употребляется; в сар. используется с любыми глаголами, в остальных языках – только с переходными, причем в раум.-сип. диалекте барт. он обязателен, в шугн. – обычен (но место его по диалектам различно [Бахтибеков, 1979, 38]); происходит из энкл. *hai. Во мн.ч. I л. б.рош.с. **-an** < энкл. *nah; ш. **-ām**, р.х. **-am** из связки *(h)mahi, с позднейшим выравниванием гласных по аналогии с окончанием наст. вр.; 2 л. ш. **-ēt**, б. **-at** – на месте связки *sta, вытесненной окончанием наст. вр.; р.х.б.рош.с. **-af** – из энкл. *uah; в 3 л. ш. **-ēn**, р.х.б.рош. **-an** из связки *hanti; б. рош.с. **-af** происходит из указ. местоимения III серии в косв.п., что естественно для показателя лица при переходных глаголах (ср. б. **uf**, рош. **waf**, с. **wef**) с утратой **w-** и выравниванием вокализма по типу заударного **-a-**, возможно, по аналогии с **-af** 2 л. мн.ч. (ср. связки-показатели 3 л. ед. и мн.ч., возникшие из местоимений, в язг.)[8]. Кроме различия в личных показателях, переходность/непереходность маркируется в руш., хуф. и барт. построением предложения: номинативным для неперех. глаголов, эргативным или эргативообразным – для переходных. В последнем местоимение в функции подлежащего или адъективного определения (или артикля) к нему выступает в косв.п.; в руш. в речи старшего поколения наличие такого местоимения исключает употребление личного показателя, и наоборот (**duf um kitōb x̌ēyt** ~ **um kitōb-ēn x̌ēyt** 'они прóчли эту книгу') [Файзов, 1966, 71]. Это объясняется составом переходных конструкций древности: поскольку субъект в них был выражен либо именем (включая местоимение) в косв.п., либо энклитикой, их одновременное употребление было избыточным.

Формы прош. вр. обозначают действие в прошлом с широким диапазоном видовых оттенков, а также в будущем (предшествующее другому либо следующее за ним). В модальном отношении нейтральны, используются как при простой констатации действия, так и с модальными оттенками (ср. б. **āz-um sut...** 'я пошел, шел, хаживал', но **xu āz-um di sut...** 'если я пойду...').

Перфект образуется теми же личными показателями (с тем же выражением переходности/непереходности) от особых перф. основ – рефлексов вторичных причастий на ***-taka**, различающих (кроме сар.) у части неперех. глаголов род и число – в виде рефлексов прич. соответственно на ***-takah** (ном. м.р. ед.ч.), ***-taǩ̌ī** (ном. ж.р. ед.ч.), ***-takāh** (ном. мн.ч.). Основы могут выступать остаточно как причастия прош.вр. Представлены формами: а) м.р. с нейтр. огласовкой основы и с исходом **-č̌**, **-ǰ̌** < ***k**; б) ж.р. с **i**-умлаутной огласовкой и исходом **-c**, **-ǯ** < ***č̌**; в) мн.ч. с **a**-умлаутной огласовкой и исходом **-č̌**, **-ǰ̌** < ***k**. Например,

---

[8] Употребляемая в бас. диалекте барт. языка старшим поколением частица **-ē** при 2 и 3 л. ед.ч. наст.-буд., прош. вр. и перфекта (типа **vud-ē** 'был' [Карамхудоев, 1973, 284, 364]) продолжает опт. связки, аналогично кл. перс. **-ē** < ср.-перс. **hē** < ***hait**.

"идти, уходить": м.р. – ш.б. tūyǰ, р. tuyǰ, с. tʜyǰ<*taktakah, *√tak–; ж.р. – ш. tɪc, б.р. tayc, х. tɪc, tiyc<*taktačǐ; мн.ч. – ш.х.б. tōyǰ, р. tāyǰ<*taktakāh; "идти, становиться" м.р. – ш. suδǰ, р.х.б. suǰ, с. seδǰ<*čiutakah, *√čiau–; ж.р. – ш.х.б. sic, р. siʒ <*čiutačǐ; мн.ч. – ш. saδǰ (бадж. sōδǰ), р.х.б. saǰ<*čiutakāh. Перех. глаголы продолжают форму м.р. ед.ч.: ш. vūǰǰ, р. (a)vūǰ, б. vūǰ, х. vugǰ, с. vəǰǰ 'приносить'<*bərtakah, *√bar–. Перф. основы многих глаголов вторичны; у части из них в шугн. и сар. "старые" основы перегласованы по аналогии с основами прош. вр.; в хуф. и бадж. у некоторых групп глаголов огласовки основ различаются. В остальных языках отсутствие различий закономерно. В рош. основа ж.р. вытеснена основой мн.ч. (по аналогии с осн. прош. вр., где они едины) недавно: еще в записях И.И.Зарубина 1915–1916 гг. она сохранялась как параллельный вариант (tōyǰ//tayc 'ушла') [Зарубин, 1930], подробнее: [Курбанов, 1972, 149–150; 1976, 125]. В шугн. унификация имеет обратное направление: постепенно генерализуется основа ж.р. ед.ч., выступая и в формах мн.ч., а основа мн.ч. все менее употребительна [Карамшоев, 1963, 159; Бахтибеков, 1979, 37, 107 и др.], подробнее: [Додыхудоева, 1982_{I}, 131–164; 1988, 110 сл.]. Аналогичный процесс отмечен в барт. [Карамхудоев, 1973, 165–169]. Основное значение перфекта – результативное действие в прошлом (в бадж. контекстуально также в наст. и буд.) с различными модальными оттенками. Используется также в модальном значении неочевидности действия, а также пожелания, сожаления, ирреальности, несбыточности.

Плюсквамперфект – поздние формы, образуемые неодинаково по языкам. В шугн., руш., хуф. и сар. имеют особую основу, состоящую из перф. основы и суф.: ш.х. -at, р.с. -it, шахд. диалект шугн. -at/-it (суффикс продолжает усеченную форму гл. "быть" в прош. вр. – из *bŭta-). Выражение рода и числа у ряда неперех. глаголов сохраняется в той части основы, которая продолжает перфектную (ср. руш. súǰit м.р., síʒit ж.р., sáǰit мн.ч. от гл. "идти, становиться"). В барт. и рош. плюсквамперфект состоит из перф. основы и полной формы гл. "быть" в прош. вр.; категории рода и числа передаются в основах как основного глагола (перф.), так и гл. "быть" (прош. вр.). Ср. ш. wuz-um tŭyǰat, р. az-um túyǰit, х. waz-um tŭyǰat, б. āz-um tūyǰ vud, рош. waz-um tŭyǰ vud, с. waz-am tʜyǰit 'я пошел', ш. wuz-um tɪcat..., б. āz-um tayc vad 'я пошла' и т.п. Значение плюсквамперфекта – действие, совершившееся прежде другого, либо подчеркнуто давнее, в модальном плане также ирреальное, несбыточное пожелание и т.д. (модальный план наблюдается только в языках, где имеется особая плюсквамперф. основа).

В сар. имеется также аналитическая форма или сочетание "прежде-прош. перфекта" (перф. основа + перфект гл. "быть"), обозначающая очевидное и результативное действие, давнее или предшествующее действию в прошлом (см. также с. 130).

Подробнее о формах причастного происхождения: [Карамшоев, 1963; Соколова, 1966; Пахалина, 1966; Файзов, 1966; Карамхудоев, 1973; Курбанов, 1972; 1976; Бахтибеков, 1979; Мирзабдинова, 1983 и др.], об их истории: [ГОЯШ; ГОМШ, 138 сл.; Боголюбов, 1982; Додыхудоева, 1982_{1-2}; 1988, 54 сл.; Эдельман, 1973; 1987_{1}, 319 сл.; ОИТИИЯ, II, 293-294, 367-372 и др.].

В язгулямском языке система существенно упрощена по сравнению с шугн.-руш. Основы прош. вр. также продолжают в большой группе глаголов причастия на *-ta (в ряде случаев сохраняя, однако, причастный характер). Категории рода и числа утрачены. В большей части первичных основ продолжается форма м.р. ед.ч. на *-ta (ср. kûx̌t < *kaš̌ta-, *√kaś- 'смотреть', k°ox̌t < *kuš̌ta-, *√kauš̌- 'зарезать', tûɣd < *tak-ta-, *√tak- 'ходить'); в единичных случаях огласовка указывает на возможное умлаутное влияние (vad 'был', вм. *vod < *bŭta-, *√bau-), что может объясняться a- или i-умлаутом, т.е. происхождением основы из прич. мн.ч. на *-tāh, ж.р. на *-tā, или из имени действия на *-ti (либо перегласовкой по аналогии с mad 'стал'). Глаголы от корней на *-r, имевшие в причастиях огласовку *-r̥- [ər], выявляют основу прош. вр. на -əg (vəg 'принес' < *bərta-, *√bar-, məg 'умер' < *mərta-, *√mar-), но вторичные причастия выступают с i (vigá(g) 'принесший', migá(g) 'умерший'), что может указывать на контаминацию здесь прич. на *-ta с именами действия на *-ti [ГОЯШ, 80; 107], которая стала возможной, когда причастия уже стали неизменяемыми. Однако отсутствие следов i-умлаута в осн. прош. вр. этих глаголов, где гласный ударен, свидетельствует скорее, что перегласовка в i, свойственная только безударному гласному, объясняется влиянием *r, аналогично R-умлауту в скандинавских языках (подробнее: [Эдельман, 1987_{2}, 352, 354]), и что данные основы прош. вр. восходят к прич. на *-ta. Основы прош. вр. многих глаголов вторичны, в частности образованы от основ наст. вр.: старых каузативных на *-aia (ǩar- : ǩard 'пахать', pərδar- : pərδard 'удерживать', san- : sant 'выращивать'); новых кауз. на -ăn (wərδan- : wərδant 'раскручивать', rəfan- : rəfant 'стравливать, заставлять драться'); отыменных (raqs- : raqst 'танцевать', fām- : fāmt 'понимать' - из араб.); звукосимволических (ʒal- : ʒalt 'приставать, канючить') и т.п. Во многих глаголах отмечается уподобление огласовок основ прош. вр. огласовкам основ наст. вр. и, наоборот, выравнивание консонантизма по аналогии и пр.

Подвижные личные показатели (в большинстве случаев они же - предикативные связки) имеют гетерогенную парадигму, что связано с продолжением в них связок и энклитик из древних прич. оборотов с неперех. и перех. глаголами, как в шугн.-руш. группе. Здесь также при частичной контаминации конструкций связка была вынесена вперед, что привело к дальнейшему слиянию парадигм связки и энклитик (кроме 3 л.). Отчасти этому способствовала "смазанность" качества заударных гласных. Проис-

хождение показателей-связок: в ед.ч. I л. -əm из связки *ahmi при контаминации с сочетанием гласного исхода предыдущего слова с энкл. *mai, 2 л. -at из энкл. *tai, в 3 л. -ay, употребляемый при перех. и неперех. глаголах (в отличие от большинства языков шугн.-руш. группы) и в качестве связки, - результат контаминации энкл. *hai и указ. местоимения в прям.п. из ном. типа *aiah, *aiam (ср. местоимение ăy), что объясняет многофункциональность -ay (связка 3 л. ед.ч. u/ů, употребляемая при именных предикативах, представляет другое местоимение в прям. п. (из раннеязг. ном. ед.ч.). Во мн.ч. I л. -an продолжает гласный исход предыдущего слова с энкл. *nah, 2 л. -əf связано с энкл. *uah при фонетическом уподоблении показателю -əf 3 л. мн.ч.; в 3 л. -əf для перех. глаголов происходит из раннеязг. указ. местоимения III серии в косв.п. (см. с.226 ; ə вм. i объясняется заударной позицией, ср. [ГОМШ, I08]); -an для неперех. глаголов - из связки *hanti.

Форма прош. вр. (как и другие формы причастного происхождения, см. ниже) различает переходность/непереходность показателями 3 л. мн.ч. и строем предложения: номинативным при неперех. глаголах (с прям.п. местоименного субъекта и наличием личного показателя типа áz-əm šod, букв. 'я-есмь пошел') и остатками эргативного, или эргативообразного, - при переходных - с косв.п. субъекта-местоимения при взаимоисключении (в речи старшего поколения) личного показателя: mo/ůn zeχt∿-əm zeχt 'я взял', аналогично руш. языку. О причинах различия конструкций см. с.II3 . Значение формы прош. вр. - действие в прошлом, независимо от видовых оттенков (контекстуально также в будущем, следующее непосредственно за высказыванием или за другим действием).

Перфект образуется от вторичных прич. на *-taka, продолжающихся в язг. в виде форм на -á(g) (выступающих и как причастия), в сочетании с теми же личными показателями. Переходность/непереходность выражается теми же средствами, что в прош. вр.: áz-əm itá 'я пришел', můn zaχtá//-əm zaχtá 'я взял'. Перфект обозначает результативное действие в прошлом (реже в будущем); употребляется также модально: при подчеркивании неочевидности действия. Плюсквамперфект, представляющий сочетание того же причастия с глаголом "быть" в прош. вр. (áz-əm itá vad, můn zaχtá vad//-əm zaχtá vad) с теми же характеристиками, указывает на предшествование действия или на его давность во времени. О модальном аналитическом сочетании с причастием см. с.I30. Подробнее: [Эдельман, I966, 53 сл., I08-I09; I973; $I987_2$, 394-400; ОИТИИЯ, II, 293-294, 367-372; ГОЯШ; ГОМШ, I35 сл.].

В ваханском языке в качестве основ прош. вр. фиксируются системные рефлексы причастий не только на *-ta, но и на *-na, что обособляет его генетически от других иранских языков [IIFL, II, 501; Morgenstierne, 1945, 233]. Для ряда глаголов фиксируются также продолжения имен действия на *-ti, которые, однако, могли войти в па-

радигму и контаминироваться с причастиями тогда, когда последние уже утратили категории рода и числа. Ср. основы rəy̆d (<*rik-ta-, *√raik-) ‘уходить’, δəy̆n (< *dug-na, *√daug-) ‘доить’, tay̆d (< *tak-ti-, *√tak-) ‘ходить’. У большей части глаголов основы прош. вр. образованы вторично от основ наст. вр. (на разных этапах истории) присоединением -t/d в зависимости от исхода основ. Подробнее: [IIFL, II, 500-505; Стеблин-Каменский, I98I$_I$; Лашкарбеков, I984$_I$]. Подвижные личные показатели продолжают парадигмы связок и энклитик: в ед.ч. I л. -əm - результат контаминации связки *ahmi и энкл. *mai (с -ə- из исхода предшествующего слова); 2 л. -ət из энкл. *tai, 3 л. факультативный -i/-əy из энкл. *hai; -Ø на месте связки; во мн.ч. I л. -ən из энкл. *nah; 2 л. вариант -əv из энкл. *ṷah при уподоблении согласной -v в 3 л. мн.ч. прош. вр. или 2 л. мн.ч. наст.-буд. вр. (см. выше); вариант -it из связки *sta (с утратой *s-, аналогично глаголу təy- ‘быть’ из *hiy̆ta- или *sta-, см. [Стеблин-Каменский, I98I$_I$, 65; Лашкарбеков, I980]); менее вероятна аналогия с -it наст.-буд. вр. (см. с. 98); 3 л. -əv из ранней формы косв.п. указ. местоимения (при энклитическом использовании), как в других памирских языках (см. выше), напр. wuz-əm tay̆d ‘я пошел’, wuz-əm δəy̆n ‘я доил(а)’.

Формы прош. вр. продолжают те же различные конструкции для переходных и непереходных глаголов, что и в других языках, по обычному для памирских языков типу (см. историю на с. III сл.): с частичной контаминацией этих конструкций, выносом связки вперед, на место энклитики и с частичным совпадением этих элементов. Последующая генерализация конструкций по непереходному типу (аналогичному шугн.) в нижнем говоре (wuz-əm rəy̆d ‘я ушел’, wuz-əm pit ‘я выпил’) и по переходному типу (сходному с руш. и язг.: с косв.п. субъекта и отсутствием личного показателя) - в верхнем (maẋ rəy̆d(əy) ‘я ушел’, maẋ dəyt(əy) ‘я ударил’) происходила, по-видимому, совсем недавно[9]. Ср. иную трактовку развития данных конструкций: из притяж. оборота с именем действия типа *mana krti ‘у меня (//мое) делание’ [Лашкарбеков, I984$_2$, 8; I985, I02-I04], который, однако, не зафиксирован в истории иранских языков. Значение форм прош. вр. - действие в прошлом, краткое или обычное, в определенных контекстах также длительное и многократное (обычно с частицей -əẋ). В модальном контексте может указывать на ирреальность. Подробнее о прош. вр. и его истории: [IIFL, II, 500-506; Пахалина, I975, 77, 82-83; Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 596, 599-600, 624-625; Лашкарбеков, I976; I982$_I$; I984$_I$; I984$_2$, 6-9].

---

9 Еще в записях С.И.Климчицкого в к. Лангар-Киши (верх. говор) отмечается различие перех. и неперех. конструкций и использование местоимения в ном. и отделяемого показателя при перех. глаголе [Климчицкий, I936, 98].

Перфект образуется аналогично формам прош. вр. Основами служили первоначально вторичные прич. с *-ka (часть из них прослеживается еще в виде причастий) с отражением суффикса в виде -k, ср. žəfk < *gib-ta-ka-, *√gaib- 'прясть'. В большинстве же глаголов используются вторичные основы: относительно ранние, образованные от основ прош. вр. (šk̆ət 'разбил' - šk̆əv̆k; šk̆ən 'разбился' - šk̆əng) и более новые - от основ наст. вр. (stow- : stowd 'хвалить' - stowə́tk) [Лашкарбеков, 1984_2, 9-10; 1985, 104-105]. Перфект выражает результативное действие в прошлом (и состояние как его следствие), а также используется модально для подчеркивания неочевидности, логического вывода.

По типу прош. вр. и перфекта образуются недавние кальки с таджикских аналитических форм: 1) плюсквамперфекта - из перф. основы в сращении с элементом -tu, возникшим из основы прош. вр. гл. təy- : tu 'быть' с дальнейшими фонетическими трансформациями по говорам [Лашкарбеков, 1984_2, 11-12; 1985, 106], и 2) прездепрош. перфекта [Пахалина, 1987_I, 466]. По тому же типу образуется модальная форма (см. с. 131).

В ишкашимском языке основы прош. вр., представленные рефлексами прич. на *-ta (типа tůγd < *tak-ta-, *√tak- 'уходить', kůl < *karta-, *√kar- 'делать', mьl < *mr̥ta-, *√mar- 'умирать', vůst < *basta-, *√band- 'связывать' и т.п.) и, возможно, также ж.р. и мн.ч. на *-tā, *-tā(h) [IIFL, III, 362-366; Пахалина, 1987_2, 524], в ходе истории пополнялись, а затем и вытеснялись, как в других памирских языках, вторичными образованиями на -t/d от основ наст. вр. (в том числе и поздних и даже заимствованных) типа pьv-d 'пить', γьrič̆-(ь)d 'скрипеть', bьgьrezon-d 'отгонять'. Подвижные личные показатели, тяготеющие обычно к начальной синтагме, составляют уже единую парадигму для перех. и неперех. глаголов. Происходят, как и в других памирских языках, из древних связок и энкл. местоимений (см. выше): в ед.ч. I л. ишк. -ьm, сгл. -əm при контаминации энкл. *mai и связки *ah-mi, 2 л. ишк. -ьt < энкл. *tai, сгл. -i из парадигмы наст. вр. (см. с.100), 3 л. факультативный -i из энкл. *hai (первоначально для перех. глаголов), -Ø на месте исторической связки (первоначально - для неперех. глаголов); во мн.ч. I л. ишк. -on, сгл. -ă̆n из энкл. *nah (при контаминации в ишк. огласовки с окончанием наст. вр. при их взаимном уподоблении); 2 л. ишк. -ьv из энкл. *u̯ah при контаминации с окончанием наст. вр., сгл. -ă̆n - по аналогии с I и 3 л. мн.ч. при общей унификации парадигм мн.ч.; 3 л. ишк. -on, сгл. -ă̆n - из связки *hanti (см. также [IIFL, III, 366-367], иначе, с возведением всех показателей к формам связки, включая отсутствовавшие в системе: [Пахалина, 1987_2, 525-526]). Формы прош. вр. выражают действие в прошлом с широкими видовыми значениями: краткое, однократное, многократное, длительное и т.п. (последние подкрепляются частицей -(ь)s, этимологию см. с. 101), обычно реальное (с небольшими модаль-

ными оттенками), но контекстуально (особенно с частицей -(ъ)s) также ирреальное. Подробнее: [IIFL, II, 366-367; Пахалина, I959, 53-54; I987$_2$, 527].

Перфект образуется теми же личными показателями от перф. основ, продолжающих первоначально вторичные причастия на *-taka (и постепенно вытесняемых новыми, построенными по аналогии от основ прош. вр. с суф. -u/ůk, напр.: -on tůɣdůk 'они ушли'. Значение - результативное действие в прошлом и состояние как результат этого действия. Употребляется также с модальными оттенками неочевидности. От перф. основы образуются также другие аналитические формы или конструкции, в основном, калькированные с таджикских: I) плюсквамперфект - перф. осн. + гл. "быть" в прош. вр., 2) предпрошедший перфект - перф. осн. + гл. "быть" в форме перфекта, 3) модальное сочетание (см. с. I3I). Подробнее: [Пахалина, I959, 55-56; I987$_2$, 524, 526-528].

Таким образом, древние причастные обороты со значением результативности, образовавшие в разных языках вначале устойчивые конструкции "перифрастического перфекта", впоследствии грамматикализованные (а затем в большинстве языков - при утрате значения результативности - ставшие формами претерита), строились неодинаково. При единообразном построении оборотов с неперех. глаголами по типу "я ушедший есмь", обороты с переходными отражают различную структуру: в большинстве языков - древнюю, типа "(у) меня//мною то-то сделано//сделанное (есть)", в меньшей части - позднюю, типа "я то-то сделанным имею". Центром их в подавляющем большинстве языков является первичное прич. на *-ta, в единичных - также прич. на *-na (в частности, в диалекте - предке ваханского, что свидетельствует о его генетической обособленности, при том, что типологически развитие здесь этих конструкций едино с конструкциями других памирских языков). В отдельных лексемах прослеживаются продолжения прич. на *-ua: ср. осн. прош. вр. из *paxᵛa- <*pak-ua-, *√pak- 'варить(ся), созревать': язг. půx°, сгл. pux, pəx, ишк. pъx(t), ш. pêxt, р. poxt, б. pöxt, с. pext (последние - с поздним наращением -t по аналогии с основами прош. вр. других глаголов; о фонетическом аспекте см. [СГВЯ-Ф, I22, I49]), ср. пашто pox 'сваренный'. В прош. вр. и перфекте ряда языков сохраняются рефлексы форм рода и числа (реже падежа) причастий, особенно от неперех. глаголов. В некоторых языках в основах прош. вр. выявляются также продолжения имен действия на *-ti. Вторжение их в конструкции, возникшие на базе причастий, могло начаться тогда, когда причастия были уже неизменяемы (предположение о системном продолжении в иранских языках конструкций с именами действия типа "мое делание" не подтверждается ни материалом памятников, ни общими типологическими соображениями).

Все это свидетельствует, что в общевосточноиранском состоянии причастные результативные обороты были еще свободными синтаксичес-

кими сочетаниями, различно построенными и включавшими разные "перфектные" причастия. Грамматикализация их в качестве аналитических форм "перифрастического перфекта" (давшего затем формы прош. вр. и перф.) происходила значительно позднее, в уже разошедшихся языках, когда в одних языках причастия еще сохраняли именное словоизменение (напр., в хотаносакском, шугн.-руш. группе), в других - были уже неизменяемы; в единичных языках (и жанрах) уже был выработан глагол "иметь", а в остальных его не было (в некоторых языках он был выработан позднее, когда конструкция "у меня то-то сделано (есть)" уже была грамматикализована, а в некоторых так и не развился). В языках группы А грамматикализация этих конструкций была наиболее поздней. Об этом говорит не только использование в хор. и согд. литературной норме вспом. глагола "иметь", но и тот факт, что в согд. (кроме хр. текстов), хор. и ягн. эти формы охватили только перфект, не успев утратить значение результативности и превратиться в претерит. См. также с. 138 сл.

С вхождением в личную парадигму глагола рефлексов причастий - первичных и затем (с утратой первичными значения результативности и с переходом их в сферу прош. вр.) вторичных (образовавших новый перфект), а позднее также имен действия - начинается процесс фонетического уподобления одних основ другим. Индуцирующими в изменении вокализма являются обычно основы наст. вр., в изменении консонантизма - основы и наст., и прош. вр. Нередки случаи недавнего общего уподобления основ прош.вр. (и затем - по аналогии с ними - перфекта) основам наст. вр., а затем образование новых основ прош. вр. и перф. от основ наст. вр., иногда с перестройкой всей парадигмы глагола. Так, барт. δōr- : δūg ‘иметь’ (в сочетаниях) имеет вторичную перф. основу м.р. δōrǰ от основы наст. вр. (наряду с первичной δūǰ) и перф. основу ж.р. δērc уже от вторичной перф. основы м.р. (хотя перех. глагол не должен был иметь особой основы ж.р.).

Унификация парадигм захватила и личные показатели. Начало ей положила синтаксическая унификация конструкций с перех. и неперех. глаголами, различная по языкам: в хотаносак. - видоизменением причастия, в осет. сменой типа связки и т.д., что уподобило здесь порядок компонентов перех. глаголов непереходным (прич. + связка). В Памиро-Гиндукушском регионе унификация конструкций протекала различно. В языках с функционально сильной связкой (ранних пашто и мундж.) энклитики, выражавшие лицо и число перех. глаголов, сместились по аналогии со связкой в позицию после причастия и впоследствии частично контаминировались с ней, образовав вторичную флексию. В языках же, где связка была функционально слабой и в 3 л. (особенно в ед.ч.) в речи она часто опускалась (в памирских языках), ее формы при неперех. глаголах сместились по аналогии с энклитиками во вторую позицию предложения - после первого ударного блока. В результате здесь образовались подвиж-

ные личные показатели, также со следами взаимного влияния рефлексов древних связок и энклитик. Со становлением новых личных форм прош. времен наблюдается и уподобление друг другу показателей прош. вр. и наст. вр. В одних случаях это фонетическое сближение, в других - "заимствование" показателя из одной парадигмы в другую.

Во многих языках эта система личных форм дополняется новыми конструкциями с причастиями и инфинитивами, обозначающими длительное, постоянное действие, действие данного момента, начинающееся, интенсивное и пр. (а также модальными оборотами, в том числе - построенными по аналогии с аналитическими формами индикатива, см. выше). Не все они одинаково тесно примыкают к личным формам глагола.

Изменение косвенных наклонений

Наибольшее число системных форм древних косв. наклонений, а также их рудиментов в составе модальных аналитических конструкций, прослеживается в согдийском языке. Отмечаются парадигмы, продолжающие древние конъюнктив и императив, и отдельные формы (в основном, в парадигме инд.), продолжающие оптативные.

Конъюнктив отражается в виде синхронной системы форм от тех же основ, что и флективные формы индикатива, но с особым рядом личных окончаний. Формы ед.ч. продолжают древний конъ. акт. с тем. основами (см. с.30-31); происхождение окончаний: I л. [-ān] < *-āni (хр. [-ām] из инд.), 2 л. лег. [-ā], тяж. -Ø < *-āhi, 3 л. [-āt, -āti] < *-āti. Во мн.ч. парадигма вторична: I л. [-īm, -īman] - из опт. (возможно, через вторичный инд. см.с.73-74), 2 л. [-āδ] < конъ. *-āt/δa, [-δ, -δa] - под воздействием позднего императ. [Лившиц, Хромов, 1981, 476]. Формы (напр., [šawān] 'я пошел бы') выражают ряд модальных значений: предположение, пожелание, условие, цель и т.п. От них частицей k'm образуется вторичная аналитическая форма буд. вр. конъ., употребляемая параллельно аналогичной форме буд.вр. инд. (см. с.75). К ним примыкают так называемый перфект конъ. - новая аналитическая форма, образуемая рефлексом прич. на *-ta с вспом. глаголом [δār-] 'держать, иметь' в конъюнктиве (модель перфекта переходных глаголов, см. с. 103), и - в ман. текстах - сочетание форм инд. (флективных и аналитических) с частицей x't [xāt] (из связки 3 л. ед.ч. конъ.). Подробнее о конъ. формах и сочетаниях: [EGS, II, 64; GMS, 102, 107 сл.; Исхаков, 1977, 51-58; Лившиц, Хромов, 1981, 475, 479, 481-482, 491-492].

Формы, продолжающие древний опт., предстают на синхронном уровне как образования от основ инд. особыми окончаниями. Последние продолжают сращения исхода основ опт. (*-ai, *-aiā- - при вторичной тематизации) с "вторичными" окончаниями: в ед.ч. I л. [-ē] < *-ai(a)m, 2 л. [-ai] < *-aiš или *-aiah, [-īš] - из связки или мед. *-aiša;

[-yā] <*-iāh ?; 3 л. [-ai] <*-ait или *-aiat; во мн.ч. I л. [-ēm] <*-aima; 2 л. [-aiϑ] <*-aiϑ/ta, [-išϑa] - из показателей 2 л. ед.ч. + 2 л. мн.ч.; хр. [-tā] аналогично инд.; 3 л. [-ēnd] - из вторичного акт. *-aiant или мед. *-aianta [ср. Лившиц, Хромов, I98I, 476-477]. Формы (напр., [wēnay] 'да увидит') обозначают желательность, возможность, цель, повеление (заменяя также императив). В сочетании с част. [(ə)skun] выражают длительное действие, с [kām] - пожелание в будущем. Отмечается инновационное перфектное образование со связкой в форме опт. [GMS, 129, 248], выражающее желательность и результативность. Особняком стоит употребление форм, продолжающих старый опт., для обозначения длительного или многократного действия в прошлом без модальных оттенков. Такая функция рефлексов опт., называемых в литературе "оптатив в функции претерита", "оптатив-имперфект" и т.д., отмечается в нескольких восточноиранских языках и является результатом переосмысления оптатива как флективной формы прош. вр., благодаря его частому употреблению в контексте прош. времен. Следствием этого явилось его воздействие на рефлексы древнего имперфекта (служащие в части языков формой прош. вр. инд.). Подробнее: [Salemann, 1913, 1144; Tedesco, 1923, 296 сл.; Benveniste, 1951; Исхаков, I977, 7I-77; Лившиц, Хромов, I98I, 495-496], в целом о согдийском оптативе: [EGS, II, 26-27, 65 и др.; GMS, 107 сл.; Исхаков, I977, 59-77; Лившиц, Хромов, I98I, 476-477, 482, 493-496].

Формы императива отмечаются только для 2 л. Образуются от основы показателями: в ед.ч. лег. [-a], тяж. -Ø < ир. *-a (исход тем. основы при нулевом показателе), ср. муг. δβr' 'давай', nγwš 'слушай'; во мн.ч. лег. [-ϑa, -ta], тяж. [-ϑ, -ϑa, -ta] из конъ. *-āϑ/ta (или атем. *-aϑ/ta), поскольку в раннесогд., как в авестийском, в функции 2 л. мн.ч. императ. употреблялся конъюнктив (см. с. 29 ; продолжение древнего инъюнктива, как в древнеперсидском, дало бы *[-ta]). В мугских документах во мн.ч. используются формы оптатива. Значения: приказ, повеление, предостережение и пр. Подробнее: [EGS, II, 27-28; GMS, 107 сл.; Исхаков, I977, 44-50; Лившиц, Хромов, I98I, 477, 483].

Особого рассмотрения заслуживает так называемый "инъюнктив": формы прош. вр. инд. без аугмента (т.е. продолжение древнего безаугментного имперфекта), употребляемые с широким кругом модальных значений: пожелания, предположения и т.п., иногда ирреального. Присоединение част. k'm, как и в обычных формах индикатива, переводит действие в будущее ("если бы я сделал то-то, то..."). Подробнее: [Henning, 1946, 735; GMS, 108; Исхаков, I977, 4I-43, III сл., I64-I65; Лившиц, Хромов, I98I, 496-497]. Выделение этих форм в самостоятельное наклонение вряд ли целесообразно; трудно также считать их прямым продолжением древнего инъюнктива. Скорее это обычное для форм прош. вр., а особенно для имперфекта (и/или форм с немаркированными видовыми характеристиками), употребление в модальном, и прежде всего в ирреаль-

ном плане, в том числе в соотнесении с различными временны́ми уровнями (ср. типологически сходное употребление в ирреальном значении имперфекта в латинском, вторичных, исторически причастных, форм прош. длит. вр. в перс. и тадж. и прош. вр. в восточноир. языках, см. выше). Отсутствие аугмента здесь естественно, поскольку он не был обязателен и в индикативе и поскольку его присутствие подразумевало определенность, которой не должно быть при модальном использовании формы. Т.е. связь с древним инъюнктивом здесь не столько в преемственности форм, сколько в типологии их использования. О модальном использовании форм индикатива см. также с. 74 .

Кроме рассмотренных форм, сохраняющих в разной мере следы древних косвенных наклонений, выявляются следующие инновационные формы и сочетания. А. Прекатив, образуемый от основ суффиксом -(')yt (из связки 3 л. ед.ч. в опт. ?) и личными окончаниями: ед.ч. I л. -w, -ww, 2 л. -', 3 л. -y, -yy, -Ø (во мн.ч. не засвидетельствован) со значениями пожелания и долженствования. Б. Ряд форм, обозначающих ирреальное и условно-ирреальное действие (ирреалис I, II и III) и образуемых разными окончаниями: I - от основ с суф. -wt; II и III - от рефлексов причастий. В. Потенциальные формы (или сочетания) долженствования от рефлексов причастий вспом. глаголами: kwn-/wn- 'делать' (при перех. глаголах), βw- 'становиться' (при неперех. и при перех. в пассивном значении), см. [Benveniste, 1954$_2$, 66; GMS, 120-123, 130-132; Henning, 1958, 91; Исхаков, 1977, 151-170; Лившиц, Хромов, 1981, 492-493, 497-501].

В ягнобском языке система наклонений и модальных оборотов, по сравнению с согдийской, "свернута". Конъюнктив образуется от тех же основ, что и флективные формы инд., окончаниями: в ед.ч. I л. -om и, возможно, 2 л. -Ø - из инд. (см. с. 76), 3 л. -ot < конъ. *-āti; во мн.ч. I л. -im, 2 л. зап., перех. гов. -t, вост. -s, совпадающие с индикативными, заимствованы из индикатива или перегласованы по его типу; 3 л. -ant - результат контаминации през. инд. акт. *-anti и конъ. акт. *-ānti (или мед. *-āntai), при том, что в индикативе закрепилось -or, связанное огласовкой с древним конъюнктивом [ср. Боголюбов, 1956, 22; Хромов, 1987, 683]. Такой "обмен" элементами между рефлексами древних парадигм инд. и конъ. был естественным при расширении модальных функций обоих наклонений и их частичном пересечении, особенно при выражении действия в настоящем и будущем. Современный конъ. в ягнобском выражает различные модальные значения (предположение, долженствование, приглашение к действию и пр.) в настоящем и будущем: nósot 'пусть бы взял', tirót 'пусть уедет' и т.д. (для обозначения прошлого используется аналитическая форма прош. вр. конъ.: прич. на -ta < *-taka и гл. vu- 'быть' в конъ.: wófta vot '[возможно,] сказал').

Древний оптатив в ягнобском слился с индикативом, образовав еди-

ную парадигму со значениями инд. и с этимологическими следами форм опт. и конъ. Императив образуется от основы инд. Окончания: 2 л. ед.ч. -Ø – из тем. основы с нулевым окончанием; 2 л. мн.ч. зап. -t, вост. -s < согд. [-ϑa] < конъ. тем. *-āϑ/ta или атем. *-aϑ/ta [ср. Хромов, I987, 683; Лившиц, Хромов, I98I, 477]. Характерно употребление форм прош. длит. вр. инд. в значении ирреального пожелания, условия и т.п. [Хромов, I972, 32; I987, 686]. Аугмент при этом сохраняется, являясь дополнительным свидетельством того, что формы прош. (особенно прош. длит.) вр. типологически склонны к употреблению в значении ирреального действия и что это явление может быть и вторичным и не зависит прямолинейно от древнего инъюнктива, как и в согдийском.

Отмечается ряд аналитических образований с модальным значением. Характерен определившийся уже в согдийском оборот, или аналитическая форма, из рефлекса прич. на *-ta (или имени действия на *-ti) с вспом. глаголами kun- для перех. глаголов и vu- для неперех. (или переходных, употребленных без логического субъекта) [Хромов, I987, 693–694]. Отрицание na (при причастиях no) не различает модальности. Подробнее о наклонениях и модальных оборотах: [Боголюбов, I956, 22; I966, 352–353; Хромов, I972, 37–4I, 44 сл.; I987, 688–694].

Система наклонений хорезмийского языка выявляется из более скудного материала; возможно, многие формы здесь не зафиксированы. Из флективных форм имеются конъюнктив и императив (о рефлексах опт. см. ниже). Конъюнктив образуется от той же основы, что и наст.-буд. вр. инд., особыми окончаниями, продолжающими в большинстве исход древней основы конъ. (с маркером *-ā-) с соответствующими показателями, однако со следами воздействия парадигмы инд. и тенденцией к "двойному множественному": в ед.ч. I л. -', -'n [-ā̆, -ān] < конъ. акт. *-āni; 2 л. -yx [-īx] < конъ. тем. акт. *-āhi или мед. *-āhai при частичной контаминации с инд. -(y)x; 3 л. -'c [-āc(ī)] < конъ. тем. акт. *-āti; во мн.ч. I л. -'myn [-āmin(i)] < *-āmadai, как в инд.; 2 л. -βyx [-vix, -vvīxx] или [-fix] – сочетание показателя 2 л. мн.ч. из мед. "первичного" *-duai или "вторичного" *-duam с поздним наращением [-ix] под воздействием 2 л. ед.ч. (или по аналогии с формами: 2 ед. инд. -i ∼ конъ. -īx = 2 мн. инд. -avvi ∼ конъ. -avvīx [Samadi, 1986, 284]); 3 л. -'r(y)(n) [-ārī, -āri], как в 3 мн. инд., – из "первичного" мед. *-arai (наращение -n во мн.ч. по аналогии с местоимениями; менее вероятно сочетание здесь двух серий древних окончаний: серии *-r-+ конъ. *-n, см. гл. I). Подробнее: [Henning, 1936, 33–34; 1958, 116; Фрейман, I95I; Samadi, I986, 284–285]. Ср.: ciyyā ‘[если] войду’; 'wz'c ‘[если] войдет’, 'kyx [ikkīx] ‘[если] сделаешь’ и т.п. Сочетание форм конъ. с частицей k'm переводит действие в будущее: (')kyx-k'm.

Императив образуется от основы наст. вр.; показатели: 2 л. ед.ч. [-a] (из тем. гласного с нулевой флексией), 2 л. мн.ч. [-va] или

[-ta] – очевидно, из "вторичного" мед. *-dąam, который стал в раннехорезмийском показателем конъ., а затем закрепился в императиве, заменившись в конъ. более новым, комбинированным. Ср. xwyr [xwíra] от xr- [xur-] 'есть', prwyz [pirwíza] от prwz- 'становиться' (в паузальных формах) [Henning, 1955_2, 45]. Выделение пермансива спорно (о показателях см. [Samadi, 1986, 284-285, 287]).

Отмечается, как и в ряде других восточноиранских языков, употребление рефлексов древнего опт. в значении прош. вр. инд. без особых модальных оттенков и – как следствие – сближение их парадигм. В результате в формах прош. вр. инд. выявляются черты (главным образом, огласовки окончаний типа *i и рефлексы *rš̌ в 3 л. мн.ч.) воздействия оптатива. Подробнее: [Фрейман, I95I, 20 и др.; I957; Rysiewicz, 1954; Gonda, 1980, 65-67; Henning, 1958, 117; Henning, MacKenzie, 1971, 8; Исхаков, I977, 74]; об окончаниях: [Samadi, 1986, 285].

Зафиксировано использование форм прош. вр. инд. в значении ирреального действия, условия, пожелания и т.п., обычно с частицей mnc, mnc', mnc'c, связанной этимологически с *√man- 'думать' [ср. Фрейман, I95I, I3]: hāvirnā-mincāc '[если бы] я дал...', mkn'-mncy '[если бы] я сделал' и т.п. [Henning, 1936, 34; Фрейман, I95I; Молчанова, I978, I05; Benzing, 1983, 412-413]. Вторичные формы перфекта с вспомогательным δ'r- (см. с. I05) могут быть отнесены к тому наклонению, форму которого принимает вспом. глагол. Отрицание выражается частицей nē, запрет, предостережение и пр. – mā, отмечаемой с императ. и конъ. [Benzing, 1983, 375].

В осетинском языке рефлексы древнего конъ. представлены в современной парадигме конъ., формы которой состоят из осн. наст. вр. и окончаний, сохраняющих в большинстве следы показателя конъ. тем. основ *ā: в ед.ч. I л. -on<*-āni (через этап *-ā-> *-a- с последующим *a> o перед n); 2 л. -aj<*-āhi; 3 л. -a из "первичного" *-āti или "вторичного" *-āt; во мн.ч. I л. -æm/-æn – из "вторичного" акт. *-āma при совпадении с инд. и с такой же меной m > диг. n; 2 л. ирон. -at<*-āδa; диг. -ajtæ уподобилось связке; 3 л.-oj/-oncæ<*-ānti (с *ā> *a> o перед n и с палатализацией *t: ирон. *nti> *-ñi> j, диг. *-nti >*nt' > nc). Обозначает обычно действие в будущем (с оттенками намерения, предположения, долженствования): cæw-on 'пойду-ка', cæw-æm 'идемте', cæw-oj 'пусть [они] идут' и т.п. Подробнее: [Миллер, I962, I20-I2I; Токазов, I958; I959, II сл.; Исаев, I987, 6I8].

Исторический опт. отразился в виде серии форм с рефлексами суф. *-ī в виде современного суф. -i, стоящего между основой и окончаниями; последние частично продолжают древние оптативные (и отчасти иные), частично инновационны (особенно во мн.ч. в иронском). Тем самым в рефлексы древнего опт. здесь привнесена агглютинация. Ср. окончания (вместе с суф. -i): в ед.ч. I л. -in/-inæ – результат конта-

минации конъ. акт. *-ānі с опт. мед. *-aia, что объясняет огласовку -i- (диг. -æ, очевидно, - позднее наращение, как и во многих словоформах именной и глагольной систем, см. ниже); 2 л. -is/-isæ < опт. мед. тем. *-aiša или атем. *-ša; 3 л. -id/-idæ <опт. мед. тем. *-aita или атем. *-īta. Во мн.ч. в иронском между основами с суф. -i и окончанием вставляется гемината kk неясного происхождения (из частицы ?); окончания сходны с конъ. [Миллер, I962, I22]: ср. I л. -ikkam с -am из "вторичного" инд. акт. *-āma (без сокращения в *a > æ); 2 л. -ikkat с -at <*-āva, 3 л. -ikkoj с -oj <*-ānti. В дигорском окончания мн.ч.: I л. -anæ <*-āma с m> n, как в конъ.; 2 л. -aitæ < опт. акт. *-iāta с метатезой; 3 л. -ioncæ с -oncæ из конъ., либо при контаминации опт. акт. *-iān и конъ. *-ānti. Подробнее: [Миллер, I962, I2I-I22]. Формы обозначают обычно действие в настоящем или будущем (особенно - глаголы с превербами) с модальными оттенками обусловленности, возможности, желательности, долженствования и т.п. [Токазов, I957; I959, 4 сл.]. Отмечается вторичная форма, образуемая основой прош. вр. (рефлексом прич. на *-ta) и опт. глагола "быть" без начального w-: ср. от гл. "лить" - I л. ед.ч. kaldtain, 3 л. мн.ч. kaldtaikkoj, от гл. "литься" - I л. ед.ч. kaldain, 3 л. мн.ч. kaldaikkoj. Трактуется различно: как имперфект конъ. [Миллер, I962, I24-I25], прош. вр. опт. [ОЯФ, 564; Токазов, I959, 5; Исаев, I987, 620], прош. вр. сослаг. наклонения [Абаев, I962, 56I, 563]. Формы, продолжающие древние опт. и конъ., и данная инновационная рассматриваются исследователями осетинского языка как относящиеся к единому сослаг. наклонению в виде его наст.-буд. вр. (рефлексы опт.), прош. вр. (из причастия с опт. глагола "быть") и буд. вр. (рефлексы конъ.), см. [Абаев, I962, 560-56I, 563, 566, 570-579; Исаев, I966, 75 сл.], реже - как различные наклонения [Токазов, I959, I5-I8].

Императив в осетинском в отличие от других живых иранских языков имеет особые формы для 2 и 3 лиц (для I л. используются формы конъ.). Отмечаются: императив обычный и императив будущий. Обычный в ед.ч. во 2 л. выражен основой без окончания; несколько глаголов с основой на -æw <*-au имеют исход императ. -u/o, т.е. отражают древнюю нулевую огласовку - *-au : u, ср. cæw- 'идти' - cu/co; kal- 'лить' - kal. Тем самым во 2 л. ед.ч. отражается древняя тематическая (или поздняя тематизированная) основа с нулевой флексией. В 3 л. -æd <*-atu. Во мн.ч. 2 л. -ut/-etæ, как в инд. (см. с. 8I), 3 л. -ænt/-æntæ - из императ. акт. *-antu (с поздним -æ в диг.), менее вероятно - из императ. мед. *-antām (с диг. æ <*ā в заударной позиции). Ср. ирон. kal- 'лить' - ед.ч. 3 л. kalæd, мн.ч. 2 л. kalut, 3 л. kalænt. Будущий императив образуется добавлением побудительной частицы -iu (<*aiua- 'один' [ИЭСОЯ, I, 558]) после словоформы: от kal- 'лить': ед.ч. 2 л. kal-iu, 3 л. kalæd-iu, мн.ч. 2 л. kalut-iu, 3 л. kalænt-iu.

Отрицание næ используется при формах индикатива, ma - при императиве. Формы, продолжающие древние конъ. и опт., допускают выбор любой частицы, в зависимости от общего смысла высказывания. Отмечаются модальные аналитические конструкции (напр., dæwæn cy zaɣdæ wydī! 'что тебе было сказано!')[10] и употребление нефинитных форм взамен финитных [Абаев,1962, 557].

В хотаносакском языке система наклонений весьма архаична. Отмечены конъ., опт., императ. формы. В косв. наклонениях, как и в инд., сохранились окончания акт. и мед. парадигм. Образуются эти формы от основ наст. вр. окончаниями, в которых выявляются сращения древних суффиксов (в конъ. и опт.) или тематической гласной (в императ.) с окончаниями. Конъюнктив имеет окончания - в акт. парадигме: в ед.ч. I л. -ĭñi <*-ani <*-āni, 2 л. -e <*-āhi, 3 л. -a <*-āt; во мн.ч. I л. -āma <*-āma (вариант -āmane, возможно, из мед., см. ниже), 2 л. -āta <*-āv̯/ta (при воздействии императ. -t-), 3 л. -āru, -āro из суф. конъ. *-ā и мед. показателя серии *-r-(типа *-arai) с поздним *-am > xc. -u; в медиальной парадигме: в ед.ч. I л.-āne <*-ānai (возможно, контаминация акт. *-āni и мед. *-āi, ср. ав. -āne), 2 л. -ă̆ <*-āha (из "вторичной" парадигмы опт. мед.), 3 л. -āte <*-ātai; во мн.ч. I л. -āmane, как в инд., вторично (ср. согд. С.п. -'ymn, хор. -ām(i)ni), возможна и назализация *-d- в *-āmadai; 2 л. -āta из акт.; 3 л. -ānde <*-āntai, варианты -āru, -āro аналогичны активным. Ср. "избежать": I мн. parsāma, 3 мн. parsāro.

Оптатив представлен меньшим количеством форм. Отмечены акт. окончания: в ед.ч. I л. -ä, -i <*-ai̯(a)m; вариант -^{i}o (т.е. -o с возможной палатализацией согласного исхода первичной основы и с i-умлаутной перегласовкой ее гласного) из атем. *-i̯ām; позднехот. -īne "заимствован" из мед. (см. ниже); 2 л. -ä? <*-aiš̯; 3 л. -^{i}a <атем. *-i̯āt, вариант -ä < тем. *-ait, вариант -īyä - поздняя контаминация опт. мед. -īya <*-īta и инд. акт. -tä; во мн.ч. I л. отсутствует, заменяясь конъ.; 2 л. -īru - с *-r- из 3 л., аналогично др.-инд. 2 л. дв.ч. [подробнее: SGS, 203, 209], 3 л. -īru, -īro с окончанием серии *-r- и суф. -ī; едва ли непосредственно из *-i̯ār(š̯). Зафиксированные мед. окончания: в ед.ч. I л. *-īne (восст. по позднехот. -īna) вторичен: из опт. ī + конъ. мед. -ne (см. выше), 3 л. -īya < *-aita, во мн.ч. 2 л. -īru и 3 л. -īru, -īro аналогичны активным. Императив имеет формы 2 и 3 л. ед. и мн.ч. акт. и мед. парадигм. Окончания акт.: в ед.ч. 2 л. -a из тем. гласной с нулевым окончанием (ср. основы без -a: tsau, позднехот. tsu - от *√čau- 'идти'); 3 л. -tu <*-tu; во мн.ч. 2 л. -ta <*-ta (или по аналогии с инд. *-at/v̯a), 3 л. -āndu <*-antu с -ā- по аналогии с конъ.; медиальные: в ед.ч. 2 л. -u <*-ahu̯a, *-ax^{v}a, -š̯u̯a, 3 л. -to <*-tām; во

[10] Любезно сообщено Р.Л.Цаболовым.

мн.ч. 2 л. *-ta аналогично императ. акт. и конъ., 3 л. не зафиксировано. Формы этих наклонений воздействовали друг на друга, особенно заметно - опт. и конъ., поскольку их значения сблизились настолько, что они могли использоваться в одинаковых контекстах.

Вычленение инъюнктива спорно. Как уже говорилось (см. с. 85), сюда условно относят единичные рефлексы имперф. инд., употребленные в модальном контексте (типа pulsu 'я спросил бы'). Отмечаются также поздние инфинитивные конструкции долженствования и др. Подробнее о косвенных наклонениях и их истории: [Konow, 1932, 56-57; 1949, 48-49; SGS, 201-213; Герценберг, 1981, 292-294]. Отмечаются перифрастические обороты, где модальность и др. оттенки выражены вспом. глаголами [Emmerick, 1987].

В пашто, мунджанском и памирских языках из древних косвенных наклонений продолжился только императив (во 2 л.).

В пашто рефлексы императива представлены современным императивом несов. вида 2 л. ед.ч. с окончанием -a, т.е. продолжением тем. основ с нулевой флексией (мн.ч. выражается вторичным конъ.). От него образуется императив сов. вида с преф. wú-. Ср. liká 'пиши' - wú-lika. Остальные косв. наклонения обычно вторичны. Конъюнктив имеет форму наст. вр., производную от наст. вр. инд.: wíni 'видит' - wú-wini, либо от основ прош. вр. (из прич. на *-ta): taṛ- 'связывать' - wú-taṛi. Лишь небольшая группа глаголов выявляет старое флективное образование (yósəm 'я бы понес'), в котором, однако, трудно уловить приметы какого-либо из древних наклонений. По-видимому, в пашто древние наклонения слились в единое, - "индикатив" для основной части глаголов. При необходимости же маркировать "неиндикативность" стал использоваться преф. wú- (аналогично bi- в кл. перс. в позднюю эпоху [Оранский, 1963$_2$; ОИТИИЯ, II, 387-389, 443]). Прош. вр. конъ. - позднее образование из прич. прош. вр. и конъ. глагола "быть" в застывшей форме 3 л. Имеются поздние формы предположительного наклонения (прош. вр. конъ. + част. bə), условно-желательного (несов. вид выражен особым потенциальным причастием, сов. вид - прич. прош. вр. основного глагола + потенциальное прич. глагола "быть"), модальные формы перфекта (перф. инд. + частица bə) и плюсквамперфекта (плюсквамперфект инд. + частица bə), а также "потенциальные" аналитические формы или сочетания на базе "потенциальных" причастий. В качестве отрицания используются частицы na- и - при императиве - ma-. Подробнее о модальных формах и сочетаниях см., например, [Калинина, 1954; 1959; 1961; Дворянков, 1963; Грюнберг, 1987$_1$, 140 сл.].

В мунджанском языке императив имеет особое выражение только во 2 л. В ед.ч. некоторых глаголов выражен чистой основой, продолжая древний императ. от тем. основ с нулевым окончанием. Показатель -o остальных глаголов - из конъ. "вторичного" *-āh. Во мн.ч. мдж. -it, йд. -ë, -ɛ из *-ata (менее вероятно *-ayata [IIFL, II, 153]:

различие в отражении *-t- может быть связано здесь, как в инд., с типами ударения, ср. с. 90, при последующей генерализации одного типа в мунджанском, другого - в йидга), либо из опт. акт. атем. *-i̯ā̆ta. Ср. ās! ā́sit! 'приходи!, приходите!'. Парадигмы остальных древних косв. наклонений утрачены, и индикатив стал практически общим наклонением, выражая в определенных контекстах или ситуациях любые модальные значения, кроме прямого повеления. Исключение представляют глаголы бытия, сохранившие либо развившие заново особые неиндикативные формы: в йидга единственную форму vīi (застывшее 3 л. ед.ч. на -i?), в мунджанском - полную парадигму с окончаниями наст.-буд. вр. инд. от осн. fərm-<*fra + √mā- или *√man- [ср. Грюнберг, 1987_2, 201]: в ед.ч. I л. fə́rməm, 2 л. fə́rməy и т.п. Они употребляются с широким кругом модальных значений (предположения, сомнения, побуждения и т.п.).

Позднее сочетание перфекта с застывшей формой 3 л. ед.ч. fərmí или с модальной частицей vā̆ в мунджанском используется для выражения ряда модальных значений в прошлом (включая ирреальность). В йидга в таких сочетаниях выступает vīi. Отрицание во всех формах выражается ударным префиксом čí- (из кл. перс. heč или собственное развитие из *aiu̯a-čit или *na(i)-čit> *nčі> či). Подробнее: [IIFL, II, 152-153, 164-165, 200; Грюнберг, 1972, 429-430, 444-445, 449; 1987_2, 213-216, 221].

В шугнано-рушанской группе, как уже говорилось (с. 95), сохранность категории наклонения различна: в шугн., руш., хуф. и барт. (кроме бас. диалекта) сохраняется оппозиция форм 2 л. ед.ч. инд. (с показателем -i) ~ императ. (с нулевым показателем, т.е. с продолжением древнего тем. императ. с нулевой флексией), ср. ш. zêzi 'возьмешь' - zêz, р. zēzi - zēz, б. zōzi - zōz id. Во 2 л. мн.ч. выступает индикатив, т.е. форма, нейтральная к модальности (ср. ш. zêzēt, р. zēzat, -af, б. zōzat, -af 'берете, взяли бы, возьмите' и т.п.). В рош., сар. и бас. диалекте барт., где 2 л. ед.ч. наст.-буд. вр. индикатива утратило окончание -i (возможно, по аналогии с императ.), противопоставление форм императ. и инд. утеряно, а тем самым исчезла категория наклонения (во всяком случае, остатки оппозиции форм древних наклонений).

С затуханием древней системы наклонений здесь, как и в других памирских языках, формы инд. используются с большим диапазоном модальных значений: его наст.-буд. вр. практически нейтрально к модальности, выражая все оттенки, кроме повеления (а в языках, утративших окончания 2 л. ед.ч. наст.-буд. вр., - также и повеление); формы перфекта используются при подчеркивании неочевидности действия (передачи с чужих слов, логического вывода и т.п.). Характерна передача ирреальности формами плюсквамперфекта (в языках, где они имеют специальную основу), перфекта, реже - прош. и наст.-буд. вр. (см. выше).

Аналитические сочетания перф. основы глагола с наст.-буд. вр. гл. "быть" – относительно недавние кальки с тадж. форм прош. предположительного. В сар. они стали аналитическими формами прош. предположительного (типа tыuў vid '[возможно,] ушел'). При отрицании модальность уточняется частицей: ш.р.б.рош. na, с. na(y) – при констатации, пожелании, возможности и т.п., но ш.р.б.рош. mā, с. mo – при запрете, отрицательном пожелании и т.п. Иногда их функции в модально окрашенном тексте пересекаются. Подробнее: [Карамшоев, 1963; Соколова, 1966; Пахалина, 1966; Файзов, 1966; Карамхудоев, 1973; Курбанов, 1976; Бахтибеков, 1979; Мирзабдинова, 1983], историю см. [Эдельман, 1987_I, 326-329].

В язгулямском языке императив во 2 л. ед.ч. выражен чистой основой, т.е. рефлексом древнего императива от тем. основ с нулевым окончанием. При этом основа, оказываясь в императиве под ударением, отличается в ряде глаголов вокализмом от основ инд., где ударение падает на окончание. Ср. 2 л. ед.ч. инд. и импер.: zayáy – za 'приходить', x°aráy – x°ar 'есть', но təžáy – taž 'ходить, бродить', məráy – mar 'умирать' (в последних примерах – a-умлаутная огласовка корня, полученная в результате воздействия в раннеязгулямском тем. гласной – см. прототипы: *taǩa-, *√tak-; *mr̥̂ia-, *√mar-; ср. i-умлаут в 3 л. ед.ч. этих глаголов: teǩd < *taǩati, mard < *mr̥̂iate, см. с. 96). У гл. "быть" 2 л. ед. инд. и импер. образованы от разных классов основ: наст.-буд. инд. vay < *vəyay < *bu-i̯a-hi, импер. vaxs < *vəys < *bu-i̯a-sa с вторичным *-sa [ГОЯШ, 89]. Во 2 л. мн.ч. выступает индикатив (zayít, x°arít, badít, təžít, mərít). Этимология неизменяемого yest 'пусть будет, пусть так останется' неясна: это либо продолжение *ā-stāti (*√stā- 'стоять'), либо результат перестройки связки 3 л. ед. *asti по аналогии с конъюнктивом тем. глаголов.

Остальные модальные значения выражаются формами индикатива: наст.-буд. вр. – в широком модальном диапазоне (кроме повеления), прош.вр. и перф. – в различных контекстах (включая ирреальное условие) и т.д. Перфект используется также для подчеркивания неочевидности действия. Императив, кроме прямого значения, используется в индикативном плане – для обозначения неожиданного, а при редупликации – длительного действия в прошлом. Характерны новообразованные сочетания с разными модальными значениями: причастия (= перф. основы) с застывшей формой 3 л. ед.ч. наст.-буд. вр. гл. "становиться" (mit) и отделяемыми личными показателями, типа -əf laftá mit '[вы] сказали бы' (калька с тадж. формы прош. предположительного) и ряд других с причастиями и инфинитивом. Отрицание передается единым префиксом na- (продолжения ир. *mā нет). Подробнее: [Эдельман, 1966, 57-59, 61 сл.; 1987_2, 396-397].

В ваханском система наклонений сходна с шугнано-рушанской. В нижнем говоре для 2 л. ед.ч. сохраняются остатки оппозиции индикатива

(осн. наст. вр. + -i) ~ императива (чистая осн. наст. вр. - рефлекс древнего императ.). В верхнем говоре показатель инд. -i утрачен и оппозиции этих наклонений в позитивном контексте уже нет. В негативном контексте модальность выражается частицей: nə́-al 'не останешься' ~ mə-al 'не оставайся' (то же при постпозиции частиц nəy, məy).

Особое положение, как в мунджанском языке, занимает неиндикативная форма гл. "быть", имеющая здесь основу (y)ым(н)y- (ср. мундж. fərm-, язг. mad, mit, хс. hämi-, согд. wm't, m't и др. [Стеблин-Каменский, I98I$_I$, 64]), парадигму наст.-буд. вр. и выражающая значения предположения, условия, желательности и т.п. [Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 603-605, 633-636]. Употребление ее с перф. основой глагола создает инновационную форму - сочетание, объединяющее значения перфекта и модальные оттенки. Часть модальных значений выражается формами индикатива (см. выше). Подробнее: [Пахалина, I975, 79; Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 632].

Сходная картина наблюдается в ишкашимском языке: во 2 л. ед.ч. противопоставлены индикатив (осн. наст. вр. + -i) и императив (чистая основа, продолжение древнего императива). Част. отрицания na едина для форм с любой модальностью. Ср. táci 'ты идешь, шел бы; [если] пойдешь', tac 'иди', na-taci 'не идешь, не ходил бы; [если] не пойдешь', na-tac 'не ходи'. Формы индикатива употребляются в различных модальных контекстах (см. выше). Отмечается инновационная аналитическая форма - сочетание, калькированное с тадж. прош. предположительного (перф. осн. + глагол "быть" в наст.-буд. вр.). Подробнее: [IIFL, II, 361; Пахалина, I959, 55; I987$_2$, 526-528].

Таким образом, общеиранская система многих наклонений в восточноиранских языках постепенно свертывается.

Древний оптатив, как уже говорилось, благодаря частому выражению действия в прошлом и всегда "вторичным" окончаниям, сближается относительно рано с имперфектом, благодаря чему в ряде языков рефлексы оптатива входят в сферу прош. времени. Особенно это наглядно в языках, где прош. время еще представлено рефлексами имперфекта. Вхождению форм древнего оптатива в сферу прош. времени способствовало и то, что древние "первичные" и "вторичные" окончания при фонетическом уподоблении становились малоинформативными для выражения оппозиции наст./прош. времени, а оптативный признак *i̯, *I̯ поддерживал маркировку прош. вр. (ср. иное развитие в осетинском языке, где маркировку прош. вр. инд. поддержал исторический конъюнктив в переходных глаголах). Об оптативе и его связи с прош. вр. см. также [Benveniste, 1951; Фрейман, I95I, 20; I957; Rysiewicz, 1954; Dresden, 1970; ОИТИИЯ, II, 423; Gonda, 1980, 65-67 и др.]. Сохранение рефлексов древнего оптатива в виде особого наклонения (или в составе другого косв. наклонения) наблюдается в вымерших языках и в осетинском. В остальных единичные формы с опт. окончаниями "вросли" в парадигму

индикатива - при совпадении в индикативе функций разных косв. наклонений, кроме императива.

Древний конъюнктив продолжается в виде парадигм общего косвенного наклонения или одного из косвенных также в вымерших языках и в осетинском. Ягнобская конъ. форма уже не наследует древней. Рефлексы отдельных окончаний исторического конъюнктива, как и оптатива, отмечаются в индикативной парадигме языков, где индикатив поглотил остальные наклонения (кроме императива). Формальному совпадению конъюнктива и индикатива способствовало сходство парадигм конъ. атем. глаголов с индикативом тематических и совпадение их тем. акт. форм в 3 л. дв. и мн.ч. и I л. ед.ч., а затем и общая тематизация глагола.

Императив продолжается почти во всех языках во 2 л. ед.ч. в виде рефлексов тем. формы с нулевым окончанием. Исключения редки, представляют обычно вторичные формы, реже - архаизмы. Во 2 л. мн.ч. во многих языках, особенно памирских, выступают современные индикативные формы различного происхождения, т.е. здесь оппозиция наклонений снята. В единичных памирских языках и во 2 л. ед.ч. индикатив, утрачивая окончание (возможно, по аналогии с императивом), становится единственной формой; категория наклонения, таким образом, исчезает [ОИТИИЯ, II, 430]. В осетинском языке, наоборот, императив имеет развитую парадигму.

Свертывание древних косвенных наклонений связано с постепенным расширением диапазона модальных значений у форм индикатива - вплоть до превращения их в модально нейтральные, особенно в памирских языках. Однако общность этого процесса для данного ареала носит в основном структурно-типологический характер. Генетически он реализовался в разных языках неодинаково, свидетельством чему является различие в этимологии окончаний их новых парадигм. Структурной инновацией являются и новые аналитические модальные формы и обороты, калькированные с таджикских (главным образом тадж. "прошедшего предположительного") разными по языкам средствами. Употребительность в разных языках ареала форм перф. индикатива для обозначения неочевидности действия (т.е. результатов логического вывода, пересказа и т.п.) может быть обязана как собственному развитию этого значения из результативности, так и тадж. влиянию.

Проблематична возможность продолжения в части восточноиранских языков древнего инъюнктива. Как показывает материал, здесь могут выступать контекстуально в различных модальных значениях (в основном, ирреальных - действия, пожелания и т.п.) формы прош. времен индикатива (прош. вр., перф., плюсквамперф.), различные по происхождению. В связи с этим в тех языках, где формы прош. вр. представлены рефлексами имперфекта (либо имеются отдельные его рудименты), они не обязательно генетически продолжают инъюнктив при употреблении в модальном контексте. Продолжаться здесь может типология модального

употребления форм прош. вр. (ср. употребление здесь аугментированных форм в ягн.). См. [ОИТИИЯ, II, 424], ср. также с. 122-123.

Модальность форм в ряде языков подчеркивается различными частицами – удостоверительными и др. Особую роль играют отрицательные, продолжающие ир. *nai и *mā, однако это различие сохраняют не все языки группы, и даже в близкородственных языках их сохранность и модальность не всегда одинаковы. Поздние модальные обороты представляют собой разные сочетания, обычно ареально единообразные, на базе причастий, инфинитивов или герундивов (последние – в оборотах возможности, долженствования, намерения и т.п.).

Тем самым для общевосточноиранского уровня уверенно реконструируются продолжения древних форм индикатива с временно́й оппозицией презенса ~ имперфекта (возможно, уже ставшего претеритом) и вневремен́ных косвенных наклонений: конъюнктива, оптатива и императива. При этом конъюнктив употреблялся в различных временны́х контекстах, а оптатив, по-видимому, постепенно закреплялся за действием в прошлом. Императив продолжал существовать в формах 2 и 3 л., хотя и смыкался в 3 л. и во 2 л. мн.ч. с другими косв. наклонениями. Инъюнктива как самостоятельной системы форм на данном этапе уже, по-видимому, не существовало.

Изменение залоговых отношений

Как уже говорилось (см. с. 33 сл., 70), с затуханием оппозиции актива/медиума и с развитием значения и формального выражения переходности/непереходности в глагольной системе активизируется и собственно залоговая оппозиция актива/пассива. При этом система активных/пассивных пар личных форм с симметрией по всей парадигме не выработалась. Речь строится обычно в активном плане. Активная сфера представлена различными флективными и аналитическими формами, о которых говорилось выше. Выражение же пассива ограничено поздними причастными и инфинитивными оборотами – с разной степенью спаянности компонентов. Логический субъект действия, как правило, в предложении не выражен и не всегда подразумеваем; крайне редко встречается его описательное обозначение.

В большинстве случаев смысловым центром пасс. оборотов являются причастия прош. вр. (редко рефлексы прич. на *-ta, чаще – на *-taka и поздние производные от них), имеющие пассивное значение у переходных глаголов. В качестве вспом. глаголов выступают связка и глаголы "быть", "становиться, делаться", в некоторых языках также "идти", "приходить" и др.

Так, в согдийском языке пассив представлен сочетанием рефлексов прич. на *-taka и гл. βw- [vaw-] ‘становиться’, хр. также šw- [šaw-] ‘идти’ (для наст. вр.) и гл. [ǝkt-] ‘делать’ в прич. форме (для прош. вр.). Модальные и видо-временные характеристики вспом. глаголов обусловливают модальную и видо-временную принадлежность со-

четания в целом [GMS, 123, 125-126; Лившиц, Хромов, I98I, 50I-502]. В ягнобском также отмечаются причастные сочетания типа vastagí-x ‘установлен’ без субъекта [Хромов, I972, 45] или с выражением субъекта косв. падежом [Исхаков, I977, I36]. В хорезмийском прослеживается употребление конструкций из прич. со связкой или гл. "становиться", типа hβc dy p'rwzd [hivca dĭ pārwuzda] ‘дан(о) тебе стало’, т.е. ‘тебе отдано’, однако неясно, насколько их можно считать устоявшимися [Henning, 1936, 33; Фрейман, I95I, 57]. Пассив в осетинском выражается причастием прош. вр. и личной формой cæwyn ‘идти’, ср.: arazyn ‘строить’ – aræzt cæwyn ‘строиться’. Обозначение субъекта обычно отсутствует [Абаев, I962, 549]. В диг. диалекте в качестве вспом. глаголов используются cæun ‘идти’, реже un ‘быть’ [Исаев, I966, 79].

В юго-восточной подгруппе пассив образуется в целом аналогичными средствами, однако в хотаносакском языке, благодаря тому, что сохранились парадигмы актива/медиума (и благодаря наличию относительно продуктивного "пассива" с рефлексами суф. *-i̯a, ср. hvan- ‘говорить’ – hvin- ‘быть произнесенным’, возможно, под влиянием санскрита), устойчивые пассивные конструкции не сформировались [ОИТИИЯ, II, 3I5-3I7], хотя причастные обороты с пассивным значением прослеживаются.

В остальных языках подгруппы такие обороты относительно стабильны. В пашто основной смысловой глагол имеет форму прич. прош. вр., либо инфин., либо 3 л. прош. вр.; вспом. глагол – kedə̀l, šwə̀l ‘делаться, становиться’ (kṣeṣ̌odə̀l šu ‘был положен’, ж.р. kṣeṣ̌odə̀l šwa). Логический субъект может быть выражен описательно. Подробнее: [Дворянков, I960, 55-57; Грюнберг, $I987_I$, I54-I56]. В мундж. языке употребительна поздняя форма прич. II с гл. "быть" [Грюнберг, $I987_2$, 2I9]. В ваханском в пассивных оборотах используются причастия (в том числе и от перф. основы) [Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 63I-632; Пахалина, $I987_I$, 466]; то же – в ишкашимском, где позднее причастие на -uki (от древнего на *-ta) сочетается с гл. "быть" (zẖnuduki vẖd ‘была выстирана’) [Пахалина, I959, 58; $I987_2$, 529].

В языках шугн.-руш. группы отмечено употребление в этой функции различных сочетаний: а) причастия от перф. основы с суф. -ak (и остаточно – без суффикса) с гл. "идти, становиться" (типа р. avūǰak sat букв. ‘привезен[н] стали’); б) причастия от перф. основы с суф. -in с гл. "быть" (типа р. tōzā zidūǰin vid ‘были чисто убраны’) [Файзов, I966, I20, I28]. В язг. языке используется сочетание поздних причастий на -agín со связкой или гл. "быть": vəstagín vad ‘был связан’ [Эдельман, I966, 60-6I; $I987_2$, 398].

О развитии залоговых отношений см. также [ОИТИИЯ, II, 3I3 сл.].

Таким образом, пассивные конструкции во всех восточноиранских языках являются инновациями, очевидно, возникшими заново на разных

этапах развития языков и получившими более или менее устойчивый статус (и выражение субъекта действия, пусть даже описательное) только в литературных языках. По-видимому, для общевосточноиранского уровня можно предположить наличие причастных конструкций с пассивным значением - собственно, пассивными первоначально в этом плане были и конструкции типа *ima ... mana kartam (asti), из которых произошли "косвенные" построения в прош. времени для переходных глаголов[11]. Однако эти конструкции были вскоре переосмыслены в качестве активных; а новых, именно пассивного значения, которые стали бы едиными прототипами хотя бы для части языков, не возникло. Очевидно, как предположил Т.В.Гамкрелидзе, пассивные построения в языках номинативного строя (а тем более в языках смешанной номинативно-эргативной типологии) являются избыточными и возникают на каждом этапе лишь как трансформативный (возможно, стилистический) поверхностный вариант активных конструкций.

Общие принципы изменения личных глагольных форм

Рассмотренный материал показывает, что в изменениях личных форм глагола в восточноиранских языках наблюдается ряд общих закономерностей - как в продолжении системы древних флективных форм, так и в становлении новых аналитических конструкций и вторичных флективных форм[12]. При этом изменения на разных участках глагольной системы каждого языка в целом тесно взаимосвязаны, хотя очевидна их неравномерность по языкам в отношении изменений как содержательного плана глагольных категорий, так и средств их выражения.

Так, практически во всех языках намечается тенденция к выражению переходности/непереходности в основах наст. вр. Для этого используются средства, унаследованные из общеиранского - разные типы образования презентных основ. Однако в разных языках генерализуются разные древние классы. В целом перех. глаголы характеризуются: I) рефлексами тех средств, которыми образовывались каузат. основы: а) подъема ступени огласовки, б) суф. *-aia (и *-āpaia), - при возможной комбинации обоих этих элементов; 2) носовыми суффиксами и инфиксом;

---

[11] Дискуссия об истинности пассивности этих оборотов в древнеперсидском (см., напр., [Cardona, 1970; Statha-Halikas, 1979]) в данном случае несущественна: здесь важно не соответствие др.-п. конструкций формальным критериям пассивного залога, а общее пассивно-посессивное значение результативных конструкций от переходных глаголов.

[12] В данном разделе не рассматривался специально материал бактрийского языка, слишком скудный, чтобы выявить систему. Выявлены лишь элементы: для основ наст. вр. характерны непереходные на -s < *-sa; основы прош. вр. продолжали прич. на *-ta (язык принадлежал к группе Б); были формы оптатива (при отрицании - с преф. ma). Сводку черт см. [Стеблин-Каменский, 1981, 344; Mękarska, 1974, 161-162].

3) отсутствием специальных признаков – при условии наличия таковых у неперех.глаголов. Характерные признаки неперех. глаголов: а) слабая ступень огласовки; б) суф. *-sa < и.-е. *-sḱe/o (но не рефлекс и.-е. *-s)[13]; в) суф. *-i̯a, – при комбинации слабой огласовки с одним из суффиксов; г) отсутствием специальных признаков – при наличии таковых у перех. глаголов. В разных языках, даже близкородственных, генерализация того или иного набора признаков перех. и неперех. глаголов проходила различно.

Например, в согд. языке для выражения переходности продуктивны были продолжения древних признаков каузатива: подъем ступени огласовки и суф. *-a̯i̯a (здесь это выражалось уже долгой или полной огласовкой с признаками i-умлаута); однако с ними сочетались и назальные элементы (напр., ман. [patminč-] 'одевать' из *pati-mu-n-č̌a + a̯i̯a-, *√mauk-, ср. ишк. рьмьс-, вах. pum(ы)c-, ш. piniz-, р. paniz-, с. pamez- 'одевать(ся)' <*pati-muč̌a-, язг. nəməč̌- 'вынимать' <*ni-muč̌a- – без *-n-). Сходна ситуация в хор. и хотаносак. языках: при главенствующей роли усиления огласовки и относительно поздней продуктивности суф. *-a̯i̯a, значим и инф. *-n-. Менее продуктивны назальные элементы в шугнанском. Для мунджанского значимость их установить трудно, поскольку *n перед согласным исчезал относительно поздно. Руш. и язг. языки сохраняли продуктивность назальных элементов в течение более длительного периода (ср. р. virand-, язг. vərand ~ ш. vi-raž̌- 'ломать, разбивать', р. žirand-, язг. žərand- ~ ш. žiraž̌- 'кусать' и т.п.) [ГОМШ, I22–I26].

"Классические" каузативные типы были продуктивны для раннего состояния мундж., вах. и ишк. языков также в неодинаковой степени: для мундж. основным средством был подъем огласовки, а суф. *-a̯i̯a был не столь существенным, и рефлекс его не всегда может быть прослежен; в вах. он тоже прослеживается не во всех глаголах; в ишк. этот суффикс был более распространен и т.п. Все эти различия носят относительно поздний характер.

Несколько языков ареала ЦАЯС и примыкающих к нему развили в недавний период выражение каузативности и переходности суффиксами с признаком v, w: пашто -aw, хс. -ev, мдж. -ov/w, йд. -iw, вах. -ыv (то же в единичных западноиранских языках ареала – парачи и ормури). Высказываются соображения об индоарийском происхождении этого суффикса, однако он вполне может быть и собственным продолжением ир. *-āpa̯i̯a, активизированным в данном ареале (ср. мнения: [IIFL, I, 101; II, 149 и др.; SGS, 187; ГОМШ, I56, I58–I59]). Заимствованы

[13] Рефлекс *-sa < *-sḱe/o, оставаясь длительное время продуктивным, не подвергался изменениям в группе *-Cs даже в языках, где другие группы *Cs изменяются. О различиях рефлексов *-sa и и.-е. *-s см. [СГВЯ-Ф, 49, 87–88].

суффиксы с -n- в зоне влияния тадж. языка (мдж. -on, ш. -ēn, язг. -ăn, ишк. -on).

Для основ неперех. глаголов характерна неодинаковость продуктивности суф. *-i̯a и *-sa, при том, что слабая огласовка характерна в той или иной мере для всех восточноиранских языков. Различия наблюдаются даже между севернопамирскими языками: в шугн.-руш. группе продуктивным был до недавнего времени тип с -s, -c <*-sa, в язг. - с огласовкой -i- или исходом -y под воздействием суф. *-i̯a (ср. ш.р. riwōys-, язг. pərway- 'голодать'). Продуктивность рефлексов *-i̯a в недавнем прошлом в виде перегласовок наблюдается в согд., мундж., ишк. и других языках.

Все это означает, что данные классы основ были продуктивны не только в общеиранский и общевосточноиранский периоды, но и значительно позднее, что позволило разным языкам обобщить относительно недавно те или иные из них в качестве основных.

Сама же существенность выражения именно категории переходности/непереходности в презентных основах, хотя и традиционными средствами, - не случайна и поддается относительной датировке в сравнении с перестройкой на других участках глагольной системы. Она диктовалась потребностью выражения по всей глагольной парадигме определенной содержательной категории, которая в сфере претерита и/или перфекта уже имела к этому времени формальное выражение в виде различия для перех./неперех. глаголов конструкций на базе причастий (см. ниже).

Такая унификация в плане содержания вызвала определенную унификацию и в плане выражения, включая не только активизацию определенных классов презентных основ, но и звуковой облик различных основ. В этом плане характерны вторичные перегласовки основ прош. вр. по аналогии с основами наст. вр., уже устоявшимися в результате указанных процессов. Перегласовки по принципу "сильная огласовка переходному глаголу, слабая - непереходному" начинаются уже в древнеиранских диалектах в причастиях на *-ta (иногда даже безотносительно к огласовке презентной основы данного глагола, ср. ш. čūd, р.б. čūg, с. čɛwg 'сделал' из *karta- вм. *kr̥tá-, *√kar- - с č- из *k перед *a, при том, что в основе наст. времени ш.р.б. kin-, с.ш.-барв. kan- отражение *k> k говорит о нулевой ступени огласовки: *kr̥náu-).

Различные огласовки (включая вторичные продленные у перех. основ прош. вр. по аналогии с основами наст. вр.), полученные в ходе изменений глагольной системы, а также "сбои" в отражении согласных, отмечаются в разных восточноиранских языках на разных этапах их истории. Так, в севернопамирских, в мунджанском, ваханском, в частности, эти явления засвидетельствованы для относительно раннего периода, и в целом ряде глаголов выявляются случаи не современного переноса "полной" огласовки из основы настоящего времени в основу прошедшего, а ранних изменений, типа исторического растяжения *a>*ā с отражением послед-

него в современных языках в виде обычных для *ā рефлексов, как бы продолжающих древнюю полную и даже продленную огласовки. Во многих глаголах перенос "сильной" огласовки из основы настоящего времени в прошедшую продолжается и поныне. Отмечаются случаи как ослабления огласовок в презентных основах непереходных глаголов, так и усиления их (с перегласовками по i-умлаутному типу, свойственному каузативам) в основах переходных глаголов (см. [Соколова, I98I, 4I, 45-46; Стеблин-Каменский, I98I$_{I}$, 6I; СГВЯ-Ф, I08-I09, 204]). Для исторических каузативных глаголов вторичное происхождение огласовок прошедшего времени стало практически нормой.

С этой же содержательной категорией оказались связаны и некоторые трансформации акцентной характеристики основ наст. вр.: при вторичном распределении сильных/слабых огласовок по переходности/непереходности в языках с рефлексами разноместного ударения (см. с. I0I сл.) большое количество переходных глаголов с продленной или полной огласовкой попадает в акцентную парадигму с ударением на основе, непереходные (и часть переходных) со слабой огласовкой – с ударением на окончании. В результате семантика глагола опосредствованным образом влияет на его акцентный характер.

Еще яснее выступает содержательное начало в становлении конструкций "перифрастического перфекта", оставшихся перфектными в языках группы А и ставших формами прош. вр. в группе Б. Различие этих конструкций для перех. и неперех. глаголов указывает на существенность этого семантического противопоставления уже в древности. Однако их поздняя, разновременная по языкам грамматикализация отразила также и степень развитости к тем периодам глагольной семантики: те языки, в которых у глагола ***dar-** уже выработалась к этому времени абстрактная семантика "иметь" ("литературный" согд., хор.), развили для перех. глаголов позднюю конструкцию типа "я имею сделанным". Остальные языки (включая "разговорный" согд.) продолжили более архаичную, типа " у меня то-то сделано//сделанное (есть)", что организовало предложение в целом по эргативообразной модели. Возможно, в этом различии выявились некие ареальные или социолингвистические факторы прошлого: глагол "иметь" вырабатывался в индоевропейском языковом мире относительно поздно, из этимологически разных корней и, в первую очередь, в языках, имеющих "высокую" функциональную нагрузку, обслуживающих определенным образом развитое общество[I4]. Часть восточноир. языков не выработала такое значение вовсе, часть выработала его тогда, когда

[I4] Первоначально эти корни означали "держать, схватывать", а затем уже "содержать" → "иметь", ср. закрепившийся в славянских языках и.-е. корень ***em-**, в балтийских ***tuer-/tur-**, в италийских ***ghabh-**, в германских ***kap-**, в иранских ***dher(ə)-** [IEW, 252, 310-311, 407, 527, 1101].

"эргативные" конструкции были уже грамматикализованы[15]. Неперех. глаголы образовывали во всех языках номинативные конструкции типа "я пришедший есмь", совпадающие в отношении оформления имени субъекта (ном.) и согласования глагола (с субъектом) с конструкциями, образуемыми перех. и неперех.глаголами в наст.(-буд.) времени. В результате, языки группы Б в раннем состоянии характеризуются смешанной номинативно-эргативной типологией с перевесом черт номинативности. Эргативная конструкция в них ограничена сферой прош. времен, подчинена номинативной, отличаясь от нее лишь формально, а не характером выражаемых отношений. Отсюда во многих языках неустойчивость эргативных конструкций и тенденция к контаминации с номинативными, отражающаяся на морфологии.

Существенно формальное совпадение с эргативными (особенно "косвенным" оформлением субъекта) некоторых других конструкций, связанных с определенными семантическими группами глаголов и именных предикатов (см. с. 250 сл.). Наиболее важны из них для глагольной морфологии эргативообразные безобъектные конструкции с определенной семантической группой непереходных глаголов в прош. временах в восточноир. языках, входящих в ЦАЯС или примыкающих к нему (в некоторых языках наблюдается спряжение данных глаголов по переходному типу). Данная черта охватывает живые восточноир. языки: пашто, памирские, мунджанский, - и вымершие: согдийский, хотаносакский (а также: соседние западноир. - белуджский, парачи; языки индоар. группы - дардские и некоторые иные, напр., хинди, ассамский, маратхи, парья; неиндоевропейский язык ареала - бурушаски).

Глаголы, о которых идет речь, образуют следующие семантические "пучки":

I) непроизвольного действия: "вздыхать", "чихать", "кашлять", "тошнить" и пр.;

2) выражения эмоций: "смеяться", "плакать", "улыбаться" и др.;

3) состояния и изменения состояния: "расти", "опьянеть", "жадничать", "гордиться" и др.;

4) активного движения или изменения состояния: "кочевать", "плясать", "играть", "купаться", "устремляться", "прыгать", "убегать" (иногда также "садиться") и др.;

5) обозначающие крики животных и птиц: "выть", "кричать" (о животных), "петь" (о птицах), "блеять", "ржать", "мычать","лаять", "рычать" и пр.;

6) говорения (обычно не имеющие прямого объекта, кроме придаточного дополнительного предложения или прямой речи): "говорить", "клясться" и др.;

---

[15] К позднему развитию гл. "иметь", выражению посессивности и зависимости от этого различных переходных конструкций см., напр.,: [Meillet, 1924; Benveniste, 1952; 1960; Бенвенист, 1974, 195-196, 200-201, 203-224; Пирейко, 1968, 29].

7) физических отправлений: "мочиться", "испражняться" и др.;

8) реже - "выпадать" (об осадках), "рассветать" и т.п.

Все они, не будучи переходными, образуют единый семантический класс глаголов, обозначающих деятельность живого существа (а также некоторых явлений природы, воспринимавшихся древними как проявления живого начала, имевшего свой жизненный цикл).

Наибольшее число таких глаголов (35 лексем) выявлено в пашто [Дворянков, 1960, 70-71], где они образуют эргативообразные конструкции. В мундж. их отмечено меньше; здесь они характеризуются личными показателями перех. глаголов [ГОМШ, 76, 100, 101 и др.]. В язг., руш., барт. они требуют косв. падежа субъекта (в язг. и руш. в речи старшего поколения - с взаимоисключением личного показателя), как при перех. глаголах, подробнее [Эдельман, 1976_2, 81; 1987_1, 330; 1987_2, 398]. В вах. их основы наст. вр. имеют сильную огласовку, по аналогии с основами перех. глаголов (ср. rыx̌ыр- 'засыпать' < *√x^{v}ap-, rыu- 'лаять', ɲыw- 'плакать' и т.п. [Лашкарбеков, 1985, 98]). В ягн. также отмечен случай (возможно, вторичный) "сильной" огласовки: pirež̌- (вост.), piraiž̌- (зап.) 'убегать' (из согд. [p(ə)rēž̌-]) [Хромов, 1987, 680].

Сходные явления в вымерших языках трактуются различно. В согдийском отмечается огласовка [ē] в группе неперех. глаголов, трактуемая как результат их вторичной непереходности [Лившиц, Хромов, 1981, 388], хотя их семантика ("убегать", "вступать") дает основания и для других решений. Однако более характерны здесь формы прош. вр. (хр.) и перфекта (ман.) с вспом. глаголом δ'r- 'иметь' (как у перех. глаголов): b'w-, β'w- 'прибывать', wyɣ'w- 'бодрствовать', wyws- 'рассветать', pšyd- 'усаживаться' и др. Это явление трактуется как результат аналогии с перех. глаголами [GMS, 130; Исхаков, 1977, 124-125], однако семантика данных глаголов указывает, что аналогия имела содержательную базу.

В хотаносакском круг таких глаголов шире. Выделивший их в особую группу С.Коноу определил их как "такие непереходные, которые имеют усиленно активное значение" [Konow, 1949, 50]. В свое время его формулировка не была оценена и подверглась критике с позиций отнесения этих "исключений" к формальному распространению перех. спряжения на неперех. глаголы [SGS, 221]. Однако их семантика в сопоставлении с аналогичными глаголами других языков ареала свидетельствует о правоте С.Коноу: по перех. типу спрягаются глаголы paranirv- 'достигнуть нирваны', juv- 'жить', tsu- 'приходить', bar- 'ехать верхом', brem- 'плакать', huṣṣ- 'расти', hūs- 'спать', māñ- 'оставаться' и др. (обратный случай, отмеченный Р.Эммериком, - спряжение bud- 'понимать, знать' как непереходного, - объясняется вхождением его в группу verba sentiendi, которые во многих языках обособлены от переходных).

Таким образом, отмечается ареальная инновация, состоящая в сближении данной группы глаголов с переходными на основании активности их субъекта. Это связано в конечном итоге с принадлежностью языков, ставших субстратом в ареале ЦАЯС, к активной типологии [подробнее: Эдельман, 1976_2; 1980; 1981, 73-74; 1983; 1987_1, 330; 1987_2, 398]. Сходные, но менее последовательные явления наблюдаются в осетинском (ср. перех. спряжение "петь" в диг., перех. и неперех. парадигмы "падать" в обоих диалектах и др.).

На судьбу глаголов влияют и ареальные синтаксические тенденции, например, предпочтительность построения модальных оборотов с глагольными именами ("я могу//хочу пойти") или с косв. наклонениями ("я могу// хочу, чтобы я пошел"), активизирующая те или иные участки парадигм.

Выше говорилось об огромном влиянии процессов аналогии между различными участками парадигмы. Эти процессы сказываются не только на взаимовлиянии основ наст. вр., прош. вр. и перфекта, но и на унификации парадигм в целом. Особенно наглядна унификация форм наст. и прош. времен. Здесь отмечается, особенно в языках группы Б, уподобление окончаний наст. времени (из древних "первичных") личным показателям прош. времен (из связок и энклитик, реже - из ударных местоимений) и наоборот. Таким образом, происходило взаимовлияние парадигм, продолжающих древние: а) личные флективные формы глагола, б) связки, в) энкл. местоимения, г) полноударные местоимения, - словом, всех, выражающих лицо и число актантов. Т.е. унификация здесь направлялась на единообразность выражения единой содержательной категории. Взаимное уподобление рефлексов древних флективных форм также было подчинено содержательной стороне языка, однако по другим основаниям. Так, при совпадении в целом ряде языков в формах индикатива значений разных наклонений, естественным было сближение их парадигм (особенно при параллельном употреблении в одинаковых контекстах) и частичная контаминация их флексии, - при том, что индуцирующей явилась парадигма индикатива. Воздействие аналогии выявилось также в создании новых аналитических форм и конструкций, например причастных форм косв. наклонений, имеющих определенные временны́е характеристики.

В результате этих изменений появились новые типы сочетания грамматических категорий (например, модальность + время), которых не было в праязыковой системе. Процессы изменений по аналогии были относительно поздними и происходили тогда, когда оппозиция тех или иных элементов, уподобляемых друг другу, была уже "пустой", чисто формальной, избыточной. Они сопровождали процесс ухода форм и оппозиций (исхода основ косв. наклонений, оппозиции окончаний активных/медиальных, "первичных"/"вторичных" и т.п.), когда последние становились морфологически малоценными. Причины этого могли быть различны: а) выражаемая ими грамматическая категория уже отмерла, и данный словоизменительный элемент оставался лишь формальным ее рудиментом; б) категория была жи-

вой, но в достаточной мере выражалась каким-то иным элементом – либо той же словоформы (напр., консонантными элементами личных окончаний при унификации их вокализма), либо контекста (и/или аналитическими элементами глагольной формы). В любом случае изменение морфологических оппозиций в глаголе (как и в имени, см. ниже) начиналось с их содержательного плана.

Все рассмотренные здесь явления носят относительно поздний характер. Для общевосточноиранского уровня реконструируется богатая флективная система с оппозициями актива/медиума, "первичных"/"вторичных" окончаний, индикатива/конъюнктива/оптатива/императива (наличие инъюнктива возможно, но не обязательно), дополняемая причастными оборотами "перифрастического перфекта", модальными оборотами и т.д., которые еще не были в тот период грамматикализованы.

Глагольные имена

Глагольные имена (причастия, деепричастия, инфинитивы, имена действия и деятеля, герундивы и т.п.) не составляют в восточноир. языках отдельной системы. Грамматически это имена (существительные, прилагательные, наречия), однако, выступая в аналитических конструкциях на разных этапах развития языков (включая современный), они влияют на историю личных форм, дополняя глагольную парадигму, либо замещая, или "вытесняя", ее отдельные участки при ослаблении функциональной значимости последних. Имеются также пласты именной лексики, в которой причастное или инфинитивное происхождение выявляется лишь этимологически. Современные (или исторически зафиксированные) глагольные имена в основном базируются на соответствующих древних; большой удельный вес имеют также образованные вторичной суффиксацией, различной в разное время продуктивности.

Причастия, деепричастия

Наиболее продуктивны в самостоятельном употреблении и в образовании вторичных причастий оказались прич. прош. вр. (или перфектные) на *-ta (см. с.37), рефлексы которых во всех иранских языках, включая восточноиранские, выступают в качестве основ перфекта, а затем – в большей части языков – претерита. В ряде языков они сохраняют и причастную функцию: в согд., хотаносак., осет., ягн., остаточно также в язг. Аналогичные древние причастия с суф. *-na (и имена действия с суф. *-na, см. с. 38) сохранились в виде причастий, а затем в составе форм перфекта и позднее – претерита в вах., где ныне продолжаются в ряде основ прош. вр.; в других языках отмечаются лексикализованные именные формы причастий (ср. язг. ϑən ‘очаг’ < *ϑuna-, *√ϑau- ‘гореть’) и имен действия (ср. осет. fyn/fun ‘сон’ < *$_{x}$^{v}ap-na-, *√$_{x}$^{v}ap- ‘спать’). В единичных глагольных лексемах прослежива-

ются "перфектные" причастия с суф. *-ua (см. с.119), в именных формах их продолжения наблюдаются в разных языках (примеры см. [СТВЯ-Ф, 122, 149]). Словоизменение этих причастий, особенно на *-ta, сохранялось относительно долго; оно было еще живым для хотаносакского и шугн.-руш. группы в период грамматикализации нового прош. вр. (см. выше).

Вторичные причастия, образованные от прич. на *-ta (и *-na) суффиксом *-ka (в ж.р. также *-kā и *-čǐ), в разные периоды по разным восточноиранским языкам, прослеживаются практически почти всюду в виде причастий и перф. основ, ср. их рефлексы в виде образований на *-takah (м.р.), *-takā или *-tačǐ (ж.р.), *-takāh (мн.ч.): в согд. с суф. [-e], ягн. -a, осет. -æg, ишк. -u/ůk, язг. -á(g), вах. -k <*-aka. В мундж. и шугн.-руш. группе они сохраняют словоизменение: мдж. м.р. -əy <*-akah, ж.р. -ə́ya <*-akā (мн.ч. - именное); шугн.-руш. в ед.ч.: м.р. -č, -ǰ (с нейтральной огласовкой основы) <*-akah, ж.р. -c, -ʒ (с i-умлаутной перегласовкой) < *-ačǐ, мн.ч. -č, -ǰ (с a-умлаутной перегласовкой) < *-akāh. В пашто имеется показатель м.р. ед.ч. -ə́lay <*-(a)takah (формы ж.р. и мн.ч. построены по именному типу).

Отмечено много более поздних причастий, в которых поздние суффиксы присоединяются к рефлексам древних *-ta, *-na, *-ua или ко вторичному *-taka. В основном это продолжения древних суффиксов прилагательных типа *-ana, *-ina, *-aina и т.п., а также поздних суффиксов -ka, -čǐ и др., включая заимствованные. Ср., например, пашто -unkay (для ряда глаголов, см. lidúnkay 'видящий'), ишк. -í (tůydůkí 'ушедший'), вах. -əng из прич. *-na + ka; -in - суф. прилаг. (и дееприч. на -og/ǰ: nowшzdoǰ 'не умывшись', - из вторичного *-āčǐ ?); мдж. -əyá, возможно, результат *-ka + ka (ср. nyóstəy 'севший' - прич. I на *-taka ~ nyostəyá - прич. II), формы ж.р. и мн.ч. - более поздние (ср. ж.р. nyāstəyáya <*kā + kā, мн.ч. именного типа на -i); ср. йд. -o (ɣurdo 'схватить'). В шугн.-руш. группе поздние причастия образуются от рефлексов вторичных причастий на *-taka; характерны: I) с суф. ш.р.х.рош. -in, б. -ɨn, с. -enǰ, с сохранением рода и числа (кроме сар.), ср. б. tūyǰin (м.), taycīn (ж.), tōyǰīn (мн.) 'ушедший'; 2) с суф. -ak, включая лексикализованные (б. tawǰák 'стружка'). В язг. выступают поздние прич. на -ín (nistagín 'сидящий', ǎədagín 'ушедший'), в ягн. употребляется заимствованный тадж. суф. -gí (vastagí 'связанный').

В современных причастиях от основ наст. вр. (исторически - от презентных) - больший удельный вес новых образований; древние причастия этой группы прослеживаются чаще в лексикализованных формах имен и в составе глаг. форм. Из старых причастий этой группы отмечаются:

I. Активные прич. на *-(a)nt от през. основ, ср. хс. -andä (hwarandä 'едящий') и вторичные: м.р. -andai <*-antakah (hūsandai 'спя-

щий'), ж.р. -aṃca, -aṃkya <*-antači, -ki (hūsaṃkya 'спящая', tsyṃaṃce 'идущая'), а также согд. [-ande] < *-ant + aka (ставшие прилагательными).

2. Медиальные прич. на *-ə̃na, выявляемые в большем количестве языков. Зафиксированы в хотаносак. - в виде прич. с суф. -ānä (dāyānä 'видимый') и герундивов на -āña <*-āna + i̯ā (haurāña 'давать'), -ña < *(a)na + i̯ā (tsuña 'идти'), -āñu <*āna + i̯am (niyāñu 'сидеть') и др. В согд. отмечены прич. с суф. [-(ə)ne] <*-ana + ka ([niɣōšne] 'слушающий'), [-ān] <*-āna (будд. [nāvānd] 'спящие'), [-āne] <*-āna + ka (будд. [vrawazāne] 'летящий'). Возможно, сюда же относится начальная часть суф. пашто -unkai, образующего прич. от осн. наст. вр. в части глаголов (kawúnkay 'делающий'; другая часть глаголов образует аналогичные причастия от прош. основы - рефлекса прич. на *-ta, см. выше), и ягнобский -na (šáwna 'собирающийся идти', kárna 'собирающийся делать' - последнее, возможно, из *kr̥nau-ana) - при контаминации с прич. прош. вр. на *-na и именем действия с этим же суффиксом. Не исключено продолжение того же прототипа в непродуктивном язг. -on (waɣón 'плаксивый' от waɣ- 'плакать') и в лексикализованных образованиях (δiyán 'дождь'). К прич. на *-ana восходят также причастия в языках шугн.-руш. группы, различающие род огласовкой суффикса: м.р. - ш. -ín, р. -ón, б. рош. -ön <*-ána, ж.р. - ш.р.б.рош. -ān <*-ánā (б. nawön - ж.р. nawān 'плаксивый'; б. δaδön, ш. бадж. δāδín, рош. dayön - м.р., б. δaδān, ш. бадж. δāδān, рош. dayān - ж.р. 'драчливый'); сходные прототипы у вах. образований с суф. -onc (nɨwonc 'плакса'), ягн. -on <*-āna, осет. -æn <*-ana.

Образования с рефлексами суф. *-(a)i̯a отмечены в согд. (в прич. с наращением -k: согд. [-ēk/-īk] <*-(a)i̯a + ka, ср. [šawēk] 'идущий'), хотаносак. (в герундивах типа hverä <*x^{v}āri̯ah).

Из более поздних характерны причастия с суф. -k и -č (из первичных или вторичных *-ka, *-āka, *-aka, *-čǐ и т.п.), присоединяемыми к основе либо первичному суффиксу. К ним относятся причастия и имена деятеля в разных языках: согд. с суф. [-ēk/-īk] <*-(a)i̯a + ka, см. выше; вах. с суф. -onc <*-āna + čǐ; ишк. с суф. -ůkьz (в именах типа dešůkьz 'доярка'), вах. -akɨzg (о соответствующем суф. -čōz в шугн. см. ниже) и др. Характерны также осет. -æg <*-aka (прич. означает нахождение в состоянии действия, а также имя деятеля, типа fyssæg 'писатель'), -ag <*-āka (указывает на постоянное качество: tærsag 'пугливый'), -inag (со значением намерения). Сюда же относятся имена деятеля на -äkä в хотаносак. и прич. долженствования на [-ǐ] в согд., прич. в шугн.-руш. группе с суф. ш. -íǰ, р. -óǰ, б. рош. -öǰ <*-aka; в шугн. оно является и именем деятеля (ǰōzíǰ 'бегущий, бегун'), в остальных - прич. намерения и предназначенности (б. sawöǰ 'намеревающийся идти'; panizöǰ 'одежда'); форма ж.р. этого причастия имеет рефлекс суф. *-áčǐ: ш. -íʒ, х. -ǽʒ, р. -ēʒ,

-ēc, б.рош. -ēz, с. -ez. В язг. им соответствует -ág (pəxság 'сонный, желающий спать', n(ə)yaság 'рукоятка', ср. nəyas- 'брать, хватать'), ж.р. -eǰ, -eč. К *-āka восходят соответственно язг. -ek (причастие намерения и имя деятеля и орудия), б. рош. -ōč, р. -ūč/ǰ (ж.р. б.р.рош. -ēz<*-āči). Поздний суф. k отражается обычно как -k. Ягн. -ki в дееприч. (kárki 'делая', róyki 'плача') может быть отражением как суф. *-k-, так и суффигированной усеченной формы гл. *kar- 'делать'. Осет. -gæ (ducgæ 'дойная') используемый также в отлож. падеже в контекстах долженствования и пр., очевидно, суффиксального происхождения.

Причастно-деепричастная (и именная) форма с суф. ш.б. -ūrm, рош. -urm, язг. -arm (ср. б. talābūrm, язг. təlabarm 'ища') надежной этимологии не имеет (ср. др.-инд. абсолютивы на -am ?).

Наблюдаются также новые причастия, образуемые от инфинитивов. Обычно обозначают "намеревающийся что-либо сделать" или являются именами деятеля. Суффиксы по языкам различны. Сюда относятся в пашто прич. на -āy (kawəlāy от kawəl 'делать'), в шугн.-руш. группе прич. от инфин. основ: I) с суф. ш. -mēǰ, р. рош. -mīǰ, с. -mɛyǰ, р. также -manīǰ - со значением намерения от *√man-, ср. хор. mnc, см. с.125 (ш. nīstmēǰ, р. nēstmīǰ, nēstmanīǰ 'собирающийся остаться', об этимологии суф. см. также [Эдельман, 1987I, 332]); 2) с суф. ш. -čōz, с. -iǰuz - со значением деятеля (ш. wizēnčūz<*wizēntiǰōz) и др. Их функции производны от функций инфинитива.

Употребление причастий в аналитических конструкциях с разными видо-временными и модальными характеристиками существенно дополняет личную парадигму глагола. Выражение залоговых отношений почти целиком базируется на причастиях - на тех из них, которые являются пассивными в каждом данном языке для переходного глагола (см. выше).

Инфинитивы, герундивы, имена действия и др.

Инфинитивы продолжают древние имена действия и более поздние образования. Продолжения древних форм наблюдаются в хотаносак.: с показателями -ä, -i<*-ai (застывший дат. от глагольных корней и основ, типа yanä< *rnuai 'делать', tsei<*čiauai 'идти'), -te < *-tai ? *-taiai ? (tsute 'идти'), -tanu < акк. *-tanam, -āna (pyūsāna 'слышать') и в муртукском - -tanäya<*-tanai + вторичный показатель (pātanäya 'хранить'). В согд. отмечаются инфинитивы от през. основ с нулевым показателем (при тяжелых основах) и с [-e] (при легких), возможно, из *-ai (дат. показатель при през. основе), а также формы на [-t] и [-te], связанные с распространением *-ai на причастия, либо происходящие от имен действия на *-tai : -ti. Соответственно в ягн. в качестве инфинитива выступает либо чистая основа (продолжение первого типа согд. инфинитива), либо позднее образование от основы суффиксом -ak.

В пашто инфинитивы с показателем -ál (kawál/krạl 'делать') продолжают имена действия на *-tai : ti или построены по их типу. В мундж. инфинитив представлен рефлексом имени на *-ti + показатель -o; в йидга - инфин.на -tan - косв.п. от имени на *-ta или *-ti. В осет. инфинитив состоит из през. основы и суф. -yn/-un <*-u̯anai ? (ср. kusyn/kosun 'работать'), близко к нему по значению отглагольное имя на -æn <*-ana (cæwæn <*√čiau- 'идти'). Имя действия с рефлексом *-(a)na отмечается также в ряде глаголов в ваханском. Древнее имя действия на *-ti прослеживается в краткой форме инфинитива (= инфинитивной основе) в шугн.-руш. группе, представлено в виде основ на -t, -d с i-умлаутной перегласовкой корня; полная форма инфинитива выступает здесь с суф. ш.р.х.рош. -ōw, б. -ō(w), с. -ɛw (из суф. собирательности *-ə̯u̯ă ?), ср. ш. tīd(ōw), р. tayd(ōw), х. tiyd-(ōw), б. tayd(ō(w)), рош. tayd(ōw), tīd(ōw), с. tid(ɛw) 'идти, уходить, уход' <*√tak-.

Поздние имена действия и инфинитивы от основ наст. вр. с рефлексами суф. *-(a)ka, *-(a)či и т.п., присоединяемых в разные эпохи, выступают в ишк. (суф. -u/ůk <*-aka: wenůk 'видеть'), вах. (-ak < *-akă, -ык <*-āka: ыfak, ыfык 'ткать'), язг. (-áǰ <*-ačі: x°aráǰ 'есть'), шугн.-руш. группе (-íg из безударного *-ačі: р. xarígˇ 'еда, есть'; -ák, присоединяемый к инфин.: б. zibidak/zibidōwak 'прыжок, прыганье'), ягн. (-ak <*-aka: vówak 'приходить').

Во многих языках инфинитивы и имена действия, кроме именных функций, имеют и глагольные, употребляясь в оборотах возможности, желания, долженствования, приступа к действию и т.п., пополняя видо-временную и особенно модальную систему глагола. В единичных языках используются также в пассивных конструкциях (см. выше).

Имя

Парадигмы именных частей речи, начавшие "свертывание" уже в языках древних памятников, продолжают в последующие периоды эту тенденцию: уменьшается количество древних падежных форм; продолжающаяся тематизация нивелирует былое многообразие парадигм; происходит частичная унификация именного и местоименного склонения, хотя в целом местоимения хранят относительно архаичную парадигму, выявляя в ряде языков рудименты либо большего числа падежей, чем существительные и прилагательные, либо их более древнее происхождение (там, где падежи других имен инновационны). В некоторых языках местоимения сохраняют минимум падежей, в то время как существительные и прилагательные уже неизменяемы. Свертывание именного словоизменения приводит, помимо прочего, к трудности разграничения существительных, прилагательных и наречий, особенно в языках, где в именах падежная парадигма утрачена или сведена до минимума, а категория рода не выражена. В языках, где сохраняется падежная система, она может быть единой для существи-

тельных и прилагательных, тогда их формальное различие сводится к закрепленности рода в качестве лексической категории у существительных и к его словоизменительному характеру у прилагательных. В отдельных языках, при наличии падежной парадигмы у существительных, прилагательные неизменяемы. В связи со сказанным, здесь, как и в I главе, существительные и прилагательные рассматриваются параллельно. Отдельно представлено лишь выражение степеней сравнения и интенсивности качества, которые свойственны главным образом прилагательным (реже наречиям и в единичных случаях - существительным) и являются средствами больше слово-, чем формообразования. Наречия даются вместе с предлогами и послелогами, связанными с ними происхождением.

Существительные и прилагательные

Парадигмы существительных и прилагательных большинства языков в разной степени сохраняют древние категории падежа и числа (реже - рода), однако материальная преемственность показателей наблюдается не во всех формах даже наиболее архаичных систем согдийского и хотаносакского языков.

Изменения древних флективных форм

Наиболее общими формальными процессами здесь, как и в глаголе, были тематизация основ и перераспределение элементов словоформы с отнесением тематической гласной (первичной и вторичной) к окончанию, однако протекали они, как и другие процессы, неодинаково по языкам.

В согдийском языке парадигма существительных и прилагательных отчасти сохраняет зависимость от категории рода (хотя принципиально уже различие "легких"/"тяжелых" основ). М. и ж.р. различаются типами основ и окончаний (ср.р. выявляется рудиментарно, в склонении сущ. [δatu] 'зверь' с ном. и акк. ед.ч. на [-u]<*-am). Род существительного выражается также соотнесенностью с родом артикля, местоимения и прилагательного. Наблюдается, однако, тенденция к затуханию этой категории: имена с тяж. основами рода уже не выявляют; в ряде случаев при существительных ж.р. выступают прилагательные м.р.: очевидно, форма м.р. становится постепенно "общей"; отмечаются случаи "смешения" родовых форм артиклей. Вероятно, к периоду ранних памятников категория рода уже в значительной мере формальна; к поздним памятникам затухание ее очевидно.

В соотношении между основами имен и их парадигмами наблюдаются результаты действия раннесогд. "ритмического закона", согласно которому окончания (или их вокалический компонент) редуцировались после тяжелых основ и сохранялись после легких. Это указывает на наличие здесь, как и в глаголе, до определенного периода подвижного ударения, которое закреплялось на флексии, если основа была легкой, и на осно-

ве, если она была тяжелой. В последнем случае в дальнейшем происходила утрата заударной флексии – в условиях развития других способов выражения отношений имен (см. ниже). При этом легкость/тяжесть основы определялась не только фонологическим составом представлявшего ее слога (краткостью/долготой гласного, закрытостью одним или более согласными и т.п.), но и структурой основы в целом: многосложная основа выступала как тяжелая, и тем самым легкая основа, став второй частью композита, вела себя как морфологически тяжелая. Таким образом, закрепление древнего разноместного ударения проходило в раннесогд. на сложном и различно трактуемом фонетическом и морфологическом фоне, ср.: [GMS, 72 сл.; Sims-Williams, 1984, 206 сл.].

К периоду создания согдийских памятников налицо были также результаты и последующего выравнивания склонения – с проникновением окончаний из "легких" парадигм в "тяжелые" и из одной "легкой" в другую [GMS, 74-75; Henning, 1958, 107-108; Лившиц, Хромов, 1981, 417 сл.]. В итоге продолжение согдийскими именными парадигмами древних далеко не всегда было "прямым".

Основы имен м.р. продолжают в целом древние: а) тематические м. и ср.р. (ман. pδ- <*pad(a)- 'след' ср.р., согд. 'sp-, хр. 'sp-, sp- <*aspa- 'лошадь, конь' м.р.); б) корневые и с исходом на *-ah, *-n, *-r, *-u, *-i. Основы ж.р. продолжают древние на *-ā, *-ī, *-i, *-ū, корневые и суффиксальные (согд. 'γšp-, ман. 'xšp-, xšp- < *xšap- 'ночь', согд., ман. ''p-, хр. 'b- <*āp- 'вода'). Имеется большое количество вторичных суффиксальных основ, из которых наиболее важны для определенных парадигм: с суф. [-e] < *-aka м.р., с суф. [-ā] < *-ākā ж.р., с суф. [-č] и другими суффиксами с [-č] ([-ēnč, -īč, -čā]) ж.р., а также с суф. абстрактности [-yā] ж.р. Происхождение суф. [-č, -čā] трактуется неоднозначно, ср. возведение его к *-ikā [GMS, 39] и к *-čī [Morgenstierne, 1973$_1$, 103-104].

В наиболее архаичном виде имена с легкими основами имели одну парадигму для м.р. (продолжавшую в целом древнюю тематическую) и две парадигмы ж.р. (продолжавшие склонение на *-ā и фрагменты склонения на *-ū); имена с тяжелыми основами – единую для м. и ж.р., обычно с вторичными окончаниями; вторичные парадигмы характерны для основ м.р. на [-e] и ж.р. на [-ā], подробнее: [GMS, 177 сл.; Лившиц, Хромов, 1981, 421 сл.].

Наиболее старые для согдийского языка окончания имен м.р. с легкими основами продолжают древние тем.: в ед.ч. ном. [-i] < *-ah, акк. [-u] <*-am, ген.-дат. [-ī] <*-ē <*-ahia, абл.-инстр. [-ā] < *-āt, *-ā, лок. [-yā] < лок. *-ai (при частичной контаминации с абл.-инстр. ?), вок. [-a] < *-a (ср. парадигму [vaγ-] 'бог': [vaγi, vaγu, vaγī, vaγā, *vaγyā, vaγa], ср. [Tedesco, 1926, 125; Лившиц, Хромов, 1981, 422]). Впоследствии эта парадигма в диалектах поэтапно свертывается до трех падежей (ном., косв., вок., где косв.п.

продолжает древний ген.: [-ī]<*-ahi̯a), см. [Tedesco, 1926, 124 сл.; ОИТИИЯ, II, 146; Лившиц, Хромов, 1981, 427-428].

Во мн.ч. падежей меньше даже в "архаичной" системе, и они в основном вторичны: ном.-акк. (или прям.) с окончаниями: 1) [-tā] - из суф. абстрактности ж.р. *-tā [Tedesco, 1926, 151] или собирательности ср.р. *-tu̯a, *-ʃu̯a [Gauthiot, 1916$_4$, 75] (через этапы *tf> t [Боголюбов, 1956, 15]), аналогичный показателю -t в осет. и ягн.; 2) [-išt] - из суф. собирательности, абстрактности -iš, -išt (ср. вах. -išt, кл. перс. -išn, -iš и др.), об этимологии обоих см. также [Geiger, 1898$_3$, 314; Gauthiot, 1916$_4$, 73-76; Фрейман, 1925, 401; Tedesco, 1926, 149; EGS, II, 79-80; Боголюбов, 1956, 15; ОИТИИЯ, II, 210-211; Лившиц, Хромов, 1981, 425], иначе: [Sims-Williams, 1979, 337-338]; 3) [-ā]<*-āh или *-ahāh ?; 4) [-yā] - из суф. абстрактности? Окончания косв.п. [-tyā, -ištī] агглютинативны, представляют сочетания показателей: суф. мн.ч. + косв.п. ед.ч.; показатель [-ān(u)] <*-ānam из ген. мн.ч. *-ānām. Ср. парадигму мн.ч.[vaɣišt, vaɣā; vaɣištī, vaɣān(u)]. Для раннесогд. восстанавливается также один из косв.п. мн. числа на [-ev] - из дат.-абл. *-aibi̯ah или инстр. *-aibiš, зафиксированный в застывших формах, ставших топонимами в верховьях Зеравшана и в Ягнобе [Хромов, 1968, 88; ОИТИИЯ, II, 207] (ср. аналогичный топоформант на Западном Памире, см. с.164, 166).

Парадигма имен ж.р., продолжавшая склонение на *-ā: в ед.ч. ном. [-ā]< *-ā, акк. [-u] из парадигмы м.р.,[-ā] из акк. *-ām; косв. п. [-yā] из абл. или ген. на *-āi̯āh, вок. -a из м.р. (ср. вед. вок. -e < *-ai имен на *-ā); во мн.ч. показатели ном.-акк. [-tā], косв. [-tyā] - вторичны, как в м.р.; косв. [-ān] из ген. *-ānām. Ср. парадигму [wan=] 'дерево': ед.ч. [wanā, wanu, wanā; wanyā], мн.ч. [wandā, wandyā].

Парадигма имен ж.р., продолжавшая склонение на *-ū, в большинстве форм (кроме ном., или прям.п. ед.ч.) вторична - по типу склонения имен на *-a и на *-ā: в ед.ч. прям.п. [-ū]<*-ū или *-ūš, но [-i] по типу м.р.; косв.п. [-yā] - по типу имен на *-ā; вок. [-a] по типу м.р.; во мн.ч. прям.п.[-išt] и косв.п. [-ištī] - по типу м.р. Ср. [waδu-] 'жена': ед.ч.[waδū, wuδi; waδwyā, wuδyā; *waδwa]; мн.ч. [wuδišt, wəδišt; *wəδištī]. О формах, которые могут продолжать склонение на *-ī см. также: [Sims-Williams, 1979].

Таким образом, даже имена с легкими основами выявляют тенденцию к унификации парадигм, причем имена ж.р. заимствуют окончания из парадигмы м.р. на *-a. Эта унификация - результат не фонетических тенденций, поскольку имена ж.р. на *-ā, *-ū в древности имели неподвижное ударение на исходе основы [ср. Елизаренкова, 1982, 212-213, 227-228], а ударные *-ā, *-ū не могли редуцироваться автоматически.

Очевидно, в связи с затуханием категории рода парадигма м.р. становилась постепенно общей. У имен с тяжелой основой уже ко времени

написания памятников род не различается. Вторичная (в основном) парадигма состоит из трех падежей: прям., косв., вок. В ед.ч. прям.п. представлен чистой основой, окончания косв.п. [-ī], вок. [-a] - из парадигмы легких основ м.р. на *-a. Во мн.ч. прям.п. имеет показатель [-t] < *-tā, в косв.п. к нему наращивается [-ī] по вторичной аглютинативной модели.

Характерна форма на [-ā](-') у имен при числительных (наряду с обычными пад. формами ед. и мн.ч.), продолжающая, возможно, древний ном.-акк. дв.ч. и распространившаяся на сочетания с числительными больше "двух" [Sims-Williams, 1979, 339-342; 1982, 68].

Сворачивание парадигмы существительных усугубилось выражением падежа имени падежной формой артикля, случаями групповой флексии, развитием предложно-послеложной системы и др. синтаксических средств [подробнее: Кауфман, 1956, 486 сл.; ОИТИИЯ, II, 144-150].

Парадигма прилагательных оказалась еще более уязвимой: для мн. числа их косв.п. в языках памятников практически был избыточным: при существительном в косв.п. прилагательное могло ставиться в прямом. Не обязательной оказалась в ряде случаев и форма мн.ч., отмечены и колебания в роде. Так прилагательные постепенно утрачивают словоизменение не только в роли определения, но и в предикативной функции.

Подробнее об именной парадигме и ее истории см.: [Tedesco, 1926; EGS, II, 72 сл.; GMS, 177 сл.; Кауфман, 1956; ОИТИИЯ, II, 51-57, 144-150, 210-211; Лившиц, Хромов, 1981, 417 сл.; Sims-Williams, 1979; 1982; 1984].

В ягнобском языке продолжается в целом парадигма позднего согдийского в еще более сжатом виде. Категория рода утрачена полностью, а система падежей сведена к двум: прям. и косв. В ед.ч. прям.п. представлен чистой основой (т.е. продолжением согд. ном. с отпадением конечной гласной), косв.п. имеет показатели -i, -y < согд. [-ī] < *-ē < ген. *-ahia (со стяжением в вост. говоре -a основы + y > e, ср. žúta < *žataka-'сын' - косв.п. зап. žútay, вост. žúte). Во мн.ч. прям.п. образован показателем мн.ч. -t < согд. [-t] (см. выше), косв. п., как в согд., агглютинативен: -t + i. Ср. формы kat < *kata-'дом': ед.ч. kat, káti, мн.ч. katt, kátti. При числительных употребляется форма на -i, возможно, из ген. дв.ч. (tiray ɣówi '3 коровы'), совпавшего с косв.п. ед.ч. [Sims-Williams, 1979, 339-342].

Тем самым ягн. парадигма продолжает позднесогдийскую, унифицированную по "тяжелому" типу. Частично отличаются функции падежей: в частности, косв.п. употребляется, помимо других функций, в роли субъекта эрг. конструкции при перфекте перех. глаголов и субъекта инфинитивных оборотов со значением действия данного момента (очевидно, из определительных сочетаний), см. Rahmoni ɣórak oy 'Рахмон смотрел'. Прилагательные стали полностью неизменяемыми, как наречия. Подробнее: [Боголюбов, 1956, 15-16; 1966, 346-347; Хромов, 1972, 17-20; 1987, 662-665].

Хорезмийская именная система выявлена фрагментарно. Категория рода в существительных выражена слабо, как в согдийском. Выявляется в падежных окончаниях, артиклях (см. с. 173), в соотнесении с указ. местоимениями (см. с. 219).

Основные падежные показатели: в ед.ч. м.р. прям. (или ном.-акк.) -∅ <*-ah, ген.-посесс. -ān - из послелога принадлежности в сочетании с исходом основы (*-a + ana или anu, ср. мдж. -ān, йд. -an, -ɛn и др.), либо из словообразующего суф. прилагательного *-nā или *-ana; лок.-абл. -a - из абл. *-āt или инстр. *-ā (ср. δvar 'дверь' - δvar, δvarān, δvara); ж.р. прям. (ном.) -a <*-ā, косв. (ген.-абл.) -iya из ген. *-āi̯āh, инстр. *-ai̯ā или абл. *-āi̯āt; лок. -a, как в м.р. Во мн.ч. отмечены показатели: а) -(ǐ)na (ср. p'δ 'нога' - мн. p'δn; δy 'женщина' - δyn) - из ген. мн.ч. *-ănām или (для основ на *-i) *-inām, б) -i, который не всегда отражается в графике (ср. 'mɣ 'птица, птицы') и становится отчетливым лишь перед энкл. ('y pnyh 'его перья'), а также в склонении имен на -k. Имена на -k обоих родов во мн.ч., а имена ж.р. также и в ген. ед.ч., заменяют k на c (через этапы *-ki> *-ǩi> -ci), ср. ɣwk [ɣǒk] 'корова' - ген. ɣwc (c <-k + iya), z'd(y)k 'сын' - мн. z'dyc, snk 'камень' - мн. snc, zānūk 'колено' - мн. zānūci и т.п. Отмечается ряд других фонетических изменений основ в косв. падежах и во мн.ч. (переход t > c перед i: δst 'рука' - мн. δscn и др.). Прилагательные имеют, по-видимому, ущербное словоизменение. Отмечены формы мн.ч. при существительных мн.ч. (r'c wdncy 'старые вены'). Подробнее: [Henning, 1936, 6 сл.; 1955$_I$, 10-11; 1955$_2$, 46; Фрейман, 1951; Боголюбов, 1962$_I$, 15; Молчанова, 1978, 85-87].

Падежные функции имен уточняются не только системой предлогов и послелогов и местом в предложении, как в других языках, но и характерными, особенно для хорезмийского, пролептическими конструкциями и большим количеством приглагольных конкретизаторов (энклитик объекта, поствербов и т.д.), которые проясняют контекст и тем самым синтаксические функции имен (например, p'cnwdyw 'y wž fnknc '[он] вдел-ее-туда, нитку [прям.п. с артиклем] в-иголку [косв.п. без артикля]' [Боголюбов, 1965, 11]), а также повторами предлогов и артиклей при определяемом и определении. Очевидно, сами падежные формы уже ощущались как недостаточные для выражения синтаксических отношений имен.

Фрагменты системы скифского языка содержат окончания ед.ч. ном.-а (тем. гласную), -i, -u и согласный исход основ для раннего состояния. Начиная с I-III вв. н.э. тематические гласные утрачиваются. В ряде сложных имен первая основа сохраняет -i <*-hi̯a ген. ед.ч. (Sangibanus 'руки сила'). Выявляется и показатель -ta в племенных названиях, обозначающий собирательность и множественность и продолжающий древние суффиксы (ср. с. 149, 150, 152). Подробнее: [Абаев, 1979, 336-341].

В осетинском языке категория рода утрачена. Древняя парадигма трансформировалась не только материально, но и структурно, перестроившись по агглютинативному типу (падежные показатели мн.ч. представляют сочетания суф. мн.ч. с падежными окончаниями ед.ч.) и пополнившись новыми падежами послеложного происхождения. Эта трансформация связана с воздействием многопадежной субстратной системы [Абаев, I956, 68]. Мн.ч. выражается показателем -t (для им.п. -tæ) из суф. собирательности ср.р. *-tua или абстрактности ж.р. *-tā, как в согд. и ягн. (см. выше), - через ступень *-ta, прослеживаемую в скиф. В ряде имен при присоединении суф. -t, -tæ между ним и основой наблюдается -y/-i, которое в одних случаях является вставным (напр. после группы согласных), в других этимологически оправдано, если принять мнение Р.Билмайера о продолжении в нем древнего атем. показателя ном. мн.ч. *-ah и о том, что *-ta присоединялся здесь не к основе, как в согд., а к старой форме ном. мн.ч. на *-ah. При такой трактовке суф. -(d)æl во мн.ч. терминов родства (ср. fyd/fidæ 'отец' - мн. fydæltæ/fidæltæ 'предки', ærvad/ærvadæ 'брат, родственник' - мн. ærvadæltæ) предстает как продолжение *-tar + i<*-tar + ah, а именная форма на -y/-i при числительных (ср. ирон. dæs bony 'I0 дней') - как восходящая не к ген. ед.ч., а к рудиментам ном. мн.ч. [Bielmeier, 1982], хотя надежные примеры перехода ир. *-ah > осет. -y/-i отсутствуют (ср. окончание им.п. ед.ч. осет. -Ø/-Ø, -æ < ир. *-ah, см. ниже). Не исключено и продолжение в форме на -y/-i при числительных древнего ген. дв.ч., распространившегося позднее на сочетания с различными числительными и совпавшего с род.п. ед.ч., как в ягнобском или русском языках [Sims-Williams, 1979, 342].

Окончания падежей различны по происхождению. Часть продолжает древние тем. окончания имен м.р. Им.п. -Ø/-Ø, -æ < ном. *-ah. Род.п. -y/-i из ген. *-ahia, либо из суф. относительных существительных и прилагательных *-ia, *-iia (менее вероятно и фонетически и семантически - относ. местоимение в ном. ед.ч. м.р. *iah, [ср. Bielmeier, 1982, 67]). Оруд.-отлож. п. -æj может продолжать ген. *-ahia - через этап функционирования его как косв.п. с широкими функциями. Местный внутр.п., совпадающий по форме с род.п., может либо продолжать тем. лок. на *-ai, либо представлять новое образование по аналогии с местоименным склонением, где -i - из лок. личных местоимений или из ген. энклитик (ср. *hai). К результату воздействия местоименной парадигмы на именную относят также окончание дат.п. -æn - из дат. указ. мест. *ahmai (от *a-) - с переходом попавшей в ауслаут *m в n [Миллер, I962, 78] (хотя не исключено и послеложное происхождение -æn: ср. послелоги и происходящие от них падежные показатели посессивности в памирских языках, хотаносак. и хор.) - и направит.п. -mæ, мн.ч. -t-æm, также связанный с дат. *ahmai или лок. *ahmi -

с наращением в раннеосет. -æ, сохранившим звучание m [подробнее: Миллер, I962, 80]. В окончании местного внеш.п. -yl, -wyl/-bæl продолжается послелог – из наречия *upari 'вместе'. Уподобительный п., употребляемый обстоятельственно, имеет показатель -aw < лок. *-āu ? Падежами прям. объекта являются род. и им., в зависимости от категории лица/нелица, что сближает осетинский со славянскими языками. Отмеченный в XIX в. в староиронском зват.п.: o fydæl Abraame! 'о отец Авраам!' [Bielmeier, 1982, 58-59], – позднее искусственное образование от мн.ч. fydæltæ 'предки' (от fyd 'отец'). Падежная система дополняется (и пополняется) послелогами. Подробнее об истории падежей: [Миллер, I962, 73, 83; ОЯФ, 99-I02, I29-I37 и др.; Абаев, I962, 507 сл.; I965$_{I}$, 68-79; Исаев, I966, 34-43; I987, 583-588; Bielmeier, 1982].

Из языков южной подгруппы наиболее архаичную именную систему имеет хотаносакский. Здесь в ранний период сохраняются м.р., ж.р. и рудименты ср.р. (в единичных лексемах), ед.ч., мн.ч. и рудименты дв.ч. Основы делятся на классы, за которыми закреплены определенные парадигмы. Сохраняется шесть падежей (из них вок. засвидетельствован не для всех парадигм). В атем. типах склонения древний аблаут уже утрачен.

Наиболее характерны классы, содержащие следующие основы: I) первичные, продолжающие древние: а) тематические и тематизированные в раннюю эпоху (dāta- 'закон'), б) на *-ā (ж.р.: hīna- <*hainā- 'армия'), в) на *-i, *-ī (совпавшие парадигмы, ср. hälsti- <*arštі- 'копье', nāri <*nārī- 'жена'), г) на дифтонг (в одном слове: nau< *nau- 'лодка'); д) на *-nt, е) на *-r (термины родства, напр. māta- 'мать')[I6]; ж) ряд классов на *-n (nāman- 'имя', śvān(a)- 'собака, пёс'), з) класс на *-h (ysare <*źarāh 'старый'); 2) вторичные на -aa <*-aka, -aā <*-akā (с разными ударениями) и другие суф., подвергшиеся стяжению уже в ранних памятниках. Падежи продолжают в основном древние – при совпадении ген. с дат. и инстр. с абл. В основах на *-i, *-ī и в ряде форм от других основ, где древние окончания содержали *i, *i̯, гласные основы подвергаются i-умлауту.

Наиболее полно представлена тем. парадигма: выявляются окончания: в ед.ч. м.р. ном. -i, -ä <*-ah, вок. -a <*-a, акк. -u <*-am (он же – ном. для единичных имен ср.р.), ген.-дат. -i, -ä <*-ahia, инстр.-абл. -äna, -ina, -ena <*-aina, лок. -ä, -o, -i̯a, -a <*-ai̯ā; во мн.ч.: ном.-акк. -a <*-āh, вок. -yau – из инстр.-абл. (аналогичное использование одного из косв.п. в качестве вок. встречается и в неиранских языках региона); ген.-дат. -ānu <*-ānam <*-ǎnām; инстр.-абл. -yau, -yo (+ jsa <*hača) – контаминация *-aibiš и

[I6] Древние основы на *-r/n отразили исход в виде продолжения сочетания *-rn-> -rr- [Emmerick, 1980].

*-aibi̯ah с промежуточной формой *-aib′ > *-aiv′; лок. -uṣo′, -uvo′ < *-aiw̌u + ām [SGS, 270].

В склонении на *-ā (ж.р.) большая часть падежных форм вторична: в ед.ч. ном. -a < *-ā, но -ä – под воздействием имен на *-ī̆; акк. -a, -ä по аналогии с ном., -u по типу м.р., -o < *-ām; ген.-дат. -^{i}e < *-āi̯āh; -^{i}a, -ä, -i – вторичны; инстр.-абл. -$^{(i)}$e(+ jsa), -$^{(i)}$a(+ jsa) < *-āi̯ā (+ haǩa – послелог), лок. -$^{(i)}$a, -^{i}e < *-āi̯ā; во мн.ч. ном.-акк. -e, -ä – из *-āh с изменениями по аналогии с именами на *-ī̆, остальные падежи – из парадигмы имен на *-a. В склонении на *-i продолжаются в целом древние окончания парадигм на *-i, *-ī: в ед.ч. ном. -ä < *-ī̆ или *-iš̌, акк. -^{i}u < *-i̯am, ген.-дат. -^{i}a, -^{i}e < *-i̯ah и т.д., подробнее: [SGS, 290-294]; возведение показателя ном.-акк. мн.ч. -^{i}e к ир. *-i̯āh < и.-е. *-i̯ās/-i̯es см. также в [Sims-Williams, 1979, 346]. В поздних документах наблюдается стяжение падежных форм, уменьшение количества падежей и унификация парадигм по типу продолжающих классы с *-a, *-ā.

Система падежей дополняется системой послелогов и предлогов, а также, особенно в поздних текстах, способом построения посесс. конструкций, где определение, оформленное первоначально ген., уточнялось дополнительно местоимением "свой" (rrundä hīvī parau ‘царя свой [собственный] приказ’) [Konow, 1949, 33]. Подробнее об именной парадигме и ее истории: [Konow, 1932, 40-47; 1949, 33-40; SGS, 249-349; Герценберг, 1981, 250-265].

Фрагменты бактрийского языка зафиксировали, по-видимому, двухпадежную систему: прям. и косв.п. Показатели: в ед.ч. прям. -o < *-ah, *-ā̆ (и возможно, из других окончаний), косв. -i < ген. *-ahi̯a, во мн.ч. прям. -e < *-āh, косв. -ano < ген. *-ānām. Встречаются случаи групповой флексии. Дополняются эти формы различными синтаксическими средствами: препозицией определения определяемому, предлогами (с повторами предлога перед определением и определяемым) и артиклями [Стеблин-Каменский, 1981$_2$, 342-345], ср. [Mękarska, 1974, 160-161].

В пашто категория рода сократилась до двучленной – м. и ж.р., выявляется в именном склонении, у существительных также синтаксически – соотнесением с формами рода прилагательных, местоимений и глагола.

Прослеживаются древние основы: а) тематические или вторичные тематизированные м., реже ср.р. – в виде современных основ м.р. на согласный (maž < *maiša- м.р. ‘баран’); к ним примыкают осн. на *-i, *-u (ɣar < *gari- м.р. ‘гора’); б) основы ж.р. на *-ā первичные и вторичные – в виде современных ж.р. на -a (áspa < *aspā- ‘кобыла’, špa < *xšap + ā- ‘ночь’); к ним примыкают основы, получившие -a при генерализации парадигмы с *-ā для ж.р. (ṣ́ẓ-a < *strī-čī- ‘женщина’, wín-a < *wēn < *u̯ahunī- ‘кровь’ ж.р., óṣ́-a < *aśru- ‘слеза’, pán-a < *parna- ‘лист’ ср.р.); в) часть основ на *-ī ж.р. и др. – в виде

осн. ж.р. на согласную (bən<*hapatnī- ‘другая жена мужа’; rwaʒ < *rauča(h)- ‘день’); г) осн. на *-an – в виде осн. м.р. на -a<*-ā (ном. ед.ч.: melmá<*maiδmā, от *maiδman- ‘гость’), д) осн. на *-i̯a, *-i̯ah (включая сравн. степень прилаг.) – в виде имен м.р. на -ə (trə<*ptr̥u̯a- ‘дядя по отцу’, šə ‘хороший’ < śrai̯ah- ‘лучший’, lewə ‘волк’ < *dai̯u̯a-‘дэвовский’); е) основы терминов родства на *-tar – в виде имен на -or, -ur, где -r из осн. косв. падежей (plār ‘отец’<*pitaram акк.; wror ‘брат’<*brāδr- из инстр. *brāδrā или дат. *brāδrai; lur ‘дочь’<*duγδrai ?) и др.

Распространены вторичные основы с суф. *-aka, *-ika, *-uka, *-aki и т.п., ударными и безударными, ср. *-́aka > -́ay, *-áka> -áy м.р., *-́akī>-e, *-́kī > -əy ж.р. (через этап ударного и безударного *-ai, аналогично хотаносак.), и ряд других, включая поздние основы ж.р. от основ м.р. (напр., andiwā́l ‘друг’ – andiwā́la ‘подруга’). В соотношении основ (первичных и вторичных) м. и ж.р. немалую роль играло древнее разноместное ударение (ср. sur <*śukrá- ‘красный’ – ж.р. srá, wəč<*húška- ‘сухой’ – ж.р. wə́ča) [Дыбо, 1974]. Подробнее об истории основ см. [MacKenzie, 1987, 554-556].

Именная парадигма флективна; состоит из прям. и косв.п. ед. и мн.ч.; часть имен имеет вок.. Формы прям.п. мн.ч. различны для разных типов склонения (и иногда для отдельных имен внутри одного типа), колеблются по диалектам.

Имена м.р. на согласный и -ə, в основном неодушевленные, имеют показатель мн.ч. -úna: kor ‘дом’ – korúna, las ‘рука’ – lasúna. Г.Моргенстьерне возводит его к ав. -ə̊ŋhō [I942$_I$, 94-95], продолжавшему ном. мн.ч. м.р. тем. *-āhah, однако ав. -ŋ- перед h – авестийское явление, которое не повторялось в большинстве языков. По фонетическим и семантическим данным (учитывая неодушевленность денотатов большинства имен) здесь более уместен прототип ном.-акк. мн.ч. ср.р. *-ānі (от имен на *-an, *-a), *-ūni (от имен на *-u) с *ā> *a> u перед носовым и редукцией *-i. Не исключено вторичное наращение -a к более раннему *-ŭn по аналогии с косв.п. ед.ч. или с исходом показателя мн.ч. -una у имен, продолжающих древние на *-tar. Для некоторых одушевленных имен, в частности, терминов родства на *-tar, мн.ч. на -úna может продолжать ген. мн.ч.: plār ‘отец’ – plarúna (< *pitr̥nām), wror ‘брат’ – wruna < wrorúna (< *brātr̥nām), с последующей заменой огласовки форманта на -u- по аналогии с рассмотренными выше именами. Различия в падежах, продолженных в показателях мн.ч. для разных семантических групп, естественно для языка с оппозицией ном. и эрг. построений предложения: для имени неодуш. предмета, не совершающего целенаправленных действий, наиболее частым было употребление в роли субъекта неперех. глагола или объекта, т.е. в ном. или акк. Для названий одушевленных, особенно – людей, естественно употребление в роли субъекта неперех. и перех. глагола, т.е.

в ном. или ген. Впоследствии флексия ген. мн.ч. становится генерализующей для имен одуш. группы (аналогично перс. -ån и др.) - с уподоблением в дальнейшем сходных показателей друг другу. Имена м.р. со сходными основами, главным образом одушевленные, имеют мн.ч. на -ā́n (ǩarg 'петух' - ǩargā́n, soy 'заяц' - soyā́n) с вариантами -gā́n, -yā́n и др. Окончание считается перс. заимствованием [Грюнберг, Эдельман, 1987, 45; MacKenzie, 1987, 556]; однако, скорее, это результат контаминации собственного рефлекса ген. мн.ч. тем. *-ānām (с той же генерализацией ген. для одушевленных, что и у имен на *-tar) и заимствованного (вместе с большим количеством имен) -ān. Употребительны параллельные формы мн.ч.: ās 'лошадь' - āsúna, āsā́n, məṭ 'кулак' - məṭúna, məṭā́n.

Имена м.р. с вторичными осн. на -ay, -áy имеют формы мн.ч. на -i, -í (saráy 'человек' - sarí, kə́lay 'селение' - kə́li, stóray 'звезда' - stóri), возможно, относительно поздние - под воздействием имен на *-(i)i̯a с их ном. мн.ч. *-iiah, *-ai̯ah, очевидно, при частичном уподоблении их же формам косв.п. ед.ч. (см. ниже). Имена м.р. на согласные и отдельные гласные имеют показатель мн.ч. -ə (с чередованием гласного последнего слога основы с -ā-): žwandún 'жизнь' - žwandānə́, špun 'пастух' - špānə́, patún 'бедро' - patānə́, patunúna, melmá 'гость' - melmə́, melmānə. Г.Моргенстьерне [1942$_I$, 92] усматривает здесь продолжение акк. мн.ч. м.р. *-anāh имен на *-an, однако возможен и ген. мн.ч. на *-ānām с ранним отпадением *-m и метатезой *-anā > *-āna или a-умлаутом. Разновидности в виде односложных имен м.р. с "беглым" -a- (ɣar 'гора' - ɣrə́, ɣrúna; xar 'осёл' - xrə, xrúna) связаны с окситоническим контуром в прошлом. Ряд имен м.р. имеет иные формы мн.ч. (zoy 'сын' - zāmən и т.п.; см. [Morgenstierne, 1942$_1$, 92-93]).

У имен ж.р. на -a показатели мн.ч.: вост. -e, зап. -i (stə́rga 'глаз' - stə́rge, stə́rgi; šə́ʒa 'женщина' - šə́ʒe, šə́ʒi). Происхождение их из *-āh [Tedesco, 1926, 129] сомнительно ввиду отсутствия надежных случаев отражения *ā или *āh > e, i в пашто. Более приемлемо возведение к *-ai̯ah при воздействии парадигмы ж.р. на *-i на парадигму имен на *-ā [Morgenstierne, 1942$_1$, 97]. Те же окончания мн.ч. отмечаются у имен, включившихся в эту группу позднее, в том числе у заимствованных и ареальных (ср. maná 'яблоко' - manə́). Имена ж.р. с -e в ед.ч. имеют во мн.ч. безударную -i (malgə́re 'подруга' - malgə́ri), имена на -ə́y (и неодуш. на -í) - мн.ч. на -ə́y. Часть имен ж.р. на -a, имена на -i, -e и др. имеют вторичные показатели мн.ч. -ā́ni, -gā́ni, -wi, возникшие при присоединении *-i < *-ai̯ah или *-iš к другим показателям (ср. mlā < *ma(i)di̯ā= 'пояснница' - mlāgā́ni, ɣwā 'корова' - ɣwāwi). Особые формы мн.ч. у ряда терминов родства ж.р., в основном на *-tar (mor 'мать' - зап. mandi, вост. mə́nde; xor 'сестра' - xwándi, xwə́nde; tror 'тётя по от-

цу' - trándi, tránde; nžor 'сноха' - nžándi, nžénde), Г.Моргенстьерне считает результатом распространения назализации с анлаута на середину слова: раннеафг. ном. ед.ч. *mātā → *māntā, с последующим образованием мн.ч. по типу имен ж.р. на *-aiah: *māntaiah [Morgenstierne, 1942$_1$, 99-100]. Однако не все имена этой группы имели назальный анлаут. Не исключено здесь продолжение вторичных композитов - из ном. ед.ч. на *-ā (*mātā, *x^{v}āhā и т.п.) с рефлексами *antara- 'другой' и с наращением -e, -i. Имя lur 'дочь' во мн.ч. продолжает ген. мн.ч. с поздним наращением -i: luni <*δuγrna- <*dugdr̥nām. Подробнее о типах форм мн.ч.: [Шафеев, 1955, 1052-1057; Лебедев, 1956, 24-32; Дворянков, 1960, 32-34; Грюнберг, 1987$_1$, 30-33, 39-41], об истории: [Morgenstierne, 1942$_1$, 92 сл.; MacKenzie, 1987, 554-557; Грюнберг, Эдельман, 1987, 44-54].

Формы косв. падежей более единообразны, однако и они различны для разных классов имен. Имена м.р. на согласный, -ə, -oy, -āy, -i, -y, -ā имеют косв.п. ед.ч., совпадающий с прямым. Для первичных основ это могут быть продолжения: прям.п. - ном. ед.ч. на *-ah и акк. на *-am, косв.п. - инстр. на *-ā и возможно ген. на *-ah (от ир. осн. на согласный) при распространении их по аналогии на вторичные основы. У имен м.р. с осн. на -ay и ряда других косв.п. омонимичен прям. падежу мн.ч. (-áy - -í, -áy - -i, -ún - -ānə и т.п.). Здесь возможно продолжение ген. от осн. на *-a, *-an, хотя не прямолинейное фонетически (при взаимном уподоблении его с показателем прям.п. мн.ч., см. выше). Имена м.р. на согласный с первичной основой и с суф. -gar имеют также форму косв. II падежа на -a, -ya (в диалектах также -e, возможно, по аналогии с косв.п. ж.р.), употребляемую при сочетании с числительными (ср. dre kála 'три года', то же - существительные - названия двадцаток, сотен, тысяч в сочетаниях типа dre sáwa '300', букв. 'три сотни'), а также с отдельными послелогами. Эта форма является реликтом ном. дв.ч. [MacKenzie, 1987, 557]. В сочетании с числительными имя может выступать и в одном из косв. падежей ед.ч. Вок. на -a, -ya - результат слияния имени с постпозитивной частицей (в ряде имен совпадает с косв.п.). В ж.р. косв.п. ед.ч. (на -e, -i, -əy) большинства имен совпадает с прям.п. мн.ч., а у имен на -ā, -o, -e - с прям.п. ед.ч. Прототипами этих форм был ген. на *-(i)āh (от осн. на *-ā), *-ah (от осн. на согласные), *-uah (от осн. на *-ū), *-iāh (от осн. на *-ī) и т.п., или инстр. на *-ā от этих же основ (их раннеафг. рефлексы были сходны, либо совпадали. Впоследствии они могли несколько измениться по аналогии с прям.п. ед. или мн.ч.).

Во мн.ч. косв.п. м. и ж.р. имеет исход -o, который Г.Моргенстьерне возводил к *-ām (архаичной форме ген. мн.ч., ср. вед. padám от pád- м.р. 'нога'), либо к инстр. *-ăbiš (точнее - *-aibiš для тем. осн. м. и ср.р., *-ābiš - для осн. ж.р. на *-ā), который пе-

решел в пашто в *-ăw> -o; при этом он не исключал совпадения здесь инстр. и ген. [Morgenstierne, 1942_1, 95], что вполне вероятно, особенно учитывая переход в пашто *ā> o в разных позициях и сходные функции этих падежей в раннеафганском (субъект эрг. конструкции).

Таким образом, для становления парадигмы существительных в пашто существенной была парадигма его раннего состояния. Здесь в период свертывания древней многопадежной системы важными и потому устойчивыми оказались формы ном., ген. и инстр., которые в условиях закрепления ном. и эрг. конструкций в прош. временах играли ключевые роли субъекта и объекта. При этом в определенных условиях эти формы могли совпадать (особенно во мн.ч.). Немалую роль играло и общее выравнивание парадигм - с унификацией показателя косв.п. мн.ч. и с воздействием друг на друга форм косв.п. ед.ч. и прям.п. ед. и мн.ч. (при том, что показатели мн.ч. сохранили и даже развили многообразие). В современной системе прям.п. употребляется главным образом в функции субъекта ном. конструкций и объекта в номинативной и эргативной, а косв.п. - субъекта эрг. конструкций и с предлогами и послелогами, вок.п. - при обращении. Прилагательные согласуются в роде, числе и падеже с существительными. Их словоизменение сходно с существительными, при этом в прилагательных особенно наглядно различие акцентных парадигм - современных и исторических, отразившихся в определенных типах чередований (подробнее: [Дыбо, 1974]). Подробнее о парадигме имен: [Шафеев, 1955, 1057 сл.; Лебедев, 1956, 30 сл.; Дворянков, 1960, 34-36; Грюнберг, 1987_I, 33 сл.]; об истории: [Morgenstierne, 1942_1, 92 сл.; MacKenzie, 1987, 554-557].

В ванеци также отмечаются прям.п., косв.п. и вок.; характерно различие основ м. и ж.р. и, соответственно, типов склонения. Основные признаки форм и их история в целом сходны с пашто (отклонения невелики, сводятся к фонетическим отличиям или истории отдельных аффиксов, напр.: прям.п. ед.ч. м.р. -a ~ пашто -ay и др.). Прослеживаются те же различия показателей мн.ч. одуш. и неодуш. имен м.р. с основой на согласный (ās 'лошадь' - āsə́n, lewə́ 'волк' - lewə́n, но kor 'дом' - korə́na), то же многообразие показателей прям.п. мн.ч. (ср. с упомянутым выше: ж.р. lyār 'дорога' - lyārē, čaṛə́ 'нож' - čaṛə́, rəpə́ 'рупия' - rəpə́, rəpyə́n; mor 'мать' - mendə́, myendē; xor, xur 'сестра' - xyendə́, xūrə́; lūr 'дочь' - lūṇə́ и т.п.). Формы косв.п. ед.ч. от разных основ различны (ср. āsé, korə́ и т.д.), мн.ч. имеет показатели -ṷ́, -ū́ (~ пашто -o). Подробнее: [Morgenstierne, 1930, 132-133; Elfenbein, 1967, 570-572; 1984, 57-59].

В мунджанском языке сохраняется двучленная категория рода (м. и ж.). Первичные основы существительных м.р. (они же - формы прям.п. ед.ч.), восходящие к разным основам, в том числе к тем. (включая древние суффиксальные), утрачивают исходные гласные: мдж. lost,

йд. last <*dasta- ‘рука’, pūr <*puθra- ‘сын’, мдж. mer, йд. mɛr̥ <*martiia- ‘мужчина’. Для вторичных основ характерны разновременные на *-aka, *-ka: ср. основы с древним суф. *-aka: мдж. storəy, йд. stārë <*stāraka- ‘звезда’, мдж. fráɣomәy, йд. fəryāmə <*fra-gāma-ka- ‘козленок’ (ср. язг. fəryemč, бадж. faryēmc <*fra-gāmačī), - и с более поздним *-ka > ɣ (верхнемдж. g): мдж. нижн. zəvíɣ, верх. zəvug, йд. zəviɣ <*zəva + ka <*hizuā- ‘язык’, йд. siɣ <*saha + ka <*śaha- ‘заяц’. Для первичных основ ж.р. характерен исход на мдж. -a, йд. -o: здесь, как и в пашто, генерализующей была парадигма ж.р. на *-ā, а не *-ī, и по ее типу перестроились имена с иными древними основами, ср. мдж. xšáwa, йд. xšovo <*xšap- + ā- ‘ночь’, мдж. sə́vda, йд. suvdo <*supt-a <*suptī- + ā- ‘плечо’. Во вторичных основах ж.р. (после перехода древних суф. *-(a)ka м.р., *-(a)čī ж. р. в -y) раннемундж. *-kā (по аналогии с первичными основами ж.р. на *-ā) отразился в виде мдж. нижн. -ɣa, верх. -ga, йд. -ɣo: мдж. нижн. vreríɣa, верх. vreriga ‘племянница’, ср. [ГОМШ, I8I-I82; Грюнберг, I987$_2$, I8I]. В современном языке -a, после гласных -ɣa, образует имена ж.р. от имен м.р., включая заимствованные (ср. oší̯q ‘влюбленный’ - oší̯qa).

Показатель прям.п. мн.ч. обоих родов - мдж. -ī̯, йд. -ë, -ī̯. В именах ж.р. им заменяется исходная гласная прям.п. ед.ч. (ср. ā́meńga ‘яблоко’ - ā́meńgi), в именах м.р. между нею и -i вставляется -k- (для уничтожения зияния), реже -ɣ- (< суф. *-k-), ср. мдж. нижн. fíyo, верх. fíyā ‘лопата’ - fíyoki, fíyāki. Т.е. имена ж.р. сохранили флективную форму, а имена м.р. перестроили ее по агглютинативному типу. В показателе -ī̯ продолжается флексия ном. мн.ч. *-āh имен на *-a и на *-ā [IIFL, II, 122; Грюнберг, I987$_2$, I8I-I82], что подтверждается отражением i < *ā в других случаях [ГОМШ, 37-38; Грюнберг, I987$_2$, I72].

С этим показателем совпадает синтаксический маркер мн.ч., выполняющий одновременно функции связки и глагольного показателя (ср.: yāy ɣahon soibsuratī ‘они очень красивы [суть]’), продолжающий указ. местоимение *aitai или *aitā [ГОМШ, I59-I6I].

Косв.п. имен м.р. ед.ч. имеет показатель мдж. -ān, йд. -ɛn, -an; в ряде имен после гласных - -kan, -ǵan, в заимствованиях - с передачей -gān в виде -ɣān (tot ‘отец’ - totān, xoɣá ‘ходжа’ - xoɣáyān). У имен ж.р. показатель мдж. -in (йд. -īn ?), ср. yíxa ‘сестра’ - yíxin, - более архаичная форма с заменой исходной гласной (показателя прям.п.). Эти показатели продолжают сочетание исхода древней основы (м.р. *-a, ж.р. *-ī̯) с суффиксом прилагательного *-(a)na, ср. вед. -na (при возможном совпадении в ж.р. результирующего *-ī̯na с *-aina [IIFL, II, 123]), либо, что более вероятно - с послелогом *ana [ГОМШ, I64, I7I]. В пользу последнего говорит фонетический облик показателя м.р. -ān (< *-a + ana) и его грамматические свойства:

возможность оформления им словосочетания, особые функции косв.п. (см. ниже) и возможность повтора в раннемунджанском рефлексов *ana в виде предлога и послелога (в сочетаниях типа za lə̑ɣda na potš̑ó-ān āstam 'я - дочь царя').

Во мн.ч. показатель косв.п. м. и ж.р. един: мдж. -āf, йд. -əf (ср. мдж. yóspi м.р. 'кони' - yóspāf); восходит к более раннему *-āv′, *-āf′, *-aiv′ (продолжению рано совпавших древних дат.-абл. м.р. *-aibi̯ah, ж.р. *-ābi̯ah и инстр. м.р.*-aibiš̑, ж.р. *-ābiš̑) при контаминации его с рефлексом суффикса собирательности *-t/*-ua, который в сочетании с исходом основы должен был дать *-af [ГОМШ, I62].

Такая асимметрия в происхождении косв. падежей ед. и мн.ч. вызвала асимметрию их функций [ГОМШ, I63]. Функции падежных форм связаны с конструкцией предложения и с категорией определенности/неопределенности. Прям.п. выступает как субъект в номинативной конструкции, как неопределенный объект - в номинативной и эргативной, а также как посесс. определение (potš̑o pur yosp 'конь сына царя'); в ед.ч. с предлогом va - как определенный объект и т.д. Косв.п. выполняет роль субъекта в эргативных и эргативообразных (т.е. с непереходными активными глаголами) конструкциях, посессивного предикатива, а во мн.ч. с предлогом va также роль определенного объекта в номинативной и эргативной конструкциях.

Падежная система дополняется предлогами и единичными послелогами (особенно важен посессивный мдж. м.р. нижн. -ɣon, верх. -gon, ж.р. соответственно -ɣena, -gena).

Показатель вок. м.р. -́o (после гласного -yo), возможно, из частицы (поскольку ир. *-a отразился бы иначе), ж.р. -i - из древнего вок. *-ai, *-i (возможно, также из *-ačǐ [ГОМШ, I86; Грюнберг, 1987_2, I84-I85]). Ряд имен ж.р. имеет особые формы вокатива, из которых во всяком случае одна может быть архаичной (ср. прям.п. lə̑ɣda 'дочь' - вок. lə̑ɣd, если здесь продолжение ном. *đugdá - вок. *đúgda).

Словоизменение прилагательных частично свернуто: они имеют только категории рода и числа, причем изменяются (и согласуются с субъектом) лишь в предикативной функции. В функции препозитивного определения застывают в общей форме ед.ч. м.р., независимо от числа, падежа и рода определяемого: ɣáš̑əy oδám 'хороший человек' - ɣáš̑əy žínka 'хорошая женщина'.

На развитие именной парадигмы немалое воздействие оказало древнее разноместное ударение, предопределившее звучание некоторых словоформ (ср. указанные прям.п. lə̑ɣda < *đugdá, вок. lə̑ɣd<*đúgda), и распределение в йидга имен по разным акцентным парадигмам [Дыбо, I972, 43-44]. Подробнее об именной парадигме и ее истории см. [Зарубин, 1927_I, I2I, I26-I27; IIFL, II, 110-125; Грюнберг, I972, 405-409; 1987_2, I80-I87; ГОМШ, I60 сл.].

В большинстве языков шугнано-рушанской группы в именах сохраняется оппозиция м. и ж.р., хотя и с существенными изменениями (род утрачен лишь в сарыкольском, где, однако, прослеживаются его рудименты). Продолжаются главным образом ставшие продуктивными в общешугнанский период древние основы м.р. на согласные и на *-a, ж.р. – на *-ī̆, *-ā̆, что отразилось в современных языках в виде перегласовок по i- и a-умлаутному типу для имен ж.р., при нейтральной огласовке имен м.р., ср.: ш.р.б. kud < *kuta- 'пёс' – kid < *kuti- 'сука'; ш. cīx̆, р. cox̆, б. cöx̆ < *čaxša- 'горький' – ш.р.б. cāx̆ < *čaxšā- 'горькая'. Результатом таких перегласовок явились чередования типа качественного аблаута (шугн. м.р. ī ~ ж.р. ê, м.р. u ~ ж.р. a, м.р. ū ~ ж.р. ā и т.п.), захватившего и новые имена, включая заимствования (бадж. rafīq 'товарищ' – ж.р. rafêq). По этой системе огласовок распределяются по родам некоторые заимствованные имена. В композитах, включая недавние, род может быть выражен огласовкой одного компонента или обоих: ср. рош. guy̆buc 'козленок' – ж.р. giy̆bic; б. xöy̆gāp 'сладкоречивый' – ж.р. xāy̆gāp. Лексическое выражение рода существительных встречается во всех языках (включая сарыкольский), ср. разновременные суффиксальные образования – древние с суф. м.р. *-aka, ж.р. *-ačī̆: ш.б. vōrǰ, р. vůrǰ, с. vurǰ < *bāraka- 'конь' – ш. vêrz, р.б. vērz, с. vorz/z < *bāračī̆- 'кобыла' и новые – б. maδōrīnǰ, -nīnǰ, -ōnǰ 'полуденный' – ж.р. maδōrīnz, -nīnz и т.п.

Большинство субстантивов выявляет род синтаксически: соотнесенностью с указ. местоимениями, прилагательными, глаголами. Род некоторых имен – названий животных (без конкретизации пола), предметов, понятий, – может различаться по языкам: bīlā 'перчатка' в рошорвском ж.р., в бартангском м.р.; yīl 'летовка' в рошорвском м.р., в бартангском ж.р.; б. cacaw, р. cicaw 'улар' ж.р. – ш. cicu м.р. и т.д. [ср. Morgenstierne, 1974$_1$, 22]. Различия отмечаются даже по диалектам одного языка, например, bōy̆ 'сад' в собственно шугнанском относится к м.р., в баджувском диалекте – к ж.р.

Распределение таких существительных по родам определяется двумя факторами: а) огласовками основ – имена с нейтральными огласовками тяготеют к м.р., с i- и a-умлаутными (и сходными с ними) – к ж.р. (этим объясняется, в частности, изменение древнего рода некоторых имен на новый род, соответствующий современной огласовке их основы, напр.: ш. žīr, х. žær, р.б. žēr 'камень' ж.р. < *gari-, ср. ав. gairi- 'гора' м.р.; ш. sipay̆, б. sipāw, р. sipaw 'вошь' ж.р. < *śuiš-, ср. ав. spiš- ср.р.; р.б. pūg 'брод' м.р. < *pa/ərtu-, ср. ав. pərətu- м. и ж.р. и т.п.); б) семантическим признаком, сходным с принципом семантических классов: названия абстракций, веществ и т.п. относятся здесь обычно к м.р., названия участков пахотной земли, мелких животных и птиц – к ж.р. и т.д.; в результате

одно и то же существительное может принадлежать к м. или ж.р. по признаку оттенка значения: māx̌ 'горох', x̌indam 'пшеница' в значении зерна - м.р., участка засеянной ими земли - ж.р. Имеются и более частные критерии (обозначение большого/маленького предмета и т.д.).

Категорию рода в этой группе имен осложняет и наложение на нее категории единичного/общего, см. с. 176-177. Определенную роль в перестройке рода с формальной основы на семантическую сыграли ареальные тенденции, связанные с членением имен на семантические классы в языке субстрата (ср. разделение названий животных, предметов, веществ и абстрактных понятий между Ш и IУ классами в бурушаски [Lorimer, 1935, I, 14-25], отнесение к разным родам больших и малых предметов в кашмири и т.п.).

Таким образом, здесь в выражении и содержании категории рода перекрещиваются две системы: а) унаследованная традиционная система рода, выражаемая отнесением предметных названий к м. или ж.р. (ср.р. утрачен) на основании исхода основ - современного (в суффиксальных именах и композитах) и исторического (в основах с нейтральными/умлаутными и сходными с ними огласовками), б) инновационная, усвоенная из субстрата, система семантических классов, выражаемая в отнесении имени к м. или ж.р. на основании их семантики и в наложении на категорию рода категории единичного/общего.

Категория числа выражена в разных языках группы неодинаково.

В шугнанском, рушанском и хуфском основные показатели мн.ч.: I) -ēn, -yēn - универсальный для имен одуш. и неодуш. (kitōb 'книга' - kitōbēn, рис 'сын' - pacēn); 2) ш. -yūn, -gūn, р.х. -yōn, -gōn, наряду с предыдущим, - для названий людей, особенно для терминов родства, а также, в рушанском и баджувском, - названий отрезков времени в адвербиальной функции (ш. pitiš̌yūn, р. pitiš̌yōn 'кузены, кузины', ш. ōx̌nōgūn, р. ōx̌inōgōn 'друзья', р. x̌abyōn, бдж. x̌abyūn 'по ночам'), вариант - ш. -ǰūn, р. -ǰōn (ш. nibōsǰūn 'внуки', nibēsǰūn 'внучки', р. nabasǰōn 'внуки, внучки'); 3) ш. -ērʒ, -ōrǰ, р. -ērʒ, -ōrǰ - при терминах родства и отдельных иных словах (р. mōdērʒ 'матери', x̌ūrērʒ 'мужья', zinawōrǰ 'снохи'); 4) сохранение исхода основы на *-tar в одном слове: virōdār от virōd 'брат', т.е. уподобленное по огласовке ед. числу продолжение древнего номинатива мн.ч. (*brātárah); в хуф., барт. virōdārʒ - контаминация исхода основы с предыдущим показателем; 5) суф. -galā (из имени galā 'группа, стадо'), а также ш. -xēl, р. -xīl (из заимств. имени 'вид, образ'), указывающие на собирательность (р. kitōbxīl 'книги', ōxōnxīl 'учителя') и др. Групповое множество выражается, кроме того постпозицией к имени в ед.ч. указ. местоимения во мн.ч. (в руш. толь-

ко III серии)[17], в баджувском также суф. -yůn (amak-dāδ, бадж. ama-kyůn 'дядя и его близкие'), обобщенное множество - постпозицией ш. -adis, р. -adas и другими средствами. В рушанском отмечено также синтаксическое выражение множественности.

В барт. языке больший удельный вес синтаксического выражения мн.ч. (т.е. соотнесения имени в ед.ч. с глаголом и указ. местоимением во мн.ч.); используется также тадж. -guftā (наряду с -xīl и -galā) для выражения собирательной множественности; характерно несколько иное словарное распределение суф. -ēn, -ērʒ и др.; при обозначении приблизительного времени используется -īf (aχŭδīf 'примерно позавчера' - мн.ч.).

Для рош. языка обычен синтаксический способ (wāδ wazīr-af luvd 'те [мн.ч.] везиры [ед.ч.] сказали [мн.ч.]'), используется универсальный суф. мн.ч. -(y)īf; редко встречается -ēn, отмечены суф. -ʒōn, -zōr и др.

Для сар. языка универсальны показатели мн.ч. -xɛyl в прям.п., -ef, -yef - в косв.п. (прям.п. vrudxɛyl, косв.п. vrudef 'братья').

В разных языках группы отмечается также выражение множества через категорию общности (см. с. 176).

Такое многообразие способов выражения мн.ч. связано с разрушением падежной флексии, когда неоформленная основа выступала в разных функциях, и форма ед.ч. контекстуально использовалась в значении и единичного предмета, и обобщенного множества. Закрепление показателей мн.ч. шло в основном по семантическому принципу, с последующим отрывом древних показателей от падежных форм, которым они принадлежали.

Так, р.б. -yōn, -gōn, -ǰōn, ш. -yůn, -gůn, -ǰůn продолжает переосмыслившуюся в суффикс древнюю флексию ген. мн.ч. *-ānām, возможно, при контаминации с заимств. тадж. -on (в говорах - -ůn, -un). Это естественно для языков с эргативным строем, где роль субъекта (прежде всего - одушевленного) переходного глагола играл генитив. Сужение круга имен, использующих рефлекс *-ānām, особенно в шугнанском, - вторично (возможно, связано с затуханием здесь эргативности).

Показатель ш.р.б. -ēn, -yēn, ставший универсальным, восходит к *-ānī - ном.-акк.-вок. мн.ч. ср.р. (т.е. первоначально - неодушевленного) на *-a. Его распространение связано с тем, что имена неодушевленные не были употребительны в функции субъекта эргативной конструкции, и частой формой для них был номинатив - субъект номинативной конструкции и объект эргативной. Он и генерализовался в дальнейшем в функции общей формы мн.ч. - вначале для имен неодушевленных, - при последующем расширении круга имен (особенно в шугнанском) и

---

[17] Ср. типологически сходное выражение группового множества присоединением указ. местоимения во мн.ч. в древнеисландском, гилянском, в тадж. говорах и др. (см., напр., [Кацнельсон, 1949, 75 сл.; Расторгуева, Эдельман, 1982, 502-503]).

вытеснении суффикса -yōn. В рошорвском и сарыкольском суф. -ēn не распространился: либо был рано утрачен, либо здесь для ном. мн.ч. основным был показатель не *-āni, а *-a, *-ā, которые при разрушении падежной флексии отпали, как и другие односложные показатели (включая *-ah ном. ед.ч.). Сходно положение в бартангском, где -ēn редок. В результате здесь совпали формы ном. ед. и мн.ч. и широко распространился синтаксический способ выражения числа, начавшийся с имен неодушевленных.

В рошорвском и сарыкольском распространился показатель мн.ч. рош. -ĭf, -yĭf, с. -ef, -yef, который в остальных языках ограничен адвербной сферой и топонимами [Додыхудоев, 1975, 36, 46; Эдельман, 1975_2, 53] (о местоимениях см. ниже). Происходит из *-ev′, *-aiv′ из совпавших дат.-абл. *-aibi̯ah, *-ābi̯ah и инстр. *-aibiš̆, *-ābiš̆. Распространение его было относительно поздним (при прямом продолжении данных древних форм ожидалась перегласовка основ по безударному типу, что наблюдается только в единичных словах, ср. рош. puc ‘сын’ – pacĭf), возможно, под воздействием местоименной парадигмы. В рошорвском данный показатель стал внепадежным, общим (возможно, благодаря его употреблению в прошлом при оформлении субъекта эргативной конструкции). В сарыкольском, рано утратившем эргативную конструкцию, -(y)ef не генерализовался, оставшись показателем косв. п., а для прям.п. была позднее грамматикализована заимствованная лексема xɛyl, что сузило возможности синтаксического выражения мн.ч.

Остальные показатели возникли поздно – из сращений суф. *-ka, *-čĭ с более ранними -yōn, -ēn, уже утратившими к тому времени падежную принадлежность.

В результате элементы склонения имен сохраняются лишь в сарыкольском в формах мн.ч.: прям.п. на -xɛyl и косв.п. на -(y)ef. В основном же синтаксические отношения имен выражены синтаксическими средствами (предлогами, послелогами, определительной конструкцией и пр.). Особую функцию показателя объекта выполняет в рошорвском, сарыкольском префикс a- и – в остальных языках и в рошорвском – предлог az, as (оба из *haš̆a), а также падежные формы указ. местоимений, определяющих имя или играющих роль артикля (бадж. yā ɣac tōyd tar wi xu čĭd ‘(та) девушка пошла в (тот) свой дом’), см. с. 174.

Таким образом, по формам мн.ч. можно восстановить некоторые падежи, бытовавшие в общешугнанском: 1) ном. (с рефлексами ир. *-āni, *-a, *-ā); 2) ген. (с рефлексом *-ānām); 3) инстр. или общекосв.п. (из рефлексов дат.-абл. *-aibi̯ah, *-ābi̯ah и инстр. *-aibiš̆, *-ābiš̆), причем два последних использовались по диалектам и как падежи субъекта эргативной конструкции. Показатель -ēv, -ĭf после утраты им в большинстве языков падежной принадлежности стал продуктивным топоформантом. Не исключена возможность функционирования в тот же период и четвертого падежа – рефлекса лок. на *-aiš̆u, следы которого

наблюдаются в топонимах с суф. -ūw (бадж.), -ů̄w (руш.), ср. Baɣ̌ūw, Baɣ̌ů̄w. В ед.ч. рефлексы косв. падежей отсутствуют, однако "неэтимологическое" гласное начало некоторых послелогов указывает на возможность гласного исхода тех имен, к которым эти послелоги присоединялись в раннешугнанском, а это говорит о возможности сохранения в тот период косв. падежей.

Прилагательные не имеют категорий числа и падежа. Те из них, что изменяемы по роду, согласуются в нем с существительными.

Подробнее об истории именного словоизменения см. [ГОЯШ, I05-I06, I09 сл.; ГОМШ, I63-I64, I78 и др.; Эдельман, I980; I98I; $I987_{I}$, 284-296]. О категории рода см. также [Карамшоев, I978; $I979_{I-2}$].

Язгулямская именная система значительно упрощена, по сравнению с шугнано-рушанской. Рефлексы древних основ здесь, как и в других памирских языках, затемнены последующей генерализацией основ м.р. на *-a и ж.р. на *-ǐ, *-ā, включая вторичное наращение этих маркеров, а затем их исчезновение, иногда с остаточной перегласовкой основы. Некоторые из древних классов выявляются этимологически (δů̄st <*dasta- 'рука', ɣar <*gari- 'камень, гора', ќarɣ̌ <*krkā/ǐ- 'курица', maw <*maišǐ/ā- 'овца', biyer <*upa-aiā̆r-(a-) 'вчера', biyan < *upa-aiā̆n-(ia-) 'вечер(ом)' из *aiar-/*aian- 'день', ср. ав. ayan-, ayar-, с чередованием *-r/-n), однако для раннеязгулямского периода эти древние классы были уже несущественны.

Категория рода в существительных не выражена; выявляется соотнесенностью существительных с местоимениями 3 л. ед.ч. в косв.п., где род выражен формально. Распределение имен по родам связано уже только с их семантикой: названия лиц муж. пола и предметов относятся к м.р., лиц жен. пола и животных обоего пола - к ж.р. (ср. wáy-me uxtsolá bəč vədá. way ž-im k^{o}əxtá-ay 'у него был восьмилетний козел. Он его (букв. ее) зарезал'; ɣew-u ənќo farbé ki mi wů ců-da nəməčáy - roɣn 'бык так жирен, что один волосок его (букв. ее) выдернешь, - [там] сало'). Такое распределение не является закономерным развитием древнеиранской системы рода; оно свойственно языкам с системой семантических классов, типа бурушаски, см. [Зарубин, $I927_{2}$, 29I и сл.; Lorimer, 1935, I, 14 сл.; Berger, 1974, 13 сл.], и в язгулямском обусловлено субстратным наследием (подробнее см. [Эдельман, I980, 28-29]).

Формальные рудименты исторического рода прослеживаются этимологически: а) в суффиксе мн.ч. -éžg (см. ниже) у группы имен, соотносящихся с современным ж.р.: x^{o}ān - x^{o}anéžg 'коровы', čəɣ̌ág - čəɣ̌agéžg 'птички', ɣačág - ɣəčgéžg 'девушки', warg - wərgéžg 'волки',-и у названий участков земли: šad - šədéžg 'песчаные осыпи', zamč - zəmčéžg 'поля', - которые могли, согласно мифологии, принадлежать к жен. началу, ср. языки шугн.-руш. группы; б) в отдельных древних словообразовательных элементах: ср. wůs 'теленок' - wenɣ̌ 'тёлка',

ǯe ‘жених’ – ǯayénǰ ‘невеста’, – где -enǰ<*-āna + čǐ; в) в единичных лексикализованных образованиях, сохраняющих раннеизг. огласовку основ, возникшую под влиянием отпавших позднее постфиксов; ср. varág<*bāraka- ‘конь’, verǰ<*bāračǐ- ‘кобыла’, mů̊w<*maiša- ‘баран’, maw<*maišǐ/ā- ‘овца’, x°ān ‘корова’ из вторичной формы ж.р. *uxšanā- от осн. *uxšan-, ср. шугн. xīǰ<*(u)xša-ka- ‘бык’ и т.д. В некоторых именах наблюдается перегласовка по аналогии: nabes<*napāt-s (ном. ед.ч. м.р.) ‘внук’, но nabas ‘внучка’ – продолжение не древнего ж.р. *naptī-, а позднего образования от имени м.р. с перегласовкой по типу ж.р. на *-ǐ).

Формы мн.ч. образуют суффиксы: I) -áv̊, наиболее универсальный (ср. bob ‘дед’ – bobáv̊, varág ‘конь’ – vərgáv̊, kůd ‘дом’ – kadáv̊), из суф. *-a-t/v̊ua, возможно, при контаминации с *-tā (ср. застывшие формы в топонимах на -at, -ad: Wobat/d, Tůrat/d и т.д.); 2) -en, -gen, -yen при названиях лиц, включая заимствованные (pос ‘сын’ – pacén, odám ‘человек’ – odamén), – из ген.мн.ч. *-ānām, при контаминации с ранним заимств. -ān (переход *ā> e относительно недавний и охватывает заимствования, ср. təmer ‘амулет’ – из араб.); к этому суффиксу примыкают: тадж. -ón (только в заимствованиях: moǰirón ‘переселенцы’) и непродуктивный -án (только в слове wexán ‘мужчины’, ср. wex ‘муж’), из которых последний, возможно, является "чистым" продолжением *-ānām (показатель ном.-акк. ср.р. мн.ч. *-āni здесь маловероятен семантически); 3) непродуктивный -eǯg при именах ж.р. – вторичное образование из исхода основы ж.р. *-ā + čǐ + ka (иначе: [ГОЯШ, I06]); 4) в двух именах, продолжающих древние термины родства на *-tar, во мн.ч. сохраняется полная форма суффикса (δoγd ‘дочь’ – δəγdár, v(ə)réd ‘брат’ – v(ə)radár), т.е. продолжается ном. мн.ч. на *-tárah.

Падежная парадигма имен существительных и прилагательных утрачена. Из показателей мн.ч. и некоторых косвенных данных (топонимов, наречий) восстанавливаются более ранние падежные формы мн.ч.: I) ном., или прям.п. – из древних ном. мн.ч. *-āh, *-a, *-ā, окончания которых отпали, как и в ном. ед.ч., благодаря чему ном. ед. и мн.ч. совпали, а новое мн.ч. образовано вторично суф. *-a-t/v̊ua, -tā; 2)косв. п. из ген. на *-ānām, ставшего также падежом субъекта переходного глагола в эргативной конструкции, благодаря чему показатель генитива генерализовался затем как внепадежный формант мн.ч. для названий людей и слился в большинстве имен с заимств. -ān, функционально и фонетически сходным (с закономерным переходом впоследствии в -en); 3) второй косв.п. на *-āv′, *-ēv′, с узким кругом функций – из совпавших древних падежей: дат.-абл. на *-aibiah, *-ābiah и инстр. на *-aibiš, *-ābiš; рефлекс показателя этого падежа в виде суф. -ev прослеживается в наречиях (peδagev ‘босиком’) и топонимах; 4) возможно, лок. – из древнего лок. на *-aišu – с рефлексом в виде топоформанта -ew.

В ед.ч. наблюдается рефлекс только древнего ген. на *-ahi̯a в виде современного отделяемого показателя атрибутивности -i (через этап его функционирования как форманта общекосв. или посесс. падежа), который в современном языке присоединяется факультативно к препозитивному определению, выраженному почти любым именем в любом числе (включая местоимения: mə́x-i kůd 'наш дом'), а также к прилагательным и целым словосочетаниям (rúšt-i piyalá 'красная пиала', wů pír-a kəmpír-i kůd 'дом одних старика и старухи'), поэтому представляет ныне не падежный формант, а синтаксический показатель определения.

Синтаксические отношения имен выражаются предлогами, послелогами, местом в предложении и иными синтаксическими средствами. Особое положение занимает препозитивный показатель š(ə)-/ž(ə)-<*hača, употребляемый при небольшой группе имен (в основном, пространственного значения) для указания на исходность (более характерен он для местоимений, где оформляет также прямой объект), обычно в сочетании с предлогом na. Прилагательные утратили словоизменение.

Подробнее об истории именной парадигмы см.: [ГОЯШ, I06, I09 сл.; ГОМШ, I63 сл.; Эдельман, I966, 26, 28–29; I980, 28–29; I98I, 67–69; $I987_2$, 38I–384].

В ваханском языке именная парадигма еще более свернута – здесь отсутствует категория рода. Отнесенность некоторых имен к тому или иному роду в прошлом устанавливается лишь этимологически; частично на нее указывает реконструируемый исход основ: yoč<*āti-čĭ 'утка', šač<*śu̯a-čĭ 'собака' – ж.р. и т.д. Наблюдаются рефлексы древних основ: на согласную (pud<*pad- 'след'), на *-a (zart<*źarita- 'желтый', x̌urs<*xᵛaśura- 'тесть, свекор', ǰiš<*gauša- 'ухо'), на древнюю и вторичную *-ā, ж.р. (x̌aš<*xᵛaśru- + ā 'тёща, свекровь'), на *-i м. и ср.р. (ǰar<*gari- 'камень') и др.

Падежные формы (прям. и косв.) различаются только во мн.ч. существительных. Показатель прям.п. мн.ч. -iš(t) – из суф. собирательности, как в согдийском (см. выше), косв.п. -əv продолжает более раннее *-aiv', *-āv', как в мундж. и севернопамирских (см. выше), – результат контаминации дат.-абл. на *-aibi̯ah, *-ābi̯ah и инстр. на *-aibiš, *-ābiš. В ед.ч. имена несклоняемы. Отмечаются отделяемые элементы послеложного типа -i, -əu – при именах объекта и посесс. определения (в последнем случае – факультативно), реже – при обращении – из показателя ген. ед.ч. *-ahi̯a (при образовании им сначала общекосв. падежа, который затем закрепился в объектном и остаточно – в посессивном значении, при этом показатель из флективного стал послеложным, присоединяемым к ед.ч., и к косв.п. мн.ч.) [ср. Лашкарбеков, $I982_2$]. Синтаксические функции имен уточняются предлогами и послелогами. Прилагательные утратили словоизменение. Об истории именной парадигмы см. [IIFL, II, 486–487; Стеблин-Каменский, I97I; Соколова, I98I; ГОМШ], иначе: [Пахалина, $I987_1$, 438 сл.].

Сходную именную парадигму развил ишкашимский язык. Здесь также категория рода утрачена, хотя этимологически выявляются основы на *-a (м. или ср.р.), на *-ā (ж.р.) и вторичные - на *-aka (м.р.), *-akǐ (ж.р.), *-(a)čǐ (ж.р.) и др., а также основы с поздними перегласовками по типу древних. Ср. ишк. wůrůk, сгл. worōk<*uarǯni + aka 'барашек', но ишк. werak, сгл. wērāk (ж.) - вторичное образование с суф. *-aki или *-iki, обусловившим перегласовку основы; ишк. nьvьs < *napāts 'внук' (ном. ед.ч. от *napāt-), но nevasa 'внучка' - из местного тадж. говора (возможно, при совпадении с поздним образованием из рефлекса *napāts + ā); ср. заимств. xьrs 'медведь' и образованное от него xars 'медведица'.

Мн.ч. образуется в большинстве случаев суффиксом ишк. -ó, сгл. -ă̄, -ă̊ - из местных тадж. говоров (důst-ó 'руки', vrůk-ó 'кони')[18]. У ряда одушевленных существительных (большей частью терминов родства) показатель мн.ч. ишк. -ьn, сгл. -ān, -an, -en - из ген. мн.ч. *-ānām (ишк. totьn 'отцы', žonǰьn 'женщины', сгл. wazīren 'министры'). Единичные термины родства на *-tar факультативно сохраняют рефлексы этого суффикса в формах мн.ч., т.е. продолжают мн.ч. на *-tárah. В сангличском рефлекс этого суффикса является формантом мн.ч. (v^{ə}rūδ 'брат' - мн. vrūδār<*brātárah); в собственно ишкашимском употребительны формы с вторичным показателем мн.ч., ср. vrudarźn 'братья', wůdůɣd 'дочь' - wůdůɣdarźn 'дочери' и образованное по аналогии ixodarьn - мн.ч. от ixo 'сестра' (< *hax^{v}ā с метатезой из ир. *x^{v}āhā - ном. ед.ч. от *x^{v}āhar-). В сангличском отмечается также синтаксическое выражение мн. числа существительных мн. числом глагола и адъективного или артиклевого указ. местоимения, ср. awand āδam žwondok-ān 'те (мн.) люди (ед.) голодны (ед.)-суть (мн.)'; o āδam xēsta xwāran 'те (ед.) люди (ед.) лепешку (ед.) едят (мн.)' [IIFL, II, 339].

Падежное словоизменение утрачено. Рефлекс окончания ген. ед.ч. *-ahi̯a в виде -(y)i выступает как обособившийся постпозитивный объектный показатель (очевидно, через этап бытования его как форманта обл.косв. падежа). Синтаксические отношения имен выражаются синтаксическими же средствами - предлогами, послелогами, определительными конструкциями и т.п. В сангличском, как в мунджанском, одним из них является предлог va при прям. дополнении. Прилагательные неизменяемы. Подробнее об истории именной парадигмы см.: [IIFL, II, 334 сл.], иначе [Пахалина, 1987$_2$, 496 сл.].

Таким образом, изменение древней именной парадигмы в восточноиран-

---

[18] О том, что это заимствование, а не собственное развитие суффикса *-ϑ/tu̯a > *-hā > -o, говорит переход в ишк. *ϑ/tu̯ > f (ср. ишк. cьfur '4'), см. также [СПВЯ-Ф, 176].

ских языках характеризуется в первую очередь ее свертыванием.

Об одном из этапов этого процесса – поглощении генитивом датива – свидетельствуют согдийские и хотаносакские памятники. Этот этап, аналогичный засвидетельствованному в древнеперсидском (а также в индоарийских, армянском и языках балканского союза) [Абаев, 1965_I, 75-79; Schaller, 1975, 134-138], был подготовлен более ранним, проявляющимся уже в языке Авесты параллельным употреблением форм ген. и дат. в ед. и мн.ч. [Соколов, 1979_I, 202]. По-видимому, причиной относительно раннего совпадения генитива и датива было сходство их функций уже в диалектах индоевропейского состояния и отсюда – употребление в сходных конструкциях (особенно в посессивных оборотах разного типа [Бенвенист, 1974, 213]). "Перевес" же генитива может объясняться его широкой употребительностью в функциях различных "косвенных" членов предложения и субъекта переходных глаголов в прош. временах.

Постепенно упрощается древнее многообразие парадигм, связанное с различиями исхода основ и с грамматическим родом. Вторичная тематизация относительно рано захватывает атематические парадигмы. При этом отчетливы тенденции к унификации склонения имен м.р. по тем. типу, т.е. по парадигме на *-a, а имен ж.р. – по парадигмам на *-ā и *-ī, *-i. В результате здесь выявляются продолжения древних парадигм (или их больших системных участков) от основ на *-a, *-ā, *-ī, *-i, но лишь небольших фрагментов парадигм на *-r, *-n и т.п. и совсем скудных разрозненных рудиментов парадигм на *-u, *-ū, часто со следами перестройки по универсальному типу на *-a (м.р.) ∼ *-ā, *-ǐ (ж.р.). По-видимому, в общевосточноиранском состоянии существовали еще все классы древних парадигм, однако относительно рано началось вытеснение одних типов другими, причем наиболее продуктивными были типы, четко ориентированные на передачу оппозиции м.р.∼ ж.р. Ср. род постепенно отмирает, только в хотаносакском и согдийском языках еще встречаются его отдельные формы, а в некоторых живых языках (пашто, севернопамирских) налицо показатели мн.ч., восходящие к ном.-акк. мн.ч. ср.р. *-ānі, использовавшемуся как формант мн.ч. ряда имен, в первую очередь неодушевленных. Тем самым для общевосточноиранского периода реконструируется еще троичная оппозиция рода. В дальнейшем в одних языках род постепенно исчезает (иногда в относительно недавнее время), в других сохраняется двучленная оппозиция, причем в ряде языков с изменением способа выражения и содержательной стороны (особенно в севернопамирских языках) под воздействием субстрата.

С унификацией парадигм, а затем и затуханием именной флексии, изменяются и способы выражения числа и синтаксических отношений имен. Так, с ослаблением флективной оппозиции между ном. ед.ч. и ном. мн.ч. (особенно в парадигмах на *-a, *-ā, где эти формы рано совпали), развиваются нефлективные способы выражения мн.ч.: синтаксические и вторичные суффиксальные – с использованием суффиксов собирательности,

абстрактности, а затем и суффигированных лексем, обозначавших группу, тип и т.п. Особый случай - обозначение группового множества постпозицией к имени в ед.ч. указ. местоимения во мн.ч. Формы дв.ч. как системное явление не зарегистрированы, однако их рефлексы в хотаносакском, а также - в сочетаниях имен с числительными - в согдийском, ягнобском, осетинском и пашто (при последующем переосмыслении и совпадении их в осетинском с род.п., в ягнобском с косв.п. ед.ч., аналогично русскому) позволяют предположить для общевосточноиранского состояния троичную оппозицию числа древнего типа.

Различные восточноиранские языки (особенно языки с архаичной многопадежной системой: хотаносакский, согдийский) в сумме дают продолжения практически всего инвентаря общеиранских падежей, что позволяет реконструировать для общевосточноиранского состояния тот же их набор. При сворачивании впоследствии падежной парадигмы - вплоть до двухпадежной и беспадежной систем - выражение синтаксических функций имен переходит постепенно на синтаксические средства: предлоги, послелоги, место в предложении, отделяемые показатели и т.п., а также на падежные формы относящихся к именам указ. местоимений и артиклей (см. ниже). Сворачивание парадигмы происходит не случайным образом: наиболее устойчивыми из двусложных (с учетом гласной основы) окончаний оказываются флексии древних ген. и инстр. (и дат. - при совпадении во многих языках рефлексов дат.-абл. и инстр. мн.ч. в единую форму на *-āv′, *-āi′, *-ēv′, *-ēi′, *-aiv′ и т.п. с дальнейшим ее развитием), т.е. те, которые использовались для оформления субъекта перех. глаголов в прош. временах (подробнее: [Миллер, 1938; Эдельман, 1987_3, 161, 163]). В целом ряде языков формируются затем новые постпозитивные падежные показатели агглютинативного характера. В какой-то мере с ними можно сопоставить и препозитивные показатели типа мундж. va; язг. š(ə)-//ž(ə)-, шугн.-руш. a-<*hača (слияние предлогов и послелогов с основами особенно наглядно в местоимениях, см. ниже).

Древняя система аблаута утрачена практически всюду, даже в хотаносакском, где сохранились фрагменты атематических парадигм. Очевидно, воздействие продуктивных парадигм на остальные заключалось не только в буквальной тематизации (или в добавлении *-ī, *-ā к основам имен ж.р.), но и в унификации звучания каждой основы по всей парадигме, как у тематических основ. Время утраты аблаута определить трудно, однако отражение разных ступеней огласовок в продолжениях, например, терминов родства (в основном на *-tar), показывает, что в общевосточноиранском аблаут еще существовал (во всяком случае, в этой части парадигмы), а его исчезновение (как и вообще внутрипарадигматическое выравнивание огласовок, появление -r в ном. ед.ч.) было в разных языках параллельным и неодновременным и дало различные результаты. Ср. отражение *brātar- 'брат' в формах: ном. *brātā > хс. ном. brāte, brrāta; инстр. или дат. *brāt/θrā́, *brāt/θrái >

согд. ман. βr'r, пашто wror; ген. *brātúh > ягн. virot, шугн., руш. v(i)rōd, с. v(i/ы)rud, язг. vəréd, вах. vrыt, ишк. vru(d), сгл. v^{ə}rūδ, мдж. v(ə)roy, йд. vray (на то, что здесь был не ном. с *-tā, указывает отсутствие а-умлаутной перегласовки основы). Хс. косв.п. brātari - либо из лок., либо вторичен. Продолжение в основной массе языков ген. или инстр. объясняется их частым употреблением в функции субъекта переходных глаголов в прош. временах (см. с.71). То же относится к другим именам этого типа: ср. *dugdar- 'дочь': пашто lur <*dugdrai или *dugdrā, язг. δoγd, ишк. wůdůγd, вах. δəγ̌d <*dugdúh, мдж. lə/uγda из той же формы с вторичным наращением маркера ж.р. *-ā при унификации парадигм. (В отражения *x^{v}āhar- 'сестра' в ряде языков "вмешалась" метатеза: шугн., руш. yax, ишк. ixo<*hax^{v}ā<*x^{v}āha(r)- или ном. *x^{v}āhā, то же мдж. yí/ə́xa (с наращением *-ā ?), ср. вах. x̌ыy<*x^{v}āhā̆(r)-, язг. x̌^{o}arǵ<*x^{v}āh(a)r-ka, пашто xor < *x^{v}āh(a)r- и т.п.)

Следы общеиранского разноместного ударения прослеживаются в единичных языках (в согдийском, пашто, йидга); явных рефлексов разноударенных форм и парадигм в имени значительно меньше, чем в глаголе (при том, что меньше и самих парадигм). Однако наличие таких следов указывает на разноместность ударения в общевосточноиранской парадигме.

Прилагательные утрачивают падежное (и числовое) словоизменение быстрее, чем существительные. Это объясняется согласовательным характером их парадигмы и относительно ранним закреплением места прилагательного при существительном (см. стр.253), что значительно снижало информативную самостоятельность показаний падежной флексии прилагательного. Новых агглютинативных падежей здесь не создается: они были бы избыточными. Категория рода здесь более устойчива и поддерживает род существительных, который обычно формально не выражен.

Сворачивание древней флективной парадигмы имен сопровождается развитием ряда новых средств выражения древних категорий рода, числа и падежа (или синтаксических отношений имен), а также новых категорий, явных и "скрытых", которые выражаются различными средствами, в том числе и традиционными, воздействуя на дальнейшую трансформацию древних парадигм.

Артикли, определенность/неопределенность

В большинстве восточноиранских языков наблюдается становление категорий определенности/неопределенности и артикля, тесно взаимосвязанных, но не тождественных, поскольку определенные артикли, возникнув из указательных (реже - относительных) местоимений для передачи определенности, анафоричности, в дальнейшем становятся иногда выразителями словоизменительных категорий имени (само оно при этом может стать неизменяемым). В таких случаях значение определенности может

затушевываться, и артикль указывает на выделительность, конкретность. У неопределенного артикля, возникающего из числит. "один" (и обычно сохраняющего с ним связь), первоначальное значение, как правило, не утрачивается в такой же степени. Определенность/неопределенность выражается и иными средствами, помимо артиклей. Эти категории наблюдаются не во всех восточноиранских языках. К тому же в вымерших языках определенность/неопределенность, если она выражена не артиклями, может быть не выявлена за недостатком формальных данных.

В согдийском языке относительно формализован только опред. артикль, происходящий из указ. местоимений – от основ: прям.п. [x-] ~ косв.п. [w-] и соответственно прям.п. [y-] ~ косв.п. [m-], возможно, при контаминации в [y-] рефлексов указ. местоимения *ai- и относительного *i̯a-, ср. [Бенвенист, 1974, 233 сл.]). Артикль не является единственным носителем категории определенности/неопределенности, поскольку его наличие подчеркивает определенность, но отсутствие не означает неопределенности [Кауфман, 1956, 471-472]. (В качестве неопред. артикля выступает спорадически числительное [ēw] 'I'). Наиболее архаичен артикль в собственно согд. текстах, где он не вполне отделен от указ. местоимений и имеет полную падежную систему. Род выражен только в ед.ч., однако и здесь встречается его "неправильное" согласование с именем. Отмеченные формы: в ед.ч. ном. [yu] < *ai̯am, м.р. [xau, xō], ж.р. [xā]; акк. [(ə)wu, ō, (ə)mu]; ген.-дат. м.р. [awen], Ст.п. [(ə)wē], ж.р. [(ə)wyā, (ə)mē]; лок. [(ə)wyā, (ə)myā]; мн.ч. прям.п. [xā, yu], косв. [(ə)wēšan(u), mēšan(u)], – связаны происхождением с аналогичными формами указ. местоимений (см. с. 217- 218). В ман. формах много вторичных образований, и парадигма их более скудна: ед.ч. ном. м.р. [xō], ж.р. [xā]; акк. м.р. [(ə)wu], ж.р. [wā]; косв.п. [wenē, wē, wyā]; мн.ч. прям. [xā, wēšan, wēšand, mēšand, yu], косв. [wēšandī]. В хр. текстах артикль беспадежен: м.р. ед.ч. и мн.ч. м. и ж.р. [xō], ж.р. ед.ч. [xā]; формы восходят к номинативу.

Функции артикля даже в ранних согдийских текстах неоднозначны. В ном. артикль указывает на анафору, определенность; в косв. падежах эти значения могут утрачиваться. В рукописях литературного стиля артикль в таких случаях выступает как показатель рода, числа, падежа имени (в тех падежах, где род выражен). Наиболее часто артикль используется как аналитический носитель категорий рода, падежа (и числа) при именах с тяжелыми основами, где эти категории не выражены флективно. В более поздних (или более близких к разговорному языку) текстах отмечается "смешение" форм артикля по роду, числу и падежу, что указывает на затухание этих категорий. Из синтаксических и семантических характеристик артикля существенны его предшествование препозитивным определениям при имени (выраженным прилагательными, указательными местоимениями или числительными) и возможность постановки его в

согд. текстах при собственном имени. Подробнее: [Tedesco, 1926, 95 сл.; EGS, III, 123 сл.; Кауфман, 1956; Лившиц, Хромов, 1981, 431–434].

В ягнобском языке система упрощена, в сравнении с согдийской: опред. артикль утрачен, в качестве неопределенного используется числительное ī 'I' (оно же указывает на единичность предмета) – продолжение согд. [ēw] 'I' в той же функции. Сходное значение имеет и заимств. тадж. -е (обычно при именах в обстоятельственной функции) [Боголюбов, 1956, 15; 1966, 346; Хромов, 1972, 19–20; 1987, 664].

В хорезмийском прослеживаются опред. артикли, выражающие род (и иногда число) имени; падежных форм не имеют. Зафиксированы: 'y [ī] ед.ч. м.р. и мн.ч. м. и ж.р., y' [yā] ед.ч. ж.р. Первая форма восходит к указ. местоимению, очевидно, в форме ед.ч. ном. *a͡iam или ко вторичному ном. *a͡iah (либо *i͡iam, *i͡iah) и сопоставимо с хорезмийским указ. местоимением nī (из частицы n- и основы ī, см. с. 219). Прототипом мн.ч. мог быть ном. мн.ч. *a͡iai, *i͡iai, совпавший с ед.ч. м.р. и ставший впоследствии общей формой мн.ч. обоих родов. Форма ж.р. могла иметь прототипом вторичный ном. ж.р. *a͡iā, *i͡iā (по типу *hā, *tā). Возможно, здесь с указательными совпали рефлексы древних относ. местоимений (м.р. ед.ч. *a͡iah, мн.ч. *a͡iai, ж.р. ед.ч. *a͡iā, мн.ч. *a͡iāh). При прямом происхождении хор. артиклей из относ. местоимений [Henning, 1955_1, 6–7, ср. Бенвенист, 1974, 233 сл.] их употребление ограничивалось бы определительными конструкциями, где они играют роль связующих элементов (напр., y' ǰfty pcx's 'одежды женщины (ǰuftiya)', 'y cuγ 'y xr'x'n 'лезвие меча' [там же]). Однако имена с артиклями употребительны в функциях различных членов предложения, где относительность не подразумевается, напр. h'βrnyd y' δwγd'm 'я отдал тебе мою дочь', w'zyt'c c'γdc 'y xr'x 'был вынут (букв.: вышел) из ножен меч' [Henning, 1955_2, 48], где y', 'y – опред. артикли или указ. местоимения. С совпадением в хор. [ī, yā] форм и функций древних указ. и относ. местоимений связан и повтор артиклей при определяемом и определении с теми "изменениями" рода артикля, о которых писал В.Хеннинг. Характерны случаи фонетического слияния артиклей с анлаутом имени (типа y'mnk – из ī + amanaka 'лето') и с предлогами (cī, cā 'из', fī, fā 'в' и т.п.). Подробнее: [Фрейман, 1951, 42–50; Henning, 1955_1, 5 сл.].

В осетинском языке опред. артикль в дигорском i – из указ. местоимения *ai=: i-, ī- (ср. ав. энкл. īt) при возможной контаминации с относительным *i͡a-. Аналогичный артикль был и в иронском диалекте, однако затем утратился, согласно фонетическому правилу утраты начального безударного *i. При этом поскольку раннеосетинское именное ударение при отсчете от начала слова учитывало и слог препозитивного артикля и варьировало в зависимости от его отсутствия/наличия (xæǯár 'дом' – i xǽǯar 'дом [определенный]'), при его утрате оставшееся на том же месте ударение взяло на себя функцию выражения определенности/

неопределенности (xæʒár ‘дом’ – xǽʒar ‘дом [определенный]’) [Абаев, I924, I55; I962, 507; Gershevitch, 1949, 61-63][19]. Роль неопред. артикля выполняет спорадически числительное ĭw/jew ‘I’. Подробнее: [Миллер, I962, 77; Абаев, I924, I55; I962, 506-507; Bielmeier, 1982, 67; Исаев, I966, 33-34; I987, 588-589].

В бактрийском прослеживаются опред. артикли [mə] м.р., [mā] ж.р. (из указ. местоимений *ima-, *imā-), а также [i], в котором совпали указательное и относительное местоимения, аналогично хорезмийскому [Стеблин-Каменский, I98I$_2$, 342-345].

В хотаносакском и в пашто явно выраженных артиклей или подчеркивания определенности/неопределенности иными формальными средствами не наблюдается.

В мунджанском языке отмечается выражение неопределенности имени препозицией числительного yū ‘I’ (реже – заимствованным постпозитивным показателем -i), определенности – указательным местоимением (обычно III серии, реже – I). Существенны также различия в оформлении имени прямого объекта, в зависимости от его определенности/неопределенности (определенное оформлено предлогом va, а само имя ставится: в ед.ч. в прям.п., во мн.ч. – в косв.п.; неопределенное не имеет предлога, выражено всегда прям. падежом). Подробнее [IIFL, II, 120; Грюнберг, I987$_2$, I86, 229 сл.].

В языках шугнано-рушанской группы роль артиклей и способы выражения определенности/неопределенности различны. Неопред. артиклем служит усеченное числительное "I": ш.р.б. рош. yi, с. i. Определенность в основном передается указ. местоимениями (обычно II и III серий) в артиклевой функции, которые во всех языках, кроме сарыкольского, являются также выразителями падежа, рода и – в бартангском, рошорвском и реже рушанском – числа оформляемого ими имени: руш. dāδ wamdīǰ ‘(эти) вамдцы’ (т.е. жители к. Вамд), букв. ‘(эти, мн.ч.) вамдец (ед.ч.)’; uf čurukēn uf bīlēn ... zůx̌t ‘(эти) мужчины (эти) лопаты взяли’, букв. ‘эти (мн.ч. косв.п. субъекта эрг. конструкции) мужчины (мн.ч.) эти (мн.ч. косв.п. объекта) лопаты (мн.ч.) взял(и)’. В сарыкольском местоимения в артиклевой функции имеют неполную парадигму и могут ставиться в ед.ч., независимо от числа имени (особенно неодушевленного). Определенность подчеркивается также постановкой при имени объекта префикса a- или предлога as, az<*hača – при отсутствии этих показателей в случае неопределенности. Подробнее об истории: [Эдельман, I987$_I$, 297].

В язгулямском языке в функции опред. артикля используется неизменяемое указ. местоимение du ‘тот’, реже yu ‘этот’ (менее возможна

I9 Ср. перенос ударения на начальный слог глагола в иронском как результат утраты раннего начального *i-, сохранившегося в дигорском [Исаев, I959, 67-68].

здесь контаминация с рефлексом относительного *ia-), иногда с утратой значения ситуационной определенности: du ni nān-u k^{o}ónda? 'где (та) моя мама?'. В функции неопред. артикля используется числительное "один" в краткой форме wů (об истории: [Эдельман, I987$_2$, 384]).

В ваханском языке неопределенность подчеркивается числительным yi(w), iw, i 'I' (реже - тадж. заимствованным показателем -i), определенность - указ. местоимениями (всех серий), выступающими в функции опред. артикля; при этом местоимения, как и при атрибутивном их значении, используются всегда в прям.п. ед.ч., независимо от формы существительного, т.е. артикль неизменяем при изменяемости существительного. Определенность/неопределенность прям. объекта выражается также наличием/отсутствием при имени показателя прям. объекта -эу, -i и употреблением имени во мн.ч.: в косв. падеже (определенного) или в виде основы (неопределенного) [Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 56I].

В ишкашимском в качестве опред. артикля используются указ. местоимения всех трех серий, застывшие в формах (обычно усеченных) прям. и косв.п. ед.ч., независимо от числа имени. Функцию неопред. артикля выполняет числительное u/ůk, u/ůg 'I' [Пахалина, I987$_2$, 505]. В сангличском отмечен случай выражения мн. числа имени местоимением в полуартиклевом употреблении (см. с.I68).

Таким образом, из указательных местоимений (носителей значений дейксиса, эмфазы, анафоры) и частично из относительных (со значением анафоры) при их постоянном адъективном употреблении вырабатывается новая грамматическая категория - определенный артикль. Впоследствии артикли в одних языках частично утрачивают значения определенности, анафоры и выступают как носители грамматических категорий имени, в других, наоборот, становятся неизменяемыми, сохраняя функции носителей определенности, выделительности. Неопределенность выражается обычно числительным "один" (иногда в усеченном виде). Употребление неопред. артикля подчеркивает неопределенность имени, однако его отсутствие не обозначает определенности. Та же закономерность наблюдается в ряде языков в отношении опред. артикля.

Немалую роль в выражении определенности/неопределенности играют и иные средства, помимо артиклей: падежное оформление имени объекта или препозитивные показатели при нем, наличие определений (включая определения, выраженные указ. местоимениями и числительным "I", когда они еще не стали артиклями; имеются и пограничные случаи полуартиклевого использования местоимений и числительного) и т.д. Эти средства связывают категорию определенности/неопределенности с другими морфологическими и содержательными категориями, в частности, с категориями: а) отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности (имена, относящиеся к последней, обычно выступают как определенные), б) единичного/общего (и определенность, и неопределенность являются способами актуализации единичного, конкретного) и др.

Другие содержательные категории существительных

Как уже говорилось, в восточноиранских языках выявляются кроме определенности/неопределенности иные именные категории, в основном из разряда "скрытых", проявляющиеся в других, явных категориях. К ним относятся категории: лица/не-лица, отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, единичного/общего, а также в известной мере - одушевленности/неодушевленности; последняя может продолжать и более древнее членение субстантивов, но выявляется вторичными категориями. Возможно, дальнейшие исследования выявят и другие содержательные категории, присутствующие неявно в именной системе восточноиранских языков.

Категория лица/не-лица (или человека/не-человека) прослеживается в осетинском и практически во всех живых языках Средне- и Центральноазиатского региона. Выявляется прежде всего в соотнесенности субстантивов с вопросительными местоимениями "кто" (о людях) и "что" (о животных, вещах, явлениях). Отмечаются также другие способы выражения этой категории. Так, в осетинском языке она диктует способ оформления имени прям. объекта: им.п. (не-личность) и род.п. (личность) (см. с.153). К этой категории примыкает в целом выражение одушевленности/неодушевленности, спорадически маркируемой в разных языках различными средствами (напр., в сарыкольском мн.ч. артикля при мн.ч. имен одушевленных ~ ед.ч. артикля, независимо от числа имени, при неодушевленных).

Категория единичного/общего выражается в различных языках разными средствами. Наиболее общее - использование во многих языках (с затухающей флексией) формы ед.ч. для выражения не только единичного предмета, но и категории таких предметов. В таких языках в сочетании "числительное + существительное" последнее ставится в форме ед. числа как обозначение категории предметов.

Более конкретные способы выражения этой категории различны по языкам, включая способы выражения ее через категорию определенности/неопределенности как частного случая представления единичного (см. выше). Имеются и иные средства. Так, в языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) категория единичного/общего выявляется в "перебоях" категории рода: здесь существительные, обозначающие животных (без указания на пол) и неодуш. предметы, употребляясь в значении общего, категориального, т.е. класса данных предметов, относятся обычно к м.р., независимо от их рода в значении конкретного, единичного предмета [Соколова, 1959, 108; 1966, 371; ГОМШ, 184; Карамшоев, 1963, 98; Файзов, 1966, 25-27; Карамхудоев, 1973, 59], см. также выше. С этим связан, в частности, постоянный м.р. имен собирательных и абстрактных (подробнее о роде и значимых перебоях: [Карамшоев,

1978; 1979$_{I-2}$]). Наложение категории единичного/общего на категорию рода связано с перераспределением существительных по родам соответственно их семантике, а не форме, и объясняется влиянием субстрата, где названия абстрактных и обобщенных понятий входили в иной класс, чем названия конкретных предметов. Ср. систему бурушаски, где названия животных и конкретных предметов в большинстве тяготеют к III классу, а веществ и абстрактных понятий – к IV. Отнесение здесь одного и того же имени к III кл. в значении единичного, конкретного, а к IV кл. в значении категориального, общего, прямо перекликается с "перебоями" рода в шугнано-рушанской группе: отнесение имени к III ~ IV кл. в бурушаски, как и к ж.р. ~ м.р. в шугнано-рушанской группе, является маркером семантического регистра первого (конкретного, единичного) ~ второго (общего, категориального) порядка (подробнее: [Эдельман, 1980, 29-30; 1987$_I$, 289-290]).

Категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности связана с категорией личности/не-личности, поскольку отчуждаемая принадлежность присуща только человеку. Выражается по языкам различно. Наиболее общее ее выражение – употребление терминов неотчуждаемой принадлежности (названий частей тела, терминов родства, слов типа "память", "разум", "имя" и т.п.), названия сторон ("бок", "перед", "верх" и т.п.), реже – одежды (в осетинском название шапки и т.п.) обычно с определителями принадлежности.

Отмечаются и другие способы выражения этой категории, различные по языкам.

Так, в осетинском различие типов принадлежности выражается в конструкциях "у него есть то-то" падежным оформлением имени (или местоимения) посессора: при неотторжимой принадлежности выступает дательный падеж, при отторжимой – направительный: Is myn dywwæ læppujy ‘есть у меня два мальчика (т.е. сына)’, но Is mæm fonz qūžy ‘есть у меня пять коров’.

В языках шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского), в йидга и менее явно в мунджанском в именных сочетаниях, состоящих из предлога, посессивного определения и определяемого, порядок компонентов зависит до некоторой степени от характера принадлежности. При отторжимой принадлежности он имеет вид "предлог – определение – определяемое" (типа шугн. tar mu bōy ‘в моем саду’), при неотторжимой, относящейся к пространству посессора (но не с терминами родства), в застывших сочетаниях и в речи (особенно старшего поколения) встречаются конструкции "определение – предлог – определяемое" (типа шугн. mu tar δust ‘в моей руке’, ‘[у] меня в руке’). Сходная картина прослежена в дардских и нуристанских языках.

Причина такого различия – в употреблении в этих языках в раннем их состоянии (в эпоху закрепления места предлогов) имен неотторжимой принадлежности с постоянными мест. энклитиками, впоследствии отпавши-

ми, и с возможностью присоединения пролептического полного именного определения (возможна трактовка его и как косв. дополнения: "[у] меня в руке-моей"). При этом имена "отторжимой" принадлежности строили обычную определительную конструкцию с именем-определением либо с энклитикой, без пролепсиса, с предлогом перед сочетанием в целом ("в моем саду", "в саду-моем"). Обязательность же энклитик при именах неотторжимой принадлежности и наличие пролептического определения при них обязаны субстратному воздействию со стороны языка типа бурушаски, где эти имена оформляются обязательной проклитикой, в том числе и при наличии полного именного определения [подробнее: Эдельман, 1980, 27-28; 1984_2, 36-41; 1987_I, 299-300].

В других языках при любом виде принадлежности закрепилась последовательность либо "определение - предлог - определяемое" (в пашто, сарыкольском), либо "предлог - определение - определяемое" (в ваханском, язгулямском, ишкашимском и др.). Однако постоянное использование притяжательных определителей при именах неотторжимой принадлежности создает почву для развития пролептических конструкций, а последние воздействуют на именную парадигму.

Наличие постоянных определителей при именах, мыслимых как обозначающие неотторжимую принадлежность, воздействует также на фонетический облик этих имен или на их морфологическую структуру. Например, в ча́сти языков Памиро-Гиндукушского ареала под субстратным влиянием бурушаски (или типологически сходного с ним языка) в какой-то период в прошлом, по-видимому, стали употребительны местоименные проклитические определители, как в языке прасун (нуристанская группа). В этом плане естественно предположение о префиксации местоимения ž̌ə "мой" в вах. ž̌əmák 'луна', ž̌(ə)yir 'солнце' [Стеблин-Каменский, 1970] (хотя возможно и происхождение ž̌ə- из ир. *uš- < и.-е. *us- от *(a)ues- 'светить', как в пашто wəž̌məy, сгл. wulmēk 'луна, свет луны' и др., см. [СТВЯ-Ф, 114-115]).

Интересны в этой связи ишкашимские имена с анлаутным наращением u-, û-, wû-: если в части из них выступает фонетическая протеза (напр., перед *cc- или перед основами с *-u-), то в словах типа ишк. užinǰok 'женщина' (при наличии žonǰ id.), сгл. wužinǰak 'жена', ишк. udel, сангл. wudîl 'навоз', ишк. uǰirǰ 'куропатка' протеза была бы избыточной. Не исключено присутствие в подобных словах в прошлом определителя принадлежности в виде проклитики из основы указ. местоимения ир. *a-, *ha- или *aua-, отразившейся в виде ишк. u-, û- с поздним наращением протетического w- (ир. местоимение *hai фонетически менее вероятно). Конструкция типа "его-жена" структурно тождественна аналогичной в бурушаски, где имена неотторжимой принадлежности, употребляемые вне связи с посессором, принимают проклитику 3 л. (I, II, IV кл.) i- (поскольку без проклитики их употребление невозможно), ср. i-cu букв. 'его след' вм. *cu 'след' [Lorimer, 1935, I, 135].

Привлекают внимание в разных восточноиранских языках имена с анлаутной звонкой согласной, восходящей к глухой. Обычно они продолжают основы, выступавшие в прошлом (иногда недавнем) во второй части композитов и словосочетаний, реже – с префиксом. Возможно, часть из них, связанная с идеей неотторжимости, имела постоянные препозитивные посесс. определения (или проклитики), напр.: шугн. bŭd, вах. bit, ишк. vid <*pūta- 'уток (в ткани)', ср. ягн., пашто pud, язг. pəd – из тадж.; шугн., руш. bēn, язг. bān 'ладонь', пашто bana 'маховое перо', bānə 'ресницы' <*parna-, *pṛna- с вторичными изменениями; шугн.-руш. -buc, язг. boc 'детеныш' <*putra-; осет. bædūl/bædolæ 'птенец, детеныш' (связ. с *√pat-) и др.; подробнее: [Эдельман, 1987_4].

Новые формальные грамматические средства

Отмечаются инновационные способы выражения разных категорий, в том числе заимствованные. Особенно характерны изафетные конструкции, проникшие в ряд восточноиранских языков из перс. и тадж. и употребляемые с собственным материалом (ср. язг. γaǰág-i cəgág 'маленькая девочка'). Развился класс отделяемых (препозитивных и постпозитивных) приименных показателей.

Степени сравнения прилагательных

Прилагательные в разных языках сохраняют древние формы степеней сравнения, а также вырабатывают формы и аналитические сочетания для обозначения степеней сравнения и интенсивности качества. В этом плане к прилагательным примыкают наречия и отдельные существительные, обозначающие качества. Практически эти средства относятся больше к словообразованию, чем к формообразованию имен.

В языках северной подгруппы прослеживается большее число продолжений старых форм.

В согдийском языке сравн. степень оформляется суффиксами: I)[-tar] (после n- – [-dar]) <*-tara, присоединяемым к первичным и к ряду вторичных основ; 2) [-star] – из исхода основ на ар. *-as + tara, – присоединяемым к тяжелым основам; 3) [-ātar] – из суффикса сравн. степени *-(i)i̯āh с поздним наращением *-tara. Превосх. степень оформляется суффиксом [-tam] <*-tama, либо употреблением форм любой степени в определенных контекстах. Отмечаются формы с наращением двух суффиксов: будд. βr'yštr 'больший' <*fraišta- + поздний -tar и др., – и единичные слова с суффиксом *-(i)i̯ah: kmδyy 'меньший, малый' <*kambi̯ah- 'меньше'. Интенсивность качества выражается редупликацией имени или "элативом" – усилением значения прилагательного пре-

позицией элемента, производного от основ указ. или вопрос.-относ. местоимений (в значениях "такой...!", "какой...!"): w'- (<*aua-), č'- (<*ča-) и др. [GMS, 192-197; Лившиц, Хромов, I98I, 429-43I].

В ягнобском языке эта система значительно свернута: суф. -tar отмечен только с тадж. лексикой и, возможно, является заимствованным (совпадение его с рефлексом *-tara - чисто фонетическое). Обычно сравн. степень, как и превосходная, выражаются синтаксически. Старые суффиксы отмечаются как наречеобразующие: rítistar 'вперед, раньше', sarn̲ádistar 'выше' [Боголюбов, I956, I6; I966, 347; Хромов, I972, 20-2I; I987, 665].

В хорезмийском прослежены суф. -dar<*-tara, реже -astar (s^{i}nādikastar 'более чистый', uskadar 'выше'), однако их продуктивность неясна [Молчанова, I978, 90].

В осетинском сравн. степень прилагательных (и отдельных существительных с переносным значением индивидуальных качеств человека) образуется суф. -dær, -tær<*-tara (ср. kæstær 'младший'). Превосх. степень инновационна: образуется удвоением суффикса сравн. степени (darɣdærdær 'самый длинный') и синтаксическими средствами. См. [Миллер, I962, 83-84; Абаев, I962, 5I7; Исаев, I987, 589-590].

В южной подгруппе в основной массе языков система старых форм упрощена. Наибольшее их число отмечено в хотаносакском. Здесь сравн. степень образуется продуктивным суф. -ttarä, иногда с фонетическими стяжениями: battara- 'меньший', vasuttarä 'чище' (от vasutä), mästarä<mästatara- 'больше' (от mästä), а также -ḍara<*-tara + tara, ср. mästaḍara 'больше'; в поздних текстах t выпадает, ср. grrāmyerä 'жарче'. Отмечен также рефлекс *-ia: bihīyu 'больше' (ср. ав. vahyah). Превосх. степень образуется суф. -(t)tamä (mästama- 'наибольший', battama- 'наименьший'); этимологически выявляется также рефлекс *-ama (pīrma<*pruiama- 'передний'). Сильная степень качества выражается редупликацией прилагательного (śarä-śära 'самый лучший'). Подробнее [Konow, 1932, 47; 1949, 41; Герценберг, I98I, 265].

В живых восточноиранских языках Памиро-Гиндукушского региона продуктивность суффиксов сравн. степени снижается. В пашто суф. *-tara утрачен (в газетном языке отмечается заимствованный из дари -tar), и сравнительность передается средствами контекста [Грюнберг, $I987_{I}$, 65; ср. Pstrusińska, 1986]. В мунджанском отмечается употребление заимств. -dər, -dar (ḱamdər 'младший'), а собственное продолжение *-tara прослеживается лишь в лексикализованных формах (йд. ustur 'больше', мдж. mištor 'принц') [IIFL, II, 124-125; Грюнберг, $I987_{2}$, I86-I87]. В ваханском сохраняется -tər<*-tara; ишкашимский -tar является контаминацией собственного суффикса с тадж. заимствованием, однако более употребительно в этих языках выражение сравн. степени средствами контекста [Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 560-56I;

IIFL, II, 343; Пахалина, 1987_2, 507]. В языках шугнано-рушанской группы продолжается старый показатель сравн. степени: ш.р.х. -dí, б. рош. -dör, с. -der<*-tara, причем при его присоединении прилагательные сохраняют категорию рода, выражаемую огласовкой основы: ш. rūštdí, б. rōštdör (м.р.) - ш. rōštdí, б. rāštdör (ж.р.) 'краснее', р. bēdí, б. bēdör 'лучше' (от заимств. beh). Этот же суффикс принимают и существительные (и наречия): б. tīrmōdör 'ближе к осени', x̌ōmdör 'к вечеру'. Более сильная степень качества маркируется удвоением суффикса: ш., р. -dardí<*-tara + tara (ш. xušrůydardí 'покрасивее', р. xoy̌dardí (м.р.), xāy̌dardí (ж.р.) 'еще слаще'). В язгулямском сохраняется суф. -důr (после глухого согласного также -tů): xəšridůr 'красивее', bəx̌tů 'больше'; имеются и застывшие формы иных моделей: язг. x̌ůy 'лучше' <*śraiah. Более сильная степень качества выражается удвоением суффикса: -dardůr<*-tara + tara (x̌idardůr 'еще лучше'). Однако и в этих языках сравн. степень часто передается средствами контекста.

Превосх. степень во всех живых юго-восточных языках не имеет морфологического выражения (за исключением, возможно, сар. суф. -ɛgw): передается положительной, реже - сравнительный степенью в определенных контекстах. Отмечаются и различные способы передачи интенсивности качества, безотносительной к сравнению: редупликацией основ, инновационными суффиксальными образованиями, подбором синонимов, а также лексически.

Числительные

Количественные числительные

Числительные по разным восточноиранским языкам развивались весьма различно. В Памиро-Гиндукушском и прилегающих регионах в их систему, уже начиная с названия десяти, входят заимствования из персидского, дари или таджикского (в зависимости от ареала), а исконные числительные постепенно выходят из употребления[20], что для некоторых языков отмечено уже в первых записях конца XIX в. В настоящее время с развитием школьного образования, прессы, радио и телевидения этот процесс ускорился, особенно в речи младшего поколения. В отдельных случаях в одном из близкородственных языков или диалектов используется заимст-

[20] В некоторых языках исконные и заимствованные числит. сосуществуют, различаясь жанровым употреблением, стилистикой, даже семантикой имен - названий считаемых предметов: ср. обозначение часов тадж. числительными, минут - исконными при указании на время в сев.-пам. языках: рош. sōát xöw az panǰ nawžād 'шесть минут шестого' (букв. 'часы - шесть (рош.) от пяти (тадж.) прошло'), язг. wů minút na yak wərəy-dá 'одна минута второго' (букв. 'одна (язг.) минута от одного (тадж.) прошла'), передачу школьных оценок тадж. числительными и т.п.

вованное числительное, а в другом - исконное. Ср. заимствованное "10" в ишкашимском языке на территории СССР, при сохранении исконного в ишкашимском левобережья Пянджа и в близкородственных ему сангличи и зебаки. То же с заимствованием "10" в мунджанском языке, при сохранении собственного в йидга (в записях начала XX в.). В пашто и осетинском языках заимствованы только названия больших чисел.

В названиях десятков в большей части языков под воздействием субстрата выработалась вигезимальная система (см. ниже). Обнаруживается в осетинском, йидга, язгулямском, ваханском, в разговорном пашто; элементы ее наблюдаются в сангличи, ягнобском, согдийском языках. Ограничена обычно хозяйственной, бытовой сферой, в официальной же используется децимальная, которая в языках Памиро-Гиндукушского региона представлена заимствованными числительными, в пашто и осетинском - собственными. Отмечаются результаты и иных трансформаций древней системы, например вторичная децимальная система в языках шугнано-рушанской группы (также используемая в бытовой сфере), наличие отдельных числительных, построенных по субстратной модели без изменения системы в целом и т.п. Все это сказывается на названиях единиц и десятков, сужая сферу рефлексов древних числительных, количество которых идет по убывающей уже с конца первого десятка, после числительного "8".

В данном разделе представлены рефлексы общеиранских числительных и новообразования на восточноиранском материале. Заимствования рассматриваются лишь тогда, когда они входят как составной компонент в сложные числительные, образованные в восточноиранских языках, либо предстают в существенно трансформированном виде.

Рефлексы древних числительных, как говорилось выше, составляют большинство только в названиях единиц.

"1" А. К основе *aiu̯a- без суффиксов с разными типами ударения восходят: к *áiu̯a- - пашто yaw (ж.р. yawá может продолжать ир. ж.р. *aiu̯á- или быть вторичным образованием по типу имен ж.р.), в диалектах также yo, ẽwa; ш.р.х.б.рош. yīw, yi, с. iw, i; мдж., йд. yū; вах. yiw, yi; осет. Iw/ew (и - по аналогии к "2" - ewæ); ягн. Ī, i; согд. будд. 'yw, 'ywh, ман. ʿyw, хр. yw [ēw]; хор. 'yw [ēw]; к *aiu̯á- - пашто диал. yəwá, yewẽ, ywó [EVP, 99] (не исключено здесь и вторичное развитие конечного ударения), язг. wů (в функциях артикля и краткой формы числительного).

К основе с суффиксом, обычно с ударением на втором слоге - *aiu̯á-ka (реже со смещением его на первый слог) - восходят: язг. wůg (полная форма, используемая и при субстантивации, ср. wů); мдж. yūɣə, йд. yūɣo (при субстантивации, ср. yū), ишк. u/ůk, u/ůg (Гр. wok), сгл., зеб. wok; бактр. iōgo. Протеза всюду поздняя и обусловлена характером нового гласного из *ai- (подробнее об отражении *aiu̯a- по языкам: [Миллер, 1962, 84; EVP, 99; IIFL, II, 271, 330, 344 и др.; ОЯФ 21; Gauthiot, 1912; EGS, II, 138-139; GMS, 197; ИЭСОЯ, I, 557-

558 и др.; Лившиц, Хромов, I98I, 449 и др. работы]; в дальнейшем при характеристике этимологий числительных используются данные труды; чтобы избежать повторения, ссылки на них даются обычно при возможных расхождениях мнений).

Б. К основе *ś(i)i̯a- восходят сакские: хс. śśau (акк. с -u < *-m), śśiye, śśye (ж.р. śśā, возможно, первичен - из *ś(i)i̯ā), тумш. śo. Возведение их к этой основе [Konow, 1932, 50], как говорилось (см. с.45), подтверждается аналогичным происхождением "I" в ормури [IIFL, I, 407; Ефимов, I986, I58] и рефлексами *ś(i)i̯- > сак. śś-, ś- в других лексемах (при отсутствии перехода *ai- > ś(ś)-) [Konow, 1949, 32; Герценберг, I98I, 247; СГВЯ-Ф, 83-84]; ср. возведение их к *aiu̯a-, *aika- [DKS, 404; Герценберг, I98I, 265].

В. Продолжения ир. *ha- в виде самостоятельной лексемы со значением "I" в восточноиранских языках не отмечено. Об употреблении числит. "I" в функции артикля см. выше.

"2". К *du̯a- (со слабым дифтонгом) восходят: пашто dwa, ж.р. dwe (в зап. диалектах; в вост. род отсутствует), ср. др.-инд. dve [ср. EVP, 23] (ср. пашто bal 'другой' <*du̯itī̯a- при отсутствии *-u-); ван. dwē (ж.); язг. δow, ш. δu, бдж. δu, δō (о "полной" форме см. ниже), р.х.б.рош. δaw, с. δɛw, δa, δow; мдж. lu, йд. lo^h; ишк. dь(w), сгл. dŏw, dāw (ср. прототип *duwā(u) в [IIFL, II, 344]), зеб. dū; ягн. du (возможно, при контаминации с тадж. du, учитывая заимствование здесь тадж. числительных после "I0" [Боголюбов, I966, 347; Хромов, I972, 2I]); осет. dywwæ, duwæ/duw(w)æ, в первой части сложений - dy-/du- [ОЯФ, 2I; ИЭСОЯ, I, 385-386]; согд. будд., ман. δw', 'δw', 'δw, муг. 'δw, хр. dw' [δuwa, əδwa, əδū] при утрате конечной -a в приименной позиции; в сочетаниях - δyβ-, δβ- [δiv-]; хс. duva, dva (ж.р. dvi), duta (t < ∅ на месте v), тумш. dva; хор. 'δw, δw, перед паузой δyw [aδwa, iδwa] или [əδwa]. В вах. - результат раннего выпадения *-u-: *du̯u̯a- > *du̯a- > *ba- > bu, buy, где -y - вторично, по аналогии к truy '3' [IIFL, II, 489].

Вторичные "полные" формы ш. δiyβn, бдж. δu/iyβn материально представляют сочетания числительного "2" с именным суф. мн.ч. -yβn и не продолжают древних форм "2". Функционально отличаются от кратких самостоятельным использованием: при субстантивации и в абстрактном счете (в отличие от ср.-перс. согласовательного мн.ч. от "2", употребляемого в препозиции к имени [Расторгуева, Молчанова, I98I$_I$, 80] и от аналогичного кл. перс., употребляемого в сочет. har duvān 'оба'). По структуре и функциям совпадают с бурушаски ālto '2' - единственной формой мн.ч. на -o из всех числительных абстрактного ряда, т.е. не согласующегося с классом считаемых предметов. Эти "полные" формы, образованные рефлексами древних основ и суффикса, смоделированы структурно (и функционально) под воздействием субстрата, подробнее: [Эдельман, I98I, 7I].

"3". В продолжениях *trai- (очевидно, в форме ном. м.р. *traiah) отмечаются лишь фонетические различия, связанные со ступенью огласовки и с разными отражениями начальной группы: *tr- или *θr= [см. СТВЯ-Ф, I72-I75]. К первым относятся: пашто dre (с озвончением *tr-> dr- по аналогии к dwa '2', настолько ранним, что оно охватило другие числительные, включающие этимологическое "три" - "I3", "30" и др.; трактуется иначе в: [EVP, 21]); вах. truy, tru (с отпадением -y по аналогии к bu '2' при их взаимном уподоблении); язг. cŭy (где c-<*tr-). Осет. (æ)rtæ может продолжать и *trai-, и *θrai- (в сложениях - осн. ærti- из *tri- или *θri-) [ИЭСОЯ, II, 425-426]. В остальных языках отражается *θrai-: ш. р. х. aray, бдж. б. рош. arāy, с. aroy (где *θr-> ar=: группа *tr- дала бы здесь c-); мдж. x̌ĭráy, йд. x̌ʷroi (x̌<*θ), ишк. rů(y), сгл. rōi, зеб. rū [ср. IIFL, II, 344]; ягн. зап. tiráy, вост. saráy, siráy (соответствие зап. t- ~ вост. s- продолжает *θ-). Вымершие языки дают более пеструю картину. В сакских, как и в пашто, - с ранним озвончением *tr-> *dr- по аналогии к "2" (также проникшим в отражение "I3", "30" и т.д.): хс. drai, drrai (в сочетаниях - dr(r)a-<*tri-), тумш. dre (ср. трактовку dr-<*θr- [DKS, 169]). Из *θrai- происходят согд. будд. δry, 'δry, ман. 'δry, 'δryy, хр. šy, т.е. диалектные варианты [šē, šay] и [(ə)θrē, əθray]; последний более архаичен [Лившиц, Хромов, I98I, 450] и более близок к праягн. *θray [Боголюбов, I956, I4]. Из *θrai- также хор. šy [šĭ] (в сложениях 'rc [ərc-]<*hrti-<*θritia- [Henning, 1958, 109-110]).

"4". К *čatuar-, в основном в форме ном. м.р. *čatuārah, с фонетическими расхождениями главным образом в отражениях *č- (в виде č-, c-) и *-tu- (*θu> ø; *tu> t; tf> f; db> b> v; tp> pp и т.п.) [СТВЯ-Ф, I56-I58, I75-I77], восходят: пашто calor (в диалектах также архаичное calwor), язг. čer (возможно, при контаминации с раннетадж. диал. čār); ш. cavûr, cavōr, р.х. cavûr б. рош. cavōr, с. cavur (через этап *čabār); мдж. нижн. čfĭr, верх. čfūr, йд. čšĭr; вах. cəbыr, cыbыr, ишк. cьfur, сгл., зеб. c(ə)fūr, ягн. зап. ti/ufor, вост. tafor (с отпадением I-го слога [Боголюбов, I956, II; I966, 345] и отражением *-tu-> *-tf-> tVf-, поскольку при прототипе *-θu-> *-θf-> *θVf- вост. диалект имел бы *safor); осет. cyppar/cuppar. То же в вымерших языках: хор. cf'r [cafār] ?, хс. tcahaura, tcahora, тумш. tsahari; согд. будд. čtβ'r, ман., хр. čtf'r, štf'r [čətfār, šətfār], в композитах - [čərδ-] из *čaθru- с ранней метатезой [см. Reczek, 1974, 188; Лившиц, Хромов, I98I, 450].

"5". Отражение ир. *pánča в живых языках однотипно: язг. penǰ; ш.р.х.б.рош. pĭnz, с. pinz; мдж. pon(ǰ), йд. pānš; вах. panz; ишк. půnz, сгл. p(c)ŏnz, -s, pānz, зеб. p'ǭnš, pūnz; ягн. panč; осет. fonz (f-<*p- [ИЭСОЯ, I, 478]); исключение - пашто pinzó - с поздним переносом ударения, возможно, по аналогии к pinzós '50',

при сохранении архаичного ударения в диалектных pínzə, pínzə, pínza [Дыбо, I974, 87-89] (ср. возведение pinzə́ к форме на *-ā по аналогии к *aštā '8'[Morgenstierne, 1942$_1$, 95], едва ли реальное, учитывая отсутствие аналогичной формы у промежуточной "6").То же - в вымерших языках: согд. будд., ман., хр. pnč [panč], сакские: хс. pa̯mjsa, тумш. pa̯mtsi, patsi; хор. pnc [panc] (ср. "I5", "50", "500").

"6". Развитие ир. *xšu̯aš различается по языкам разной очередностью ассимиляции в группе *xšu̯- [СТВЯ-Ф, II7; ср. Hamp, 1983] и диссимиляцией *š - š: *xšu̯aš>*xšaš отражается в язг. xu(w); мдж. oxšə́, йд. uxšó; осет.(æ)xsæz (с -z при озвончении более раннего -s<ир. *š [ср. Миллер, I962, 69, 84; ОЯФ, 2I]). Этап *xšu̯aš>*xu̯aš (аналогичный диссимиляции r - r [Боголюбов, I976]) прослеживается в ш. xōy̆, бдж. xōw, р.х. xûw, б. рош. xöw, с. xel (где рефлексы *xšu̯->*xu̯- совпали с рефлексами *x^{w}-); ягн. uxš (если это метатеза из *xuš, ср. согд.); ишк. xûl/l̥, сгл. xuāl̥, xoār, зеб. xōl. Возможно, противоположным направлением диссимиляции (уже после утраты *u̯) объясняется вах. šad, šaδ, поскольку здесь š- из *xš-, но -d/δ - не из *-š (прототипы *šāz [IIFL, II, 459] или *(k)šwaštā- [Пахалина, I983, 38] дали бы иные результаты, ср. ир. *-št- > вах. -st, -t в других лексемах); не исключена здесь и аналогия к ранневах. *avda- '7'. В пашто *xšu̯-> šp-: špaž, то же в ван. špož, ср. [EVP, 76].

В вымерших языках: *xšu̯-> *xš-: хс. kṣa, kṣäṣa, kṣäta, kṣeta, kṣa, тумш. xši (возможно, с той же диссимиляцией или с утратой *-ž- < ир. *-š- и появлением на ее месте зияния, обозначенного "t" = [d], ср. вах. šad/δ); ср. *xšu̯->*xu̯- в согд. будд., муг. wɣwšw, редко 'ɣwšw, хр. xwšw [əxušu, uxušu, xušu], см.[Reczek, 1974, 189; Лившиц, Хромов, I98I, 450]; хор. 'x [uxx], если из *uxš- (<*uxuš- ?)<*xšu̯aš. Различия в фонетических изменениях - весьма поздние и отмечены даже в близкородственных языках (см. севернопамирские: язг. и шугн.-руш. группу).

"7". Прототип *haptá (о группе *pt см. [СТВЯ-Ф, 57-59, I90]) продолжается только в пашто owə́ (через ступень *āb́á; ср. возведение его к форме на *-ā по аналогии к "8" [Morgenstierne, 1942$_1$, 95]) и в мдж. ovdə́, йд. avdó. Диал. пашто o͡wə, o͡wə̃ и вариант йд. ávdo связаны с поздним переносом ударения. В остальных языках отражено *hápta- с вторичным переносом ударения: язг. uvd, ш.р.х. wūvd, б. ūvd, рош. (w)ūvd (с протетич. w-), с. ɯvd; вах. ɯb; ишк. uvd, сгл. (h)ōvδ, зеб. ōvd; ягн. зап. aft, avt (с постепенным оглушением согласных под влиянием тадж. языка), вост. avd [см. Боголюбов, I956, 7]; осет. avd (с "усилением" начальной гласной по аналогии к "8") [Миллер, I962, 84; ОЯФ, 2I; ИЭСОЯ, I, 82-83]; согд. будд., ман. 'βt, 'βt' [avd, avda], хор. 'βd [avd] (в сочет. 'βd'srδk 'семилет-

ний'), сакские: хс. hauda, hoda, тумш. hod- в hodama '7-й' и возможно скиф. *avd [ОЯФ, I67].

"8". Ир. *aštā- с архаичным конечным ударением продолжается в пашто atə́, возможно, с ранним сокращением *-á́ > *á [ср. EVP, 13; Morgenstierne, 1942$_1$, 95; Дыбо, I974, 84] (диалектные at, ātə - результат переноса ударения на I-й слог) и в мдж. oškó (при йд. áščo с поздним переносом ударения). В других языках - рефлексы вторичного *ašta-: язг. uxt, ш.р.х.б.рош. waxt, с. woxt (с протетич. w-); вах. at; ишк. ot, aṭ, a̭t, сгл. (h)ot, зеб. ōt; ягн. ašt; осет. ast,- для части языков ближний прототип имеет вид *āšta - результат метатезы из ир. *aštā. В пашто этот *ā- появляется по аналогии и в числительном "7" (при последующем исчезновении его в "8"). В вымерших языках отражается прототип *áštā-: согд. šty, 'šty [ašt, ašta], хор. 'št, хс. haṣta, тумш. haṣti (на безударность последнего слога указывает его качественная редукция в тумш.), скиф. *ast или *ašt [ОЯФ, I58].

"9". Прототип *nau̯a- продолжен почти во всех языках: пашто nə; язг. nu(w); ш.х. nōw, р.б.рош. nāw, с. new; мдж. nāw, йд. nōw; вах. naw (вариант nāb [IIFL, II, 488], очевидно, по аналогии к ыb '7'); ишк. naw, nu, сгл. nōu, зеб. nāu; ягн. naw; то же - в вымерших языках: согд. nw', nw, муг. nwh [naw, nawa]; хс. nau, no, тумш. na.

Особую инновацию представляют названия "9", не восходящие к *nau̯a-: пашто диал. tērai, вазири tār pa wōta (букв. 'перешедшее через восемь'), включающие рефлекс *√tar- 'проходить, переходить' [EVP, 51-52], осет. farast <*pāra-ašta 'за восемью, сверх восьми' [Миллер, I962, 84; ОЯФ, 2I, I58; ИЭСОЯ, I, 4I9-420] и хор. š'δ [šāδ], возводимое В.Хеннингом к *frad- 'увеличивать' [Henning, 1955$_1$, 433; 1958, 118], но, возможно, продолжающее *fra-ašta- 'за восемью' с переходом результирующего *šāšta при диссимиляции в *šāta и затем в šāδ (по аналогии с "I0"). Эти названия "9" строятся по субстратным моделям, отражавшим построение "9" в языках с четверично-восьмиричной системой счисления, где "8" представляло единицу второго порядка, завершавшую цикл счета единицами, а "9" начинало следующий этап счета [ИЭСОЯ, I, 77, 4I9]. Типологически здесь повторяется ситуация раннеиндоевропейского с его четверично-восьмиричной системой и обозначением "8" как дв.ч. от "4" [IEW, 775], а "9" как начала "нового" счета (о связи *e-neu̯en '9' с *neu̯os 'новый' см. [IEW, 318, 769]). В данных восточноиранских языках эта инновация возникла недавно и не успела охватить сложные числительные, включающие "9", т.е. "I9", "90" (и в хор. "900"), которые продолжают древние с осн. *nau̯a-, рано оторвавшиеся этимологически от числительного "девять" (см. ниже).

О языках, послуживших субстратом в этих регионах, известно мало. Для диалектов пашто это, вероятно, был дравидийский субстрат - ран-

ние контакты с дравидами и переход части из них на иранские языки естественны для данного ареала, учитывая сохранение их островка в виде языка брагуи. Восьмиричная система, существовавшая в них с общедравидийской эпохи [Андронов, 1978, 248], и наложила отпечаток на словообразование местных иранских числительных. Сходный субстрат возможен и для хорезмийского, учитывая, что дравидийские племена продвигались с запада на восток в доиранскую эпоху и могли контактировать с этносом, населявшим Хорезм и окружающие регионы, либо составлять часть этого этноса до заселения Хорезма ираноязычными племенами. Для осетинского языка естественно предположить кавказский субстрат. Прямых свидетельств четверично-восьмиричного счета в кавказских языках нет, однако имеются косвенные данные о наличии его здесь прежде, а именно: изменение значения в общекартвельском заимствованного семитского *arwa- (ср. араб. arba') с "4" на "8" [Климов, 1967, 308-309] и обособленное положение в прошлом статуса числительных "4" и "8" (сохранивших рефлексы классных показателей, в отличие от других числительных) в части нахско-дагестанских языков [Гудава, 1980, 186].

В названиях полных десятков удельный вес исконных лексем невелик, особенно после "30". "Выбывание" начинается уже с числительного "10".

В названии "10" лишь в части языков продолжается ир. *dáśa-: пашто las; язг. δûs, ш. δīs, р.х. δos, б. рош. δus, с. δes; йд. los; вах. δas; ишк. (левобережный) das, сгл. dŏs, зеб. dōs; ягн. das; осет. dæs; согд. будд., муг. δs, δs', ман. δs', хр. ds, ds' [δas, δasa]; хс. dasau (-u<*-m), daso (ген. мн.ч. daśśänu), в сложениях dasa-, тумш. dase; хор. δ(y)s, скиф. *das(a) [ОНФ, 163]. В собственно мундж. и в ишк. на территории СССР, начиная с десяти, используются тадж. числительные. Описательное ишк. dь dûst '2 руки' (зафиксированное в 50-е годы как счетная единица [Пахалина, 1959, 50]), возможно, иносказание, аналогичное язг. "секретным" числительным[21].

"20". В большинстве языков продолжается *u̯īśati. В пашто выступает в виде двух основ: а) в самостоятельной позиции - šəl<*iśáδi или *wšaδ^{1} <*wiśád' [ср. EVP, 73]<*u̯īśáti с палатализацией *ś> š после -i-; в ван. šwī налицо метатеза; б) во второй части числит. от 21 до 29 - -wíšt (в ван. и ряде диалектов пашто -wust) из той же праформы, но с сохранением архаичного индоевропейского ударения: *u̯íśati [Дыбо, 1974, 79-80]. В севернопамирских языках: язг. wast, с. wist (об остальных см. ниже); йд. wistó, wist; в вах. употреби-

[21] Последние применялись для замены числительных, сходных фонетически с таджикскими. Суть замены состояла в разбиении числа на более мелкие, названия которых непонятны лицам, не знающим язг. языка, например, cûy-ata δow//δow-ata cûy '5' (букв. '3-и 2'//'2-и 3', вм. penǰ); δow δûs '20' (букв. '2 [×] 10', вм. wast) [Климчицкий, 1940, 115; Эдельман, 1966, 34, 135].

тельно заимствование bist, однако зафиксировано и исконное wist [IIFL, II, 488; Пахалина, I975, 50]; сгл. wĭšt, зеб. wišt. То же в вымерших языках: хс. bistä, baista, besta, тумш. bista, хор. 'wsyc [Henning, 1955_1, 431]. Осет. yssæʒ/insæj из ир. *u̯ĭnśati (ср. [Миллер, I962, 85; ОЯФ, 22]; диг. dwwin [Исаев, I966, 47] - новообразование от "2" по аналогии к "30"); то же - в скифском [ОЯФ, 22, I88]. В согдийском количественное числительное не сохранилось, хотя цифровое обозначение больших чисел указывает на вигезимальный счет [Розенберг, I927, I67] и, следовательно, на наличие и большую функциональную нагрузку лексемы "20". Осн. wyst [wĭst] прослежена в порядковом хр. wystmyq [Reczek, 1974, 186, 189]. В остальных языках названия "20" и особенно последующих десятков заимствованы, либо перестроены по вигезимальной или вторичной децимальной системе (см. ниже).

"30". Прототип *trai-śat > пашто derš (через этап *dréšat - с метатезой, палатализацией *ś > š после *ai и ранним озвончением *t-> d-, как в "3" [ср. EVP, 22]); *θ̌riśat > сгл. rʏs, rɜs[22]; *θ̌/trinśat-> осет. ærtyn/ærtin [ОЯФ, 22; ИЭСОЯ, II, 427-428] (последнее, как и следующие числительные этой группы, используется в осет. децимальном счете; о вигезимальном счете и о функциях обеих систем см. с. I82, I93 сл.). Вах. диал. tru-δas '3-I0' [IIFL, II, 488; Gao Erjiang, 1985, 108] - вторичное образование либо по древней модели, либо по аналогии с вигезимальным tru-bist '60'. В вымерших языках имелись производные от *tri-śat- (в сакских с озвончением, аналогичным пашто, как в "3": хс. därsä, dirsä с метатезой, тумш. drisu), и от *θ̌ri-śat (согд. ман. šys [šis], хор. šys, бактр. uirso с метатезой).

"40". *čatu̯ár-śat-> пашто calwéšt (через этап *čatwáršat, менее вероятны *čaθ̌wr̥sata- [EVP, 17] или *čaθ̌wr̥sat [Morgenstierne, 1973_1, 84]); осет. диг. cuppor (и более старое cuppors) и в названии праздника cyppūrs/cæpporse [ОЯФ, 22, 283; ИЭСОЯ, I, 323]; то же в вымерших языках: хор. cf'rys-, хс. tcahaulsä, tcahəusä; в согдийском не сохранилось.

"50". *pančáśat- продолжено из живых языков только в пашто pinzós (через ступень *panjášt, ср. [EVP, 57]) с сохранением индоевропейского ударения [Дыбо, I974, 85]. Осет. децимальное fænzaj - вторичное образование от "5" по аналогии с "60", "70", "80" [ОЯФ, 283; ИЭСОЯ, I, 449]. В вымерших языках из древнего прототипа *pančáśat- > согд. pnč's [pančās], хор. pnc's [pincās, pancās], хс. pa̮mjsāsä, pa̮mjsāsĭ, тумш. patsasu.

---

[22] При заимствовании в санглийском последующих числительных из тадж. с фонетическими изменениями: čīl '40', panjā '50', šāš/st '60', (h)aftāδ '70', aštāδ '80', nawāδ '90', sāδ '100' [IIFL, II, 344]. Трактовке их как собственных [Пахалина, 1987_2, 508] препятствует историческая фонетика санглийского.

"60". *xšu̯aští > пашто špetá [EVP, 76; Дыбо, 1974, 84]. Осет. xsaj, æxsaj – вторичное образование от "6" по аналогии с "70", "80". Для вымерших языков характерен прототип с вторичным ударением *xšú̯ášti: согд. хр. xwššt [xušašt], хор. 'xyc [uxxic] (с переходом *-šti >*-ti > c), хс. ksaṣṭä, ksaṣṭa.

"70". *haptáti > пашто owiá, owyá (через этап *owāi с метатезой (?), ср. ван. awā без метатезы; вопрос об ударении спорен, ср. [EVP, 13; Дыбо, 1974, 85]); осет. ævdaj (через этап *ævdaʒ) [ОЯФ, 22, 283; ИЭСОЯ, I, 195]; в вымерших языках: согд. ман. 'βt'ṯ [avdāt], хор. 'βd'c [a/əvdāc], где -c <*-ti; хс. haudātä, hodātä.

"80". *aštāti с неясным ударением > пашто *atad'i > atyá (с метатезой) [ср. EVP, 13; Дыбо, 1974, 85]; *aštáti > осет. æstaj [ОЯФ, 22, 283; ИЭСОЯ, I, 190]; согд. хр. štṯ't [štat] или [əštāt], хор. *əštāc [Боголюбов, 1985I, 31], хс. haṣṭātä.

"90". Прототип *nau̯atí или – с вторичным ударением – *nau̯áti > пашто nwí, niwí, nəwí (место раннеафг. ударения спорно, ср. [EVP, 53] и [Дыбо, 1974, 85]); *nau̯áti > осет. næwæʒ/næwæʒæ [ОЯФ, 22, 283; ИЭСОЯ, II, 174]; согд. будд. nw't [n(a)wāt], хор. nwyc; прототип *náu̯ati – в хс. nautä, notä [Henning, 1942, 53]. Характерно сохранение здесь древней основы *nau̯a- в осет. и хор., ср. "9"; в диалектах пашто встречается также atyā-las '90' (букв. '80-10') [Lorimer, 1915, 49], связанное с утратой исконного рефлекса ир. *nau̯ati '90' после перестройки "9" (ср. выше).

В названиях единиц более высоких порядков ("100" и выше) удельный вес заимствований особенно возрастает. Исконные лексемы немногочисленны.

"100". В пашто используются две основы: а) səl 'сто' в ед.ч. (ср. ван. sI) из *śatám с переносом ударения на первый слог; б) saw- в форме мн.ч. sáwa (ван. sū, sō^{u}) при счете сотен (dwa sáwa '200', dre sáwa '300' и т.д.) – индоар. заимствование [EVP, 67; ср. CDIAL, № 12278, 122284] или собственное развитие той же основы в форме дат.-абл. мн.ч. на *-aibi̯ah или инстр. мн.ч. на *-aibiš (через этапы *sádba > *sába или *sádbi > *sábi). К прототипу *śatam восходят осет. sædæ, согд. ман., будд. st-, хр. st- [sat-]; хор. sd, syd [sid], в сочетаниях – 'zd, -zd [Боголюбов, 1985I, 32]; хс. sata- (в формах satä, sate, ssa, sä и др.), тумш. saḍa, sa; очевидно, то же в скиф. языке [ОЯФ, 181].

"1000". Исконные продолжения *haźáhra- не всегда отличимы от заимствованных из перс., тадж. и дари. Наиболее достоверны собственные: пашто zər '1000' [ср. EVP, 103], осет. ærzæ (< *æzræ < *azara) 'несметное множество' (при тюрк. заим. min '1000') [ОЯФ, 22; ИЭСОЯ, I, 186-187]; согд. ман., хр. z'r [zār]; хс. ysāra- (ysārä, ysāru, ysāre), тумш. zare '1000'; сходная форма прослеживается в скиф. языке [ОЯФ, 168]. Хор. hz'r заимствовано.

Остальные названия чисел высоких порядков в основном заимствованы: пашто lak 'I00000' – из перс. или индоар. (ср. др.-инд. lakṣa-, пали, пракриты lakkha-, синдхи lakhu и т.п. [CDIAL, N 10881], milyun 'миллион' – из европейских; хс. kūla 'I0 миллионов' – из др.-инд. koṭi- id., nayutä 'I00 миллиардов' – из др.-инд. nayuta- id. Продолжения ир. *baiu̯ar- отмечаются в хс. byūrru (-u<*-am) 'I0000; множество, "мириад"', согд. будд., ман. βrywr [vrēwar] 'I0000', осет. bīræ/beræ, bewræ 'много, многий; долго, очень' (то же – в скиф. именах), – последние наиболее близки к древней семантике "несметного множества" [ОЯФ, 22, I59; ИЭСОЯ, I, 262].

Числительные, обозначающие неполные десятки, претерпели еще большие изменения. Помимо заимствований, здесь много инновационных десятичных и двадцатичных моделей с исконным и заимствованным материалом. В результате и здесь удельный вес рефлексов древних построений невелик. Названия чисел второго десятка продолжают древние лишь в части языков.

"II". Прослеживаются рефлексы разных вариантов древнего сложения. Тип А. Ир. *aiu̯ádaśa- > пашто yawólas, но диал. yawəlás – либо позднее новообразование [EVP, 99], либо происходит из раннего, но вторичного сложения *aiu̯a-dáśa. Вариант *aiu̯andaśa- продолжен в осет. Iwændæs/ewændæs [Миллер, I962, 84; ИЭСОЯ, I, 559] и в вымерших языках: согд. хр. ywntsnw [ēwant/dasənu ?] (косв.п.), хор. 'ywnd(y)s [Henning, 1958, 118; Лившиц, Хромов, I98I, 450]. Сгл. koδos продолжает вторичное сложение *aiu̯aka-daśa- [IIFL, II, 344], либо является композитом "I + I0" (но не поздним, т.к. последние в данном ареале уже имеют порядок "I0 + I", см. ниже). Тип Б. Прототип *ś(i)iandaśa- (ср. *ś(i)ia- 'I') выявляется в хс. śūṃdasa [DKS, 404], śśūdasa- (в порядк. числительных) [Konow, 1949, 44]. Тумш. śowarsana – новообразование по модели числительных третьего десятка.

"I2". Прототип *duu̯á-daśa- > пашто dwólaś (вариант dwalas – новообразование по той же модели) [EVP, 23; Дыбо, I974, 79]; сгл. díδus [IIFL, II, 344]; осет. dywwadæs/duw(w)adæs [Миллер, I962, 84; ОЯФ, 22; ИЭСОЯ, I, 385]; согд. ман. δw'ts, хр. dw'tsnw [δuwātas-] (косв.п.) [Лившиц, Хромов, I98I, 450]; хор. 'δw's [əδwās]; хс. d(u)vāsu, dvāsä.

"I3". Вариант *trai + daśa- > пашто dyárlas – с метатезой через этап *draylas- [Дыбо, I974, 79] и с ранним озвончением, как в "3" (прототип *tráyodasa- [EVP, 21] менее вероятен), то же в ван. darlas. В осет. ærtyndæs/ærtindæs усматривается прототип *θ/tri-daśa- или поздний *θrindasa- с вставным -n- по аналогии с "I5" [Миллер, I962, 72, 85] или с "II" [ИЭСОЯ, II, 428], либо, скорее всего, с "30" (см. выше). Из вымерших языков засвидетельствованы: хор. hrδys [ərδis, hriδis ?] (с иным продолжением первого слога, чем в "3" и "30" [Henning, 1958, 109]) и хс. drraiśuvo (лок.п.), draiśvo (с

ранним озвончением *t- > d-); тумш. drewarsana - новообразование (ср. "II").

"I4". К ир. *čatu̯ár-daśa- восходит пашто cwā́rlas (диал.), cwár-las (возможно, через этап *čabárdas: прототип *čátur-daśa-, сходный с ведическим, фонетически маловероятен, ср. [Дыбо, 1974, 79], как и *x̌ār^{w}δas <*čau̯rudasa, ср. [EVP, 17]); осет. cyppærdæs/cuppærdæs (если это не новообразование), см. [ИЭСОЯ, I, 322], хс. tcahaulasä, tcahaulasa, tcaulasa. Хор. cwrδys скорее из *čatur-daśa-. В согдийском не засвидетельствовано.

"I5". Ир. *pánča-daśa- продолжается в сгл. pōnzəδ̌ōs [IIFL, II, 344] и осет. fynddæs/finddæs (через ступень *fæn̆g-dæs) [Миллер, 1962, 85; ИЭСОЯ, I, 496]. Пашто pinǯ́las - новообразование (древняя праформа дала бы рефлекс с иным ударением). К древнему прототипу возводятся согд. будд. pnčδs, ман. pnčt̲swn̲ или pnčt̲syn̲ [pančδas] [Лившиц, Хромов, 1981, 450], хс. pa̧mjsūsa и хор. pns (ср. "5", "50", "500").

"I6". Прототип *xšu̯aždaśa- (через ступени с *-žd- > *-rd-) прослеживается в большинстве языков: пашто špā́ṛas <*xšwā́rdas <*xšu̯až-daśa- (вторичное сложение *špaž + las [EVP, 76] менее вероятно; вариант špā́ṛlas поздний, возник по аналогии с "I5", "I7"); осет. (æ)xsærdæs (где -rd- <*žd, вряд ли по аналогии с "I4", ср. [Миллер, 1962, 60, 72, 84]); согд. хр. xwšrts [xušartas] или [xušardas], хор. 'xrd(y)s [uxxardis], см. [Reichelt, 1909, 214; Benveniste, 1955, 320-321 ; Henning, 1958, 118 ; Лившиц, Хромов, 1981, 450-451; СГВЯ-Ф, II8]. Хс. kṣasu, kṣasä, очевидно, из вторичного сложения *xšu̯aš(-a-)daśa- по аналогии с "I5" и "I7"; возможно, таково же происхождение сгл. xuāl̥(ə)δ̌ōs, если это не позднейшее образование, синхронное образованию "II" (см. выше).

"I7". Прототип *haptá-daśa- > пашто owə́las (через этап *ābádas с *ā- по аналогии с "I8", как в "7" по аналогии с "8", см. выше); с ранним переносом ударения: сгл. ōvdəδ̌ōs, осет. ævddæs (с ослаблением первого гласного, как в "I4", "I5", "I8" [Миллер, 1962, 85; ОЯФ, 22; ИЭСОЯ, I, I97]); хор. 'βdδs, 'βdδys; хс. haudūsa, haudusī (тумш. hoparsana вторично, ср. "II"). В согдийском зафиксировано порядковое хр. bbtsmyq [avvdasmīk] 'I7-й' [Reczek, 1974, 187, 189].

"I8". *aštá-daśa- с краткой *-a- продолжается в пашто atə́las (если это не позднее сложение); с ранним переносом ударения: сгл. hδ̌təδ̌ōs, осет. æstdæs, æstæs [ОЯФ, 22; ИЭСОЯ, I, I9I]; согд. будд. 'štδs, хр. št̲'s [aštδas, (ə)štas]; хс. haṣt̲ūsu, хор. 'štδ(y)s.

"I9". *náu̯a-daśa- > пашто núnas (с ассимиляцией через этап núlas [Дыбо, 1974, 79]; вряд ли новообразование, ср. [EVP, 51]), сгл. nowəδ̌os, осет. nūdæs/næwdæs (вариант ænūdæs может продолжать более старый с *a-nau̯a- < и.-е. *e-neu̯en [ИЭСОЯ, II, I92] или присоединить вторичное æ- по аналогии с "I7", "I8", как в ормури [Ефимов,

I986, I60]); то же в вымерших языках: хор. nw'δ(y)s, хс. nausä, nausu (в согдийском основа засвидетельствована в порядковом nwtsmyq [nawdasmīk] 'I9-й' [Reczek, 1974, 187, 189]). Характерно сохранение в хор. и осет. основы *nauą-, утраченной в числительном "9" (см. выше).

Из числительных третьего и последующих десятков древняя модель сложений (без соединительного элемента *-ča) относительно последовательно продолжается в пашто, хотя и с фонетическими изменениями, связанными с предударной позицией названий единиц (и качественной редукцией гласных в их основах), с метатезами и т.п., вызванными стечением определенных звуков на стыках морфем. Ср. yawwíšt '2I', dwawíšt '22', dəwríšt '23' (с метатезой и ослаблением предударного гласного), calerwíšt '24' (с сужением, благодаря i-умлауту, *a > e , ср. ван, čer-wust), pinzəwíšt '25', špužwíšt '26' (с лабиализацией предударного *a > u после p), owəwíšt '27', atəwíšt '28', nawíšt '29', yawdérš '3I', dudérš (диал. dwadérš) '32', driderš '33' и т.п. Сюда же относятся образования типа согд. будд. nw' nw't [nawa nawāt] '99' (и сохранившиеся в составе порядковых хр. ywwystmyq [ēwwist^{u}mīk] '2I-й', štf'rwystmyq [štafārwist^{u}mīk] '24-й' [Reczek, 1974, 187, 189]), хотя в согдийских документах был употребителен и обратный порядок компонентов сложных числительных, т.е. перестройка их согласно модели "I0 + I", что отразилось и в их цифровом обозначении, если это не простое следование семитскому порядку написания цифр. В языках сакских документов порядок компонентов таких числительных остается прежним, однако при этом происходят фонетические изменения и используется новый соединительный элемент: хс. -vare-, -ure-, -pare- (ном. мн.ч. ж. или ср.р. от *para, ср. др.-инд. dvāpara [Konow, 1932, 51]; в поздних документах компонент -va- выпадает): pusparedärsa '35', pusparenotä '95', drraivaredärsä '33', tcahaurebistä '24', dvārabistä '22', haṣpareksaṣtä '68' и т.п. [DKS, 68, 162-163, 169, 202, 404, 498; Герценберг, I98I, 266]; в тумш. элемент -war-, -par- вставляется, начиная с числительных второго десятка (см. выше, числительные "II", "I3", "I7" [DKS, 154, 404, 498]). Иной соединительный элемент при том же порядке компонентов употреблялся в бактрийском, см.: i iōgo odo uirso xšono 'в 3I-й год', букв. 'I и 30' [Стеблин-Каменский, I98I$_2$, 333, 343].

Таким образом, исконные числительные, даже восходящие к древним прототипам, в восточноиранских языках не всегда отражают одни и те же древние формы. В ряде случаев выявляются варианты прототипов, которые лишь частично могут интерпретироваться как архаичные и инновационные. Некоторые из них, одинаково древние, были распространены в разных диалектах или ареалах. Варианты прототипов: лексические (см. типы А и Б в обозначении "I", "II"), фонетические (прототипы с *t/ϑ, *n/ø и, возможно, с разными ступенями огласовок и ударениями) и сло-

вообразовательные (сложения варьирующих основ, см. "I3", "I4", "30"), - могли бытовать в диалектах общевосточноиранского состояния.

В числительных, обозначающих полные десятки (а также неполные, см. ниже), в большей части восточноиранских языков произошли коренные изменения, связанные с перестройкой системы счисления с децимальной на вигезимальную. В языках Памиро-Гиндукушского региона наблюдается иногда распределение систем счисления и, соответственно, числительных по функциональным стилям речи: вигезимальная система, сложившаяся на базе исконного материала, но по субстратным моделям, возобладавшая в какой-то период в этих языках и ставшая единственной и стилистически не ограниченной, в XX в. обнаруживает тенденцию к отходу на второй план, оставаясь в хозяйственной, бытовой сфере (счет плодов, скота, петель при вязании и т.п.). В официальной же сфере появляется и закрепляется вторичная децимальная система, зачастую заимствованная вместе с самими числительными (подробнее: [Эдельман, I975$_I$, 3I]). Например, в язг. языке обычно для счета свыше десяти используются тадж. числительные, однако в речи старшего поколения в обиходе употребляются собственные, построенные по вигезимальной системе [Эдельман, I966, 33-34]. Аналогично положение в йидга [Gauthiot, 1916$_1$, 250; IIFL, II, 125], сангличи (ср. элементы вигезимальной системы, зафиксированные в [Badakhshi, 1960, 10, 129], при заимствованной децимальной системе в: [IIFL, II, 344]), ваханском (где в вигезимальной системе для названия "20" используются и исконное wist, и заимствованное из тадж. bist, ср. [IIFL, II, 488; Пахалина, I975, 50; Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 645]). В ишкашимском и мунджанском произошел переход на децимальную систему с заимствованными числительными.

Обычная система счета в этом ареале является не чисто двадцатичной, а десятично-двадцатичной, поскольку включает элементы и десятичной системы: нечетное число десятков выражается сочетанием двадцаток с десятью: "30" = "20-и I0", "50" = "2[×]20-и I0" и т.п. При этом "20" выступает как счетная единица второго порядка, и если в число входит одна двадцатка, то перед числит. "20" может ставиться уточнитель "I". Тем самым числительные, начиная с "30", строятся по модели: "30" = "(I)[×] 20-и I0", "40" = "2[×] 20", "50" = "2[×] 20-и I0" и т.п. Ср.: 30 - язг. (wŭ) wast-a(ta) δŭs, вах. ((y)i) bist-ət δas, йд. yū wist-o los; 40 - язг. δow wast, вах. bu bist, йд. lu wist; 50 - язг. δow wast-a δŭs, вах. bu bist-ət δas, йд. lu wist-o los; 60 - язг. cŭy wast, вах. tru(y) bist, йд. x̌^{u}roi wist, сгл. rā (или ro) wišt; 70 - язг. cŭy wast-a δŭs, вах. tru bist(-ət) δas, сгл. rā-wišt-das и т.д. Название сотни в этой системе выступает как "5[×] 20": язг. penǰ wast (и гибридное penǰ bist), вах. panǯ b/wist, йд. pānž wist (отмеченное в: [Badakhshi, 1960, 124] сгл. انجول неясно), "200" - как "I0[×] 20", ср. язг. δŭs wast, йд. los wist и т.п.

Исключение для ареала представляет шугнано-рушанская группа, где новый последовательно десятичный счет построен на собственном материале, к тому же в большинстве языков, кроме сарыкольского, утрачено исконное числительное "20", замененное новообразованием "2 [×] 10", напр.: ш. δu δīs, рош. δaw δus '20'; ш. aray δīs, рош. arāy δus '30'; ш. cavōr δīs, рош. cavōr δus '40' и т.п. "Сто" выражается либо заимствованным sad, либо новообразованием типа ш. δīs δīs, рош. δus δus '10 [×] 10' или ш. δīs δīsak, рош. δus δusak[23] '10 десятков'. При этом числительные, обозначающие неполные десятки, строятся здесь по тому же принципу, что и в окружающих "вигезимальных" языках, т.е. от большего к меньшему, с теми же соединительными элементами. По-видимому, в шугнано-рушанской группе, как и в окружающих языках, под воздействием субстрата некогда произошел переход на неполную вигезимальную (т.е. вигезимально-децимальную) систему счета и на соответствующее построение числительных после "20", однако впоследствии выработался новый децимальный счет. Причиной такого "возврата" могло быть иноязычное воздействие - тадж. языка с запада и тюркских с востока: уйгурского языка на сарыкольский (ср. уйгурские числительные "60"-"90" в сарыкольском) и киргизского на рошорвский. Утрата исконного "20" не могла вызвать таких изменений, поскольку а) в сар. оно сохраняется, б) в вах., ягн. языках заимствованное "20" участвует в вигезимальном счете. Скорее, наоборот: новое "20" = "2 [×] 10" появилось по аналогии к "30" = "3 [×] 10", "40" = "4 [×] 10" и т.д., т.е. уже в рамках новой десятичной системы.

В ягнобском, где господствует децимальная система, базирующаяся на заимствованных тадж. числительных, обнаруживаются и вигезимальные (и вигезимально-децимальные) построения с заимствованным bīst '20' (tiray bīst '60', tiray bīst-u das '70') [Боголюбов, 1966, 347], продолжающие модели аналогичных построений в согдийском (зафиксированные в цифровых обозначениях [Розенберг, 1927, 167; Боголюбов, 1963_2, 22]).

Вигезимальная система в пашто, характерная для разговорной речи и диалектов (о децимальных моделях литературного языка см. с. 188), в качестве единицы второго порядка использует šəl '20', которое при обозначении чисел "40" и выше выступает в форме šəla (в диалектах šəle [Pstrusińska, 1980, 186 сл.], šəla [Lorimer, 1915, 49]), возможно, по аналогии с sawa 'сотни' (см. выше). При этом в диалектах выявляется, в отличие от рассмотренных языков, как вигезимально-децимальный, так и чисто вигезимальный счет, в котором "10" выражается как "половина [от] 20": 50 - dwa nim šəle (букв. '2 [с] половиной двадцаток') и dwa šəle aw las ('2 двадцатки и десять'); 70 -

[23] Наличие суф. -ak только в числительном "100" подчеркивает лексикализованность этого сочетания как единого имени существительного.

dre nim šə́le ('3 [с] половиной двадцаток') и dre šəle aw las ('3 двадцатки и 10'); 130 - šraž nim šə́le ('6 [с] половиной двадцаток'); 230 - yawúlas nim šə́la ('11 [с] половиной двадцаток'); 270 - dyarlas nim šə́la ('13 [с] половиной двадцаток') и т.п. То же - в обозначении неполных десятков, см. ниже.

В осетинском языке десятичная система, вытесненная в свое время двадцатичной, сохранялась долгое время в дигорской бытовой речи (так называемый "пастушеский счет"); в настоящее время новый десятичный счет используется в литературной, официальной и учебной сферах, а двадцатичный оттесняется в бытовую. Здесь, как в Памиро-Гиндукушском регионе, двадцатичный счет содержит элементы десятичного. Ср. 30 - dæs æmæ ssæʒ/dæs æma insæj (букв. '10 и 20'), 40 - duwissæʒi/duwinsæj, 60 - ærtissæʒ(y)/ærtinsæj, ærtinsæʒi, 70 - dæs æmæ ærtissæʒy, 80 - cypparyssæʒy/cupparinsæj, cupparinsæʒi, 90 - dæs æmæ cypparyssæʒy, то же - при обозначении сотни и чисел больше ста: 100 - fonʒyssæʒy/fonʒinsæj, 120 - æxsæzy ssæʒy, 180 - farastyssæʒy/farastinsæj, 220 - диг. yewændæsinsæʒi, 260 - диг. ærtindæsinsæʒi и т.д. Десятичная система воздействует на двадцатичную: ср. две модели построения "200": dæsyssæʒy/dæsinsæʒi '10 двадцаток', но чаще dywwæ fonʒyssæʒy/dwwæ fonʒinsæʒi 'два [раза по] пять двадцаток' (с имплицитным присутствием понятия "100"). Подробнее: [Миллер, 1962, 85; ОЯФ, 22; ИЭСОЯ, I, 190, 195, 323; II, 174, 426, 427-428 и др.; Абаев, 1962, 518; Исаев, 1966, 47-49; 1987, 591-592].

Если учесть распространение вигезимального счета (или его элементов) также в белуджском языке [Geiger, 1898_2, 240; Фролова, 1960, 38], курдском [Вильчевский, 1938; Бакаев, 1965, 55 и др.], говорах татского [Грюнберг, Давыдова, 1982, 253], таджикского [Кисляков, 1936, 34; Расторгуева, 1952, 86; Хромов, 1962, 42] (и в ср.-перс. надписи в Кара-Тепе [Лившиц, 1969, 80]), в парачи [IIFL, I, 59], хазара [Ефимов, 1965, 45], островных индоарийских языках [Оранский, 1977, 65-66] и др., становится очевидным его тяготение в иранских языках к двум ареалам: кавказскому с субстратным воздействием кавказских языков [ОЯФ, 22] и центральноазиатскому, где он прослежен в иранских, нуристанских, многих индоарийских языках (включая дардские) и в ряде неиндоевропейских (включая бурушаски, дравидийские и др.). Поскольку определенные лингвистические факты указывают на исконность вигезимальной системы в неиндоевропейских языках данного региона и поскольку субстратное воздействие на иранские языки ЦАЯС (как и на осетинский) проявляется на всех уровнях, то, учитывая децимальность позднеиндоевропейской и общеиранской систем, очевидно, что появление в восточноиранских языках (и других индоиранских) региона вигези-

мальной системы обязано воздействию субстрата[24]. Варианты новой системы (вигезимальная и вигезимально-децимальная) в диалектах пашто могут быть связаны с разными субстратными воздействиями на эти диалекты, либо с вторичным развитием смешанной системы. Подробнее о вигезимальной системе и ее географии: [Эдельман, I966, 33; I968, 92-93, карта № II; I975$_{I}$; I980, 23].

Наличие двух систем счисления и их выражение в системах новых числительных, обозначающих десятки, наложило отпечаток и на названия неполных десятков. При этом в языках, имеющих самостоятельные исконные или заимствованные слова для числительных второго десятка, возможны вариантные построения типа "33" = "20 + I0 + 3" или "20 + I3". Последнее отмечено в осетинском, в тадж. говорах, в язгулямском (с тадж. заимствованиями).

В языках Памиро-Гиндукушского региона числительные, обозначающие неполные десятки, перестроены в корне. В язгулямском, ваханском, йидга, шугнано-рушанской группе исконные числительные, перестроенные по вигезимальной модели (или по новой децимальной, см. выше), имеют порядок компонентов, противоположный древнему: здесь последовательно выдержан во всех подсистемах принцип "от большего к меньшему". Названия неполных десятков строятся так же, как названия полных нечетных десятков в вигезимальной системе, ср. язг. (wů) wast-a(ta) δow '22' (букв. '(I[×]) 20-и 2') и (wů) wast-a(ta) δůs '30' ('(I[×]) 20-и I0'). То же - в числительных второго десятка, где в качестве единицы второго порядка выступает "I0" (обозначению которого может предшествовать количественное определение "I"). Такая последовательность компонентов, свойственная языкам, контактирующим с бурушаски (или контактировавшим с языком//языками типа бурушаски в прошлом), носит явно субстратный характер [Бескровный, I974, I50-I52; Эдельман, I980, 23].

Так, в севернопамирских языках такие числительные строятся по единой модели с использованием соединительного элемента, в качестве которого выступает союз -at, -a, -ata 'и'. Ср., например, II - язг. (wů) δůs-a(ta) wůg, ш. yi δīs-at yīw, р. yi δos-at yīw, б., рош. yi δus-at yīw, с. δes-a(t) i(w); I2 - язг. (wů) δůs-at δow, ш. yi δīs-at δiyůn, р. yi δos-at δaw, б. рош. yi δus-at δaw, с. δes-a(t) δa и т.д., аналогично: 22 - язг. (wů) wast-a(ta) δow ('(I)[×] 20-и 2'), ш. δu δīs-at δiyůn ('2[×] I0-и 2'); 43 - язг. δow wast-a(ta) cůy ('2[×] 20-и 3'), ш. cavōr δīs-at aray ('4[×] I0-и 3'); 55 - язг. δow wast-a δůs-a penǰ ('2[×] 20-и I0-и 5'), ш. pīnʒ δīs-at pīnʒ ('5[×] I0-и 5') и т.п. То же - в гибридных чи-

---

[24] Поэтому трудно согласиться с идеей прямого заимствования двадцатичного счета, например, в йидга из языка кховар [IIFL, II, 126]: йидга находится в "вигезимальном" ареале и имеет много иных следов субстратного воздействия.

слительных из исконных и заимствованных компонентов: язг. wů wast-a δůs-a wůg//wů wast-a yozdá ‘31’, букв. ‘I [×] 20-и I0-и I’//‘I[×] 20-и (язг.) II (тадж.)’.

По-видимому, та же модель использовалась прежде в ишкашимском, учитывая построение dь důst-ьt uk ‘II’ (‘2 руки-и I’) [Пахалина, 1959, 50].

В ваханском наблюдается различие между группами: числительные второго десятка образуются сложением без соединит. элементов: δas-yiw ‘II’, δas-bu(y) ‘I2’, δas-tru(y) ‘I3’ и т.п., числительные третьего десятка и последующих – с соединит. элементом – союзом ə(t) ‘и’: bist-ət yiw ‘2I’, bist-ət bu ‘22’, (y)i bist-ə(t) δas-buy ‘32’ (букв. ‘I [×] 20-и I0-2’), bu bist-ə(t) truy ‘43’ (букв. ‘2 [×] 20-и 3’) и т.п. [Пахалина, 1975, 50; Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, 645; Gao Erjiang, 1985, 108]. Аналогичные построения в йидга зафиксированы для второго десятка: losyű ‘II’, losilo ‘I2’, losǐ^{i}rāi ‘I3’, losč^{ə}šīr ‘I4’ [IIFL, II, 125].

В диалектах пашто наблюдаются более сложные построения – с соединит. элементом bānde ‘сверх’, союзом aw ‘и’ и др., ср. "I24" – calor bānde špaž šəla; špaž šəla calor bānde ‘4 сверх 6 двадцаток’, "23I" – yaw bānde yolas nim šəla ‘I сверх II [с] половиной двадцаток’ [Lorimer, 1915, 49]; "II2" – dwa de pāsa pinzə nim šəle ‘2 после 5 [с] половиной двадцаток’, pinzə nim šəle aw dwa ‘5 [с] половиной двадцаток и 2’, pinzə nim šəla (yaw) yāre dwa nure ‘5 [с] половиной двадцаток и 2 еще’ и т.д. [Pstrusińska, 1980, 187].

В осетинском инновационное построение неполных десятков начинается после "20". Оно различно для вигезимальной и децимальной систем, ср. в вигезимальной: диг. ærtindæs æma insæj ‘33’ (‘I3 и 20’), ирон. dywwæ æmæ ssæzg ‘22’ (‘2 и 20’), ĭw æmæ dywwissæzgy ‘4I’ (‘I и 2 [×] 20’); в децимальной: диг. ærtin ærtæ ‘33’ (‘30 [+] 3’), cuppor jew ‘4I’ (‘40 [+] I’), ирон. ssæzg dywwæ ‘22’ (‘20 [+] 2’) и т.д., т.е. в вигезимальной системе порядок компонентов ближе к древнему, но сами числительные, обозначающие десятки, и соединительный элемент уже иные (подробнее: [Миллер, I962, 85; Абаев, I962, 5I7-5I8; Исаев, I966, 47-48; I987, 59I-592]).

Обозначения нескольких сотен, тысяч, миллионов и т.п. в большинстве языков состоят из сочетания названий единиц и сотен, тысяч и т.д., типа "два [×] сто", "два [×] тысяча". Продолжения древних прототипов редки. К ним можно отнести обозначения сотен в вымерших языках, напр.: согд. хр. dwyst [δuwēst] ‘200’ < *duuai satai (чаще – цифровые обозначения: будд. ’δwy I00, ’δw 100 ‘200’), хр. šyst [šesat] ‘300’ < *θri-śata- [GMS, 198]; хор. šyzd [šīzd] ‘300’, cf’rzd ‘400’, pnsd ‘500’ ("s" – араб. "sad" изображает рефлекс сочетания -č + d + s, ср. аналогичное написание в перс.), ’xzd [uxxuzda, uxxizd] ‘600’, ’βdzd [avdizd] ‘700’, ’štzd [aštizd] ‘800’

(где *-śata > *-sata > *-sad > *-sd > -zd), nwsd '900' (подробнее: [Henning, 1958, 118; Боголюбов, 1985$_I$, 31-32]). Хотаносак. числительные этой группы относительно новы: dvi-satä '200', drrai-sse, drrai-si '300', kṣe-se, kṣi-sse '600' и т.п. Обозначения нескольких тысяч являются свободными сочетаниями, ср. хор. 'x hz'r '6000', 'βd hz'r '7000', 'xyc hz'r '60000', 'βd'c hz'r '70000', 'βdzd hz'r '700000' [Боголюбов, 1985$_I$, 31-32], хс. tcahaurahaṣṭā ysāre '84000' и т.п.

В живых языках почти всюду выступают сочетания числительных с именами "сто", "тысяча" и т.п., причем в языках с вигезимальным счетом на них накладывается обозначение сотни как "5 [×] 20", "400" как "20 [×] 20". Ср. в осет. языке при десятичном счете: dywwæ sædæ '200', dywwæ miny '2000', ærtæ miny '3000'; при двадцатичном "200" - dæsyssæzy 'IO [×] 20', или dywwæ fonzyssæzy '2 [×] I00', где "I00" = "5 [×] 20" [Абаев, I962, 5I8]; ср. также пашто špaž nim šəle 'I30' ('6½ [×] 20'); calor sawa aw dwa šəle '440' ('4 [×] I00 и 2 [×] 20') [Pstrusińska, 1980, 187]. Продолжений более старых построений крайне мало, напр.: ван. dwē sū '200', tēr sū '300' [EVP, 21], pūn sū '500' и перестроенное по аналогии к нему cūn sū '400' (иначе: [Morgenstierne, 1973$_1$, 194-195]).

Сочетания сотен, тысяч и т.п. с другими числами всегда выражаются составными числительными. Здесь много гибридных образований (при заимствованных названиях "I00", "I000" и выше). Обычный порядок компонентов: число тысяч + число сотен + десятки и единицы в том порядке, в каком они строятся в данном языке, напр., пашто yaw səl-o yaw// səl aw yaw '101', yaw səl-o pinzə-derš 'I35', səl aw duderš 'I32', ср. yaw bāndi yawulas nim šəla '23I' ('I + II [+] ½ [×] 20'); осет. диг. ærtæ mini fonz sædæ ævdaj dwwæ '3572' ('3 [×] I000 [+] 5 [×] I00 [+] 72'), рош. δus δusak-at δus-at yIw//yi sad-at δus-at yIw 'III', бадж. xōw δIs δIs(ak)-at pīnz δIs '650' и т.п. То же - в вымерших языках, ср. согд. (с цифровым обозначением сотни) I00 št 'I08', хор. sid əštāc 'I80' [Боголюбов, 1985$_I$, 3I], хс. kṣe-se tcahausä '640', tcahau-si tcaura '404', drai-sse hauparipamjsāsä '357' и т.п. Лексикализации таких сочетаний не происходит.

Выражение неполных десятков конструкциями вычитания наблюдается в большинстве восточноиранских языков. Эти конструкции, состоящие из современных (на каждом этапе) числительных, постоянно регенерируют, появляясь в разных языках и разных системах счета. Ср. диал. пашто yaw kam pinzos '49' (букв. '[на] I меньше 50'), dwa kam nə šəla 'I78' ('[на] 2 меньше 9 двадцаток'), dre kam dyārlas nim šəla '267' ('[на] 3 меньше I3 [с] половиной двадцаток') [Lorimer, 1915, 49], at kam špaž šəle 'II2' ('[на] 8 меньше 6 двадцаток') [Pstrusińska, 1980, 187], ш. δiyūn kām sī '28' ('[на] 2 меньше 30'), бадж. arāy kām nōw δIs//arāy kam nawad '87' ('[на] 3 меньше 9 [×] I0//90'), б. arāy

kām sī ‘27’ (‘[на] 3 меньше 30’), рош. pīnʒ kām cavōr δus ‘35’([на] 5 меньше 4 [×] I0’) и т.п. Из вымерших языков такое построение зафиксировано в согдийском: согд. ’yw knpy 50 ‘49’ (букв.‘[на] I меньше 50’), ман. 2 qmbyy 30 ‘28’ (‘[на] 2 меньше 30’) [GMS, 199] (то же отмечается в тадж. говорах и др. языках в виде поздних построений, используемых в обиходном, хозяйственном счете).

Словоизменение количественных числительных из живых языков наиболее богато в пашто: названия "I", "2" имеют здесь категории рода (кроме некоторых диалектов) и падежа: "I" - прям.п. м.р. yaw (из ном. м.р. *aiu̯ah или ср.р. *aiu̯am), ж.р. yawá (из ном. ж.р. *aiu̯ā или инновация); косв.п. инновационны (либо продолжают: м.р. yawś - абл. или инстр. на *-āt, *-ā [Morgenstierne, 1942$_1$, 96], ж.р. yawe - те же падежи на *-aiāt, *-aiā); "2" - прям.п. м.р. dwa (из ном.-акк. дв.ч. м.р. *duu̯ā), ж.р. dwe (из ном. дв.ч. ж.р. *d(u)u̯ai или по аналогии к современным именам ж.р. на -e [Morgenstierne, 1942$_1$, 97]), косв.п. м. и ж.р. dwo - по современному именному типу (хотя не исключено и продолжение инстр.-дат.-абл. дв.ч. *duu̯ābia, ср. вед. dvā́bhyām). Остальные числительные имеют косв.п. на -o (dro, calóro, sə́lo и т.п.), восходящее через этап *aw к показателю мн.ч. инстр. *-aibiš, *-ābiš или дат.-абл. *-aibiah, *-ābiah, ср. [Morgenstierne, 1942$_1$, 95], менее вероятно - к акк. ед.ч. *-am.

Названия единиц второго порядка и далее ("I0", "20", "I00", "I000" и т.п.) являются существительными. Употребляясь субстантивно, они имеют именной показатель мн.ч. -úna, -gúna: šə́lgúna ‘двадцатки’, zəgúna ‘тысячи’; в сочетании с другими препозитивными определителями-числительными, как и с местоимением-числительным co ‘сколько, несколько’, они принимают (как существительные на согласный) показатель -́a (dre zə́ra ‘3000’, dwa šə́la ‘40’, букв. ‘2 двадцатки’), который может продолжать флексию ном. дв.ч. или мн.ч. *-āh [Morgenstierne, 1942$_1$, 94], в диалектах также показатели ж.р. -e, -i (šə-le, šəli [Pstrusińska, 1980, 186]).

В осетинском количественные числительные при самостоятельном употреблении склоняются как имена: в иронском диалекте по парадигме существительных, в дигорском - с отклонениями под влиянием местоименной парадигмы (при сочетании числительного с существительным данный тип склонения переходит на существительное) [Миллер, I962, 86; Исаев, I966, 50-5I]. Древним здесь может быть только показатель род.п. числит. "I" и "2", содержащий -j- <*i; для "3" этот показатель вторичен, перенесен из парадигм "I", "2".

В языках Памиро-Гиндукушского региона субстантивированные числительные могут принимать препозитивные и постпозитивные элементы. О формах мн.ч. числительного "2" в шугнанском и баджувском и о суф. -ak при обозначении "I00" в шугн.-руш. группе см. с.I83, I94. В ягнобском числительные склоняются при субстантивации и в независимой

позиции; могут принимать именной показатель мн.ч. [Боголюбов, 1956, 16].

В вымерших языках также зафиксированы фрагменты словоизменения количественных числительных: в согдийском прослеживается склонение числительных "1", "2", "5" и др., степени сравнения числительного "1" и т.п. [GMS, 198-199; Лившиц, Хромов, 1981, 449-451]. В хотаносакском числительные склоняются: "1" по парадигме существительных в ед.ч., остальные - по парадигме мн.ч. с отклонениями в род.п. [Герценберг, 1981, 266], связанными, во всяком случае, в части числительных, с сохранением здесь рефлексов архаичных форм, напр. род.п. от "2"- dvīnu< *du(u̯)ai (<и.-е. *duu̯-oi) + -nu из регулярной хотаносакской именной формы генитива [SGS, 249]. По-видимому, общевосточноиранское словоизменение числительных мало отличалось от общеиранского.

Порядковые числительные

По грамматическим признакам порядковые числительные относятся к классу прилагательных. Образуются в основном от количественных числительных; время их образования различно. Исключение - числительное "первый", которое во многих языках выражается прилагательным - рефлексом ир. *fratama- (см. с. 51), либо заимствованным араб. awwal, реже - иными лексемами. Так, пашто lumṛáy, ṛumbáy 'I-й'(ж.р. lumṛə́y, ṛumbə́y) из раннеафг. wṛumbay [Geiger, 1898$_1$, 216], отмечаемого поныне в диалектах, - из *brudma-ka<*p/fratama- (при наличии и араб. awwal 'I-й').

Продолжения *fratama- отмечаются и в вымерших языках в качестве порядкового числительного "I-й", а также в составе или в качестве наречий и других лексем с пространственным и временным значением "впереди", "сперва" и т.п. Ср. бактр. fordamso [fərdamc] < *fratama-čī 'сперва' [Стеблин-Каменский, 1981$_2$, 340], согд. prtm-, 'prtm-, 'βtm-, ман. ftm, 'ftm, хр. ftm- [ftam-, əftam-] 'I-й' (склоняемое как прилагательные лег. осн.) и более поздние формы по аналогии с другими порядковыми числительными: будд. 'prtmyk, ман. 'ftmyk [əftmīk] и согд. 'prtmčykw, ман. ftmčy, 'ftmčyk [ftamčīk, əftamčīk], см. [EGS, II, 139; GMS, 200; Reczek, 1974, 188; Лившиц, Хромов, 1981, 452]. Хор. ftm(y)ck [Фр.: fitmēck] из *fratama- + īck ? [Боголюбов, 1985$_1$, 31]. В хотаносак. - paḍā 'I-й' из *partāk (иногда с адъективным суф. -auysa-, ср. paḍauysa, paḍoysä,- из *partā(k)-auza-) [DKS, 203], а ир. *fratama- дало хс. hatäma- 'самый дальний' - по типу satäma 'I00-й'[DKS, 448].

Осет. fyccag/ficcag 'I-й, прежний, первоначально' и послелог 'перед' - вторичное образование от fynz/finz 'нос' с суф. -ag, при сохранении в скифо-аланском *radam-<*fratama- [ОЯФ, 165, 200, 590-591; ИЭСОЯ, I, 486-487]. В ряде живых языков используется только за-

имств. араб. awwal: йд. āwā́l, ш. aw(w)al, яз. (h)awal и т.д.

Образование остальных порядковых числит. по языкам различно. В каждом из них обычно унифицируется для всех числительных только один из общеир. суффиксов. В подавляющем большинстве языков это рефлексы *-ama; в отдельных языках - новые суффиксы (чаще всего из *-aka, *-āka, *-īka и т.п.), выступающие при основе или после рефлексов *-ama (по типу *-ama + (ī)ka).

В пашто порядковые числительные образуются суф. -(y)ə́m (м.р.), -(y)ə́ma (ж.р.): calorə́m (ж. calorə́ma) '4-й', awyāyə́m (ж. awyāyə́ma) '70-й' и т.п., - с распространением *-ama на все числительные; ж.р. -(y)ə́ma<*-amā или недавнее образование по типу прилагательных ж.р. Числительные "2-й", "3-й" имеют архаичную основу: dwayə́m, dwahə́m '2-й', drayəm '3-й'. Склоняются как прилагательные с соответствующим исходом основы. Во мн.ч. форма м.р. выступает без окончаний, ж.р. - с окончанием -i: pinzə́mi '5-е' (ж.р.). Отмечены застывшие древние формы, ср. bəl 'другой'<*duitīa- 'второй'.

В севернопамирских языках выступают поздние однотипные образования от современных количественных числительных с суффиксами - рефлексами *-ama при контаминации с заимствованным таджикским (что связано с употребительностью в этих языках тадж. порядковых числительных): язг. -əm, ш.р.б. -um (контаминация рефлексов *-ama с южнотадж. -um): язг. cůyəm, б. arāyum '3-й', язг. uvdəm '7-й' и т.п., ш. δiyůnum, р.б. δawum '2-й', pīnzum '5-й'. Рош. -ēm может восходить к *-amia (при совмещении *-ama + *-iia): δawēm '2-й', arāyēm '3-й', uvdēm '7-й'. Сар. -inči - из уйгурского (вначале, очевидно, вместе с уйгурскими числительными): δɛwinči '2-й', aroyinči '3-й'.

В ваханском языке для порядковых числительных от "I" до "I0" используются образования от исконных количественных: суффиксом -ы/əm<*-ama, контаминированным с тадж. (во всех говорах), и суффиксом -ыng<*-ama-ka (в центр. и верх. говорах): buyəm, buyыng '2-й', truyыng '3-й', cəbыrыng '4-й' [Пахалина, I975, 5I; Грюнберг, Стеблин-Каменский, I976, 646; Gao Erjiang, 1985, 109]; в ишкашимском отмечены заимствованные тадж. порядковые числительные на -ьm и единичные собственные (с тем же тадж. -ьm: cьfurьm '4-й').

В ягнобском имеются только заимствованные таджикские порядковые числительные, к тому же редко употребляемые. В осетинском языке суф. -ag<*āka образует числительные dykkag '2-й', ærtykkag '3-й'(-kk - для уничтожения зияния) [ИЭСОЯ, II, 380-38I], суф. -æm<*-ama - все остальные: cuppæræm '4-й', æstæm '8-й' (включая вторичные dykkægæm '2-й', ærtykkægæm '3-й'). В дигорском диалекте употребителен также составной суф. -æjmag (<*-aia- + ama + позднее -ag), начиная с "4": cuppæræjmag '4-й', fænzæjmag '5-й' и т.д. В сложных числительных суффиксы присоединяются к последнему компоненту, т.е. в децимальных - к названиям единиц, в вигезимальных - к названиям

десятков: ssæʒ dykkag или ssæʒ dykkægæm, в дигорском также dwwin dukkag '22-й' (в децимальном счете), ср. dywwæ æmæ ssæʒæm/dwwæ ma insæjæjmag '22-й' (в вигезимальном счете) [Абаев, 1962, 5I8-5I9; Исаев, 1966, 49-50]. Старые порядковые числительные отмечаются в лексикализованных образованиях типа ᵂrtyccag/ærticcæg 'среда' < *ϑritiа-ka [ИЭСОЯ, II, 427], хотя и здесь наблюдаются вторичные, с рефлексами *-ama и более поздних суффиксов, ср. cuppæræm/cuppæræjmag 'четвертый, четверг' [ИЭСОЯ, I, 322]. Склоняются по парадигме имен.

В вымерших языках больше следов древних образований, хотя тенденция к унификации отчетливо прослеживается и здесь. В согд. языке в числительных "2-й", "3-й" сохраняются рефлексы старых образований: ман. δβty-, будд. δβty-, δγβty- [δivdi-] '2-й'; будд. 'šty-, 'tδrty-, čšty- [štiy-, əštiy-, ᵊϑrti-] '3-й', однако отмечены и инновационные с суф. -īk, присоединяемым к старой форме: ман. δβtyk, хр. dbtyq и т.п. '2-й'; ман. štyk, 'štyk, хр. štyq, будд. 'tδrtyk, čštyk '3-й'. Начиная с "4-й", выступают порядковые числительные с суф. -m [-am] <*-ama, часто с наращением суф. -īk (или с *-ma-yā-ka по [GMS, 168], что менее вероятно): будд. čtβ'rm, ман. čtf'rmyk, будд. čtβ'rmyk, čβt'rmyk '4-й'; будд. pnčm, ман., будд. pnčmyk, ман. pnǰmyk '5-й'. Склоняются как имена с соответствующими основами [GMS, 200; Лившиц, Хромов, I98I, 453].

В хор. при сохранении старого δβcy '2-й' наблюдается генерализация суф. -m <*-ama: δβcym '2-й', 'xt(y)m '6-й', 'βd(y)m '7-й' и т.д. [Henning, 1955_1, 433; Боголюбов, 1985_I, 3I].

Генерализация -ama, -ma <*-ama произошла и в сакских языках, хотя "2-й", "3-й", "5-й" сохраняют следы древнего образования: хс. śätä, śe, тумш. źida '2-й' (возводимые к *duita- [DKS, 393, 399], что маловероятно); хс. diddü, dädä, däddä, didä, тумш. dida '3-й' (<*trtīa- ?) [DKS, 169], хс. pūha- <*puxϑa- (?) <*pnk-tha- '5-й'. В остальных числительных поздние образования с рефлексами *-ama, *-ama + iia-, а также с суф. прилагательных *-ana: хс. tcūrama, tcūram, тумш. ts(h)armana- '4-й', хс. kseima, ksemye, ksimmä, тумш. xšimana- '6-й', хс. hodama-, haudama-, hatamu '7-й' и т.п. [ср. Konow, 1932, 50-51; Герценберг, I98I, 266-267]. По-видимому, образование порядковых числительных в общевосточноиранском мало отличалось от общеиранского.

Другие разряды числительных

Отмечаются мультипликативные, дистрибутивные и иные типы числительных, по грамматическим признакам относящиеся в основном к наречиям.

Мультипликативные отмечены в сакских языках в виде сложений количественных числительных с tcīra 'раз': хс. drai tcīra '3 раза' и

в раннетумшукских текстах в виде застывших образований vitana ‘дважды’, dritana ‘трижды’ (и хс. hatäro, hatarro ‘единожды’). Сложениями представлены они и в ряде других языков, ср. хор. šy'vr [šiyā vara] ‘трижды’, пашто dwa dóna ‘в 2 раза’ (то же с ẓal, wār ‘раз’, с предлогом pə: yaw pə las ‘в десять раз’).

Более единообразным оказывается выражение дистрибутивности. Отмечается разряд дистрибутивных числительных, образуемых суффиксами: I) -í - в большинстве памирских языков; ср.: вах. -í - buyí ‘по 2’, truyí ‘по 3’; ишк. -í - ukí ‘по I’, uvdí ‘по 7’; ш.р.х.рош.с. -í, б. -ī́ - ш.р.рош. yīwí, б. yīwī́, с. iwí ‘по I’; ш.р. arayí, б. arā/ayī́, с. aroyí ‘по 3’ (ср. в сложных числит.: рош. δaw δus-at pīnzí ‘по 25’); суффикс, возможно, продолжает ир. *-aia, при вторичном распространении его на все числительные; 2) суффиксы, содержащие k или g < *k: в живых языках - осет. -gaj: ɪwgaj/jewgaj ‘по I’, cyppærgaj/cuppærgaj ‘по 4’, dæsgaj ‘по I0’ и т.д. (склоняются по парадигме мн.ч. имен); язг. -gen (иногда с редукцией основы): wůgén ‘по I’, cigén ‘по 3’, čargén ‘по 4’; ягн. -ki: íki ‘по I’, tiráyki ‘по 3’, áftki ‘по 7’ и т.п.; отмечается также в вымерших языках - согд. -ki (z'rkyy ‘по I000’), возможно, хор. -c <*-ki (?) (ср. 'δwc ‘по 2’, 'xc ‘по 6’, 'βdc ‘по 7’). Суффиксы с -k- происходят из ир. *-k- с наращением других суффиксов: для осетинского, согдийского, ягнобского и, возможно, хорезмийского прототипом послужило сращение *-k-aia- [Gershevitch, 1949, 63; Бенвенист, I965, II6; Лившиц, Хромов, I98I, 453]. Для язг. -gen можно усмотреть *-k-āna или *-āni, сопоставимое не с согд. -č'nyy [-čane], как предполагалось [Эдельман, $I987_2$, 386], а с кл. перс. -gāna, ср.-перс. -kānak (ср. совр. перс. yegâne, dogâne).

Отмечается также обозначение дистрибутивности редупликацией числительных (количественных или дистрибутивных), напр., пашто calor-calor ‘по 4’, язг. δow-δow ‘по 2’, wůg-wůg ‘по I’, но ишк. ukí-ukí ‘по I’, рош. yīwí-yīwí ‘по I’, arayí-arayí ‘по 3’ и т.п. То же - в согд. [GMS, 200, 242]. Средство это служит не только для обозначения дистрибутивности числительных, но используется и по отношению к именам [EGS, II, 148; GMS, 236] и к словосочетаниям (ср. язг. δow ɣačag - δow ɣačag ‘по 2 девушки’) и, помимо дистрибутивности выполняет иные функции. Регенерирует на разных этапах развития языков, начиная с древности.

Кроме указанных существуют различные по языкам образования от числительных. Суффиксальные собирательные - сар. с суф. -ɛw (δɛwɛw ‘двое’), мдж. с суф. -ini, -ni (lúyni ‘двое, вдвоем’, ǰiráyni ‘трое, втроем’), пашто с суф. -wā́ra (calor-wā́ra ‘все четверо’, dwā́ra < dwa-wā́ra ‘оба, вдвоем’) и т.д. - являются именами, обладают именным словоизменением (ср. пашто ж.р. dwā́ri, мдж. мн.ч. lúyn-āf и пр.). В языках с литературной, научной и педагогической традициями - осе-

тинском, пашто – имеются и другие образования: дробные числительные, обозначения процентов и т.п., однако это поздние описательные обороты, состоящие из разных разрядов числительных, либо из сочетаний числительных с именами, предлогами и послелогами, ср. пашто dwa pinzəm, dwa pər pinzə́ ‘2/5’, pə sə́lo ki atə́las ‘I8%’ (букв. ‘в сотне – I8’); осет. dæsæm/dæsæmag xaj ‘I/I0’ (букв. ‘десятая часть’), fænzæm/fænzæjmag xaj ‘I/5’ и т.п.

Все эти типы числительных не сводимы к единым общевосточноиранским прототипам (кроме редуплицированных дистрибутивных).

Местоимения

Местоимения развивались неодинаково по языкам в плане не только этимологии отдельных форм, но и типов перестройки системы в целом. В отношении последних наиболее характерны: а) переход в некоторых языках части указ. местоимений (или их отдельных форм) в разряд личных 3 л.; б) изменение соотношения ударных и энкл. местоимений (с переходом членов одной парадигмы в другую); в) трансформация лексем и форм внутри отдельных мест. разрядов и выделение новых разрядов (напр., появление новых падежей, в том числе посессивного, или притяжательного, который затем выделился в самостоятельный разряд со своим словоизменением).

Личные местоимения

Личные местоимения изменялись в разных восточноиранских языках неодинаково. В части языков изменился сам состав лексем, объединяемых этим разрядом: появились местоимения 3 л., обособившиеся от указательных. В некоторых языках процесс перехода части указательных местоимений в разряд личных 3-го л. еще не завершен, и сфера 3 л. допускает разные трактовки(см.с.2I4 сл.).Часть же языков сохранила древнюю систему, где личные местоимения выступают только в I-м и 2-м лице, а для выражения 3-го лица используются указательные местоимения. Трансформации обнаруживаются и в местоименном словоизменении, причем в ряде языков из парадигмы личных местоимений (а также указательных, вопросительных и др.) выделились притяжательные формы, получившие собственное словоизменение и образовавшие самостоятельный местоименный разряд. В связи с такой пестротой картины целесообразно дифференцированное рассмотрение разных групп личных местоимений: группу I и 2 лица вместе (с учетом посессивных, или притяжательных, форм, если они не выделились из парадигмы), а 3 лицо – обособленно от них, с ориентацией на указательные местоимения, с которыми они связаны этимологически.

Местоимения I-го и 2-го лица

Парадигмы местоимений I-го и 2-го лица:

Языки	Падежи	I лицо		2 лицо	
		ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
		I	2	3	4
Осет.	Им.	æz	max	dy/du	symax/
	Род.	mæn		dæw	sumax
	Дат.	mænæn	maxæn	dæwæn	symaxæn/ sumaxæn
	Направ.	mænmæ, mæmmæ	maxmæ	dæwmæ	symaxmæ/ sumaxmæ
	Отлож.	mænæj	maxæj	dæwæj	symaxæj/ sumaxæj
	Местн.	mænyl/	maxyl/	dæwyl/	symaxyl/
	внеш.	mænbæl	maxbæl	dæwbæl	sumaxbæl
	Уподоб.	mænaw	maxaw	dæwaw	symaxaw/ sumaxaw
	Совм.	memæ,	maximæ	demæ,	symaximæ
	(ирон.)	mænImæ		dæwImæ	
Согд.	Прям.	будд.,ман. 'zw, хр. (')zw [azu]	будд. m'ɣw [māxu], ман., хр. m'x [māx]	tɣw [taɣu/ō ?, taxu], ман. tw [taw? tŭ?] tw' [tawa]	будд. šm'ɣw [(ə)šmaxu], согд.-ман. 'šmɣw, 'šmɣ ман. 'šm'x, šm'x, хр. šm'x [(ə)šmax]
	Косв.	будд.,ман. mn',хр.mn [mana, man]			
Ягн.	Прям.	man	mox	tu	šumox
	Косв.			taw	
Хор.	Ном.	'z,y'z,n'z	mvy	('w)tk	hvy
	Акк.-дат.	m'rδ'r		tw'rδ'r	
	Абл.-лок.	m(y)k		v(y)k	
	Ген.	mn'c	mvy'n	tw'c	hvy'n
Хс.	Ном.	aysu, aysä, a	muhu,muho, buhu	thu	uhu, uho
	Акк.	ma	maha		umä?
	Ген.	mamä	māvu,mānu, māju	tvī?	umāvu, umānu,umā
	Инстр.-абл.		muho-jsa	tvī=jsa	umyau-jsa
Пашто	Прям.	zə (вост.), ʒə (зап.)	muẓ̌,munẓ̌	tə	tā́se,tāso
	Косв.	mā		tā	

		I	2	3	4
Ван.	Прям.	ze	moš̌, mo	tə, ta	tās
	Косв.	mā, mə		ta, tē	tāsa
	Посесс.	mī		tā, ta	tāsə
Йд.	Прям.	zo, zə	măx, mōx	tu, tə	măf
	Косв.	mən		tŏ, ta	
Мдж.	Прям.	zə, za	mox	tu	mof
	Косв.	mьn		tə, ta	
Шугн.-руш. группа	Прям.	ш. wuz, бдж. х.рош.с. waz, р. (w)az, б. āz	ш.бдж.р.х. б.рош. māš̌, с. maš̌	ш.бдж.х.рош. tu,р. tu,to, б. tū,с. tɛw	ш.бдж.р.х. tama, б.(бас.) tamāš̌, б. (раум.-сип. tama, рош. tamāš̌, с. tamaš̌
	Косв.	ш.бдж.х. mu, р. mun, mu, mo, б. рош.mun, mu, с. mьn, mы		ш.бдж. tu, р.б.рош. tā, х. taw, tā, с. ta, tы	
Язг.	Прям.	az, āz	mox	tow	təmóx
	Косв.	mon, mů̄n, mo-		tu, ti-	
	Посесс.	ni		ti	
Вах.	Прям.	(w)uz, wəz	sak	tu	sa(y)iš̌(t)
	Косв.	maž̌, ma-		taw,(tow),ta-	sav
	Посесс.	ž̌ə/ы	spo	ti	
Ишк.	Прям.	az(i)	mьx(o)	tь	tьmьx
	Косв.	mak	mьč̌ьv(o)	fak	tьmьx(ь v)
	Ген.	mь(n)	mьš̌ (miš̌)	ti (//tь)	tьmьx
Сгл.	Прям.	az(ə)	ama/əx	tə/u	təməx
	Косв.	mak	mič̌əf	tᵊfak	təməx(əf)
	Ген.	mən	mič̌	tō	təməx

Местоимения I и 2 лица ед. числа продолжают в целом общеиранские - с фонетическими изменениями основ и трансформацией парадигм (хотя в принципе последние более архаичны, чем именные). В подавляющем большинстве языков сохраняется оппозиция основ и/или форм прям.п. (или номинатива), продолжающих древний номинатив, и косв. падежей, продолжающих в большинстве древний генитив, реже - другие формы.

Так, в I лице к номинативу восходят почти все формы прям. падежа (или номинатива): к архаичной форме *aźám - пашто вост. zə, зап. ẓə, ван. ze; мдж. zə, za, йд. zo, zə; к вторичной форме с ударением на первом слоге (при постепенной редукции второго) *áźam - согд. будд., ман. 'zw, хр. ('')zw [azu]; хс. aysu, aysä, a

(и aysai с удостоверительной частицей *i) [DKS, 6]; ишк. az(í), сгл. az(ə) (с аналогичной частицей или с рефлексом *-am) [IIFL, II, 346; ср. Пахалина, $I987_2$, 509]; осет. æz, язг. ăz; ш. wuz, бдж.х. рош.с. waz, р. (w)az, б. āz; вах. (w)uz (все с поздней протезой w-); хор. 'z [ăz], y'z [yāz] (с протезой или част.y-), n'z [nāz] (с усилительной частицей na-) [Henning, 1936, 32; Боголюбов, $I962_I$, 7]. В ягнобском эта форма вытеснена косвенным падежом, возможно, под таджикским влиянием.

К генитиву *mana восходит бóльшая часть форм косв. падежа (или основ косв. падежей в многопадежных системах): осет. род.п. mæn, послуживший также основой других, вторичных косв. падежей; согд. будд., ман. mn', хр. mn [mana, man], ягн. man (при генерализации этой формы как внепадежной, ср. тадж. man); хор. mn'c (с послелогом), ишк. mь(n), сгл. mən; йд. mən, мдж. mьn; язг. mon, můn, mo-; ш. бдж. х. mu, р. mun, mu, mo, б. рош. mun, mu, с. mьn, mы; последние с усеченными вариантами без -n (в основном, в сочетаниях с послелогами или в препозиции к имени, а затем и в самостоятельном употреблении).

Происхождение остальных форм I лица ед. числа различно. В осетинском ирон. совм.п. memæ - из парадигмы энклитик (в отличие от mæ-nīmæ, образованного от род.п.), ср. [Миллер, I962, 8I-82, 89; Абаев, I962, 520, 522], см. также с. 229 . В хор. m'rδ'r (осн. m'-) - результат совпадения аккузатива или генитива с рефлексом энклитики *mā; m(y)k из энклитики *mai с суф. *-ka [Боголюбов, $I962_I$, 8]. Хс. ген. mamä имеет -m- вм. *-n- под влиянием санскрита (непосредственное продолжение *mana [Герценберг, I98I, 267] или влияние энклитики mä [Konow, 1932, 47] менее вероятно); акк. ma - из акк. *mām или энклитики *mā [ср. Konow, 1949, 118]. Пашто mā (и ван. mā, mə) - результат контаминации *mana и акк. *mām или инстр. *mā [ср. Geiger, 1898_1, 217; Лившиц, I95I, I58] при растяжении затем в раннеафганском *-a (из ир. *ā) в процессе поляризации ударных и энклитических форм (см. ниже). В ванеци посесс.п. mī - из энклитики *mai. Ишк., сгл. mak - из акк. *mām или инстр. *mā (или энклитики *mā) с суф. *-ka [ср. Пахалина, $I987_2$, 5I0] (дат. или абл. [ср. Gauthiot, 1916_2, 69; IIFL, II, 364] менее вероятны, хотя и не исключены). Язг. посесс.п. ni - недавнее стяжение сочетания косв. падежа mo/ůn с именным атрибутивным показателем -i (см. с.I67): móni 'мой' (эмфат.) > məni (с колеблющимся ударением) > *mni > ni. Вах. косв.п. maž̌ < *maźia, ср. вед. mahya, mahyam (если вед. h < *ĝh, см. с. 54) [IIFL, II, 490; Стеблин-Каменский, I97I, 97, I74; ср. Пахалина, $I987_I$, 454-455]; ma- - из ген. *mana или акк. *mām (либо инстр. *mā); посесс.п. ẓ̌ə/ы из вторичного суффиксального *aźya [IIFL, II, 491; Стеблин-Каменский, I97I, 98] (заимствование его из бурушаски маловероятно, как вообще заимствование личных местоимений),

либо из того же *maźi̯a, но с редукцией первого слога при постоянной препозиции в атрибутивной функции (ср. язг. ni): *maźi̯a > *maẓ̌ə > *məẓ̌ə > *mẓ̌ə > ẓ̌ə/ы [ср. Пахалина, I975, 309; I987$_I$, 455].

Во 2 лице общеиранский ном. *tuu̯am и ген. *tau̯a развивали впоследствии сходные рефлексы, поэтому для их различения в ряде языков потребовалась вторичная поляризация (в единичных же случаях они совпали).

К номинативу восходят формы прям.п. (или ном.): осет. dy/du с озвончением *t > d по аналогии с энклитикой (где озвончение вызвано постоянно срединной позицией *t в интонационном блоке предложения [ИЭСОЯ, I, 378]); согд. ман. поэтич. tw [tŭ? taw?] (будд., ман., хр. tɣw по́здднее, возникло по аналогии: с мн.ч. [māxu, (ə)x̌māxu], если оно звучало [taxu], или с 3 л. ед.ч. [xo], если оно звучало [taɣu, taɣo, taxo], ср. [EGS, II, 114; Лившиц, Хромов, I98I, 453]); ягн. tu; хор. 'wtk (с суф. -k: *tūk > ūtk [Боголюбов, I962$_I$, 9]); хс. thu; пашто tə, ван. tə, ta; вах. tu; ишк. tь, сгл. tə/u; йд. tu, tə, мдж. tu; язг. tow; ш. бдж. tu (совпадающий с косв.п.), рош.х. tu, р. tu, to, с. tɛw.

К генитиву восходят: осет. dæw (послужившее также основой косв. падежей), с тем же озвончением, что в им.п.; согд. tw' [tawa], ягн. taw, хор. ген. tw'c [tawāc] и вин.-дат. tw'-rδ'r с послелогами (древний акк. или энклитика с анлаутным *tu̯ā- > *ϑu̯ā- дали бы хор. *v-). Пашто tā - результат контаминации *tau̯a и инстр. *t/ϑu̯ā (и/или акк. *t/ϑu̯ām) при вторичном растяжении a ⟶ ā по аналогии с I лицом [EVP, 97; Лившиц, I95I, I58]. В ванеци распределение аналогичных форм между косвенным и посессивным падежами вторично. К генитиву *tau̯a восходят также косв. падежи: вах. taw, tow (и, возможно, усеченная форма ta-), ишк. tь- (перед послелогами), мдж. tə, ta, йд. tō, ta, язг. tu (и, возможно, усеченное ti-, уподобленное посессивному ti или - в более раннюю эпоху - энклитике *tai), ш. бдж. tu (совпавшее с прям.п.), р. б. рош. tā, х. taw, tā, с. ta, tы. Результатом контаминации *tau̯a и *tai явилось, возможно, ишк. ti, сгл. tō (происхождение ишк. ti из прилагательного *taya- [Пахалина, I987$_2$, 5I0] выпадало бы из общей системы истории ишк. форм) и хс. tvī (если это не сочетание рефлекса *tau̯a с частицей i).

Остальные формы восходят соответственно: хор. v(y)k - к энклитике *t/ϑu̯ā с суф. *-ka [Боголюбов, I962$_I$, 9-I0] (не исключен и инстр. *t/ϑu̯ā); вах. посесс.п. ti к энклитике *tai или, как I лицо, к позднему сложению прям.п. с суф. *-ya: *tu-ya > ti [IIFL, II, 491]. Язг. посесс.п. ti - стяжение из túyi (формы косв.п. с именным атрибутивным маркером -i), употребляемого при эмфазе, через этап təyi (с колеблющимся ударением) > ti. Ишкашимское ƒak из более ранней t^{ə}ƒak, сохранившейся в сангличском, - из инстр. *t/ϑu̯ā

или акк. *t/θuām (либо из энклитики с суф. *-ka) [ср. Пахалина, 1987_2, 510-511] (менее вероятна, хотя и не исключена основа из абл. *t/θuat [ср. Gauthiot, 1916_2, 69; IIFL, III, 346]).

Местоимения мн. числа развивались более сложными путями (немалую роль сыграли в этом ареальные тенденции). Здесь относительно рано был утрачен древний номинатив. Новые формы номинатива и/или прямого падежа восходят в основном к древнему генитиву. Это естественно при резком расширении функций генитива уже в древнеиранскую эпоху: сохраняя функции определения и транспозиционной формы для аккузатива и номинатива при обозначении субъекта непереходного глагола и объекта переходного, как и в общеиранском и более раннем состоянии (т.е. в языках номинативного строя) и имея ряд других функций [Бенвенист, 1974, 163-164], генитив приобретает еще и функции субъекта переходных глаголов в причастных конструкциях [ОИТИИЯ, II, 130 и др.] (т.е. - впоследствии - функции субъекта предложений с "эргативным" построением). Это способствовало генерализации генитива вначале как общекосвенного падежа (и как основы вторичных косвенных падежей), а затем, при парадигматическом выравнивании основ и свертывании падежной парадигмы, - как единственной внепадежной формы мн. числа, как и у существительных.

В части языков юго-восточной подгруппы общекосвенной, а затем единой формой становится инструменталис (совпадающий с рефлексами датива мн. числа), что согласуется и с историей имен в данных языках (о функциях инструменталиса в древних языках, и в частности о субъектной, см. выше, ср. также [ОИТИИЯ, II, 133]).

В северо-восточной подгруппе отчетливо выявляется генерализация генитива с частичным уподоблением друг другу основ I и 2 лиц мн. числа - при отпадении начальной гласной (возможно, стимулированном неэмфатическим употреблением местоимений и их неполноударностью), - ср. I л. ир. *ahmākam > *amāxam > *māx, 2 л. ир. *ušmākam > *ušmāxam > *šmāx, откуда в этой подгруппе: согд. I л. будд. m'γw [māxu], ман., хр. m'x [māx] ~ 2 л. будд. šm'γw [(ə)šmāxu], согд.-ман. 'šmγw, 'šmγ; ман. 'šm'x, šm'x, хр. šm'x [(ə)šmāx]; ягн. mox ~ šumox, осет. max ~ symax/sumax. В согдийском и ягнобском эти формы стали внепадежными; в осетинском они закрепились в функции именительного и родительного падежей и послужили основами для новых косвенных падежей, образованных послелогами.

В остальных языках уподобление друг другу основ косв. падежей I и 2 лиц мн. числа продвинулось дальше, чему способствовали фонетические процессы [СГВЯ-Ф, 100, 106-107, 114]: выпадение *h и характерное для юго-восточной зоны озвончение *š с последующей его сонаризацией и выпадением между гласным и *m. Эти процессы наряду со слабой акцентной позицией привели в большинстве юго-восточных языков к развитию косвенных падежей, одинаковых для I и 2 л.: ср. продолжения ген. 2 л. мн.ч. *ušmākam > *ušmāxam > *umāx > *māx и ген. I л. мн.ч. *ahmā-

kam>*amāxam>*māx. В результате в этой подгруппе, как в соседних индоарийских языках (включая дардские) и нуристанских, образовались единые формы генитива (они же основы) I и 2 лица мн. числа в виде *māx (возможно, также с усеченным вариантом *mā) [IIFL, II, 128; Morgenstierne, 1958, 163].

Аналогично совпадали и другие падежные формы I и 2 лиц. В частности, в некоторых языках отчетливы рефлексы промежуточной формы, продолжавшей совпавшие между собой древний датив на *-biam, *-biā и инструменталис на *-biš для I и 2 лица в виде *mābi>*māv^{i}>*māv' (с палатализацией рефлекса *b и с i-умлаутной перегласовкой *-ā- в тех языках, где эти явления релевантны для исторической фонетики). Поскольку общекосвенным падежом мн. числа в некоторых языках становится впоследствии инструменталис, можно предположить, что и он держался в местоимениях относительно долго (как в именной системе, см. выше). Это подтверждается до некоторой степени положением в соседних индоарийских языках, где падежом субъекта в эргативных конструкциях становится чаще всего именно инструменталис [Елизаренкова, 1967, 124; Пирейко, 1968, 45, 52, 56, 61].

Возможно продолжение и иных древних форм: аккузатива на *-a, инструменталиса на *-ā, локатива (или предшествовавшей ему более древней формы) на *-ai и т.п. (ср. генерализацию в индоарийских языках форм, наследующих др.-инд. asme, yuṣme, при тенденции к совпадению здесь I и 2 лиц мн. числа уже к среднеиндийскому периоду [Воробьев-Десятовский, 1956, 20, 82 и др.]).

Тем самым в юго-восточной подгруппе, как и в соседних родственных языках, совпали основы косвенных падежей местоимений I и 2 лица мн. числа, очевидно, при индуцирующем влиянии I-го лица на 2-е[25]. Свернулась частично и падежная система: при относительно ранней элиминации номинатива новая единая основа сохранилась в составе следующих падежных форм, послуживших прототипами для более поздних: генитива (он же новый номинатив) *māx, вторичного инструменталиса *māv' или *māv', а также рефлекса первичного инструменталиса *mā и формы (локатива или более старой с более общим значением) *mai. Функции последних двух в этот промежуточный период неясны; вероятно, они уже тогда по

[25] Ср. совпадение в индоарийских (включая дардские) и нуристанских языках основ I и 2 л. мн.ч. в единую *sma, из которой развились: 1) ssa, sa, ca и т.п.; 2) hma, ma, mha, bha и т.п.; 3) spa, ispa и пр. [ср. Morgenstierne, 1935; Воробьев-Десятовский, 1956, 57, 64, 74, 83, 112 и др.]. Здесь эта основа сохраняла *s из основы I л. мн.ч. *asma-, которая явилась индуцирующей, как в иранских языках. Маловероятно объяснение *s отсутствием перехода и.-е. *s в индоар. *š после *u [ср. Воробьев-Десятовский, 1956, 83, 112]: такой переход был уже в др.-инд. yuṣma- и в другой лексике. Для нуристанских же языков *sma- действительно может быть связано с отсутствием перехода *s > *š после *u [Morgenstierne, 1945, 232; 1973$_1$, 340; 1974$_2$, 9; Buddruss, 1977, 38; СГВЯ-Ф, 48], облегчившим совпадение I л. *asma- и 2 л. *usma-.

языкам различались. Возможно наличие и иных падежей. При свертывании парадигмы происходила контаминация некоторых падежей - семантическая и фонетическая, и в дальнейшем такая "контаминированная" промежуточная форма развивалась по языкам, уже неся иногда в себе признаки двух или более общеиранских падежей. Поэтому точные общеиранские прототипы некоторых форм не всегда восстановимы однозначно, к тому же игнорирование поздней контаминации значений и фонетического уподобления было бы неправомерным. Факт существования единой местоименной основы для I и 2 лиц мн. числа в какой-то период подтверждается сохранением ее в виде энклитики mu в пашто, общей для I и 2 лица мн. числа (см. ниже).

Развитие единой основы для местоимений I и 2 лиц требовало новых средств маркировки лица (хотя бы по аналогии с ед. числом). Такие "компенсаторные" средства вырабатывались различно в разных языках, подгруппах и ареалах. Ими были: а) создание новой основы 2 лица мн. числа при закреплении "общей" основы за I лицом; б) включение в местоименную парадигму исторических энклитик - в качестве самостоятельных компонентов или в составе новых словоформ; в) использование для I и 2 лица разных падежных форм от этой единой основы. Подробнее о типах трансформации личных местоимений мн. числа и об ареалах их распространения см. [IIFL, II, 128, 346; Воробьев-Десятовский, 1956; Morgenstierne, 1935; Эдельман, 1968, 87-90, карта № 9; 1971; 1980, 22-23; Грюнберг, Эдельман, 1987, 74-76].

В большинстве юго-восточных языков (как и в нуристанских и индоарийских) новая единая основа закрепилась за I лицом (наиболее часто - в виде прототипа *mā̆x). Для 2 лица была выработана новая основа, представлявшая сочетание указанной единой основы с препозитивным детерминативом 2 лица, в качестве которого выступала обычно ударная или энклитическая косвенная основа 2 лица ед. числа. Для языков Западного Памира и пашто это *ta- (возможно также *tu-; энкл. *tai - менее вероятна фонетически). Тем самым вторичная праформа генитива (генерализовавшегося здесь как общая форма) была *ta/u-mā̆x[26], что отразилось в: ишк. I л. mьx(o) ~ 2 л. tьmьx, сгл. I л. ama/ə x ~ 2 л. təmə x (о других падежах см. ниже); язг. I л. mox ~ 2 л. təmóx, ш. бдж.р.х.б.рош. mā̆š, с. maš̆ ~ ш.бдж.р.х. tama, б. (бас.) tamā̆š, (раум.-сип.) tama, рош. tamā̆š, с. tamaš̆ (формы tama - усеченные, с утратой -š̆). Имеются и вторичные формы: язг. инклюзив az-tow 'мы с тобой'; шугн.-руш. образования с поздним именным показателем мн. числа -ēn: I л. ш.р.б. mā̆šēn ~ 2 л. ш.р. tamayēn, б.рош. tamā̆šēn); о пашто см. ниже.

Другие падежи местоимений мн. числа в языках этой группы представ-

[26] В индоарийских языках соответственно с *-smā(ka); в нуристанских этот тип образования 2 лица мн. числа не отмечен.

лены в ишкашимском: I л. косв.п. ишк. mьčьv(o), сгл. mičăf, ген. ишк. mьš̆, miš̆, сгл. mič̆; 2 л. косв.п. ишк. tьmьx(ьv), сгл. tə-məx(əf), ген. = прям.п. Формы ген. I л. mьš̆, miš̆, mič̆ возводятся к вторичному местоименному прилагательному *ahmā- + č̆(i)ya [IIFL, II, 346; Пахалина, 1987_2, 5II]; наращение -ьv, -əf в косв.п. позднее, по аналогии с указательными местоимениями, где оно "заимствовано" из именной парадигмы; оттуда же и показатель мн. числа -o, пришедший позднее в парадигму указательных местоимений из именной, но не охвативший полностью личные местоимения [ср. Gauthiot, 1916_2, 69; IIFL, II, 346; Пахалина, 1987_2, 5I0].

В пашто, при той же основной схеме развития (общая основа на *m- в I л. и образование с *ta- во 2 л.), становление новых форм отличается развитием второй части основ. В I л. muẓ̌ (и с вторичной назализацией – munẓ̌, в диалектах также mung, munga, mánga и др.) и в ванеци прям.п. mōš̆, косв. moša возводится, аналогично ишк. mьš̆, к *ahmā-č̆ya, см. [Geiger, 1898_1, 217; EVP, 50; IIFL, II, 346; Morgenstierne, 1942_1, 102; Лившиц, I95I, I56-I60] или к форме на -biš̆ (по типу *ma + biš̆ > *mawš̆ > muẓ̌) [Боголюбов, 1962_I, I3], либо к относительно позднему сложению рефлексов *ma + šām (показатель ген. мн. числа указ. местоимения) или, что менее вероятно, к вторичному инклюзиву *ma-šma (ср. бел. maš̆mā 'мы с вами'). Все эти этимологии небезупречны. Во 2 лице пашто зап. tā́si, tā́su, вост. tā́se, tā́so и ван. tās, косв.п. tāsa, tāsə (как в орм. лог. tos, кан. tyos) срединная -s- представляет исключение из общего развития местоименного элемента *-smā- > *-hmā- > -mā- в иранских языках, что может свидетельствовать об индоарийском субстратном и адстратном влиянии на фонетический облик местоимения, первоначально, по-видимому, сходного с указанным выше, т.е. *ta-(h)mā(x). Менее вероятно его происхождение из сложений ta-hase 'ты и он' [Geiger, 1898_1, 217] или te-se '[люди] подобные тебе' [Morgenstierne, 1942_1, 102; Лившиц, I95I, I60-I6I].

Поскольку аналогичная модель *ta-smā- послужила основой местоимений 2 лица мн. числа в индоарийских языках (начиная со среднеиндийского периода), обе эти разновидности (иранскую и индоарийскую) можно рассматривать как варианты единой ареальной модели, развившейся в данных языковых группах параллельно и относительно поздно, в связи с размыванием древней оппозиции основ I-го и 2-го лица. Сама же модель образования местоимения 2 лица мн. числа сочетанием основы 2 лица ед. числа с местоименным элементом мн. числа была результатом воздействия языка (или языков) субстрата, где местоимения мн. числа являлись регулярными суффиксальными образованиями от основ местоимений ед. числа. Такие образования характерны для дравидийских, гималайских и др. языков Индостана и для бурушаски (ср. кл. тамильский nī 'ты' ~ nīm 'вы', бур. uŋ ~ ma и т.п.) [см. Зарубин, 1927_2,

285; LSI, I, 2, 34-41; Lorimer, 1935, I, 123; Burrow, Emeneau, 1961, 247; Berger, 1974, 24; Андронов, 1978, 256-260][27]. Предположение о заимствовании этого местоимения иранскими языками из индоарийских [IIFL, II, 491-492; Пахалина, 1976; 1987_2, 511] вряд ли оправдано: а) заимствование личных местоимений 1 и 2 лица вообще маловероятно; б) нет каких-либо доказательств глубокого двуязычия (со вторым индоарийским языком) носителей всех данных восточноиранских языков в эпоху, синхронную среднеиндийской, когда эта модель появляется в индоарийских языках (см. также [Kuiper, 1976, 99-100]). Отнесение прототипа *tahmāk/xam к общеиранскому [Пахалина, 1987_2, 511] сомнительно: при наличии в общеиранской системе *i̯uš(-am), *uš̌ma- и, в частности, *uš̌mākam (см. гл. I), непонятно парадигматическое место формы *tahmāk/xam в общеиранской морфологии. С другой стороны, ярко выраженная ареальная приуроченность этой словообразовательной модели (т.е. распространение ее даже не во всей юго-восточной подгруппе, но охват ею неиранских языков) также свидетельствует о ее относительно позднем местном происхождении.

К числу языков, в которых в парадигму ударных местоимений входят энклитики, из восточноиранских относятся хорезмийский и хотаносакский. Здесь энклитики помогли размежеванию местоимений 1 и 2 лица мн. числа при совпадении их основ. В хор. 1 лицо мн. числа mvy [mavya ?] - из промежуточного *mā́bi (происшедшего из совпавших древних форм на *-bi̯am, *-bi̯ā и *-biš, см. с. 210), возможно, при контаминации с энклитикой *mā, но 2 лицо мн. числа hvy [havya ?] - результат диссимиляции из более ранней *vvy, где *v- - из энклитики 2 л. мн.ч. *u̯as или 2 л. ед.ч. *θu̯ā (формы на -'n [-ān] - вторичны, с именным показателем ген. мн.ч.) [Боголюбов, 1962, 12-13]. В хотаносакском в 1 лице мн. числа номинатив и косв. падежи muhu, muho, maha <*māxu из ген. *amāxam <*ahmākam, а формы генитива māvu, mānu - либо из того же промежуточного *mābi, либо поздние послеложные формы из единой основы mā, которая также встречается в значении генитива [DKS, 326-327]; форма māju <*ahmāčya [Konow, 1932, 48]. Прототип местоимения uhu, uho - 2-го лица мн. числа в номинативе - неясен: это может быть та же форма, что и в 1 л. мн. числа, с элиминацией *m-, воспринятым как признак 1-го лица (поскольку данные формы употребляются и в значении ед. числа: muhu, muho 'я', uhu, uho 'ты' [Konow, 1949, 42]); генитив umāvu, umānu, umā, umä, возможно, построен по рассмотренной выше модели: "детерминатив 2 л. + общая основа -mā-", но детерминативом здесь служит не ударное местоимение 2 л. ед. числа, а энклитика 2 л. мн. числа ū- <*u̯ah (возможно также, что umā- продолжает *uš̌mā- с выпадени-

---

27 Ср. сходную модель в семитохамитских языках [Дьяконов, 1965, 68-70] и в армянском.

ем *-š-, но сохранением *u-, ср. [СГВЯ-Ф, I06-I07, II4]).

К языкам, в которых для I и 2 лиц мн. числа используются различные падежи от новой единой основы, из восточноиранских относится мунджанский: ср. I л. мдж. mox, йд. mă̄x, mō̆x из генитива; 2 л. мдж. mof, йд. mă̄f - из промежуточного инструменталиса *mābi [IIFL, II, 129; Грюнберг, $I987_2$, I89]. Сходно продолжение в ваханском, но с необычным фонетическим развитием основы: наличие здесь s может объясняться переходом ар. *-sm-> *-sp- в относительно раннюю эпоху, аналогично переходу *sn > st [СГВЯ-Ф, 98-99], и дальнейшим закреплением s основы при фонетической поддержке со стороны соседнего языка кховар (дардская группа): ср. кховар ispa 'мы' ~ pisa, bisa 'вы' [Morgenstierne, 1935, 65]. Исход же форм объясняется различными прототипами: в I лице прям.п. -k - вторичное наращение усилительной частицы или суф. *-ka; посесс.п. spo может продолжать генитив; во 2 лице прям.п. sa(y)iš(t) имеет в исходе именной показатель прям. падежа мн. числа, косв.п. sav - именной показатель косв. падежа мн. числа (см. выше), либо рефлекс *-bi из промежуточного инструменталиса местоименного склонения (предположение о сохранении здесь *s после *i, *u [Пахалина, I983, I96-I97; $I987_I$, 455-456] не подтверждается ваханской исторической фонетикой).

Местоимения 3-го лица

Местоимения 3 лица, более или менее обособившиеся от указательных, наблюдаются в пашто (и, возможно, в ванеци), язгулямском, ягнобском, а из вымерших языков - в согдийском и, возможно, в хорезмийском. В силу субстантивной семантики они могут сохранять часть именных категорий, свойственных указательным местоимениям, включая род и число, и имеют тенденцию к образованию падежных форм по "именному", а не "местоименному" типу, хотя часто сохраняют древний суплетивизм в словоизменении и остаточное противопоставление серий, т.е. оппозиций степеней удаленности, наличия/отсутствия эмфазы и т.п.

Таковы в пашто: серия D^{28} - ед.ч. прям.п. м.р. day, ж.р. dā, косв.п. м.р. də, ж.р. de; мн.ч. (общая форма) duy (восходит к формам от осн. *aita-, подробнее: с. 220); серия H - ед.ч. прям.п. м. и ж.р. háɣa, косв.п. м.р. haɣá, ж.р. háɣé; мн.ч. общая форма haɣúy, haɣóy; косв.п. háɣó (от осн. *ha-). Серия D указывает на ближние предметы, H - на удаленные[29], подробнее о функциях и исто-

---

[28] Литеры, обозначающие серию, - условно вычлененные из местоименных основ детерминативы.

[29] Разные авторы различно расценивают функции и семантику этих форм, степень вычленимости личных местоимений 3 л. из указательных (и типы акцентуации тех и других). Обзор см. [Грюнберг, Эдельман, I987, 73].

рии: [Лившиц, I95I, I23, I62-I63 и др.; Грюнберг, $I987_I$, 74-78; Грюнберг, Эдельман, I987, 80-8I]. Наличие местоимения 3 л. в ванеци проблематично. Им может быть ван. áγa (ж.р. áγa, áγə, мн.ч. м.р. áγa, ж.р. áγē), характеризующееся "ослабленным указанием" и часто используемое также в артиклевой функции; однако круг его употребления пока не выявлен, ср. [Morgenstierne, 1930, 164-165; Elfenbein, 1967, 573; 1984, 59-60].

Язгулямская система местоимений 3 л. двучленна, отличается от пашто семантическим основанием противопоставления серий и гетерогенностью падежных парадигм. Здесь серия D - ед.ч. прям.п. ǎy (из *ǐ- или *a-), косв.п. м.р. day, ж.р. dim, мн.ч. (общее) dif (<*aita=); серия W - ед.ч. прям.п. u, косв.п. м.р. way (< *aua-), ж.р. im, мн.ч. (общее) if (контаминация форм от основ *aua- и *ǐ-, *a-). При употреблении в определительной функции они принимают именной показатель -i (кроме way, day, что связано с их этимологией, см. с.226). Серия D употребляется при эмфазе, анафоре, при указании на присутствующего; при сравнении - на более близкий предмет, чем серия W; последняя означает "он" вообще, а также далекий невидимый предмет, при сравнении - более удаленный (подробнее о функциях и истории: [Эдельман, I966, 40-4I; $I976_I$, 86 сл.; $I987_2$, 387-389]; см. также с.225 сл.).

В согдийском языке в ед. числе оппозиция серий отсутствует: прям. п. м.р. [xō], ж.р. [xā] (от осн. *ha-), косв.п. м.р. [wene], ж.р. ? (вин.-косв. [wyā] - оба от осн. *aua-); то же во мн. числе в архаичных формах: прям.п. [xā], косв.п. [wěšan]. Среди манихейских и христианских новообразований отмечаются также формы от разных основ, лишенные супплетивизма при склонении: прям.п. [wěšand], косв.п. [wěšandī] (< *aua-) ~ прям.п. [měšand], косв.п. [měšandī] (<*ima-) и изредка прям.п. [šand] (< *a-, *i-). Все инновационные формы имеют именные показатели мн. числа и косв. падежей. Подробнее: [EGS II, 116-117; GMS, 203-204; Лившиц, Хромов, I98I, 455-456].

В ягнобском языке выделяются: серия X - ед.ч. прям.п. ax, косв.п. áwi, мн.ч. прям.п. áxtit, косв.п. áutiti (продолжение согдийской архаичной системы из осн. *ha=, *aua- с именными показателями мн.числа); серия T - ед.ч. прям.п. iš (< *aiša-), косв.п. it (< *aita-); мн.ч. прям.п. íštit, косв.п. ítiti. Первая употребляется в значении "он" вообще, вторая - при разговоре о присутствующих (ср. язгулямскую серию D). Размежевание личных местоимений 3 л. и указательных в ягнобском неполно и допускает разные трактовки. О функциях и истории см. [Боголюбов, I966, 348; Хромов, I972, 23-24, 26, I95; I987, 672-674].

В хорезмийском языке отмечено местоимение мн. числа 'yvy <*aibiah 'они' с вторичной формой мн.ч. косв.п. 'yvy'n (с -ān по аналогии с энклитиками ?), подробнее: [Боголюбов, $I962_I$, I2-I3], ср. указательное местоимение ny (см. с.2I9).

Указательные местоимения

Системы указательных местоимений различаются по языкам количеством серий, падежей и этимологией основ разных серий. В ряде языков указательные местоимения в субстантивном и в адъективном значениях (и при употреблении в функции артикля) имеют различные парадигмы: в большинстве случаев в адъективном (и артиклевом) использовании местоимения имеют ущербную парадигму либо неизменяемы. Словоизменение указательных местоимений ближе к именному, чем у личных местоимений; особенно часты здесь именные показатели мн. числа разных падежей. Тем самым указательные местоимения служат проводниками элементов именной флексии в местоименную парадигму, принимая их от имен и передавая личным местоимениям.

В северо-восточных языках системы указательных местоимений свернуты с общеиранской трехчленной до двучленной: "этот" ~ "тот".

В осетинском языке указательные местоимения в субстантивном значении имеют полную парадигму [Исаев, 1987, 599]:

"Этот"

Падеж	Ед. число	Мн. число
Им.	a, aj	adon/atæ
Род.	aj	adon(y)/ani
Дат.	amæn	adonæn/anæn
Направ.	amæ	adonmæ/anæmæ
Отл.	amæj	adonæ/anæj
Местн. внутр.	am/ami	adony/anæmi
Местн. внеш.	awyl/abæl	adonyl/anæbæl
Уподоб.	ajaw	adonaw/aniaw
Совм. (ирон.)	aimæ	adonimæ

"Тот"

Падеж	Ед. число	Мн. число
Им.	wyj/je	wydon/jetæ
Род.	wyj/woj	wydony/woni
Дат.	wymæn/womæn	wydonæn/wonen
Направ.	wymæ/womæ	wydonmæ/wonæmæ
Отл.	wymæj/womæj	wydonæj/wonæj
Местн. внутр.	wym/womi	wydony/wonæmi
Местн. внеш.	uwyl/wobæl	wydonyl/wonæbæl
Уподоб.	wyjaw/wojaw	wydonaw/woniaw
Совм. (ирон)	wyimæ	wydonimæ

В адъективном употреблении они неизменяемы, выступая всегда в им. падеже с усилительной частицей cy/ci (<*čit [ИЭСОЯ, I, 27]): acy, wycy. Местоимение "тот" в субстантивном употреблении является также личным местоимением 3-го лица.

Современные формы продолжают соответственно: в ед. числе им. и род.п. aj 'этот' - ир. ген. от осн. *a-: aj < *ā̂ia < *ahi̯a; вариант им.п. a, возможно усеченный, возник при постоянно препозитивном использовании; ирон. им. и род.п. wyj, диг. род.п. woj 'тот' < ген. *au̯ahi̯a от осн. *au̯a-; диг. им.п. je возводится к ир. ном. *ai̯am [Миллер, 1962, 91; Исаев, 1987, 596] (или к *ii̯am), однако продолжение в нем номинатива выпадало бы из системы осетинских местоимений, которые, кроме личных I и 2 л. ед. числа, продолжают в им.п. древний генитив; необычно и обозначение удаленных объектов местоимением, продолжающим "ближнюю" серию (хотя такие переходы встречаются, см. ниже). Можно предположить, что диг. je возникло из энклитики 3 л. *hai в условиях попадания ее в относительно самостоятельную позицию и развития *hai > *i̯æ > je (ср. энклитики I и 2 л.: *mai > mæ, *tai > dæ), при отражении в зависимой позиции в виде энклитики: диг. æj [ср. Bielmeier, 1982, 63]. Падежи со срединной -m- (дат. amæn - wymæn/womæn, направ. amæ - wymæ/womæ, отлож. amæj - wymæj/womæj, местн. внутр. am/ami - wym/womi) могут продолжать основы древних падежей с *-hm- (типа дат. *ahmai, абл. *ahmāt, лок. *ahmi) с наращением вторичных окончаний. Остальные падежи (местн. внеш. awyl/abæl - uvyl/wobæl, уподоб. ajaw - wyjaw/wojaw, совм. ирон. aimæ - wyimæ) образованы агглютинативными показателями, присоединяемыми к основам им. и род.п.

Во мн. числе отмечается наращение к тем же основам ирон. -d-on/ диг. -n (в последнем - в косв. падежах, поскольку им.п. образуется здесь именным показателем мн.ч. -tæ от основы ед.ч.): им.п. adon/ atæ - wydon/jetæ, род. adon(y)/ani - wydony/woni, дат. adonæn/anæn - wydonæn/wonæn и т.п. Здесь -on-/-n- может восходить к старому именному показателю мн. числа, продолжавшему ген.*-ānām; ирон. -d- перед ним - озвонченный именной показатель мн.ч. *-t- [ИЭСОЯ, I, 30] (вряд ли из местоименной основы *ta [Миллер, 1962, 91]). Такое "двойное множественное" характерно для указательных местоимений многих языков (см. ниже). Подробнее о формах и истории см.: [Миллер, 1962, 90-91; ОЯФ, 23; Абаев, 1962, 526-528; ИЭСОЯ, I, 30, 40; Исаев, 1966, 55, 59; 1987, 595-596, 599-600].

В согдийском языке двучленная оппозиция с супплетивизмом падежной парадигмы представлена: [x-] < *h(au)/[w-] < *au̯a- 'тот' ~ [y-] < *ii̯(am)/[m-] < *ima- 'этот' [см. Лившиц, Хромов, 1981, 457]. Имеется сложная система форм; некоторые из них при субстантивном употреблении используются и как личные местоимения 3 л., при адъективном - в функции артиклей (в архаичной парадигме в качестве личных используются местоимения "удаленной" серии, в новых формах также "ближней"). Большое количество падежных форм дифференцировано в ед. числе по родам. Количество падежей и их формы колеблются по диалектам и даже внутри одного диалекта (фрагментарность текстов препятствует выявлению полных парадигм и круга функций форм).

Ср. "удаленную" сферу: в ед. числе прям.п. м.р. [xau, xō, xōnax, xōne]: согд. 'γw, γw, γwn'γ, ман. xw, xwnx, hwnx, xwny(y), хр. xw, xwny; ж.р. [xā, xāna]: согд. γh, ман. x', x'n', хр. x'; прям. и косв.п. м. и ж.р. [xǐv̊]: согд. γyδ, ман. xyδ, хр. xyd; вин.п. м., ж.р. [wǐv̊]: согд., ман. wyδ, хр. wyd; м.р. [awa, wu, ō]: согд. ZKw(h), 'w, ман. (')ww; ж.р. [wā, wāna]: согд. w'n'(kh), ман. w'; им.-вин. ср.р. [ōnu]: согд. 'wn'kw, 'wn(')w, ман. 'wnw; род.-дат. п. м.р. [awē, wē, awen, wene]; согд. ZKy, 'wy, ZKn, 'wyn, ман. wy(y), wnyy, wynyy, хр. wn', wyny; ж.р. [əwyā, wyā]: согд. ZKwyh, 'wyh, ман., хр. wy'; местн. [wyāwand, wyāwandyā]: согд. wy'wnt, wy'wnty'. Во мн. числе: прям.п. [xā, xānd, wĕšan, wĕšand]: согд. ZKh, γh, ман. x', x'nd, wyšn, wyšnd; хр. x', x'nt, wyšnt; вин.п. [wā]: ман. w'; косв.п. [(a)wĕšan(u), wĕšandī, wānd]: согд. ZKyšnw, wyšn(wh), ZKyXMw, ман. wyšndy, w'ndt.

Сходные формы (хотя и не аналогичные) имеет местоимение "ближней" сферы.

Согдийские указательные местоимения восходят к древним: м.р. [xau, xō] <*hāu, ж.р. [xā] <*hā; [awu, wu] <*aṷam, *aṷah, мн.ч. [wĕšan] <*aṷaišām и т.д. Распределение их по сериям и падежам сходно с авестийским и ведическим: "удаленная" серия - прям.п. из *hāu; косвенные - из *aṷa-; "ближняя" - прям.п. из *i-, косвенные - из *ima-. Вторичные падежные формы образуются от архаичных наращением суффиксов, частиц и послелогов (о предлогах см. ниже). Формы мн.ч. на [-nd, -nd-] от основ с [w-, m-] ([wĕšand, wĕšandī, mĕšand, mĕšandī]), состоят из рефлекса ген. мн.ч. *aṷaišām, *imaišām с вторичным наращением именного показателя мн.ч. -t, после -n - d (ср. "двойное множественное" в указательных местоимениях в осетинском, ягнобском, части памирских, хотаносакском). Формы [xānd, wānd, yānd, mānd] вторичны, образованы этим уже грамматикализованным местоименным показателем мн. числа -nd от основ мн. числа на -ā (по типу ир. номинатива ж.р. ?).

В согд. языке отмечаются и указательные местоимения от иных основ: [īne] < *aina- (ср. др.-инд. ena); [īv̊ ?]: будд., ман. 'yδ, хр. yd <*aiah? *aiam? *aitad?; [tīv̊]: муг. tiδ <*tad? Соотношение их между собой и с рассмотренными выше неясно. Подробнее о согдийских указательных местоимениях: [EGS, II, 121-131; GMS, 206-217; Боголюбов, 1963$_2$, 23; Лившиц, Хромов, 1981, 456-462].

В ягнобском языке продолжается согдийская бинарная система, но с отличиями в этимологии "ближней" серии: в ед. числе прям.п. iš < *aiša(h), косв.п. it, íti <*aitahia (ген.). "Удаленная" серия сходна с согдийской: прям.п. ax <*hāu, *hah, косв.п. aw, áwi < *aṷahia. Во мн. числе к данным формам добавляется удвоенный суф. мн.ч. имен: -tit (прям.п. íštit, áxtit, косв.п. ítiti, áwtiti).

Эти местоимения используются и как личные. В адъективном употреблении сохраняют ту же парадигму, но в усеченном виде, без исходного -i в косв.п.: it, aw, a-. Подробнее: [Боголюбов, 1966, 348; Хромов, 1972, 23, 26; 1987, 672, 675-676].

В хорезмийском языке указательные местоимения образованы от разных основ, с препозитивной частицей na- (ср. личное n'z 'я', см. выше): 1) ny [nī] 'этот' (ж.р. nyn [nīn^{a}])< *a̯ia̯m, *a̯i̯ah или *i̯i̯am, *i̯i̯ah (субст. и адъект.); 2) n'w(y)r<*a̯u̯a- 'тот, он' (с -r из энклитической частицы n), выступающее в тех же функциях; 3) субстантивное nyš < *aišah 'этот'; 4) адъективное nyw<*a̯u̯a-, *hāu? (ж.р. ед. и мн.ч.); 5) адъективное местоимение: ед.ч. м.р. прям.п. n'n< *ana- 'тот' (ж.р. и косв.п. м.р. n'n^{a}), абл. n'ny^{a}, мн.ч. (общая форма) n'n^{i}; 6) эмфатическое адъективное hmk (м.р.) 'тот самый'<*ham- или *ha- (< *sm̥) + *amu=, либо *ima- + суф. *-ka; hmc (ж.р.) с суф. *-čī. Соотношение этих местоимений (ступеней удаленности, эмфазы и т.п.) пока неясно. Употребление ударных указательных местоимений сопровождается (и частично регламентируется) широким употреблением энклитик (ср. энклитическое происхождение местоимения 3 л. hy, мн.ч. hyn(')<*hai) и наречных местоимений, образуемых от древних указательных основ. Подробнее: [Боголюбов, 1963], см. также [Henning, 1955, 428; Боголюбов, 1962; Benzing, 1983, 317, 460-464, 481, 485 и др.].

В юго-восточных языках древняя троичная система указательных местоимений отражается по-разному.

В хотаносакском языке отмечены три основные серии (и отдельные местоимения вне них) с неясным соотношением между ними. Образованы все от одних и тех же древних основ (с ранней утратой первых слогов сложных основ и с сохранением супплетивной парадигмы) от ар. *sa-, *aiša-> хс. [ša-], графич. "ṣa-" (ном.)~ *ta- > хс. ta-, графич. "tta-" (косв. падежи). Условно выделяются серии: 1) "ближняя" (неэмфатическая): в ед. числе ном. м.р. ṣä, ṣa̯, позднее ṣaika (<*(ai)šah), ж.р. ṣā (<*(ai)šā), акк. м.р. ttu (< *tam), ж.р. tto, ttu (< *tām), инстр. м.р. ttäna (<*taina), ж.р. ttäña (вторичное уподобление м. роду, ср. вед. táyā), ген. м., ж. ttye, ttiye (< *tahi̯a, *tahi̯ā); во мн. числе ном.-акк. ttä, tte, ttaka (< *tai, *tāh + позднее -ka), ген. ttānu (с именным оконч. из *-ānām), инстр. м.р. ttyau, ж.р. ttyo(-jsa); 2) эмфатическая, образуемая от предыдущей редупликацией основ: ед.ч. ном. м.р. ṣei, ṣätä, ṣve (< *ṣäṣä), ж.р. ṣāṣa, ṣā; акк. м.р. ttuttu, ttū, ж.р. ttuto, ttuo (поздн. tvā); инстр. м.р. ttätäna, ж.р. ttätäñye, ген. м.р. ttätäye, ttätye, ttīye; мн.ч. ном.-акк. ttätä, ttäte, инстр. ttätäyyo, ttiyyo, ген. ttätānu, ttyānu; наблюдаются также эмфатические ṣī (м.), ṣai (ж.), ṣau 'именно он, тот, она' из sa + i, u (а также mī<*ima- + i 'этот'); 3) "удаленная", образу-

емая суф. -ārа <*-tara ?, ср. ед.ч. ном. м. ṣārä, ж. ṣāra, акк. м. ttāru, ж. ttāro, ген. (общий) ttārye, ttārä; мн.ч. ном.-акк. м. ttārä, ttāri, ж. ttāre, ttāri, ген. ttārānu (при совпадении части форм с наречным местоимением из *ta-ϑra) и др., подробнее: [Tedesco, 1926, 159; Konow, 1932, 49; 1949, 42-43; Bailey, 1958, 142; DKS, 121, 123, 126, 128, 406, 408-409, 411, 413 и др.; ср. Герценберг, I98I, 268-269].

Значительно отчетливее прослеживается трансформация системы в живых языках подгруппы.

В пашто наблюдается процесс перестройки с трехчленной оппозиции серий указательных местоимений на двучленную. Основные местоимения, употребительные в литературном языке:

	Прям. падеж (ед. и мн. число)	Косв. падеж		
			ед. число	мн. число
Серия I	dā, dáya	м.	de, dáya	de, dáyó
		ж.	dé, dáye	
Серия II	háya	м.	háya/ə	háyó
		ж.	háye	
Серия III	húya, hóya	м.	húya	húyo
		ж.	húye	

Форма hóya зафиксирована в основном в кандагарском диалекте. В разговорном языке, в диалектах отмечены также: в серии II – прям.п. ед. и мн.ч. aya, ā, hā; в серии III – прям.п. hāya > hā, ā, косв.п. ед.ч. м.р. hā́ya, ж.р. hā́ye, мн.ч. hā́yo и другие; в текстах I7-I8 вв. фиксируется эмфатическое hāya 'именно этот' [Lorimer, 1915, 64; Лившиц, I956, I26, I39-I40].

Местоимения серии I указывают на предметы, ближние к говорящему, употребляются также при эмфазе и анафоре. Они, как и личные 3 л. dā, day, восходят к основе *aitá-, т.е. dā <*da <*aitah, *aitāh; day < *aitahia [ср. Morgenstierne, 1942$_1$, 103; Лившиц, I956, I24] (возведение dā <*ta- [EVP, 20], dā <*tva-, de <*tya- [Geiger, 1898$_1$, 218] менее вероятно фонетически и семантически); daya – результат сложения этой основы с частицей *-gā в древности (*aita-gā, ср. др.-инд. sá-ghā 'именно он') или в раннеафганском состоянии (*da-ya); вариант dāya вторичен – по аналогии с dā [ср. Лившиц, I956, I25].

Местоимения серии II – указательные и личные 3 л. – обозначают удаленность. Продолжают ир. *ha- (в сочетании с той же частицей: *ha-gā ~ др.-инд. sá-ghā). Диал. aya – упрощение раннеафганского haya, либо аналогичное ему построение (*ă-gā) от основы *a- (ср. rā <*a-ra, см. с.239); hā, ā – результат либо стяжения haya, aya, либо развития древних форм без -ya (*aitāh > dā, *hăh > hā, *ăh > ā).

Местоимения серии III указывают на далекий, трудноразличимый, неиз-

вестный предмет; малоупотребительны в литературном языке (эти значения обычно передаются серией III). Происходят из *aua- с появлением h- по аналогии с серией II, либо из *hau- (*hāu) [ср. Лившиц, 1956, 125]. Наращение -ɣa относительно позднее. Наращение h- (при прототипе *aua-) могло быть недавним, после утраты у элемента h- значений эмфазы и анафоры, которые в пашто держались относительно долго (ср. эмфат. hāya 'именно этот' в 17-18 вв.). С утратой этих значений *h- связано и образование новых эмфатических ham-dā, ham-dáɣa, ham-háɣa, ham-aɣa и сохранение этих значений у формы dā [Лившиц, 1956, 134-140].

Таким образом, система указательных местоимений пашто является переходной от троичной к двоичной за счет ослабления серии III. При этом значения серий I и II не продолжают непосредственно значений их материальных прототипов: они частично поменялись местами. Возможно, это связано с закреплением в какой-то период значений эмфазы и анафоры за *ha- (с которым контаминировалось затем *a-) и ослаблением их у *aita-, что, при обычном отнесении этих значений к сфере Du-Deixis (см. с. 56), способствовало переосмыслению локальной семантики отношений рефлексов *ha-, *a- ~ *aita-. Такие "сдвиги" и перераспределение основ между сериями подтверждаются историей других языков подгруппы (ср. сближение в язгулямском древних основ I и II серий в одну в личных местоимениях и расхождение их со становлением двоичной системы в указательных, "удаление" в шугнанском II серии при эмфазе и т.п., см. ниже) и становлением двоичных систем в ряде других индоевропейских языков.

Словоизменительная парадигма указ. местоимений в пашто, по мнению В.А.Лившица, происходит из более ранней трехпадежной [Лившиц, 1956, 130]:

Единственное число

Мужской род

Им.-вин.	*aita(m) > *da > dā
Род.-дат.	*aitahia > *dē > de
Исх.-оруд.	*aita(h)māt > *dama >

Женский род

Им.-вин.	*aitā(m) > *dā > dā
Род.-дат.-исх.	*aitaiāh > *dē > de
Оруд.	*aitaiā > *dē > de

Множественное число

Им.-вин.	*aitāh > *dā > dā
Дат.-инстр.	*aitaibiš > *dēv > de(w)o

Форма de(w)o перешла в разряд личных местоимений и встречалась еще в 17-18 вв. Указательные местоимения с -ɣa имеют отличную - явно позднюю парадигму по аналогии с существительными.

Личные местоимения 3 л. в пашто отделяются постепенно от парадигмы указательных, сохраняя некоторые их черты в семантике и синтаксисе (две серии; способы оформления посессивности, субъектно-объектных функций), но образовывая отдельную парадигму (ср. с. 216). В ед. числе м.р. прям.п. day<*aita-ka, косв.п. də - с именным показателем косв.п.; ж.р. dā<*aitakā, косв.п. de<*aitakahi̯āh (?), хотя не исключено перенесение сюда указ. местоимения ж.р. вместе с парадигмой [ср. Лившиц, I95I, I62-I63]. Во мн. числе duy возводится к *aitā(h) + ka [Morgenstierne, 1942_1, 104; Лившиц, I95I, I63], однако возможно продолжение в нем дат.-абл. *aitaibi̯ah или инстр. aitaibi̯š (ср. -u- в mu̯ž 'мы' при этимологии М.Н.Боголюбова, см. выше) с поздним наращением -y<*-ka по аналогии с ед. числом. Формы личных местоимений на -ɣa перестроены относительно недавно по типу указ. местоимений day, dā (т.е. haɣə - по типу də, haɣe - по типу de, haɣuy, haɣoy - по типу duy). Подробнее об указательных (и личных 3 л.) местоимениях в пашто: [Geiger, 1898_1, 218; EVP, 20, 30 и др.; Morgenstierne, 1942_1, 103-104; Лившиц, I95I, I62-I63; I956; Грюнберг, $I987_I$, 7I сл., 93-98; Грюнберг, Эдельман, I987, 78-8I].

В ванеци, кроме местоимения áɣa, которое может быть и личным 3 л., отмечены: dā, da, də, аналогичные пашто, и эмфатические местоимения трех серий: indí, əndí 'этот' (ближний к говорящему) из *ī-, *i- (возможно, наречного образования) ~ aī 'тот' (ближний к собеседнику; он же выполняет анафорические функции) из *ha + ī ? *a + i ? ~ ā 'тот' (дальний) из *hāu? [ср. Morgenstierne, 1930, 165; 1942_1, 104; 1973_1, 196; Elfenbein, 1967, 573; 1984, 60].

В памирских языках, кроме язгулямского, сохраняются три серии с продолжением основ: I - *ima-, II - *aita-, III - *au̯a-, однако с различиями в словоизменении.

В мунджанском и йидга парадигма носит следующий характер [IIFL, II, 130-131; Грюнберг, I972, 4II; $I987_2$, I9I]:

	Серия	Прям. падеж		Косв. падеж			
				м.р.			ж.р.
		мдж.	йд.	мдж.	йд.		мдж.
Ед.ч.	I	ma	mo	mān	mən		māy
	II	ya	yo	yān	yän		yāy
	III	wa	wo	wān	wən		wāy
Мн.ч.	I	māy	mäi, mind	мдж.	māf	йд. məf	
	II	yāy	yäi, ind		yāf	(a)yef	
	III	wāy	woi, wənd		wāf	wōf	

Местоимения выступают в субстантивном и адъективном значениях с полной парадигмой, но в роли атрибута с ослабленной указательной функцией, типа определенного артикля, они неизменяемы (застывают в прям.п., независимо от падежа определяемого) [Грюнберг, $I987_2$, I9I-

I92]. Возводятся к основам *ima-, *aita-, *aua-. В прям. п. ед.ч. во всех сериях восходят к первичному или вторичному номинативу м. и ср.р. и/или аккузативу, типа *aitah, *auam (генитив менее вероятен); во мн.ч. выступает основа с -y - из именного показателя мн.ч. -i < ир. *-āh, хотя не исключено и местоименное развитие по типу номинатива мн.ч. *aitāh с вторичным растяжением гласного основы. Формы на -nd в йидга могли развиться по аналогии с формами ж.р. ед.ч. косв.п. на *-in с наращением -d при диссимиляции или при образовании "двойного множественного" с *-t- как в северо-восточных языках (см. выше), ср. омонимию мдж. форм прям.п. мн.ч. и косв.п. ед.ч. ж.р.

В формах косв.п. ед.ч. м.р. исход -n - из именного показателя м.р. косв.п. -ān; ж.р. -y - из именного показателя ж.р. косв.п. -in с отпадением в мдж. -n (и, возможно, сохранением в йд. -in или переходом -in > -ind; формы не зафиксированы). Не исключено продолжение в косв.п. -n и из вторичного показателя инстр. *-nā, *-inā - при контаминации окончаний *-ina и *-ā (ср. вед. tena, enena, ena, но enā, enā) - вначале в местоимениях *ta-, *aita- с последующим распространением на местоимения других серий и на формы ж.р. (ср. формы ж.р. в хотаносакском). Если это так, то в мунджанском произошла a-умлаутная перегласовка основ. Во мн.ч. продолжается промежуточный инструменталис на *-āf′, *-aiv′ из ир. инструменталиса и датива-аблатива, как в именах и в местоимениях 2 л. мн. числа (при вторичном растяжении мдж. гласных по аналогии с ед. числом). Подробнее: [Зарубин, I927$_I$, I54, I74, I80; IIFL, II, 130-134; Грюнберг, I972, 4II-4I3; I987$_2$, I90-I92; ГОМШ, I9I-I92].

В шугнано-рушанской группе указательные местоимения, продолжающие те же основы, имеют формы:

Серия	Число	Падеж		Шугнанский			Руш.	Хуф.	Барт.	Рош.	Сар.
				шугн.	шахд.	бадж.					
				1	2	3	4	5	6	7	8
I	Ед.	прям.		yam	yam	yam	yim	yam	yim	(y)im	yam
		косв.	м.	mi	mi	mi	may	may	mī	mi	mi
			ж.	mam	mam	mim	mum	mum	mim	mam	
	Мн.	прям.		māδ	māδ, mā	māδ	māδ	māδ	māδ	māδ	moδ
		косв.		mēv	mēf, mē	mēv	muf	muf	mif	maf	mef
II	Ед.	прям.		yid	yid	(y)id	yid	(y)id	yid	(y)id	yad
		косв.	м.	di	di	di	day	day	dī	di	di
			ж.	dam	dam	dim	dum	dum	dim	dam	
	Мн.	прям.		dāδ	dāδ, dā	dāδ	dāδ	dāδ	dāδ	dāδ	doδ
		косв.		dēv	dēf,	dēv	duf	duf	dif	daf	def

				I	2	3	4	5	6	7	8
					dē						
III	Ед.	прям.	м.	yu	yu	yu	yā	yaw	yā	yā	yы/i
			ж.	yā	yā	yā					
		косв.	м.	wi	wi	wi	way	way	wī	wi	wi
			ж.	wam	wam	wim	(w)um	(w)um	um	wam	
	Мн.	прям.		wāδ	wāδ, wā	wāδ	wāδ	wāδ	wāδ	wāδ	woδ
		косв.		wēv	wēf, wē	wēv	(w)uf	(w)uf	uf	waf	wef

Отмечаются (кроме сарыкольского) также вторичные формы мн.ч. прям. и косв. падежей с именным показателем **-ēn**, как в личных местоимениях (напр., ш. **māδēn**, **wēvēn**). Местоимения выступают в субстантивном и адъективном (и артиклевом) употреблении; в последнем случае их парадигма не свернута, и артикли и адъективные местоимения иногда являются выразителями грамматических категорий определяемого имени, которое может быть лишено словоизменения, см. выше. Местоимения I серии (в сарыкольском малоупотребительны) указывают на предмет, ближний к говорящему, II – несколько удаленный от него, ближний к собеседнику; употребляется также при эмфазе("именно тот"), анафоре ("тот, который...") и противопоставлении I серии ("тот, а не этот"), III – на удаленный (или находящийся при 3 л.), отсутствующий объект; употребляется также внепространственно – в значении местоимения 3 л. (об указ. местоимениях – показателях группового множества см. с.162-163, ср. [Беликов, 1972]).

Падежные формы продолжают: в ед. числе прям.п. – первичный или вторичный номинатив м. и ср.р. (при возможной контаминации с аккузативом): ***imah**, ***imam**; ***aitah**, ***aitam**; ***aua̯h**, ***aua̯m**. Начальная **y-** – протетическая. Расширение гласного в I серии (в шугн., хуф., сар.) может быть связано с поляризацией I и II серий. В III серии ш. м.р. **yu** продолжает ту же праформу, а ж.р. **yā** и общее руш. **yā** < ***yāw** – из ***aua̯** (вторичный ном. ж.р.) или ***hāu**; б.рош. **yā** возможно из ***ya** < ***yaw**, ср. хуф. **yaw**. Косв.п. м.р. продолжает ген. м.р.: ***imahi̯a**, ***aitahi̯a**, ***aua̯hi̯a**; ж.р. (в сар. не сохранился) – акк. ж.р. ***imā́m**, ***aitā́m**, ***auá̯m** при парадигматическом выравнивании вокализма основ в бадж. и барт. по типу м.р. (огласовка ж.р. руш., хуф. **u** – поздняя, под лабиализующим влиянием **m**). Продолжение в ж.р. древнего аккузатива вместо генитива оправдано широким кругом "косвенных" функций аккузатива (включая функции аккузатива – субъекта аффективных конструкций, слившихся позднее с "эргативными" с генитивом субъекта). Использование аккузатива вместо генитива в ж.р. могло быть связано со стремлением данных языков сохранить родовые различия в условиях, когда рефлексы генитива ж.р. типа ***aitahi̯āh** фонетически совпадали с рефлек-

сами генитива м.р. *aitahia. Возведение косв. падежа ж.р. к аблативу ед.ч. м.р. типа *aita(h)mā(t) [Morgenstierne, 1942$_2$, 259] труднодоказуемо.

Во мн.ч. косв.п. продолжает, как в соседних языках, промежуточную форму на *-aibi-, *-ābi-> *-āv′, *-aiv′>*-äv′, *-ev′ (из ир. инструменталиса и датива-аблатива). В барт. uf, как и um, - результат позднего стяжения *wa-> *wu-> u-. В прям.п. неясно происхождение исхода -āδ (с. -oδ). Возведение его к наречному суф. *-adā (т.е. wāδ <*auadā) [Morgenstierne, 1942$_2$, 259] труднодоказуемо семантически, а к именному показателю мн.ч. *-tā - объясняет семантику и вокализм, но -δ вм. ожидаемого *-d требует объяснения. Возможно и происхождение форм прям.п. мн.ч. из сочетаний типа "тот, [который] там": *auah-auadā с последующим стяжением *awa-wadā > wāδ и т.д. Подробнее: [Эдельман, I976$_I$; I987$_I$, 305-3II].

В язгулямском языке система перестроена полностью: указ. местоимения различают только две серии: yu, yuk 'этот', du, duk 'тот'. Формы yu, du выступают в основном как препозитивные адъективные определения и артикль, неизменяемы; формы yuk, duk образованы от них поздним суффиксом или частицей -k, представляют собой субстантивы, имеют именные грамматические категории (с именными маркерами).

Местоимение yu восходит к основе I серии *ĭ-/a- (вм. *ima- других памирских языков), du - к основе II серии *aita- (ср. использование рефлексов последнего в значении удаленного объекта при эмфазе в шугн.-руш. группе); продолжают первичный или вторичный номинатив и/или аккузатив м. и ср.р. (ср. [Gauthiot, 1916$_1$, 270; IIFL, II, 132]): yu<*yu(m)<*aiám/iiám или вторичный *aiáh/iiáh; du<*du(m) <*aitáh, aitám. Соответствующая форма III серии *wu<*wu(m)<*auáh, *auám не сохранилась из-за ранней контаминации с личным местоимением 3 л. прям.п. u. Очевидно, праформы yu, du, употребляясь в раннеязгулямском в адъективной (и артиклевой) приименной препозитивной позиции в слабом акцентном положении, утратили словоизменение и начальные слоги (ср. более позднее аналогичное происхождение посесс. падежа личных местоимений - с. 207,208), что вызвало их лексический отрыв от остальных форм, которые перешли в разряд личных 3 лица.

Последние продолжают: в серии D: в ед. числе прям.п. ay, āy < *iiam/áiam или вторичное *iiah/áiah (в самост. позиции, в отличие от yu), косв.п. м.р. day<*aitáhia (ген.), ж.р. dim<*idém<*aitám (акк.), как в шугнано-рушанской группе. Во мн. числе общая форма dif<*idév′ из ир. инстр. и дат.-абл. м. и ж.р. Таким образом, данная серия гетерогенна. В серии W: в ед. числе прям.п. u< *aw <

*áu̯am, *áu̯ah; косв.п. м.р. way<*au̯áhi̯a (ген.)[30], ж.р. im<*wim<*əwém<*au̯ā́m (акк.), возможно при совпадении с рефлексом I серии: im<*yim<*i/ai̯ā́m; во мн. числе общая форма if<*wif<*əwév′ из ир. инстр. или дат.абл. м. и ж.р., тоже при совпадении с I серией: if<*yif от основы *ai̯a-/ii̯a-,

В результате восстанавливается единая раннеязгулямская парадигма указательных местоимений с тремя сериями, как в других памирских языках, но с иным материальным выражением I серии:

Серия I (из *ii̯a-, √ǐ- или *ai̯a-, √a-)

Ед.ч. прям.п. в адъект. употреблении (неизменяемое): (*a/ii̯ā́m, -áh)> *əyú(m) (> yu)[31];

прям.п. в субст. употр. (*á/íiam, -ah)> *áyu(m) (> ay> āy)

косв.п. м.р. (*á/íhi̯a, *a/ii̯áhi̯a)> *əyáy (> yay-)

косв.п. ж.р. (*a/ii̯ā́m)> *əyā́m> *əyém> *yim (> im)

Мн.ч., общая форма: (*a/ii̯áibi̯ah, -biš; *a/ii̯ā́bi̯ah, -biš)> *əyév′> *yif (> if).

Серия II (из *aita-)

Ед.ч. прям.п. в адъект. употреблении (неизменяемое): (*aitáh, -ám)> *idú(m) (> du)

прям.п. в субст. употр. (*áitah)> *ídu (> -id-)

косв.п. м.р. (*aitáhi̯a)> *idáy (> day)

косв.п. ж.р. (aitā́m)> *idā́m>*dem (> dim)

Мн.ч., общая форма: (*aitáibi̯ah, -biš; *aitā́bi̯ah, -biš)> *idév′ (> dif).

Серия III (из *au̯a-)

Ед.ч. прям.п. в адъект. употреблении (неизменяемое): (*au̯áh, -ám)> *əwú(m)> *wu (> u)

прям.п. в субст. употр. (*áu̯ah, -am)> *áwu(m)> *aw (> u)

косв.п. м.р. (*au̯áhi̯a)> *əwáy (> way)

косв.п. ж.р. (*au̯ā́m)> *əwā́m>*əwém>*wim (> im)

Мн.ч., общая форма: (*au̯áibi̯ah, -biš; *au̯ā́bi̯ah, -biš)> *əwév′> *wif (> if).

Таким образом, раннеязгулямская парадигма имела черты, приведшие

---

30 Происхождение way, day из ген. объясняет их употребление в определительной конструкции без именного показателя -i (из ген. *-hi̯a): он был здесь избыточным в период становления форм. В ж.р. и мн.ч., не восходящих к ген., он употребителен (вызывая иногда дальнейшие стяжения типа вторичных посесс. форм: ími> əmi> mi, ífi> əfi> fi).

31 В скобках слева даются древние праформы, в скобках справа - современные формы. Основы, прослеживаемые в современном языке вне парадигмы указательных местоимений, - в сращениях, в составе наречных местоимений, - приводятся с дефисами.

к дальнейшей перестройке системы: I) тенденцию к совпадению части форм I и III серий (мн.ч. и косв.п. ж.р.), 2) ослабление у II серии значения Du-Deixis и усиление значений эмфазы и анафоры - Der-Deixis. Обе черты размывали пространственные характеристики древних основ; в результате рефлексы II серии в адъективных неизменяемых формах при их отрыве от изменяемых закрепили значение "тот" (в отличие от "этого", ср. шугн.-руш. местоимения), а в изменяемых (и в наречных) - "этот" (в отличие от удаленных и нейтральных). С разрывом единой парадигмы и уходом изменяемых субстантивных местоимений (вместе с местоименной парадигмой) в разряд личных 3 л. (в результате утраты ими четкой пространственной характеристики, при сохранении двух серий, в основном, уже иной семантики, см. выше), от оставшихся неизменяемыми указательных местоимений (также в виде 2-х серий, но иных этимологически и семантически) были выработаны новые субстантивные формы с суффиксом или частицей -k и именной парадигмой [подробнее: Эдельман, 1966, 40-42; 1976; 1987_2, 388-391].

В ваханском языке парадигма указ. местоимений более прозрачна: продолжаются три серии - I *ima-, II *aita-, III *aua-. В ед.ч. они неизменяемы, во мн.ч. различаются прям. и косв. падежи:

	Серия I	Серия II	Серия III
Ед.ч.	yəm	yət	ya(w), yow
Мн.ч. прям.п.	yə́miš(t)	yə́tiš(t)	yá(w)iš(t), yayišt
косв.п.	yə́məv	yə́təv	yav

Размежевание форм местоимений при употреблении их в субстантивном и адъективном (и артиклевом) значениях здесь более продвинуто, чем в мунджанском, но менее, чем в язгулямском: при адъективном значении выступает неизменяемая форма ед. числа, в III серии - в виде усеченного ya. Формы ед. числа продолжают древние и вторичные номинативы (по типу *aitah) и/или аккузативы м. и ср. рода. Начальная y- протетическая; срединная -a- в III серии - из ир. *a в составе дифтонгов и сочетаний *au (ср. čaw- <*čiau- 'уходить'), а не признак ж.р. [Пахалина, 1987_1, 457] в прототипе; -ə- во II серии - по аналогии с I серией, где она закономерна, см. [Соколова, 1981, 41-42, 46]. Мн. число образовано именными показателями мн.ч. прям.п. -iš(t) и косв. п. -əv (последний мог совпасть с местоименным из инструменталиса или датива-аблатива); в III серии - результат стяжения *yawəv > yav. Подробнее: [IIFL, II, 492-493; Пахалина, 1975, 55-58; 1987_1, 456-458; Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, 569-571].

В ишкашимском языке при тех же основах в прототипах парадигма иная:

Серия	Ед. число			Мн. число		
	прям.п.	косв.п.	ген.	прям.п.	косв.п.	ген.
I	am(i)	man	(y)im	amond(on)	manьv(o)	(y)imьv
II	ad(i)	dan	(y)id	adond(on)	danьv(o)	(y)idьv
III	aw(i)	wan	(y)i	awond(on)	wanьv(o)	(y)iv

В санглийском прослежены сходные формы: ед.ч. прям.п. am(a), aδ(a), awī, косв.п. ma, wa, ген. īmen, īδ, īδen, īn и др.; во мн.ч. прям.п. amān̆d(e), aδān̆d(e), awānd, косв.п. amānden, aδānden, awān̆d(en) и т.п. [IIFL, II, 349], т.е. с несколько иным принципом образования косв. падежей: использованием -en вторичного (послеложного) происхождения и отсутствием (в зафиксированных формах) форманта косв.п. мн.ч. -əf (ср. личные местоимения мн.ч.). В адъективном и артиклевом значении ишк. и сгл. указ. местоимения имеют ущербную парадигму - только ед. число прям. и косв. падежей (независимо от формы определяемого имени) с усеченными вариантами, появившимися в слабом акцентном положении в постоянной приименной препозиции: прям. п. ишк. am, ad, a(w), косв.п. ишк. ma, da, (w)a, сгл. ma, wa/o.

Формы в субстантивном употреблении продолжают: в ед. числе прям.п. - древний либо вторичный номинатив и/или аккузатив м. и ср.р. (типа *ímah, *ímam; *áitah, *áitam; *áu̯ah, *áu̯am) при последующем выравнивании вокализма разных серий; конечный ишк. -i, сгл. -a из удостоверительной частицы (ср. ишк. az(i), сгл. az(ə) 'я'), либо рефлекс конечного слога праформы (*-ah, менее вероятно *-am). В косв.п. выступают либо основы ma-, da-, wa- с -n из раннего именного показателя, либо рефлексы вторичного инструменталиса на *-nā, *-inā, как в мунджанском, см. выше [ср. Пахалина, 1987_2, 515].

Основы ma-, da-, wa-, используемые и адъективно, могут продолжать генитив *imáhi̯a, *aitáhi̯a, *au̯áhi̯a в приименном использовании. При эмфазе и в самостоятельной позиции они имели ударение на первом слоге: *ímahi̯a, *áitahi̯a, *áu̯ahi̯a, что отразилось в современных формах ген. (при унификации вокализма по типу I серии).

Мн. число образовано вторичными показателями от аналогичных падежных форм ед. числа. В прям.п. -ond(on) - факультативное наращение именного показателя -on к более раннему, уже "двойному множественному" с *-ān + t, аналогично согдийскому и др., см. выше. Косв.п. и ген. образованы наращением именного показателя -ьv к соответствующим падежам ед. числа (генитив III серии (y)iv из более раннего (y)iwьv) и - в косв. падеже - добавлением современного именного суффикса мн. числа -o. Подробнее об указ. местоимениях см.: [IIFL, II, 348-350; Пахалина, 1959, 46-48; 1987_2, 513-517].

Таким образом, перестройка системы указательных местоимений проходила различно по восточноиранским языкам: в разных языках продолжены разные древние основы, иногда с изменением их принадлежности к той или иной серии. В некоторых языках сама система перестраивается с

троичной на двоичную (ср. становление двоичных систем в славянских, германских, хеттском и др. языках). Немалую роль здесь сыграло наличие/отсутствие эмфазы, способствовавшее подвижности в одних случаях эмфатических, в других – неэмфатических местоимений в отношении степени удаленности.

Существенной оказалась и разница в словоизменении указ. местоимений в субстантивном и адъективном значениях: в одних случаях неизменяемость адъективных (или ущербная парадигма) способствует их постепенному отходу от субстантивных, в других (см. шугн.-руш. группу) сохранение словоизменения делает их носителями именных категорий, которые в определяемом имени могут быть эксплицитно не выражены. Использование указ. местоимений как приименных адъективных определений и артиклей, кроме того, способствовало их слабой акцентуации, фонетической редукции и сближению с энклитиками. То же – в других слабых акцентных позициях, благодаря чему в отдельных языках рефлексы указ. местоимений, наряду с энклитиками, попадают в глагольную парадигму в качестве связок и личных показателей (см. ниже). Для общевосточноиранского состояния при сопоставлении этого материала реконструируется троичная система с различными основами в каждой из серий.

Энклитические местоимения

Энклитические местоимения сохраняются в местоименной сфере не во всех восточноир. языках: в памирских они почти утратили связь с местоимениями и перешли в сферу глагольных показателей (см. с. 112 сл., 231–232). В ряде языков, благодаря взаимодействию парадигм ударных местоимений (личных и указательных) и энклитик, видоизменяется их этимологический состав.

В северо-восточных языках энклитические местоимения восходят в основном к общеиранским.

В осетинском языке энклитические, или краткие, местоимения, продолжающие в целом общеиранские, развили новую парадигму (кроме форм им. и уподоб.п., для которых нужна эмфаза):

	Ед. число		
Род.п.	I л. mæ	2 л. dæ	3 л. jæ, æj/æ
Дат.п.	myn	dyn/din	(j)yn
Направ.п.	mæm	dæm/dæmæ	(j)æm
Отлож.п.	mæ/mi	dæ/di	zy/si, zi
Местн. внутр.п.			
Местн. внеш.п.	myl/mæbæl	dyl/dæbæl	(j)yl
Совм.п. (ирон.)	memæ	demæ	jemæ

	Мн. число		
Род.п.	I л. næ	2 л. wæ	3 л. sæ
Дат.п.	nyn/nin	wyn/win	syn
Направ.п.	næm/næmæ	wæm/wæmæ	sæm
Отлож.п.	næ/ni	wæ/wi	sæ, zy/si, zi
Местн. внутр.п.			
Местн. внеш.п.	nyl/næbæl	wyl/wæbæl	syl
Совм.п. (ирон.)	nemæ	wemæ	semæ

Во 2 л. d< *t при постоянной неначальной позиции [ИЭСОЯ, I, 378]. Совм.п. выступает в виде краткой, но ударной словоформы [Абаев, 1962, 522]. В ед.ч. I л. mæ, mæ/mi - результат контаминации ир. энкл. *mai, *mā с усеч. генитивом ударного местоимения; то же - 2 л. (энкл. *tai, *tu̯ā и ген.) и 3 л. (энкл. *hai и ген. от *a=/i=); во мн.ч. продолжаются энкл. I л. *nah, 2 л. *u̯ah, 3 л. *-šai или полная форма ген. мн.ч. типа *aišām. Формы zy/zi < *haša + i ? [ср. Миллер, 1962, 89-92; ИЭСОЯ, I, 350, 402; II, 79; III, 51; Исаев, 1987, 594-596].

В согдийском языке энклитики ед.ч. продолжают древние: I л. будд. -'my, -my, хр., муг. -my, ман. -my(y)<*mai; 2 л. Ст.п. -t, -ty, муг. -ty<*tai; Ст.п. -β, будд. -βy, -β, ман. -fy(y), -f<*t/*θu̯ā (с изменениями гласных по аналогии); 3 л. Ст.п. -šy, -š, будд. муг., хр. -šy, ман. -šy(y), -š<*-šai и т.п. Во мн.ч. обычно выступают новые энклитики, образованные от энклитик ед.ч. именным показателем -n, аналогично персидскому: I л. согд. -(')mn, муг., ман. -mn; 2 л. Ст.п., муг. -tn; Ст.п., муг., будд. -βn, ман. -fn; 3 л. Ст.п., будд., муг., хр. -šn (в I л. также рефлекс ир. *nah: согд. -n, будд. -n, -n'). Подробнее: [EGS, II, 118-119; GMS, 203 сл.; Лившиц, Хромов, 1981, 456-457].

Иные инновационные формы мн.ч. в ягнобском (при сохранении в ед.ч. рефлексов древних энклитик): ср. ед.ч. I л. -(i)m; 2 л. -(i)t, -d; 3 л. -(i)š, -ž; мн.ч. I л. -(i)mox - из ударного местоимения в неполноударной позиции; 2 л. -šint, с -š<s=<*θu̯= по аналогии с 3 л., где -šint - продолжение согд. -šn с наращением именного показателя мн.ч. -t [Хромов, 1987, 674-675].

В хорезмийском энклитики ед.ч. продолжают древние: I л. акк. m(')< *mā, дат. m(y)<*mai; 2 л. акк. v(')<*θu̯ā, дат. d(y)<*tai; 3 л. h(y)<*hai; во мн.ч., как в согдийском, выступают новообразования с -n от ед.ч.: I л. mn('), 2 л. vn('), 3 л. hyn('), ср. 3 л. мн.ч. n(')<*nā из полного местоимения [подробнее: Боголюбов, 1962$_I$].

В юго-восточных языках картина более пестрая.

В хотаносакском старые энклитики продолжают древние: ед.ч. I л. mä, mi<*mai, 2 л. tä<*tai, 3 л. ï, yä<*hai; мн.ч. I л. nä, nu, ṃ<*nah, 2 л. ū<*u̯ah, 3 л. -nä, nu, ṃ (ср. хор.). Встречаются и

иные энклитики, возникшие при редукции полных местоимений [Konow, 1949, 41-42; DKS, 171, 321 и др.; Герценберг, I98I, 267-269].

В пашто энклитики ед.ч. I л. mi, 2 л. di, 3 л. ye (и 3 л. мн.ч. ye) продолжают ир. *mai, *tai, *hai; единые формы для I и 2 л. мн. ч. mu, mo восходят к полным местоимениям периода после совпадения основ I и 2 л. мн.ч. (см. выше) [EVP, 42-43; Morgenstierne, 1942_1, 103; Лившиц, I95I, I57 и др.; Грюнберг, Эдельман, I987, 77-78]. В ванеци различие в 3 л. ед.ч.: м.р. -e, -i ~ ж.р. -a, -ya, а во мн.ч. I л. -mā, -ū (?) ~ 2 л. -mo [Elfenbein, 1967, 573], возможно, вторично.

Мунджанские энклитики ед.ч. I л. -(y)əm, 2 л. -(y)ət, 3 л. -(y)əš; мн.ч. I л. -(y)əmon, 2 л. -(y)əfon, 3 л. -(y)əšon - в основном, ранние перс. заимствования, хотя в I и 2 лицах ед. числа и 2 лице мн. числа, возможно, результат контаминации собственных и заимствованных энклитик: во 2 л. мн.ч. -f- - из рефлекса старой энклитики, сохранившейся и в качестве глагольного личного показателя в прош. временах [ср. Грюнберг, $I987_2$, I96].

Заимствованные энклитики отмечаются и в сангличском [IIFL, II, 348].

В памирских языках, однако, древние энклитики утратили местоименную принадлежность, превратившись в личные глагольные показатели (кроме спорадических случаев), а частью контаминировавшись с личными и указ. местоимениями (см. выше).

Причиной перехода энкл. местоимений в парадигму глагола послужила грамматикализация причастных конструкций, где энклитики, наряду с именами (и полными местоимениями) в генитиве и инструменталисе, выступали в роли субъекта при перех. глаголах (см. с. 7I, I4I). Впоследствии энклитики становятся личными показателями глагольных форм, продолжающих эти конструкции, вначале от переходных глаголов, а затем при унификации спряжения в ряде языков - и непереходных.

В большинстве памирских языков эти новые личные показатели отделяемы и продолжают занимать позицию энклитик, тяготея обычно к положению после первого ударного члена предложения, реже (напр., в ваханском) после других слов (при тяготении глагольной основы из причастий к концу предложения). В мунджанском и йидга (как в пашто) энклитики, слившись со связкой, перешли в конечную позицию, образовав новую флексию.

Ср. памирские глагольные показатели, продолжающие энклитики - древние и вторичные (из полных указ. местоимений при вторичной энклизе для 3 л.): I) 2 л. ед.ч. шугн.-руш., язг. -at, вах., мдж. -ət, ишк. -ьt, йд. -i/et - из безударной гласной исхода основы + энкл. *tai; 2) 3 л. ед.ч. шугн.-руш., вах., ишк. -i, язг. -ay < *hai (в язгулямском возможна контаминация с полным указ. местоимением ăy, ср. язг. связку -u/ů, употребляемую с именами, из полного указ. ме-

стоимения u); в сарыкольском, язгулямском этот показатель используется при любых глаголах, в вахáнском, ишкашимском факультативен; в рошорвском, бартангском (басидском диалекте) он неупотребителен, а в остальных языках шугн.-руш. группы используется при перех. глаголах (и отдельных активных, чьи конструкции уподоблены переходным); 3) I л. мн.ч. б. рош. с. язг. -an, вах. -ən, ишк. -on, сгл. -ān, -ɪn < *nah; 4) 2 л. мн.ч. р.х.б.рош.с. -af, язг. -əf, мдж. -āf, Йд. -ef, -af, вах. -əv, ишк. -ьv, сгл. -əw < *u̯ah (с f, v по аналогии с 3 л.); 5) 3 л. мн.ч. б.рош.с. -af, язг. -əf, вах. -əv (в бартангском и язгулямском с перех. глаголами, в остальных - с любыми), восходящий к полному указ. местоимению в инструменталисе (ср. продолжение ударных форм в виде указ. местоимений: б. uf, рош. waf, с. wef, язг. if, вах. yav). О продолжении энклитик в личных показателях см. также в разделе "Глагол". Подробнее о памирских языках см., напр., [IIFL, II, 158-159, 366-367, 492, 505 сл.; ОИТИЯ, II, 293-294, 368-369; ГОМШ, I07-I09; Эдельман, 1987_I, 322-325; 1987_2, 395-396; Грюнберг, 1987_2, 2I6-2I7 и др.], иначе [Пахалина, 1987_I, 464; 1987_2, 525-526].

Спорадически энклитики (и слившиеся с ними полные местоимения при энклизе) сохраняются здесь остаточно и в иных древних функциях, например, показателя посессора в конструкциях типа "у меня есть//имеется то-то", где в древности выступал генитив (ср. язг. ded-a nān-at yast-yo? 'есть ли у тебя отец и мать?'; ðow bon čiray-əf yast 'у вас есть два абрикосовых дерева'), показателя субъекта аффективных конструкций, где выступал древний аккузатив (ср. барт. az mun-at žəwǰ? 'ты меня любишь?' (подробнее о таких конструкциях: [Эдельман, I974, 26 сл.]). Об обязательной употребительности в прошлом местоименных энклитик при именах неотторжимой принадлежности в языках шугн.-руш. группы см. с. I78. Об энклитиках см. также [Оранская, I986, 87 сл.].

Таким образом, судьба энклитических местоимений в восточноиранских языках тесно переплетена с судьбой ударных местоимений, но в разных языках их парадигмы взаимодействуют по-разному. Характерно неравномерное развитие статуса энклитик по языкам: в осетинском они употребительны; в посессивных конструкциях часто создают пролептические обороты; развили свою парадигму и могут выступать как краткие, но ударные словоформы. В хорезмийском языке ими пронизана вся структура предложения; они безударны и легко срастаются с глагольными и именными словоформами, организуют пролептические сочетания (о причинах см. ниже). В памирских языках они как грамматический подкласс уже не существуют, и их рефлексы выявляются только при историческом анализе. Разнообразие рефлексов в языках дает возможность восстановить для общевосточноиранского уровня их парадигму, практически равную общеиранской.

Вопросительные, относительные, неопределенные и отрицательные местоимения

В основном в этих разрядах продолжаются древние вопросительные местоимения. Их рефлексы употребляются, как правило, в вопросительном и относительном значениях, в зависимости от контекста. От них же образуются обычно неопределенные местоимения - различными по языкам средствами, а также в большей части языков - отрицательные (присоединением отрицательных частиц или иными средствами, включая контекст).

Основные местоимения этой группы, восходящие к *ka-, *kā- (обычно в значении "кто") и *čai- (обычно: "что", "какой"): в северной подгруппе - осет. či/ka 'кто' (вопр.-относ. для определенных лиц), cy/ci 'кто, что' (для неопределенных существ и вещей), kæcy/kæci 'который, какой', kæcon 'из какого рода, чей'; неопределенные: isči 'кто-нибудь', isty (t < c) 'что-нибудь', čidær 'кто-то', cydær 'что-то'; отрицательные: ničі 'никто', nicy 'ничто' и т.п., со своими словоизменительными особенностями. К этой же группе относятся согд. [ki] 'кто, который', [ču] 'что, какой' и др.; ягн. kax 'кто', čo 'что, какой', и т.п., хор. ky 'кто', c(y) 'что, что за' и т.д.

В южной подгруппе особых различий в этом плане не наблюдается. Ср. хс. kye, ce 'кто', cu 'что'; пашто cok (косв.п. čā) 'кто' (о людях), cə 'что, кто' (о животных, вещах); ван. соответственно čok ~ čə; мдж. šti (š < či) 'что, какой', йд. koi 'кто', ces 'что', вах. kuy 'кто', cə 'что за, какой', ишк. kŭy 'кто' (о людях), ce 'что, какой', ш.р.х. čāy, рош. či, б. čī (из косв. падежа), с. čoy 'кто' (о людях), ca 'какой, что, что за', ш.р.б.х. cav 'что', язг. kí 'кто' (о людях), čə 'что, который'. Понятие "кто, что" (о животных и вещах) в памирских языках выражается: вах. č/ciz, ишк. čiz, ш.р.х. čīz, рош. čĭz, б. čiz, с. cɛyz, язг. čiǵ при контаминации с заимствованным тадж. čiz 'вещь'. Отмечаются стяженные формы из *či + tawr (через тадж. ?) или *či-tara- (*či + суф. tara): вах. star, ишк. sta 'что', язг. šətŭ 'как' и т.д.

Сходно отражается ир. *katāma- 'который, какой': согд. [kat/dām], ягн. kum, хор. kd'm, хс. kāma, поздн. kam, пашто kum, kəm, мдж. kiyā́m, йд. kyəm, вах. kum, ишк. kъdъm, ш. čidŭm, р.х. čidōm, б.с. čidum, рош. čidum, čidōm, язг. ḱadem (к этому ряду примыкает и мдж. kdi 'кто') и др. Общеиранские относительные местоимения в восточноиранских языках развития не получили и прослеживаются лишь этимологически в служебных элементах (артиклях и подчинительных союзах), см. выше, ср. с. 61.

Сращения местоимений с предлогами и послелогами

Во многих языках отмечается тенденция к сращению местоимений – личных, указательных (полных и энклитических), вопросительных и относительных – с предлогами и послелогами. Результатом сращений с послелогами явились в ряде языков новые падежные формы (ср. падежную систему осетинского языка, вторичные падежи в хорезмийском и др.). Сращения с предлогами характерны для согдийского, хорезмийского, пашто (особенно у энклитик), мунджанского и др. Ср., например, сращения с рефлексами *hača в пашто, мунджанском, йидга в притяжательном и аблативном значениях, в шугнано-рушанской группе при обозначении объекта, в язгулямском в функциях разных объектов и т.п.

Ареальная закрепленность типов сращений (послеложные в осетинском и предложно-послеложные в языках Средней Азии) свидетельствует об ареальных чертах синтаксиса в прошлом. Сращения большей частью принадлежат к тем же разрядам, что и "простые" местоимения, но в ряде случаев они переосмысливаются, переходя в другие разряды (напр., в разряд притяжательных – сращения личных и указательных с предлогом, происходящим из *hača, в разряд местоимений-наречий – сращения с предлогами и послелогами пространственной семантики и т.п.). Часты сращения личных и указ. местоимений с препозитивными и постпозитивными усилительными и удостоверительными частицами, в основном, содержащими компоненты n, k, i (ср. хотаносакский, хорезмийский, памирские языки).

Определительные, притяжательные, возвратные местоимения

В качестве определительных выступают прежде всего местоимения, продолжающие древние определительные основы: рефлексы *harṷa- ‘весь, целый’, употребляемые обычно со значением "каждый, всякий": осет. al(l)y/al(l)i (и образованные от него субстантивные: alči/alke ‘всякий’ (о человеке), alcy/alci ‘всякий’ (о вещи), хс. har (и в сложении har-bisśa ‘любой’), иногда при контаминации с перс.-тадж. har < *harṷa-: пашто har (и в сложениях: har-cok, har-cə), вах., ишк., шугн.-руш., язг. ar (и в сложениях типа ш. ar-čāy, ar-čidūm и т.п.); рефлексы *ṷiśṷa- ‘весь, целый’ – согд. [wisp-] ‘весь, все, каждый’: будд. wysp, wyspw, муг. wyspw, wyspy, ман. wyspy и т.д.; хс. bisśa- ‘всякий, все, всё’.

Производные от *an-, *ana- отмечены в виде рефлексов *aniia-: осет. ænnæ ‘другой’ (из двух), annæ ‘другой’ (из трех), согд., хор. ’ny, ягн. ani, хс. aña- (с производными), – и *antăra-: осет. ændær ‘другой’ (неопред.), пашто nor, nur, язг. ənder, хс. handara-. Из вторичных определительных местоимений существенны производные: от числительных: пашто bəl, ван. bī (м.), ba (ж.) ‘дру-

гой' из *duuitĭia- 'второй'; язг. wůgaṽ 'все' от wůg 'I'; от имен: хор. n'n'm (м.), n'n'm^{a} (ж.) 'такой-то, имярек' и т.д.

К ним примыкают неопределенные местоимения, которые в отрицательном контексте могут иметь и отрицательное значение: согд. [ākˇ-, īčˇ] и производные от него (а также [nēčˇ], [nēδēčˇ], - последнее связано с [āδe-], [ēδ-], отриц. [nēδe]); пашто hic (вост. hec) 'нечто; ничто' (и в сочетаниях типа hicok 'никто'), вах. i/əčˇ 'какой-нибудь, никакой' (и в сочетании ičˇ kuy 'никто'), язг. əčˇ, ш. ačˇ, б. (y)ičˇ, р. yičˇ, с. ičˇ 'что-нибудь, ничто; как-нибудь, никак' (и в сочетаниях, ср. язг. əčˇ-ki 'кто-нибудь, никто', с. i(č)čˇoy id. и т.п.). Неопред. местоимения образуются и от других лексем: ср. пашто ẓini (вост. ẓine) 'некоторые' <*čˇi-na (ср. ав. čˇi-na 'что, какой'), ш. yi-čˇāy 'кто-нибудь', язг. wů čˇiǵ 'что-нибудь' (с числительным "один") и т.п.

С определительными связаны притяжательные местоимения. Они развились не во всех языках: в ряде языков притяжательность выражается косв. падежами личных, указательных, вопросительных местоимений или сочетанием их с предлогами и послелогами, а также приименными энклитиками. Однако частое или обязательное нормативное употребление каких-либо притяжательных элементов при именах, особенно при терминах неотторжимой принадлежности (см. с. I77 -I78), способствует выработке специальных местоимений, поэтому в ряде языков посессивные формы или сращения с предлогами (чаще - с рефлексами *hača) и послелогами выделяются в самостоятельную парадигму притяжательных местоимений.

В осетинском языке в этой функции выступают, кроме энклитик и род. падежа полных местоимений, особые формы возвратно-притяжательных местоимений - атрибутивных и субстантивных (см. ниже), а также субстантивные образования на -on от род.п. полных местоимений [Кулаев, I958, 25-32; Абаев, I962, 524-526]. Притяжательные образования (кроме возвратно-определительного) отмечаются и в согдийском в виде суффиксальных форм (2 л. ед.ч.: Ст.п. tw'xky, муг. tw'kw 'твой') и сращений с рефлексом *hača (ẍ'm' 'мой', čˇyw 'его') [GMS, 205; Benveniste, 1955, 321; Лившиц, Хромов, I98I, 463]. В хотаносакском характерны суффиксальные образования притяж. местоимений, ср. mamānaa-, mānaa-, māmaka 'мой'; mājaa-, mājai, mānī 'наш' (мн. māñą), tvānaa-, ttuña=, ttānaa= 'твой', umānia-, umānī, umājaa 'ваш' и др., изменяемые по числам [Konow, 1949, 41; Герценберг, I98I, 267].

Притяж. местоимения I и 2 л. в пашто образованы сращением рефлекса *hača > z-, ẓ-, s- с личными местоимениями: I л. ẓmā, zmā 'мой', ẓmuž̌, zmuž̌, ẓmunž̌, zmunž̌ 'наш', 2 л. stā 'твой', зап. stā́si, stā́su, вост. stā́se, stā́so 'ваш' [Geiger, 1898$_{1}$, 217; EVP, 30-31] (в 3 л. используется сочетание с предлогом də//da (< *antar) без сращения (da də 'его', da duy 'их'). В других языках, в частности памирских, распространено выражение притяжательности косв. или посесс. падежами местоимений и послеложными сочетаниями.

К притяжательным примыкают возвратные и возвратно-определительные (или возвратно-притяжательные) местоимения, связанные этимологически с ир. *x^{v}a-, *hu̯a-/hu- (ср. вед. svá- < и.-е. *su̯e-) 'сам, свой, себе' с производными (особенно *x^{v}ai-, *x^{v}at-, *x^{v}a(i)pat/ð̯ia-).

В северной подгруппе характерны осет. xi < *x^{v}ai- 'себя, себе' и архаич. xæd < *x^{v}at- 'сам'. От первого образуются мест. с притяжательным значением (типа "мой собственный"; лицо указывается энклитиками): ед.ч. I л. mæxi/mæxe, 2 л. dæxi/dæxe, 3 л. jæxi/æxe; мн.ч. соответственно næxi/næxe, wæxi/wæxe, sæxi/sæxe, от которых образованы при помощи суф. -on субстантивные mæxion/mæxeon, dæxion/dæxeon и т.п.; от местоимения xæd - mæxædæg 'я сам', næxwydtæg 'мы сами' и т.д. [подробнее: Кулаев, I958, I4-I6, 20-24; Абаев, I962, 523-525; Исаев, I987, 596-599].

В согдийском выявляются [xēpaδ] < *x^{v}aipat/ð̯ia- 'свой' (в хр. текстах также 'сам'); [xwadē] < *x^{v}atah- 'сам' (будд. также [xutu] < *x^{v}atam) [см. EGS, II, 119-120; Лившиц, Хромов, I98I, 463-464]; их продолжают ягн. x^{o}at 'сам', хар (зап.), хер (вост.) 'себе, сам, свой' [Хромов, I987, 676-677].

Из тех же прототипов происходят хор. xd'k (мн. xd'c) 'сам, самый', xbsk 'свой' [Боголюбов, I963$_{I}$, I0I], хс. hävya (тумш. hawya), hivya, hīya 'свой, собственный', hvatä (позд. hva) 'сам; собственный' [DKS, 486, 501-502], пашто хpəl (< *x^{v}apaδ̯ia-) 'свой, собственный' и производное от него (pə)xpə́la 'сам' (pə < *pati) [Лившиц, I95I, 358 сл.], вах. x̌at 'сам, себя, себе' - x̌ы/ə 'свой, у себя', ишк. xá(da)k 'сам' - xi/e 'свой'; ш.р.х.б. рош. xúbaδ̯, с. xы́baδ̯ (<*x^{v}a(i)paδ̯ia-) 'сам' - ш.р.х.б. рош. xu (р.х. также xo), с. хн(n) 'свой, себе, сам', язг. xûd 'сам' - xi 'свой' (последнее может быть и поздним, по типу xûd-i > xəd-i > *xəyi > xi, аналогично посесс. падежу личных местоимений, см. выше).

Реже отмечаются новообразованные местоимения, обычно из имен со значением "душа", ср. хор. y' γryw^{a} 'душа, тело' ⟶ 'себя, себе'; афг. ǯān 'себя' из имени ǯān 'душа, тело, жизнь' (раннее перс. заимствование), ван. z̆ān, zəne, zine - то же (ср. аналогичные местоимения в индоарийских языках, продолжающие др.-инд. ātman- 'душа').

Местоимения-числительные, наречия и др.

К этим категориям относятся лексемы, указывающие не на субстанцию, качество, как рассмотренные выше, а на количество, место, обстоятельство и т.п.

Местоимения-числительные включают лексемы со значениями вопроса о количестве (типа "сколько, насколько"), утверждения (типа "столько, настолько") и т.п. Образуются обычно от вопросительных и указатель-

ных основ (типа *ǩi-u̯ant-, *ǩi-i̯ant- 'сколько', *(ai)tā-u̯ant, -i̯ant=, *au̯ā-u̯ant, -i̯ant 'столько' и т.п.), напр.: осет. cal, cas 'сколько', cas/cæjjasæ 'сколько, какой величины', wal 'столько', ajas, wyjas 'столько', calæm 'какой по счету' - walæm 'такой по счету', calgaj 'по скольку' - walgaj 'по стольку' и т.п.; согд. [ǩāf]<*ǩu̯at; ягн. ǩof 'сколько'; хс. candä 'насколько большой' - ttandä, didaṃdä 'настолько большой', candikä 'сколько' - ttandikä 'столько'; пашто co 'сколько, несколько' и вторичные: cóna, cómra 'сколько, несколько', cowəm 'который по счету' (и ẓini 'несколько') - dómra, dayómra, dóna 'столько', hómra, hayómra 'столько'; ван. cəna 'сколько', co 'сколько, столько'; мдж. čen, čed 'сколько', čer 'несколько'; вах. cum 'сколько, насколько; несколько' - tum 'столько, настолько'; ишк. cь-mьnd 'сколько'; ш. cūnd, х.б. cōnd, р. рош. cōn(d), с. cun(d) 'сколько, несколько, сколько ни...' - ш. dūnd, х.р.б.рош. dōnd, с. dund 'вот столько, настолько'; язг. čon 'сколько' - dədəm 'вот такой величины, вот столько', yudəm 'вот столько', čəngen 'по скольку' - dəmgen 'по стольку' и т.п.

К наречным местоимениям относятся практически наречия, образованные от местоименных основ. Их можно условно разделить на вопросительные и утвердительные, как и местоимения-числительные.

Вопросительные включают комплекс вопросов о пространстве, времени, обстоятельствах. Помимо местоимений "что", "как", относимых к обстоятельствам (часть из них рассмотрена выше, вместе с вопросительными), сюда входят "когда", "где, куда, откуда" и т.п. Происходят из древних вопрос. основ, напр.: осет. kæm 'где', kædæm 'куда' (и производные: отрицательные с ni-, неопределенные с is-, -dær и др.), kæd 'когда', kwyd/kud 'как' (и nikwyd 'никак', iskwyd 'как-нибудь' и т.п.), согд. [kū, kurβ] 'где', [kuδa] 'откуда', ягн. kū 'где', kad 'когда', хс. kyera, cera 'как, в какой степени', kāmu 'как', ku 'где', ka, khu 'когда' и др.; пашто čeri 'где, куда', čarta 'где', kəla 'когда', cələ 'зачем, почему', cənga 'как', мдж. kū 'где, куда', kьlə 'когда', čirg 'как', či 'почему', kto 'каким образом'; ишк. kadi 'когда', kь́n-tav 'где, куда', вах. kum ǰay 'где, куда', cəftəy id., coyd 'когда', ш.б. kā, рош. ka, с. ko 'где', ш. ca waxt 'когда'; язг. šətū 'как', k°ónda 'где', k°óre 'где, куда', kəm 'когда' и производные от них.

Утвердительные, образованные теми же формантами, что и вопросительные, но от указательных основ, следуют тем же правилам. При этом местоимения-наречия "здесь", "там" и т.д. могут продолжать две или три ступени удаленности, как субстантивные и адъективные указательные. В ряде языков, напр., согдийском, язгулямском, где система указ. местоимений уже в целом двоична (см. выше), наречные местоимения сохраняют троичность. Ср. осет. am 'здесь' - wym 'там', ardæm 'сюда' - wyrdæm 'туда', wæd 'тогда' и т.п.; согд. (трехчленная систе-

ма, с ориентацией на говорящего, собеседника и третье лицо): 'mδ, mδy 'здесь' (<*imadă̆) - tδy 'там (, где ты)' - wδy 'там' и производные [Боголюбов, I960$_2$, 3-5; I963$_2$, 23; Лившиц, Хромов, I98I, 465-466]; их продолжения с формантами m-, t-, w- прослеживаются в ягн. maski 'сюда' - tat 'здесь' - wat 'там'. Для хотаносакского усматривается трехчленная система с иными этимологическими элементами [Герценберг, I98I, 27I]. В памирских языках системы обычно трехчленны, причем сращения с предлогами и послелогами, являющимися здесь также средствами пространственной ориентации (т.е. направления движения по вертикали, обычно - вверх и вниз по течению реки в данной долине), создают сложную систему пространственных позиций по отношению к участникам диалога. Эти системы в ваханском и ишкашимском аналогичны указательным местоимениям, ср. вах. arəm - arət - ara (из *araw) 'здесь, там (внизу)', təm - tət - ta 'здесь, там', pə-sə́məv(i) - pəsə́təv(i) - pəsóvi 'там, туда' и т.п.; ишк. má(da)k - tá(da)k - wá(da)k 'здесь, сюда' - 'там, туда' и т.п. [Пахалина, I987$_I$, 470; I987$_2$, 5I9]. В язгулямском они производны от раннеязг. указ. местоимений: от Ⅰ серии - -id (в na-ž-íd, ž-íd-ri 'отсюда' и др., возможно при контаминации с древним местоимением, ср. ав. iyadā), yay- (в yáyda 'здесь'). Прослежены и общие основы с шугн.-руш. наречными местоимениями трех серий (см. ниже): wandá(r), wáda 'здесь' - с Ⅰ серией (шугн. основа ů), əndá 'там' - со Ⅱ серией (шугн. -ēd), (h)ə́mba 'там, туда' - с Ⅲ серией.

Шугнано-рушанская группа отличается строгим соотношением трех серий с основами, отличными от указательных местоимений (ср.с. 223 сл.). Ср. основы данных местоимений и их сращения с усилительной частицей k, предлогом tar и послелогами:

	Ⅰ серия	Ⅱ серия	Ⅲ серия
Шугн.	-ůd, -ů, yůd- ůd-, kůd-, tarů(d), yůdand	-ēd, -ē, yēd-, ēd-, kēd-. tarēd, yēdand	-am, yam-, kam-, шх. -um, шх. бадж. yum-, kum-. taram, шх. tarum yamand
Руш., Хуф.	-aw, u-, p. -ūd, x. -ud. taraw, undi	-ad, ad-, a-. tarad, andi	-am, ama-. taram, p.x. amandi, x. также umand
Барт.	-ū(d), ū(d)-. tarū(d), ūndēr	-ē(d), ē(d)-. tarē(d), ēndēr	-um, um-. tarum, umdēr
Рош.	-u(d), u(d)-, -a(d), a(d)-. tarud, tarad, undēr	-ē(d), ē(d)-. tarēd, ētör, indēr	-um, um-. tarum, umdēr
Сар.	ɛwd, od. tarod	-	ым, um. tarым

Происхождение этих основ не самоочевидно. у- в шугн. во всех сериях протетическая. Основы I серии имеют -d по аналогии со II серией. Гласная основы I серии может восходить к раннешугн. *au. Прототипом была форма ном. ед.ч. м.р. *h(u)u̯ah (ср. ав. hvō 'этот') с развитием *həu > *au (ср. *d(u)u̯a- > *δəw > δaw '2') и с поправками на аналогию. Основа II серии восходит к *aita-, ср. ав. aēta 'здесь' (факультативность -d в руш.-хуф., барт., рош. связана с взаимным уподоблением I и II серий), где *ai- какое-то время был безударным, как в указ. местоимении, и отразился как безударный перед согласным в руш.-хуф. (его безударность подтверждается язг. əndá(r) 'там'). Шугн. (и, возможно, барт., рош.) ē - из ударного *ai. Основа III серии - из *amu=, *ama- 'там', ср. др.-инд. amum, amúrhi 'там', др.-п. amata 'оттуда' (в um, ым - поздний сдвиг *a > u перед m).

Имеются и основы местоимений-наречий из указ. местоимений (в различных сращениях): ш. рош. mi-rūyā ~ wi-rūyā, рош. mi-rūyā ~ di-yār, wi-yār, б. miryā ~ diryā, wiryā 'на этой стороне' ~ 'на той стороне'; бадж. mi-tīr, mi-ti, di-tīr, di-ti, wi-tīr, wi-ti, р. may-ti, day-ti, way-ti, рош. di-tör 'так, таким образом'; ш. dis, р.б. рош. das, с. dos (часто с усилит. част. ik-, k-) 'так, такой, таким образом' (от *aita-) и мн. др.

Особая система развилась в пашто, где кроме обычных местоимений-наречий образовалась новая категория лично-направительных местоимений. Обычные местоимения-наречия, напр. dəla, dəle, dəlta 'здесь', hale, halta 'там, туда', в диалектах также delata 'здесь', ēlē 'туда', wōlē 'там', wōlata, wōrata, alta, ēlta, hayalta, hūrē 'там', hor-ta 'туда' и т.п., - представляют сложения основ *ha-, *aita-, *au̯a- (или *hāu) с древними наречными суффиксами (*-ra > r, *-da > l), с поздними послелогами (-la, -ta) и с сочетаниями древних суффиксов с послелогами (-r + ta, -l + ta) [EVP, 21 и др.; Лившиц, 1951, 273]. То же - временно́е hála 'тогда' (указ. *ha- и суф. *-da) и наречия образа действия, причины и т.п.: dási, dáyasi, hási, hayasi, hamdáyasi, hamáyasi 'так, точно так' и т.п., связанные с указательными местоимениями. В диалектах в ряде местоимений локального и временно́го значения прослеживается древнее соотношение указательных основ: серия I *a-, *ha-, II *aita-, III *au̯a-. Очевидно, ранняя адвербиализация оторвала эти местоимения от указательных, и дальнейшая перестройка в последних (см. с. 220-222) их не затронула.

Выделившиеся из наречных лично-направительные местоимения в пашто, указывавшие первоначально на направление действия, адресата и пр., - rā 'сюда' (к I л.), dar, dər 'туда' (ко 2 л.), war, wər, wur 'туда' (к 3 л.) - используются отдельно и в сочетании с послелогами, а также при глаголах (конкретизируя направление движения). В ряде случаев их префиксация при глаголе стала словообразовательной. Продолжают соответственно: rā < *a-rá, dar < *aitá-ra, war < *au̯á-ra с сохра-

нением более древней соотнесенности серий, чем в указательных местоимениях. Здесь, как в местоимениях-наречиях, закрепление данных основ в наречной функции (с последующим выделением в лично-направительные) произошло до перестройки системы указательных местоимений. Дальнейшее развитие наречных и лично-направительных местоимений проходило уже вне этимологической связи с указательными. Подробнее об их истории и функциях: [Лившиц, 1951, 271 сл.; 1959; Грюнберг, 1987_1, 85-93; Грюнберг, Эдельман, 1987, 81].

Во многих языках образовались новые лексемы, обозначающие взаимность ("друг друга") и примыкающие к местоимениям. Их этимологии различны: ср. осет. kærægI/kærægei - из тюрк. [ИЭСОЯ, I, 581], согд. будд. 'yw δyβty, 'yw ZKn δyβty - из 'yw 'I', δyβty '2-й' [GMS, 201], согд. XDnyw 'один другого' [Лившиц, Хромов, 1981, 449], ягн. Īrixáni/e из согд. диал. 'yw-r(союз)-'γw-'ny 'I и тот другой' [Боголюбов, 1956, 16], хор. 'y nywny - из артикля, частицы n-, основы 'yw 'I' и местоимения 'ny 'другой' [Боголюбов, 1963_1, 101], хс. śśūjäta-'I'+'2-й' (ср. тадж. yak digar) [DKS, 401, 402]. Связь с числительным "I" и местоимением *aniia- 'другой' выявляется и в других языках среднеазиатского ареала, ср. вах. yoman (< *aiuam + aniia), сар. imí. Язг. ven-a-ven - с редупликацией, где ven из *aiua-aniia (о v < *u см. [Эдельман, 1987_2, 364-365]) либо из сращения с предлогом: *abi-aniia- (ср. послелог ш.р. -avēn, б. -avān, с. -avon 'для, ради').

Наречия и вспомогательные слова и элементы

Из древнего класса неизменяемых слов - наречий - с постепенным закреплением их места при именах и глаголах выработались определенные классы вспомогательных слов и элементов, этимологически продолжающих часто те же основы, что и самостоятельные наречия. Становление этих слов и элементов связано с закреплением порядка членов предложения SOV в подавляющем большинстве иранских и, в частности, восточноиранских языков (см. с.252). При этом в группе OV данные элементы (условно: Adv), попадая в позицию OAdvV, могли стать и послелогами, и превербами, в зависимости от смысла высказывания и от просодических границ блоков предложений, т.е. от объединения компонентов в блоки по принципу либо OAdv - V (имя с послелогом - глагол), либо O - AdvV (имя - глагол с превербом). Становление Adv как предлога происходило, вероятно, при относительно свободном порядке косвенных компонентов предложения (с тяготением Adv к началу фразы), а также при постпозиции объекта глаголу (VO) и порядке группы VAdvO. В последнем случае возможна была при членении группы закрепленность Adv как предименная, т.е. предложная (V - AdvO), так и постглагольная (VAdv - O) с превращением Adv в постверб. Ре-

флексы древних неизменяемых слов и разброс их функций в восточноиранских языках позволяет реконструировать этот класс в общевосточноиранском состоянии практически аналогичным общеиранскому. Его разделение на классы наречий, предлогов, послелогов, превербов, поствербов происходило позднее. Союзы и частицы развивались собственными путями.

Наречия

В языках, где утрачено словоизменение прилагательных, отсутствуют четкие критерии отграничения от них наречий. В языках с отсутствием падежной системы и у существительных, где "неоформленное имя" может выступать в субстантивном, адъективном и адвербиальном плане (для восточноиранских языков см., напр., [Соколова, 1966, 369-370]), вычленение наречий особенно трудно.

В состав собственно наречий (кроме первичных, см. с.62, и местоименных, см. с.237 сл.) входят застывшие старые падежные формы имен, напр.: *dūrāt 'издалека' (абл.) – ш.р.б.с.язг. δar 'далеко, далекий', *dargam 'долго' (акк.) – язг. δurγ 'поздно'; *uskāt 'высоко, сверху' (абл.) – хс. uska 'высоко', язг. waskˊ 'высоко, высокий' (ср. вах. wuč, ишк. uč 'высокий, высоко' < *usča-); *nūram, *nūnam 'теперь, сегодня' (акк., ср. ав. nūrąm, nūrəm) – согд. [nūr], хор. nūr, осет. nyr/nur, ягн. -nür (в сочет.), ш.р. nur, б.рош. nūr, с. nur, язг. nər, ишк. ner, сгл. nēr, но пашто nən; *u̯ahīiam 'много' (акк.) – хс. bihiyu; *baiu̯ara(m) 'множество' – осет. bīræ/beræ, bewræ 'много, многий; долго, очень' (ср. с. 190).

Более характерны вторичные сложения и аффиксальные образования с наречным и именным значениями. Ср. мдж. wuzír 'вчера' < *uz-aiar-, ш.р.б. biyōr, с. biyur, язг. biyer id. < *upa-aiār-, осет. zynon/æzinæ id. < *uz-aiān- ?, язг. biyan 'вечер(ом)' < *upa-aian(ia)-, мдж. xiryizən, йд. xirízən 'позавчера' < *δrit(i)a-azan- и т.п.; ш. asīd, р. asoδ, б.рош. asöδ, с. seδ, язг. asūδ, ишк. asol, мдж. āsol, йд. asāl 'этот год, в этом году' < *ā-śard(ia)-.

Состав наречий пополняется разновременными (вплоть до современных) образованиями по тем же моделям, что и в древности: композитами, основами с суффиксами, застывшими падежными формами и словосочетаниями. Ср. пашто məxta 'вперед' (məx 'лицо'), māzigár 'после полудня, послеполуденное время' (из дари namāzi dīgar 'второй намаз'), осет. abon/aboni 'сегодня' (*a + bon 'день'), ирон. nyridægæn 'уже теперь' (nyr + id + æg + дат.п. -æn), nyrmæ/nurmæ 'до сих пор' (направ.п. от nyr/nur), bonæj 'днем' (отл.п. от bon 'день'), ягн. ünnür/ínnür 'сегодня' (из id-nür), i-sol 'в этом году' (от тадж. sol), мдж. míxen 'днем' (mix 'день').

Предлоги, послелоги

В приименной позиции в разных языках отмечаются и предложное, и послеложное развитие одних и тех же древних основ, например, хотаносакские показатели, употребляемые как предлоги и послелоги, продолжения *ana в мунджанском в виде предлога na и послелога принадлежности (и образованного от него вторичного падежного показателя -ān). Чаще эти функции распределены по языкам: предлог в одних языках может соответствовать послелогу в других. Большинство языков имеет и предлоги, и послелоги, кроме осетинского, в котором особое развитие получили послелоги.

Предлоги продолжают в наиболее архаичной части древние неизменяемые основы, ср.: *áti > согд. [at, atu] - предлог направления; *hača 'из, от'> согд. 'č, č', ягн. či, хор. c- (в сращениях с артиклями - cī, cā), мдж. žə, йд. žo, žə, шугн.-руш. a-, as, az, язг. префикс š(ə)-/ž(ə)- (исходность и прямое дополнение); *hada (указывавший на совместность) > согд. 'δ, δ', пашто lə, йд. la, lo, вах. də, хор. преф. ϑa-, осет. æd- и т.д.; *upari 'на, над'> согд. [par], ягн. par [Khromov, 1970], хор. b^{i}r; *pari (при случаях контаминации с *upari) > вах. pə/ar, хор. pr- (в сращениях с артиклями: parī, parā), пашто pər, шугн.-руш. par; *ana со значениями исходности, направления и др. > мдж. na, йд. no, na, язг. na (о послелогах от *ana см. ниже); *tara > пашто tər, мдж. tra, tər, йд. tro, tra, вах. tə(r); *antar > пашто də (притяж.), вах. də, мдж. da, йд. do, язг. dər (возможно, при контаминации с рефлексами *tara); *pati > хор. pac 'за, после' (в сращениях с артиклями pacī, pacā), пашто pə, мдж. pa, йд. po, вах. pə, ишк. pь, ш.х. pi, р.б.рош.с. pa и т.п.; *uskāt > мдж. skə, йд. sko, вах. sə(k), язг. (преф.) sək-, шугн.-руш. či-.

Состав предлогов пополняется за счет значимых слов (в основном через этап адвербиализации имен), ср. хор., согд. wsn [wasn] 'ради, из-за' (и хотаносак. послелог vaska) из *u̯aśna 'волею'; согд. [ku]: k'w [MacKenzie, 1976, 106] - предлог направления, хор. kw [ku] 'к, в', ишк. kь, мдж. kə (в йидга не зафиксирован), связываемый с *kam 'ради', либо с мест. осн. *k^{w}- 'где' [Sims-Williams, 1986].

Имеется большое количество сложных предлогов: относительно старых - ср. согд. čwpr <*hača-upari 'сверх', [čon] <*hača au̯ana, [δon] < *hada au̯ana и т.п., язг. p(ə)ta <*pati tara 'перед', бактр. asasko <*hača uskā(t) 'над' и т.д. - и новых, появившихся на разных этапах, вплоть до современного. Предлоги также заимствуются из таджикского и дари.

Наблюдаются случаи дальнейшей утраты предлогами самостоятельности и превращения их в полупрефиксальные и префиксальные элементы при именах, а также сращения с местоимениями (см. выше). Префиксация их

существительным часто используется для образования наречий (ср., например, ш.р.б. čі-dām 'навзничь, на спине', язг. sɜk-paǩ 'ничком' и т.п.), а затем и сложных предлогов и послелогов. Характерны повторы предлогов перед определением и определяемым в отдельных языках [Sims-Williams, 1973].

При обычном оформлении предлогами косвенных членов предложения, отмечается и маркировка ими прямого объекта (обычно - определенного, типологически общая с использованием перс. -ra, тадж. -ro) - рефлексами *hača и др.: согд. муг. MN, čn(n) [Боголюбов, 1960, 6], шугн.-руш. az, as (и преф. a-), мундж. va, язг. na (и преф. š(ə)-/ž(ə)-). В отдельных языках предлоги отражают пространственную ориентацию действия и состояния (вверх, горизонтально или вниз по отношению к течению основной реки в долине) - шугн.-руш.: ш.х. pi, р. б.рош.с. pa (< *pati, направление вверх) ~ ш.р.х.б.рош.с. tar (< *tara, в горизонтальной плоскости) ~ ш.р.б.х.рош.с. ar (из *adāri или из местоимения-наречия *aθra, менее вероятно - из *antar; направление вниз). Сходные предлоги наблюдаются в ваханском (pə, tə(r), ər//rə) и ишкашимском (pь, tar), однако такая строгая система их соотношения здесь не отмечена.

Послелоги в наиболее архаичной части продолжают те же древние лексемы, что и предлоги (реже отмечается переход в показатели послеложного типа рефлексов древней флексии). Ср. *ana при частичной контаминации с *antar: мдж. -ān (и вторичный посесс. послелог -ɣon, -gon), хор. -ān (падежный показатель), вах. посесс. -ən, ишк. -no, хс. ānaka (с вторичным распространением), ш. -and, -nd (ср. "чистое" развитие *antar: ш. -andīr, -andi, -and, р. -andi, -ndi, язг. -ənda, хс. hamdä, hamdara); *hača > согд. -č (в -βč 'от тебя'), хс. -jsa, хор. -c^{i}; *pati > ягн. -pi, бактр. pid, пашто -ta (< *ptə < *pati ?); *tara > ш. -tīr, -ti, р.х. -tor, -ti, б. рош. -tör, с. -ter, язг. -tů и т.п.

Имеется большое количество вторичных послелогов из относительно ранних сложений (ср. язг. šətů < *hača-tara- 'посредством', согд. [čindar] < *hača-antar 'внутрь, внутри', вах. cəbas < *hača-pasča, cusk < *hača-uskāt, ср. бактр. предлог asasko и т.п.) и поздних - из композитов и аффиксальных образований. Часть сочетаний имен с такими именными послелогами представляет застывшие определительные сочетания, в которых определяемое (вторая часть сочетания) утратило первоначальное значение. Этот факт подкрепляется сохранением в некоторых языках формальных признаков определения при современном имени перед послелогом: показатель -i в язгулямском языке, род. падеж имени в осетинском и т.д.

Система послелогов наиболее богата в осетинском языке, при отсутствии здесь системы предлогов; отдельные послелоги стали вторичными падежными показателями. Это связано с субстратным воздействием на

него многопадежных (и обладающих богатыми послеложными системами) кавказских языков [ОЯФ, II4 и др.]. Примеры аналогичного происхождения падежных маркеров имеются и в других восточноир. языках.

В определенных случаях предлоги и послелоги употребляются при имени вместе, взаимно уточняя и дополняя обозначение функций имени. Ср. совместное употребление в пашто предлога wə, wu и послелога ta - в обозначении направления, адресата; предлога pə, pər и послелога bānde при указании на местонахождение на поверхности, мдж. предлога na и послелога -ān при подчеркивании принадлежности; вах. предлога sək и послелога cusk 'над, сверху' и т.д.

Превербы, поствербы

Превербы, продолжающие древние неизменяемые слова, наблюдаются во всех восточноиранских языках, составляя часть синхронного или исторического глагольного словообразования. Их неодновременная по языкам продуктивность порождает неодинаковость отражения древних фонем на стыках преверба с корнем; ср., напр., ш. nūst, язг. n(ə)yûst 'сел' из *ni-hadta-, *√had с последующими изменениями (*h>y в язг., стяжение в шугн.) при относительно поздней продуктивности преверба, но ишк. nɬ1/l̥ust, сгл. nilōst<*ni-šad-ta с *š̌ < *s после *i при раннем сращении преверба с корнем (в основе наст. вр. рефлексы продуктивного преверба, без сращения: ш., язг. niδ-, ишк. nid-, сгл. nīδ-<*ni-hadia-). Подробнее о превербах в разных языках см., напр., [ОИЯ, I98I; I987].

Особую систему представляют превербы осетинского языка, придающие глаголам четкую систему пространственной ориентации (и влияющие на выражение завершенности/незавершенности, с.8I и др.). Происходят из древних наречий: превербы a-<*ā- и ra-<*fra- (указывают на движение изнутри наружу, соответственно, от говорящего и к говорящему); ba-<*upa- и ærba-<ær + ba (движение извне вовнутрь, соответственно, от говорящего и к нему); ær-<*aδra и ny/ni-<*ni- (вниз, соответственно, к говорящему и от него). Отмечаются также cæ-<*hača (движение вниз от говорящего), fæ-<*pati (прочь от говорящего), (y)s-/is-<*us/z- (вверх). Модель такой организации системы превербов с ориентацией на пространство и на говорящего может быть субстратной, однако ее материальное наполнение исконно, подробнее: [ОЯФ, I06-I08; Абаев, $I965_I$, 58 сл.; $I965_2$, I4-I6; Цаболов, I959; Исаев, I987, 6I2-6I5]. Ср. способы выражения пространственной ориентации в виде предлогов и местоимений-наречий в шугн.-руш. группе, лично-направительных местоимений в пашто и т.п.

Для хорезмийского языка характерно присоединение к исходу словоформы, кроме энклитических местоимений, также "наречий" и "послелогов" [Henning, 1955_2, 47], которые уместно назвать поствербами.

Это явление, наряду с распространенностью пролептических сочетаний, связано с выносом здесь глагола перед объектом (SOV → SVO), в результате чего древние неизменяемые слова, попавшие в позицию VAdvO, закрепились при глаголе (VAdv - O), см. с. 240, 253. Употребительны поствербы: c^i <*haǰa 'из, от'; ϑa <*hada 'с, к', b^ir <*upari 'на, над', da <*ati (?) 'через, от' и др.; с локальными значениями употребляются и wa <*aua, *ui (?); wəϑ <*auada. При присоединении к одной словоформе разных поствербов (или местоименных энклитик и поствербов) наблюдается строгая аранжировка их порядка: вначале ставятся местоименные энклитики, затем поствербы, среди которых, напр., wa следует за c^i, но предшествует b^ir и т.д. Подробнее [Henning, 1955_{1-2}].

Союзы

Из рефлексов древних союзов отмечаются: *utā 'и' - согд. [ət], ягн. -at, -t, хор. 'wd [ud, udā], бактр. odo, oto [ud], хс. u, мдж. -u, вах. -ət, ишк. -ьt, шугн.-руш. ata, atā, at, -ta, -tā, a, ā, -yata, язг. ata, -at, -ta, -a, -t (осет. -ta результат контаминации *iϑa и *utā [ИЭСОЯ, Ш, 217]); *-ǰa 'тоже, также' - язг. -ǰa, хор. -cy; *ua 'или' - согд. [va], хор. [vā], осет. ævi (*ua + i), хс. ā, au 'или', пашто aw 'и', ишк. o 'или' (если это не тадж. заимств. yo).

Союзы пополняются за счет рефлексов древних указательных, вопросительных, относительных, наречных и др. местоимений и частиц, через ступень союзных слов. Ср. осн. *ka-, *ǰa- и производные от них: а) *kah, *kā-, *ka-hia-, *ka-ia- и т.п. - согд. [ki], ягн. -k, -ik, хс. ka 'если', пашто ka и др.; *katāra - согд. [kadā] 'который', бактр. kido; *kada 'когда' - согд. [kaδa, kaδ], осет. kæd, хор. kā 'когда, если'; *kaϑam - хс. kho 'как', осет. k'u; б) *ǰa-, ǰa-ia-, ǰa-hia- (при контаминации в отдельных случаях с частицей *čit) - согд. [ču], хс. se, sa, sä (< *tce <*ǰahia), хор. c(y), вах. cə, ишк. -ʒa, -za, язг. -čə, шугн.-руш. -ca, пашто co, бактр. si-do 'который, какой'. Из *aita- или энклитики *di (ср. ав. di) - ш.р.х.б.рош. di, idi, -yidi, didi. От *ta- - бактр. tado. К возвратному *x^va- или указательному (ср. ав. hvō 'этот') возводятся соединительные союзы ш.б.рош. xu, руш. xu, xo, с. xы, ишк. xo, вах. xы/ə 'и', употребляемые при однородных сказуемых и предложениях[32] и т.д.

Отмечаются союзы (и союзные слова), восходящие к прилагательным, наречиям, частицам и т.п., а также к словосочетаниям. Ср. *tara >

[32] Ср. рус. "говорит, а сам смеется". Этот союз, как и рефлексы *utā, служит и для соединения двух глагольных форм при образовании сложновербальных глаголов.

осет. dær ‘также’, *uta-ima (?) > согд. tym, ягн. tim ‘тоже’, *bā (< и.-е. *bhĕ, bhŏ ‘истинно, именно’) - согд. [vaw], осет. диг. ba; *hama, hamāt - осет. æmæ/æma ‘и, также; но’. Иногда такие союзы не отграничены от наречий, частиц и модальных слов; возможны колебания по языкам: *maśiah- ‘больше’ (сравн. степень) - согд. [mas] ‘тоже, и’, хор. ms, мдж. məs ‘ведь, же’, язг. maš ‘еще, больше’, ш.р.х. б.рош. mis ‘тоже, даже; еще’, ишк. mьs ‘тоже’.

Список союзов подвижен и пополняется в каждом из языков новыми союзами, союзными словами и сочетаниями.

Частицы

Восточноиранские языки богаты частицами (и модальными словами). Состав их по языкам пестр, и общих закономерностей развития наблюдается немного.

Из древних наиболее устойчивыми оказались частицы отрицания, продолжающие как приглагольные префиксальные, так и относящиеся к высказыванию в целом: частицы отрицания *na, *nai и запретительная *mā. Рефлексы первой прослеживаются по всем языкам группы. Ср. приглагольные отрицательные: согд. [nĕ], ягн. na-, хс. ni, ne, nä, пашто na-, вах. nə-, ишк. na-, хор. n-, ny- [nē], осет. næ, ш.р.б.рош. na-, с. na(y), язг. na; исключение - мундж. ǰi- из кл. перс. heč, либо, вероятнее, собственное развитие из *aiça-čit или *nai-čit > *nči- > ǰi-. Запретительные сохранились не всюду; имеются: хс., бактр., осет., пашто ma, хор., ш.р.б.рош. mā, с. mo, вах. mə.

Общее отрицание ("нет") архаично во всех языках: хор. nyc (<*nai-čit ‘ничто’), ягн. ne, осет. næ, næj, пашто́ na, вах. nəy (и məy ‘да не будет’), ишк. noy, мдж. na, no, ш. nay, nāy, nā, б.рош. nā, na, р.с., язг. na.

Частицы же с положительным значением этимологически разнородны. Ср., напр., приглагольные "удостоверительные", подчеркивающие категоричность высказывания: ш.р. -ta, б. -ti, рош. -ta, -ti, с. -da, язг. -ta, -da, -a (при формах наст.-буд. времени), пашто da, осет. ta, хор. da, dā, связанные с основой указ. местоимения *ta- и, возможно, с образованным от нее *tavda (ср. др.-инд. tatha ‘так’), но вах. -əp, ишк. -bi из удостоверительной частицы *bā < *bhĕ/ŏ или из *upa. Частицы, подтверждающие ситуацию в целом ("да"), не сводимы иногда даже в пределах диалектов одного языка: ср. хор. ’ɣ, ягн. ha, ho, пашто ho, мдж. o, bā́li (заимст.), вах. a, ong, o, ишк. on, осет. o, ɣo, aj, ɣaj, язг. ow, ш. ůn, ā, р. ůw, ō, ōn, с. a, б. ōw, ō, рош. ō, ēw (ср. др.-инд. hā, ā, hi, aho, aha). Их объединяет, как уже говорилось (см. с. 64), только утвердительная интонация. Причиной такой этимологической асимметрии может являться их информативная неодинаковость. Отрицание - маркировано, и отрица-

тельные частицы несут большую функциональную нагрузку. Неизменность и стереотипность их информации, возможно, способствовали сохранению в их составе – в самостоятельном и приглагольном вариантах – одинаковых звукотипов – носителей информации отрицания: *n, *m (утрата *n в мунджанском в приглагольной частице произошла относительно поздно, в общем процессе утраты здесь *n в преконсонантной позиции). Положительные же частицы имели разную судьбу: удостоверительные – носители модальности при глаголе – не были обязательными и вырабатывались разновременно из разных элементов, а самостоятельные слова "да" являются промежуточными между частицей и междометием. В междометиях же практически во всех языках зачастую основным носителем информации может служить не фонемный состав слов, а интонация. Фонемный состав здесь менее важен и может реализоваться разными звуками, в том числе и такими, которые не представляют фонем данного языка (ср. h в ягнобском и пашто, ɣ в рус. аɣа и т.п.).

Из исконного состава частиц существенны также рефлексы древних неграмматических указательных, удостоверительных и усилительных: *na, *nu, *i, *kim (ср. др.-инд. kim 'именно'), отмечаемых в виде продолжений ир. *n, *i, *k, см., например, хор. na, n- (в сращениях с местоимениями), ягн. na(h), -k, язг. nak, с. nik, вах. anə, inə, a(k)-, -ək-, ишк. a(k/g), -dak, ш.р.б.рош. ik, k-, с. ki/ы, хс. -i (в местоимениях). Рефлексы *-gă 'действительно, воистину' прослеживаются в хор. 'ɣ, пашто -ɣa (в указательных местоимениях), осет. ɣ- (в составе других частиц). Вопросительные частицы типа -ō, а, уо, звательные е, а, о и др. – полумеждометного характера, варьируют по языкам, как и другие средства выражения эмоций.

В ряде языков развиваются грамматические частицы, которые используются при глаголе; в основном они подчеркивают модальные и аспектуальные оттенки значений глагольных словоформ. Помимо удостоверительных и отрицательных (см. выше) сюда относятся частицы, подчеркивающие длительность и многократность, – из застывших форм от глагола *√stā- 'стоять': согд. будд. 'štn, ягн. -išt, мдж. -əstə, вах. -əš(k), ишк. -(ь)в ; к ним примыкает согд. -('')skwn от ('')skw- 'пребывать, находиться'. К грамматическим относятся и другие приглагольные частицы: пашто wú-, bə, осет. īw/ew и т.п. (см. раздел "Глагол").

Модальные слова широко употребительны. Их состав постоянно пополняется за счет разных лексем, ср., например, застывшие формы императива от глаголов со значением "идти", "приходить", имеющие функции побуждения, понуждения "ну-ка", "давай-ка": барт. tē, ti, yēd, язг. taž, za и т.д.

Для общевосточноиранского уровня можно с уверенностью реконструировать лишь частицы отрицания с *n, запретительные с *m и часть удостоверительных (особенно восходящих к местоименной основе *ta- и

некоторым древним частицам). Остальные пока не поддаются столь дальней реконструкции, однако можно предположить существование в языке той эпохи большого количества и частиц, и модальных слов.

Элементы синтаксиса

Синтаксические системы различных восточноиранских языков неодинаковы. Их существенное общее отличие от общеиранской заключается, в основном, в относительной закрепленности - в разной степени по языкам - порядка членов предложения и членов составляющих его синтагм - синтаксических блоков. Синтаксические трансформации, также различные по языкам и связанные не только со спонтанными "подвижками", но и с ареальным, особенно субстратным воздействием, обусловили целый ряд черт синтаксиса, повлиявших и на морфологию. Ограниченность объема монографии дает возможность лишь конспективно осветить некоторые основные синтаксические процессы, существенные в этом плане и связанные с содержательной стороной языка и формально-синтаксическими структурами.

Для построения в целом простого предложения существенным представляется тот факт, что в разных восточноиранских языках выявляются сходные в основных своих чертах тенденции в изменении выражения субъектно-объектно-предикатных отношений. Важную роль в этом процессе сыграло, как говорилось в разделах "Глагол" и "Имя", проявившееся уже в древности здесь (как и в западноиранских языках, а также в индоарийских и других индоевропейских) развитие причастных предикативных конструкций для выражения результативного действия (возможно, в связи со слабостью этого значения у древнего флективного перфекта и/или с ослаблением позиций самого перфекта).

Наиболее значимым для синтаксиса (и впоследствии для морфологии) в развитии этих конструкций оказалось их различное построение для переходных и непереходных глаголов, т.е. оппозиция построений типа *aźam čiuta- ahmi 'я ушедший есмь' для непереходных глаголов и *ima ... mana//mai kartam (asti)'это у меня//мною сделано//сделанное (есть)' для переходных (о формах имен субъекта и объекта и заменяющих их энклитик и о согласовании предиката в целом и его причастного и связочного компонентов см. с. 71). Отсутствие в подавляющем большинстве языков глагола "иметь" ко времени грамматикализации этих конструкций (в качестве перфекта, а затем - с утратой значения результативности - и прош. времени) привело к генерализации здесь оппозиции переходных ~ непереходных построений предложения.

Впоследствии, с превращением этих конструкций во вторичные финитные формы, в большей части данных языков (т.е. в языках группы Б, см. с. 70) противопоставление двух типов предложения было формализовано в виде оппозиции, с одной стороны, номинативного построения,

продолжающего общеиранское и сохраняющееся в предложениях с предикатами - флективными формами и переходных, и непереходных глаголов (т.е. в основном, формами, продолжающими древние презентные и реже имперфектные) и причастными конструкциями прош. времен от непереходных глаголов, с другой стороны, - вторичного "эргативного", или эргативообразного построения, ограниченного предложениями с предикативными конструкциями прош. времен от переходных глаголов.

В дальнейшем единичные языки (осетинский, хотаносакский) относительно рано разными средствами восстанавливают номинативность (см. с. 105 сл.). Номинативными предстают и системы, где в качестве общей формы прош. времени генерализовался древний имперфект (т.е. языки группы А: согдийский, хорезмийский, ягнобский). При этом в документах литературного стиля согдийского языка и в хорезмийском языке вторичный перфект морфологизовался относительно поздно, когда в данных языках уже выработался глагол "иметь", и строился поэтому на базе конструкций с этим глаголом, т.е. по типу романских и германских перфектов "я имею это сделанным"[33]. Таким образом, здесь продолжались номинативные построения предложений, включая и предложения с переходными глаголами в прош. временах. Старые же согдийские "пассивные" перфектные конструкции, морфологизовавшиеся как формы перфекта в разговорном и эпистолярном стиле, и продолжавший их раннеягнобский перфект с двойной (субъектной и объектной) ориентацией глагола находились на периферии системы и не изменили ее существенно (хотя и отразились на парадигме имен, особенно местоимений); впоследствии - уже в недавнее время - ягнобский перфект перестроился полностью по "номинативному" типу (см. 103 - 104).

В истории пашто, мунджанского и памирских языков оппозиция древних переходных и непереходных конструкций предложения продолжала быть ведущей. В результате предложения с непереходными глаголами (за отдельными исключениями) во всех временах и с переходными в настоящем и настояще-будущем времени сохраняют древнее номинативное построение, а предложения с переходными глаголами в прошедших временах с "эргативным" построением впоследствии развивались различно, в зависимости от синтаксической устойчивости предикативной связки.

В диалектах - предках пашто и мунджанского относительно устойчи-

---

[33] Тем самым характерные индоиранские переходные конструкции, продолжающие построения типа "у меня ... сделано//сделанное (есть)" и конструкции "германского" типа "я ... сделанным имею", отмечаемые в указанных иранских языках, однотипны в своей содержательной основе: это посессивные обороты, в которых субъект действия представлен как посессор результата действия, выраженного пассивным (для переходных глаголов) причастием. Таким построением как бы преодолевалась пассивность причастия, и весь оборот переводился в активный план. Формальные же различия между этими конструкциями диктовались различиями в способах выражения посессивности в данных языках в период грамматикализации этих конструкций (см. раздел "Глагол").

вая связка, ориентированная на объект, обусловила объектную ориентацию предиката в целом, сохранившуюся в пашто и бытовавшую в раннемунджанском, но впоследствии утраченную в нем. Устойчивость связок вызвала переход по аналогии с ними энклитик (обозначавших субъект действия) при переходных глаголах со "второй" позиции в предложении в конечную - с превращением затем всех их во вторичную флексию (с дальнейшими разными морфологическими изменениями по языкам, см. с. 107 сл.). В памирских языках слабость и частое выпадение предикативной связки (особенно в 3-м лице), ориентированной на объект, способствовали утрате объектного согласования предиката. Энклитики (а в 3-м лице полные указательные местоимения при их вторичной энклизе), выражавшие лицо и число субъекта, стали отделяемыми личными показателями переходных глаголов, но сохранили свое "второе" место в предложении. Перемещение по аналогии с ними связок при непереходных глаголах с конечной позиции во "вторую" и частичное их совпадение с энклитиками сделало сходными, но не идентичными, парадигмы переходных и непереходных глаголов и построение предложений с ними (см.с.112 сл.).

С наличием оппозиции "эргативных"/номинативных конструкций с переходными/непереходными глаголами в прош. временах, при продолжении древних номинативных конструкций с любыми глаголами в настоящем и настояще-будущем времени, связано различное оформление имен субъекта переходных и непереходных глаголов и объекта переходных глаголов в разных конструкциях, а также последующая унификация в оформлении имен субъекта и объекта в разных конструкциях. Субъект непереходных глаголов и переходных в наст.(-буд.) времени продолжает оформляться в основном наследующим номинативу прямым падежом; субъект переходных глаголов в прош. временах в большинстве языков этой группы имеет "косвенное" оформление (наследующее генитиву или инструменталису). При этом отмечается и унификация в выражении субъекта. Объект, оформлявшийся в номинативных конструкциях аккузативом, а в "перифрастическом" перфекте и затем в "эргативных" конструкциях номинативом, впоследствии в ряде языков унифицирует оформление, получая его в зависимости от дополнительных факторов (одушевленность/неодушевленность, определенность/неопределенность и т.п., см. с. 174 и др.).

По признаку "косвенного" оформления субъекта к "эргативным" конструкциям примыкают (и затем часто совпадают с ними) иные конструкции предложения: 1) наличия и обладания, типа "у меня это есть//имеется", в которых субъект в древности оформлялся генитивом; 2) физического и психического состояния, аффекта, типа "мне больно//голодно//холодно (есть)", "мне хочется//любо//ненавистно (есть)", "мне радостно//грустно (есть)" и т.п. - с древними аккузативом и дативом субъекта, типа др.-п. yaδa mām kāma āha ‘как мне желательно (букв. желание) было’; 3) пассивные построения, которые практически не морфологизовались, см.с.133 сл. Все эти конструкции более архаичны, чем

эргативные (I-я и 3-я послужили для них базой), употребляются и в наст.(-буд.) временах, и сходство с ними эргативных - чисто формальное, не отражающее передаваемых ими отношений (подробнее: [Эдельман, 1974], там же литература). К этим конструкциям позднее в ареале ЦАЯС примыкают построения с формами прош. времен от непереходных активных глаголов, т.е. глаголов "одушевленной" семантики (см. с.139 сл., ср. также [Эдельман, 1980, 25-26, 31]).

По признаку "прямого" оформления объекта к этим конструкциям примыкают встречающиеся спорадически обороты "номинатив + инфинитив", типа рус. диал. "надо земля пахать" с пассивным значением инфинитива (см. [Степанов, 1984], подробнее об иранских языках [Эдельман, 1987_5]).

Все эти конструкции, включая "эргативную" (кроме "одушевленной" с непереходными глаголами, представляющей ареальную инновацию), восходят к разным древним связочным конструкциям и оборотам - при разновременном и различном по языкам сближении друг с другом этих конструкций. Разнообразие этих связочных конструкций и их значительное развитие связано с отсутствием в ранние периоды истории иранских языков глагола с абстрактной семантикой "иметь".

Даже безотносительно к развитию "эргативных" конструкций, о котором говорилось выше, факт отсутствия или слабой позиции в системе языка глагола "иметь" сыграл большую роль в синтаксисе иранских языков, включая восточноиранские, и отразился затем в их морфологии. Как уже говорилось, глагол *√dar- не во всех иранских языках развил эту абстрактную семантику. В частности, из восточноиранских языков, он сохранил древний конкретный круг значений "держать, схватывать; содержать" в осетинском и ягнобском языках. В язгулямском, ваханском языках и в шугнано-рушанской группе ситуация практически та же, несмотря на наличие здесь сросшихся с глаголом превербов (ср. язг. paδir-, р. paδīr- <*pati-dr̥-ia- 'удерживаться', язг. pərδar- <*pari-dăr-aia- 'держать, удерживать'). В языках шугнано-рушанской группы и ишкашимском он используется также в единичных лексикализованных сочетаниях (возможно, калькированных, типа ш.x̌ōǰ δêr-'бояться', букв. 'страх держать//иметь').

Во всех этих языках конструкция наличия, типа "у меня ... есть" продолжает оставаться единственной для выражения данного круга значений (с предикатами в виде связки, глаголов бытия и глагола "есть, имеется", которым в памирских языках стал yast, yost, ср. мдж. āst- - из древней связки 3-го лица ед. числа *asti, но уже со своим особым спряжением).

В пашто в литературной норме существует глагол larəl<*√dar- 'иметь' и соответствующие конструкции (wror lare? 'имеешь [ли ты] брата?'; sā'at lare? 'имеешь [ли] часы?'; mā dwa x̌ə ɣwayān darlodəl 'я имел двух хороших быков'), однако в разговорном языке упо-

требительна более древняя конструкция (stā-cxa sā'at sta?'у тебя часы есть?'; mā-cxa yaw dəy 'у меня есть один').

В мунджанском языке также есть глагол lor-<*√dar- 'иметь', но употребительна и древняя конструкция наличия; при этом в результате параллельного употребления обеих конструкций: инновационной "я ... имею" и древней "у меня ... есть",-произошла их частичная контаминация, и форма let - 3 л. ед. числа от lor- 'иметь' - приобрела также значение "имеется, есть" (mən yū pūr let 'у меня один сын есть'; da Mənǰon sā́sti qalbi let 'в Мунджане крутые горы есть', при наличии и mən tot-néna ā́stāt 'у меня отец-мать есть')[34].

Конструкции типа "у меня ... есть" отмечены и в вымерших языках, включая согдийский и хорезмийский, имевшие глагол δ'r- 'иметь', ср. хор. k's mvy'n δ'r xšty 'vv'c 'если у нас будет желание', согд. rty my βɣ' nyst wδwh L' z'tk L' dɣwth... 'и у меня, господин, нет [ни] жены, ни сына, ни дочери', хс. aśtä tä? 'есть [ли] у тебя?'.

Тем самым отсутствие или слабая позиция глагола "иметь" обусловили продолжение и развитие конструкций наличия, типа "у меня ... есть//имеется", даже в тех языках, которые располагают глаголом "иметь", причем в последних этот тип конструкций наличия прочно держится в разговорном жанре, в то время как в литературном или в текстах "высокого штиля" употребительна модель "я ... имею" [подробнее: Edel'man, 1975]. Разнообразие вариантов первой конструкции связано по языкам с различными дополнительными факторами: с отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежностью объекта (см.с.177 сл.), с наличием/отсутствием эмфазы (ср. пашто mā-cxa yaw dəy 'у меня есть один', но mā-cxa yaw šta 'у меня есть//имеется один'), с указанием на постоянную принадлежность или на временное местонахождение, на наличие при себе и т.п. (подробнее [Эдельман, 1987_4, 93-96]).

Для построения предложения в целом в большинстве языков характерен порядок SOV, кроме хорезмийского с обычным порядком SVO и осетинского с колебаниями SOV и SVO.

С закреплением порядка основных членов предложения связан целый ряд дальнейших морфологических процессов.

Так, и при порядке SOV, и при порядке SVO имя объекта оказывается в предложении (при нормальном стиле речи) после имени субъекта, что ведет к избыточности и к ослаблению его морфологической маркировки, отличной от маркировки имени субъекта, ослабляя тем самым позицию древнего аккузатива.

Закрепление порядка основных членов предложения способствует закреплению позиции древних неизменяемых слов - "наречий" при имени (в качестве предлогов и послелогов) и глаголе (в качестве превербов

---

34 Ср. гилян. dare 'имеет'~ dərə 'имеется, есть', хотя здесь возможно и продолжение *dăr-aia-ti~*dr̥-ia-te.

и постверbов), см. выше. Оно же вызывает вторичную проклизу и энклизу ударных личных и указательных местоимений, попавших в безударную позицию, и т.п.

Порядок SVO, установившийся в хорезмийском языке и отчасти в осетинском, вызвал развитие пролептических оборотов разного типа, появление цепочек "прилеп" - уточнителей при глаголе (см. ниже) и т.д.

Сохранение практически во всех восточноиранских языках древних и развитие вторичных причастных и инфинитивных модальных оборотов не только способствовали ослаблению древних косвенных наклонений (см. выше), но и ограничивали возможности развития сложных предложений. Соотношение между причастными и инфинитивными оборотами, с одной стороны, и придаточными предложениями, с другой, в различных восточноиранских языках неодинаково, и динамика этого соотношения еще требует дальнейшего изучения.

Типологически общей для многих восточноиранских языков (во всяком случае, живых) чертой является вычленение синтагм, или синтаксических блоков, внутри предложения. Эти блоки состоят из главного слова и относящихся к нему второстепенных полнозначных слов и служебных слов или морфем. Порядок компонентов блоков и их строение по языкам различны, но выявляются и некоторые общие черты.

В именном блоке помимо закрепления древних наречий в качестве предлогов и послелогов (и последующих сращений с именами, особенно с местоимениями, в виде префиксов и суффиксов) наблюдаются и иные признаки цементирования словосочетания. Прежде всего закрепляется препозиция определения при определяемом. Постпозиция с построением изафетной конструкции в исконном синтаксическом строе восточноир. языков отсутствует, хотя часты случаи ее калькирования (см. с.179 ; в бактрийских построениях с i последнее может быть трактовано и как относительное местоимение или артикль, ср. [Стеблин-Каменский, 1981$_2$, 343]). Постоянная препозиция определения вызвала ряд изменений в морфологии: относительно раннюю утрату посессивного генитива (по сравнению с генитивом - субъектом "эргативных" конструкций); более раннее затухание парадигмы прилагательных (по сравнению с существительными); утрату парадигмы или ее ущербность у указательных, относительных и др. местоимений в определительной (и артиклевой) функции (см.с 171 сл.);появление новых посессивных падежей у местоимений (с последующим превращением их в части языков в самостоятельный разряд притяжательных местоимений со своей парадигмой) и пр.

В строении посессивных определительных конструкций в ряде языков существенной для синтаксиса (и отчасти для морфологии) оказывается категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности (см. с.177 сл.),а также наличие или отсутствие эмфазы (ср. язг. ni kŭd-u yuk ‘мой дóм - этот’, но при эмфазе: móni kŭd-u yuk ‘[а] мóй дом - этот’; вах. ti tat kúm-ər? ‘где твой отец?’, но ẍ-n-ən tí-n-ən spo tat pətr-it

‘он сын моего́ и твоего́ – на́шего отца’). При наличии эмфазы и анафоры часто образуются пролептические конструкции разных типов (типа "этот человек – хоро́ший человек", "этот человек – его́ дочь") и т.п.

Постоянная препозиция определений вызвала также ряд частных изменений, включая изменения, связанные с содержательной стороной языка. Так, сочетания существительных с числительными продолжают древнюю последовательность "числительное-существительное", однако отношения между компонентами по языкам неодинаковы. При сочетании с числительными от "2" и выше существительные могут выступать в форме мн. числа (например, в пашто, мунджанском, в некоторых согдийских примерах), либо единственного (в согдийском, ягнобском, осетинском, в памирских языках и др.), в форме прямого падежа или основы без дополнительного оформления (в памирских и др. языках), либо косвенного падежа или основы с дополнительным оформлением (пашто, ягнобский, осетинский и др.). Тем самым в языках с прямым падежом имени при числительном формальным определением в этом сочетании является числительное, а определяемым – имя; в языках с косвенным падежом имени определением выступает имя. В языках, где имя выступает в ед. числе, по-видимому, развита категория единичного/общего, и форма ед. числа[35] может обозначать совокупное множество (см. с.176); в других языках этого не происходит. Отмечаются и перебои в оформлении имен (в пашто, осетинском, памирских и др.), связанные с одушевленностью денотата, с эмфазой и другими содержательными и стилистическими основаниями (см., например, [ОЯФ, 544]).

Наблюдаются и иные частные содержательные изменения при присоединении к существительному определения со значением количества и меры. Например, в языках шугнано-рушанской группы, благодаря закреплению в препозиции всех типов определений, сочетание "имя + имя" воспринимается как "определение + определяемое". В результате в сочетании наименований меры и вещества, типа "ведро воды", первый компонент (назв. меры) осмыслился как определение ко второму (назв. вещества), что ближе к глубинному соотношению компонентов, чем в соответствующем сочетании в русском языке. Синтаксически это подкрепляется согласованием глагола по роду с названием не меры, а вещества [см. Алексеев, 1973, 133], ср. руш. yi qōp žindam tis sut ‘1 мешок (ж.р.) пшеницы (м.р.) рассыпался (м.р.)’, yi kuzā x̌ac tis sut ‘1 кувшин (ж.р.) воды (м.р.) разлился (м.р.)’.

Для глагольного блока существенной оказалась конечная/неконечная позиция глагола в истории каждого языка. Эта позиция сказалась не только в закреплении древних "наречий" в качестве превербов и пост-

---

[35] В части случаев исторически имя могло выступать здесь в номинативе-аккузативе дв. или мн. числа или в генитиве дв. числа при последующем совпадении этих форм с формами прямого или косвенного падежа ед. числа (см. с.170).

вербов (см. выше). Порядок VO обусловил также развитие большого количества пролептических сочетаний с "предваряющим повтором" объектов (прямых и косвенных), сходных с конструкциями "местоименной репризы" в балканских языках [Schaller, 1975, 161 сл.]. Построение таких сочетаний, как и вообще употребительность различных "уточнителей" (в основном, в виде энклитических местоимений и поствербов пространственного значения) при глагольной словоформе, особенно характерны для синтаксиса хорезмийского и осетинского языков. Порядок OV для восточноиранских языков не только имел определенные синтаксические последствия, но наложил отпечаток и на некоторые морфологические и словообразовательные структуры. В частности, этим порядком объясняется последовательность компонентов сложноименных глаголов (типа пашто stāyəna kawəl 'хвалить', lidəna kawəl 'встречать', осет. rox kænyn 'забывать', lyg kænyn 'резать').

Объединению разных членов предложения в блоки – именные и глагольные – способствует определенная последовательность компонентов блока. Материал тех языков, по которым эта последовательность изучалась специально, показывает, что не только самостоятельные слова (например, разные типы определений к одному определяемому), но и полусамостоятельные и служебные элементы (т.е. неполноударные и энклитические союзы, частицы, полуаффиксальные морфемы, вспом. глаголы и связки, части сложноименного глагола, энклитические и вторично энклизированные местоимения, предлоги, послелоги и т.п.) распределяются по отношению к центральному слову или основе блока в строго определенном для каждого языка порядке, соблюдая весьма жесткую аранжировку. Эта аранжировка несет большую смысловую нагрузку, цементируя блок и определяя его границы. Правила и примеры см., например, для осет. языка [ОЯФ, 535 сл.], для хорезмийского [Henning, 1955_{1-2}; Боголюбов, 1961; 1962_{I}; 1963_{I}], для язгулямского [Эдельман, 1966, 105–106].

В становлении синтаксических моделей предложения в целом и в членении его на блоки и в организации блоков большую роль сыграли (и играют) не только морфологическая система и ее динамика, но и определенные элементы фразовой просодии, различные по языкам. Они, с одной стороны, способствовали выражению содержавшегося в предложении смысла (интонации: повествовательная, вопросительная, повелительная, запретительная, звательная и т.п.), но и подчеркивали позицию того или иного члена предложения или блока (конечная/неконечная интонация, фразовое или синтагматическое ударение, акцентное выделение или, наоборот, "провал", стимулирующий энклизу, и т.п.), а также маркировали отделение одного предложения или блока от другого (интонационный контур и пауза), либо, наоборот, сцепление блоков в предложение, а простых предложений – в сложное (интонационные контуры). Особенно эти факторы существенны для бесписьменных языков

и для бесписьменных периодов в истории разных языков.

Таким образом, история восточноиранских языков указывает на постепенное закрепление порядка основных и второстепенных членов предложения, общее для этих языков типологически, но не обязательно генетически, поскольку аналогичное закрепление отмечается в западноиранских и во многих других индоевропейских языках. Определенную роль играли в этом процессе и общие ареальные тенденции. Особое место принадлежит в этом плане роли субстрата, который не только порождал новые синтаксические структуры путем калькирования, но и вносил в отдельные восточноиранские языки определенные "скрытые" категории, порождавшие, в свою очередь, новые синтаксические построения неспонтанного характера (см. выше, например, о построениях конструкций неотчуждаемой принадлежности в разделе "Имя", подробнее: [Эдельман, 1980, 27-28]).

Реконструируемая для общевосточноиранского состояния еще богатая флективная система имени и глагола, а также неодинаковая по языкам последующая закрепленность как главных членов предложения, так и второстепенных, – указывают на возможность сохранения в ту эпоху еще относительно свободного синтаксиса, хотя и с наличием в составе предложения определенных оборотов и синтаксических групп (именных и глагольных) – на правах свободных сочетаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение в сравнительно-историческом аспекте морфологических систем и элементов синтаксиса языков восточноиранской группы при сравнении их с реконструированной наиболее архаичной общеиранской системой позволяет сделать целый ряд наблюдений и выводов диахронического характера. Основные из них могут быть сведены к следующим.

Общеиранский хронологический уровень характеризовался развитой морфологической системой, обычной для древних индоевропейских языков. Система носила ярко выраженный флективный характер, имела большое количество параллельных парадигм, классы которых были уже во многом формальными. Различия между формами определялись не только флексией, но и системой аблаута. Разноместное ударение обеспечивало дополнительные различия как между формами одной парадигмы, так и между парадигмами разных слов. Богатая флективная система морфологии сочеталась с относительно свободным синтаксисом.

Праязыковая система не была единой на всем временно́м протяжении и во всем ареале ее бытования. В морфологии, точнее, в отдельных ее фрагментах, особенно связанных с лексическим наполнением некоторых подсистем, прослеживаются варианты, которые могли носить синхронный, но различный по ареалам или по диалектам характер (ср., например, выбор основ указательных местоимений, основы числительного "один", способы соединения компонентов сложных числительных и т.п.). Отмечаются и диахронические процессы, которые могли начаться (или продолжаться) еще в диалектах праиранского состояния (например, тематизация основ имени и глагола, постепенное расширение функций генитива за счет датива и др.).

Дальнейшее развитие этой системы в конкретных восточноиранских языках (как и в западноиранских) знаменовалось "упрощением" сложной древней флективной морфологии. Протекало оно неодинаково в разных языках восточноиранской группы, однако можно уловить некоторые общие черты в этом плане. Кроме общих для всех иранских языков процессов: тематизации основ, развития аналитических средств и вторичного синтеза [ОИТИЯ, I, II2], прослеживаются следующие, особенно наглядно выявляемые в восточноиранских языках (хотя часть из них существенна и в языках западной группы).

"Свертывание" флексии, как об этом уже писалось (см. [СГВЯ-Ф, 207-208]), имело основной причиной не заударное ее положение, как счита-

лось традиционно (при трактовке традицией древнеиранского ударения как фиксированного на предпоследнем долгом гласном или на пред-предпоследнем, если предпоследний гласный был кратким), а ее информативную нагрузку в разные периоды истории данных языков. Это подтверждается рядом наблюдений. Основные из них заключаются в том, что, во-первых, в целом ряде восточноиранских языков ударение в древности не стало фиксированным, вопреки традиционной схеме. Ряд языков сохраняет следы более архаичного разноместного ударения типа ведического - оно прослежено и в именной подсистеме, и еще шире (по охвату языков) - в подсистеме глагола (особенно в рефлексах древних презентных основ). Во-вторых, как показывает приведенный в главе II материал, отпадение флексии не было продиктовано ее безударностью, т.е. чисто фонетическими причинами. Изменения в морфологии, в том числе и элиминация окончаний, диктовались прежде всего изменениями содержательного характера, которые воздействовали на лексику и на синтаксис, а уже затем - через их посредство - на морфологию. Фонетический же фактор в виде безударности флексии был лишь вспомогательным средством, способствовавшим "вымыванию" постфиксов, ставших функционально малозначимыми. Особую роль играли внутрипарадигматические процессы уподобления и поляризации форм.

Материальные изменения в морфологии восточноиранских языков происходили, таким образом, на фоне контенсивных и структурных историко-типологических перестроек, в ходе которых были функционально трансформированы или утрачены некоторые грамматические категории либо представлявшие их морфологические элементы. Попутно появлялись в разное время по разным языкам новые категории и выражающие их элементы. Часть их носит поздний (иногда ареальный) характер. Укажем на отдельные ключевые моменты этого плана, связанные с воздействием содержательной стороны языка и синтаксиса на морфологию.

Так, особую роль в развитии и глагольной, и именной подсистем сыграло усиление понятий времени и результативности действия, а также переходности/непереходности. Это повлекло, в частности, грамматикализацию причастных результативных конструкций, различных для переходных и непереходных глаголов (подробнее о построении и о понятийных основаниях см. с. 71, 138). А это вызвало, в свою очередь, усиление маркировки переходности/непереходности - по аналогии с формами прош. времен, продолжавшими эти конструкции,- в презентных формах глагола: увеличение продуктивности тех из древних классов основ, которые передавали значение переходности (и каузативности) ~ непереходности (и пассивности), т.е., с одной стороны, основ с полной и продленной огласовкой и суф. *-aiâa и с назальными элементами (переходных и каузативных), а с другой, - основ со слабой огласовкой и с суф. *-sa и *-iâa (непереходных и пассивных). В результате этого процесса произошло частичное перераспределение глаголов по акцентным пара-

дигмам, поскольку переходные и каузативные с сильными огласовками чаще оказывались в баритональной парадигме, а непереходные со слабой огласовкой - в окситональной. Это же способствовало усилению (по аналогии) огласовок причастий переходных глаголов, что смывало остатки старых чередований (см., например, с. 135-137).

Для именной подсистемы последствия грамматикализации этих конструкций сказались в разной степени "живучести" определенных падежей: исторические генитив и инструменталис, используемые для оформления имени субъекта в переходных "эргативных" конструкциях, оказались более устойчивыми, чем другие косвенные падежи; аккузатив, не употребительный в этих построениях (поскольку имя объекта оформлялось в них номинативом), исчезал быстрее и т.п.

Воздействие синтаксиса на морфологию проявлялось и в чисто структурном плане. Так, закрепление определенного порядка основных членов предложения также имело определенные последствия в морфологии. С одной стороны, закрепление структуры SOV в большинстве языков способствовало и закреплению исторических "наречий" (т.е. неизменяемых слов) и части имен, в основном, пространственной семантики, при имени и перед глаголом; закрепляясь при имени, они становились вспомогательными словами и элементами "именной" сферы - предлогами и послелогами, закрепляясь перед глаголами, становились превербами, которые затем во многих случаях сращивались с глагольными формами, превращаясь в элементы словообразования.

Становление категорий предлогов и послелогов обеспечивало выражение синтаксических функций имен непадежными средствами, в результате чего падежная флексия становилась если не избыточной, то во всяком случае не необходимой, что значительно ослабляло ее позиции в системе. Ослабляло ее и закрепление определенных синтаксических структур, в которых синтаксические отношения имен выражались позицией их в предложении. Например, тенденция к закреплению порядка компонентов синтаксического блока, при котором подчиненное слово занимает место перед ведущим, имела результатом: а) в блоке "объект - глагол" (OV) - ослабление функции падежного показателя прямого объекта, т.е. аккузатива (и без того уже ослабленного развитием "эргативных" конструкций, см. выше); б) в блоке "определение - определяемое" - ослабление функций падежного оформления определения, т.е. посессивного генитива существительных и согласовательных падежей прилагательных, и т.п.

Закрепление порядка SVO в хорезмийском и отчасти в осетинском языке вызвало специфические синтаксические "цепочки" уточнителей при глаголе в виде "наречий"-постверbов пространственного и иного значений и энклитических местоимений, заметно отражающиеся на всем строении предложения, воздействующих (в хорезмийском) на материальный облик глагольной флексии и т.д. (см. с. 78, 255).

Закрепление и грамматикализация некоторых синтаксических структур порождает большое количество аналитических конструкций и форм, часть из которых становится затем вторичными синтетическими (при дальнейшем свертывании древних флективных парадигм имени и глагола).

Интересно, что некоторые из этих процессов и порожденных ими вторичных конструкций и форм имеют типологические аналоги в других индоевропейских языках, в том числе и в языках Европы. Сюда относятся, например, упоминавшиеся уже неоднократно причастные результативные конструкции (и порожденные ими формы перфекта и прош. времен), построенные первоначально различно для переходных и непереходных глаголов, т.е. по типам: "я пришедший "есмь", где субъект непереходного действия предстает как субъект состояния, вызванного этим действием, но "у меня//мною это сделано//сделанное (есть)" (в большинстве иранских языков, как в индоарийских языках и в русских говорах) или "я это сделанным имею"(в хорезмийском и в "литературном" стиле согдийского, как в романских и германских языках), где субъект переходного действия представлен как посессор результата действия (чем преодолевается изначальная пассивность причастий от переходных глаголов этого типа), а различия выражения посессивности определяются наличием/отсутствием глагола "иметь" в данном языке к моменту грамматикализации этих конструкций.

В эту же группу "ирано-европейских параллелизмов" входят, например, такие характеристики некоторых восточноиранских языков, как: а) "предваряющие повторы" прямого и косвенного объектов в виде постверbов и энклитик при предшествующем глаголе (сходные с "местоименной репризой" в языках Балканского союза); б) употребление именных форм, продолжающих древний дуалис, с числительными "три" и выше; в) образование форм футурума из модальных оборотов, особенно с глаголом "хотеть" (этимологически различным в разных иранских языках) и ряд других, имеющих параллели, в частности, в языках, составляющих Балканский языковой союз (см. с. I02,I50-I52,I69, I70,225 и др.; к "балканизмам", наблюдаемым в некоторых иранских языках, может быть отнесен и ряд других черт, например: связанный с относительными основами постпозитивный артикль, предпочтительное употребление личной неизъявительной формы глагола вместо инфинитива в оборотах намерения и долженствования, относительно раннее совпадение древних генитива и датива, - подробнее об этом говорится в другом месте).

Эти изменения способствовали сужению сферы рефлексов древних флективных форм и отчасти переосмыслению оставшихся.

Общая картина изменения древней флективной парадигмы глагола характеризуется прежде всего утратой системных рефлексов аориста и перфекта. В большинстве языков, т.е. в языках группы Б (см. с. 70), они могли быть смыты вторичным развитием причастного "перифрастического" перфекта и становлением на его базе прош. времен и оппозиции

основ настоящего/прошедшего времени. Однако системные рефлексы древних аориста и перфекта отсутствуют и в языках группы А (т.е. в согдийском, ягнобском, хорезмийском), где в качестве общей формы прош. времени генерализовался древний имперфект и где новая оппозиция основ не выработалась, а новый перфект грамматикализовался относительно поздно (см. с. 138). Последнее обстоятельство можно рассматривать как косвенное свидетельство относительно длительного сохранения древнего перфекта в языках группы А. Это дает возможность предположить, что в общевосточноиранском состоянии перфект (и, возможно, аорист) еще функционировали, но были уже малопродуктивны.

Система презенса сохраняется несравнимо лучше. В глаголах разных восточноиранских языков, включая живые, выявляются основы, восходящие к древним презентным основам разных классов (см. с. 72 - 100), хотя, как уже говорилось, наибольшую продуктивность в относительно позднюю эпоху приобретали те классы, которые были ориентированы к тому времени в каждом данном языке на передачу переходности/непереходности (о позднем характере генерализации таких пар глаголов свидетельствует различие выбора представляющих их классов даже в близкородственных языках, см. с. 101, 135 - 137). Все это указывает на то, что для общевосточноиранского состояния еще было характерно наличие большого количества классов древних презентных основ, хотя, возможно, и при различной их продуктивности.

Судя по поздним рефлексам основ и флексии (не только индикатива, но и косвенных наклонений), различие тематического и атематического спряжений в течение какого-то времени продолжало существовать (см. возможные рефлексы атематических окончаний, например, в осетинском, хорезмийском), хотя продолжавшийся процесс тематизации постепенно разрушал эту оппозицию. Однако в общевосточноиранском состоянии она была еще живой, хотя и затухающей.

По языкам группы А, сохранившим, хотя и в видоизмененном виде, оппозицию форм, продолжающих древние презенс/имперфект, прослеживаются рефлексы фрагментов систем "первичных" и "вторичных" окончаний. Тем самым эту оппозицию можно предположить и для общевосточноиранского состояния. При этом если парадигма "первичных" окончаний, благодаря наличию их рефлексов практически во всех восточноиранских языках, реконструируется для праязыковой системы относительно полно, то парадигма "вторичных", представленная в группе А (и в виде отдельных застывших форм в других языках, например, в хотаносакском), да и то со следами воздействия на нее парадигмы оптатива (см. с. 131), прослеживается в значительной степени фрагментарно.

Данные хотаносакского (и спорадически отдельные формы других языков) указывают на то, что в общевосточноиранском состоянии и позднее сохранялись еще и серии активных/медиальных окончаний, хотя их оппозиция была уже в значительной степени формальной (см. с.101).

Рефлексы аугмента в согдийском и хорезмийском языках и системный аугмент в ягнобском показывают, что в общевосточноиранском аугмент не был генерализован в качестве показателя прош. времен. Генерализация его в раннеягнобском произошла позднее (см. с.102).

Оппозиция древних наклонений, различно трансформированная в разных восточноиранских языках, реконструируется для их общего состояния в виде противопоставленных форм индикатива, императива, конъюнктива и оптатива. При последующем "сворачивании" наклонений в разных языках отмечается "прорастание" флективных форм индикатива окончаниями, "заимствованными" из конъюнктива и оптатива. Особняком стоит влияние древнего оптатива на парадигму имперфекта (см. с.131-132). Наличие инъюнктива для общевосточноиранского состояния спорно: наблюдается употребление форм прош. времен, разных по происхождению, в том числе и продолжающих древний имперфект, в различных модальных значениях (в основном, ирреального действия), однако это явление связано с инъюнктивом скорее типологически, чем генетически.

Рефлексы форм дуалиса в глаголе отсутствуют. Неясно, была ли эта система полной в общевосточноиранском.

Характерно сохранение в флективных формах глагола ряда языков следов древнего разноместного ударения ведического типа, различно трансформировавшегося по языкам. По-видимому, для общевосточноиранского состояния оно было еще живым (см. с. 102-103).

Причастные результативные конструкции, продолженные во всех языках группы в виде перфекта и/или прош. времен, несомненно были свойственны общевосточноиранскому состоянию, однако представляли еще собой синтаксические сочетания. В систему глагольных конструкций и форм они вошли значительно позднее и несинхронно по языкам, о чем говорит их различное построение, зависимое от степени развитости глагольной лексики, устойчивости предикативной связки, изменяемости причастий и т.д. (см. с. 71-72, 119-121, 138 сл.).

Таким образом, глагольная система общевосточноиранского состояния еще мало отличалась от общеиранской.

Именная древняя флективная парадигма также свертывается (во всех разрядах имен).

В существительных и прилагательных троичная оппозиция рода постепенно сужается до двух родов (муж. и жен.) и до системы без рода. Однако наличие рефлексов ср. рода (например, в склонении единичных слов в согдийском, хотаносакском, в этимологии отдельных показателей мн. числа в пашто и севернопамирских языках) позволяет реконструировать его фрагменты в общевосточноиранском состоянии. Тем самым для этого периода еще была характерна троичная оппозиция рода, хотя впоследствии (возможно, относительно рано) стала отчетливой тенденция к становлению системы двух родов; при этом муж. род вбирает в себя постепенно и рудименты ср. рода (при тематизации основ и того и друго-

го), а жен. род, генерализующийся в виде основ на *-ā или на *-ī̆ (с различиями по языкам), выявляет и случаи вторичного наращения рефлексов *-ā или *-ī̆ к именам жен. рода, имевшим в древности иные основы, либо к основам муж. или ср. рода при образовании от них имен жен. рода.

Наличие небольшого количества рефлексов форм дв. числа (в том числе и при распространении форм дуализа на существительные в сочетании их с числительными свыше "двух") дает возможность реконструировать некоторые его формы для общевосточноиранского состояния, хотя восстановить целостную парадигму уже невозможно. К тому же трудно определить, были ли эти формы в тот период продуктивными или сохранялись как застывшие названия парных предметов и как специальные формы существительных при числительных.

Падежная система живых и вымерших языков и облик некоторых лексем (например, продолжений древних терминов родства на *-tar, а также топонимов и наречий, продолжающих застывшие падежные формы имен) дают возможность реконструировать для общевосточноиранского состояния практически весь набор древних падежей. Однако представить себе их облик в тот период значительно труднее. Это связано, в частности, с тем, что последующие процессы свертывания определенных фрагментов падежной системы в ед. и мн. числе (о дв. числе см. выше) протекали по разным языкам параллельно и дали сходные (но явно вторичные!) результаты. Например, поглощение в ед. числе генитивом датива, свидетельствуемое хотаносакским и согдийским языками, параллельное аналогичному процессу в ряде других индоевропейских языков (о причинах см. с.169), не дает возможности выявить окончание датива ед. числа. Во мн. числе совпадение рефлексов древнего датива-аблатива с инструменталисом и образование единой формы на *-āv′, *-āf′, *-ēv′, *-ēf′, *-aiv′ и т.п. (с дальнейшими фонетическими и функциональными трансформациями) также относительно рано затушевало облик окончания датива (см. с.170).

Трудно поддаются реконструкции и формальные классы древних парадигм, базирующиеся на исходе именных основ. Можно предположить, что в общевосточноиранском состоянии продолжалась древняя система, состоявшая из большого числа классов. Однако непосредственно прослеживаются не все из них. Несомненно живым (хотя, возможно, и непродуктивным) было противопоставление тематических и атематических основ и типов склонения – при продолжающейся постепенной тематизации. Продуктивными были основы, продолжающие общеиранские на *-a, *-ā, *-i, *-ī (с последующей генерализацией основ на *-a, т.е. тематических, как основ муж. рода, а основ на *-ā или на *-i, *-ī – различно по языкам – как основ жен. рода). Сохранялись и основы на *-u, *-ū, *-r, *-n и на дифтонги, однако их классы склонения впоследствии постепенно поглощались продуктивными.

Общевосточноиранская именная парадигма еще сохраняла аблаут или его рудименты и разноместное ударение. Впоследствии аблаут утрачивается (даже в атематических парадигмах), хотя следы его (и разноместного ударения) выявляются в различных языках, см. с. 170-171.

Числительные восточноиранских языков позволяют реконструировать общую для них систему, близкую к общеиранской. При этом выявляется диалектная неоднородность общевосточноиранского состояния в этимологии отдельных элементов, см. с. 192-193.

Для истории систем различных разрядов местоимений наиболее характерны следующие моменты.

В системе личных местоимений большой ареальной группы юго-восточных языков, как и в соседних индоарийских (и некоторых других) наблюдаются этимологические изменения местоимений 2 лица мн. числа, которые, однако, вторичны (связаны с воздействием субстрата) и не восходят к общевосточноиранскому состоянию (см. с. 209 - 214).

Система указательных местоимений ряда языков была трансформирована из трехчленной в двучленную, при этом этимологический состав местоимений, входящих в ту или иную серию, по языкам неодинаков, хотя все они продолжают древние указательные (см. с. 216-229). Для общевосточноиранского состояния реконструируются три серии, охватывающие практически все общеиранские основы, однако часть последних прослеживается уже только в сращениях, в наречных образованиях или в личных местоимениях 3 лица.

Энклитические местоимения, которые в истории разных языков, с одной стороны, обменивались членами своих парадигм с полноударными личными и указательными местоимениями, с другой, - уходили в глагольные показатели (в некоторых языках увлекая за собой и полноударные указательные местоимения при их вторичной энклизе), прослеживаются для общевосточноиранского состояния еще в целом в древних функциях и почти в полном древнем составе и парадигме (см. с. 229-232).

Парадигмы местоимений, особенно личных, предстают по разным восточноиранским языкам в целом в более архаичном виде, чем парадигмы существительных (и прилагательных), что, возможно, отражает и их бóльшую архаичность и в общевосточноиранский период. При этом взаимное влияние именных и местоименных парадигм (в основном, через посредство парадигм указательных местоимений), наблюдаемое во многих языках, включая живые, могло иметь место еще в общевосточноиранском состоянии, со временем все усиливаясь.

Наречия и вспомогательные слова и элементы (предлоги, послелоги, превербы, поствербы) в разных языках обнаруживают зачастую этимологическое единство. Возможно, в общевосточноиранскую эпоху неизменяемые слова, из которых выделились затем данные слова и элементы, составляли еще, как и в общеиранском, единый грамматический класс. К ним примыкали неизменяемые союзы и частицы.

Таким образом, общевосточноиранская система в плане морфологии и, по-видимому, основных синтаксических структур предстает весьма архаичной, близкой к общеиранской, хотя и с некоторыми отклонениями (главным образом, "упрощениями"), которые можно квалифицировать как инновации. Характерна ареальная неоднородность этой системы, что позволяет предполагать ее раннее (возможно, изначальное) диалектное членение и возможные субстратные и адстратные воздействия.

Результаты данной работы при сравнении их с последними исследованиями по сравнительно-исторической морфологии западноиранских языков позволяют еще раз вернуться к поискам материальных морфологических изоглосс, разделяющих языки восточной и западной групп. При этом учитывается, что "группировка диалектов по общей изоглоссе, выражающейся в утрате и переосмыслении определенных структурных элементов, не предполагает с необходимостью общего совместного развития этих диалектов. Такая изоглосса в некоторых случаях может отражать независимое развитие отдельных диалектных структурных тенденций, заложенных в общем языке. Структурные данные такого типа могут, очевидно, считаться основанием для диалектной группировки лишь в том случае, если другие более показательные изоглоссы дают основание для такой же ареальной классификации диалектов" [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 387].

Анализ материала в этих условиях выявил следующее: существенное "упрощение" древней флективной парадигмы, особенно в живых языках (вплоть до нуля в именной подсистеме), а также последующее становление во многих из них различных вторичных парадигм оставили очень мало рефлексов более старых (включая праязыковые для восточной и западной групп) материальных элементов, по которым можно было бы проследить генетические сходства и различия. Сравнение выявляет чаще всего либо фонетические разновидности одних и тех же древних формантов, либо продолжение какого-либо элемента в одной группе языков и утрату его в другой. Обнаруживаемые конкретные материальные расхождения охватывают не каждую группу целиком, а лишь большую часть ее компонентов, т.е. являются не абсолютными, а частотными.

Частотный характер расхождений оказался свойственным элементам глагольной парадигмы. Так, согдийский, хорезмийский и ягнобский выявляют системное продолжение древнего имперфекта с его "вторичными" окончаниями (и аугментом), а в недревних языках западной группы прослеживаются отдельные рефлексы элементов имперфекта: в среднеперсидском (следы "инъюнктива") и возможно в талышском (частица типа аугмента, причем древность ее здесь не бесспорна). Однако наличие системы имперфекта со всеми его основными показателями в древнеперсидском не позволяет считать даже факт сохранения ее и ее формантов признаком только восточноиранских языков. То же относится к рефлексам общеиранских косв. наклонений, показатели которых обнаруживаются в языках обеих групп (хотя в восточных они выявляются четче и в боль-

шем количестве языков), к продолжениям классов презентных основ и т.д. При этом материально сходные инновации свойственны некоторым языкам обеих групп, и разделяющие их изоглоссы не выявляются и в этом плане.

В именной парадигме расхождения между сохранившимися элементами также носят частотный, а не абсолютный характер. Например, как говорилось выше, в большинстве восточноиранских языков (но не во всех!) продолжаются рефлексы древнего инструменталиса мн. числа на *-aibiš, *-ābiš и т.п., при совпадении их с рефлексами датива-аблатива мн. числа (в виде исхода форм мн. числа -ev, -ef, -ĭf и т.д.). Наличие этих форм и их широкая употребительность, связанная с использованием их здесь исторически в качестве падежа субъекта "эргативной" конструкции (при генитивном его оформлении в других случаях), являются частой, но не общей чертой восточноиранской группы. С другой стороны, хотя в западноиранских недревних языках аналогичные формы не прослежены, наличие инструменталиса на -aibiš в древнеперсидском не позволяет считать их отсутствие общим западноиранским признаком.

Общеиранские энкл. местоимения мн. числа I л. *nah, 2 л. *ˆuah продолжаются в восточноиранских языках в виде либо тех же энкл. местоимений, либо глагольных показателей. В западноиранских в этих функциях выступают инновационные энклитики мн. числа, образованные от энклитик I и 2 л. ед. числа вторичными показателями мн. числа (типа тадж. I л. ед.ч. -am – мн.ч. -amon, 2 л. ед.ч. -at – мн.ч. -aton). Однако считать и эту черту абсолютной изоглоссой, разделяющей западную и восточную группы, невозможно, поскольку, например, в курдских диалектах, кроме новых форм, выявляются рефлексы древних энклитик мн. числа [Цаболов, 1978, 27-28], а в хорезмийском и в диалектах согдийского языка наблюдаются аналогичные западноиранским новые энклитики мн. числа от энклитик ед. числа (см. с. 230). Тем самым и эта изоглосса носит частотный (хотя и высокочастотный) характер.

Таким образом, признавая общую методическую ценность морфологических изоглосс при определении членения языковой общности на генетические группы и подгруппы, приходится констатировать, что специфика материала иранских языков не позволяет на данном этапе изученности их истории выявить здесь "чистые" западноиранские ~ восточноиранские изоглоссы, т.е. не частотные, а общие признаки для всех языков западной или восточной группы.

Причиной этого является существенная структурно-типологическая перестройка языков западной группы и большинства языков восточной группы, последовавшая за древним периодом. И поскольку древний период для восточной группы не зафиксирован памятниками письменности, а для западной представлен только памятниками древнеперсидского языка (уже значительно "продвинутого", особенно в поздних текстах), мно-

гие элементы общеиранской флективной системы, утраченные, возможно, еще в древности, уже не могут быть выявлены и сопоставлены по группам языков. Язык Авесты, который по историко-фонетическим данным нельзя отнести целиком ни к одной из этих групп (подробнее: [СГВЯ-Ф, 217]), сохраняет и в морфологии особую позицию, выявляя собственные глубокие архаизмы и некоторые инновации, часть которых не была продолжена в других иранских языках. Новые же элементы, наблюдаемые и в восточных, и в западных иранских языках, образуют изоглоссы, охватывающие либо небольшие языковые подгруппы внутри основных групп, либо различные языки, принадлежащие и к той, и к другой группе (иногда такие изоглоссы носят явный ареальный контактный характер).

Тем самым, надежные морфологические изоглоссы, разделяющие западную и восточную группы, сравнимые по четкости с фонетическими и фонологическими изоглоссами, в настоящее время не устанавливаются.

Можно предположить, что на том уровне древности, к которому относится возникновение историко-фонетических изоглосс, охватывавших диалектные группы еще общеиранского и даже общеарийского состояния, когда единые в основе своей фонологические системы различались по ареалам в отношении фонетической реализации определенных фонем (подробнее см. [СГВЯ-Ф, 213-215]), нечто подобное было и в морфологии: единая в принципе морфологическая система могла различаться по ареалам на алломорфном уровне и в отношении функций тех или иных форм (например, выбор падежа субъекта в переходных перифрастических конструкциях; функции отдельных падежных форм, в частности соотношение функций генитива и датива в посессивных конструкциях; функции и значения косвенных наклонений глагола и их сочетаемость с частицами *nai и *mā и т.п.). Однако такие относительно "тонкие" элементы, будучи утраченными, не поддаются реконструкции на основании материала более поздних языков. Последующие же перестройки системы и различные инновации были относительно единообразными в историко-типологическом плане в обеих генетических группах и дали сходные результаты в виде "вымывания" архаизмов (уничтожившего заодно и следы материальных морфологических различий) и образования новых конструкций и форм по сходным моделям (включая ареальные) и в той, и в другой группе.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Об ударении в осетинском языке // Докл. Росс. Академии наук. Сер. В. Л., 1924.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. I.

Абаев В.И. О языковом субстрате // Докл. и сообщ. ИЯз. АН СССР. 1956. Вып. 9.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I - М.; Л., 1958; т. II - Л., 1973; т. III - Л., 1979; т. IV - Л., 1989.

Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1962.

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965_1.

Абаев В.И. Предисловие // Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М., 1965_2.

Абаев В.И. Типология армянского и осетинского языков и кавказский субстрат // Sprache und Gesellschaft. Jena, 1970.

Абаев В.И. Armeno-ossetica: (Типологические встречи) // ВЯ. 1978. № 6.

Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // ОИЯ: Древнеиранские языки. М., 1979.

Алексеев М.Е. Именные словосочетания в шугнанском языке // НАА. 1973. № 6.

Андронов М.С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978.

Бакаев Ч.Х. Язык азербайджанских курдов. М., 1965.

Барроу Т. Санскрит. М., 1976.

Бахтибеков Т. Грамматикаи забони шуғноӣ. Душанбе, 1979.

Беликов В.И. К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // Памирские языки и фольклор. I. Душанбе, 1972.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бескровный В.М. О влиянии иноязычной среды на индоарийские языки (на материале цыганских числительных) // НАА. 1974. № 4.

Боголюбов М.Н. Ягнобский (новосогдийский) язык: Исследование и материалы: АДД. Л., 1956.

Боголюбов М.Н. Ягнобско-согдийские диалектологические отношения // Вестник ЛГУ. Сер. ист., яз. и лит-ры. 1957. № 8, вып. 2.

Боголюбов М.Н. Прошедшее время с морфемой "'z" в согдийском языке // Вестник ЛГУ. Сер. ист., яз. и лит-ры. 1960_1. № 14, вып. 3.

Боголюбов М.Н. Согдийские документы с горы Муг: (языковые данные). М., 1960_2.

Боголюбов М.Н. Частицы в хорезмийском языке // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. 1961. № 305, вып. 12.

Боголюбов М.Н. Личные местоимения в хорезмийском языке // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. 1962_1, № 306, вып. 16.

Боголюбов М.Н. Предложения с архаичным причастием в говорах таджикского языка // Там же. 1962_2.

Боголюбов М.Н. Местоимения в хорезмийском языке // КСИНА. 1963_1. Вып. 67.

Боголюбов М.Н. Язык документов // Согдийские документы с горы Муг. Вып. Ш. М., 1963_2.

Боголюбов М.Н. Пролептические конструкции в иранских языках // Филология и история стран зарубежной Азии и Африки: Тез. науч. конф. Л., 1965.

Боголюбов М.Н. Ягнобский язык // Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки. М., 1966.

Боголюбов М.Н. Диссимиляция R - R в древнеперсидском // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. наук. 1976. № 383, вып. 18 (2 Филол. исследования).

Боголюбов М.Н. Категория безличности и переходность пассивных форм // УШ Всесоюз. науч. конф. "Актуальные проблемы иранской филологии": Тез. докл. Душанбе, 1982.

Боголюбов М.Н. Хорезмийские календарные глоссы в "Хронологии" Бируни // ВЯ. 1985_1. № 1; 1985_2. № 6.

Вильчевский О. Вигезимальный счет в курдском // Памяти акад. Н.Я.Марра. М.; Л., 1938.

Виноградова С.П. Глагольные основы в авестийском и согдийском языках: КД. М., 1982.

Виноградова С.П. К вопросу об ударении в древнесогдийском глаголе // Иранское языкознание: Ежегодник 1981. М., 1985.

Воробьев-Десятовский В.С. Развитие личных местоимений в индоарийских языках. М.; Л., 1956.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т.I-II. Тбилиси, 1984.

Герценберг Л.Г. Хотаносакский язык // ОИЯ: Среднеиранские языки. М., 1981.

Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша: Мунджанский язык. Л., 1972.

Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша: Язык кати. М., 1980.

Грюнберг А.Л. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987_1.

Грюнберг А.Л. Мунджанский язык // ОИЯ: Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987_2.

Грюнберг А.Л., Давыдова Л.Х. Татский язык // ОИЯ: Новоиранские языки: Западная группа. Прикаспийские языки. М., 1982.

Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. М., 1976.

Грюнберг А.Л., Эдельман Д.И. Афганский язык // ОИЯ: Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.

Гудава Т.Е. Количественные числительные в аваро-андийско-дидойских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. УП. Тбилиси, 1980.

Дворянков Н.А. Язык пушту. М., 1960.

Дворянков Н.А. Выражение возможности совершения действия в языке пашто и его место в глагольной системе // КСИНА. 1963. Вып. 67.

Додыхудоев Р.Х. Памирская микротопонимия. Душанбе. 1975.

Додыхудоева Л.Р. История основ шугнанского глагола: КД. М., 1982_1.

Додыхудоева Л.Р. История основ шугнанского глагола: АКД. М., 1982_2.

Додыхудоева Л.Р. Элементы унификации глагольных основ шугнанского языка // VIII Всесоюз. науч. конф. "Актуальные проблемы иранской филологии": Тез. докл. Душанбе, 1982_3.

Додыхудоева Л.Р. Динамика перестройки глагольных основ шугнанского языка на различных исторических этапах // Вопросы памирской филологии. 3. Душанбе, 1985.

Додыхудоева Л.Р. Шугнанский глагол в историческом освещении. Душанбе, 1988.

Дыбо В.А. О рефлексах индоевропейского ударения в афганском // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания: Тез. докл. М., 1970.

Дыбо В.А. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках (в дардских и в йидга) // Конф. по сравн.-ист. грамматике индоевропейских языков: Предвар. материалы. М., 1972.

Дыбо В.А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. I. Именная акцентуация // Балто-славянские исследования. М., 1974; II. Глагольная акцентуация // Славянское и балканское языкознание: Просодия. М., 1989.

Дьяконов И.М. Семитохамитские языки. М., 1965.

Елизаренкова Т.Я. Аорист в "Ригведе". М., 1960.

Елизаренкова Т.Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Ефимов В.А. Язык афганских хазара: Якаулангский диалект. М., 1965.

Ефимов В.А. О некоторых архаических чертах морфологической структуры презенса в ормури // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. (Душанбе, 1979). М., 1979.

Ефимов В.А. О типах эргативной конструкции в языке парачи // Иранское языкознание: Ежегодник 1980. М., 1981.

Ефимов В.А. Ударение в языке ормури // Иранское языкознание: Ежегодник 1981. М., 1985.

Ефимов В.А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.

Зализняк А.А. Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.

Зарубин И.И. К характеристике мунджанского языка: (из материалов по иранской диалектологии) // Иран. I. Л., 1927_1.

Зарубин И.И. Вершикское наречие канджутского языка // ЗКВ. 1927_2. Т. 2, вып. 2.

Зарубин И.И. Орошорские тексты и словарь // Тр. Памирской экспедиции 1928 г. Л., 1930. Вып. VI. Лингвистика.

Исаев М.И. Очерк фонетики осетинского литературного языка. Орджоникидзе. 1959.

Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка: Фонетика. Морфология. М., 1966.

Исаев М.И. К интерференции близкородственных языковых систем (на осетинском языковом материале) // Иранское языкознание: История, этимология, типология: (к 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976.

Исаев М.И. Осетинский язык // ОИЯ: Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.

Исхаков М.М. Глагол в согдийском языке (документы с горы Муг). Ташкент, 1977.

Калинина З.М. Наклонения в современном пушту: АКД. М., 1954.

Калинина З.М. Повелительное наклонение в современном литературном пушту // КСИВАН. 1959. Вып. 33.

Калинина З.М. Условно-желательное наклонение в современном литературном пушту // Учен. зап. Ин-та междунар. отнош. Сер. филол. М., 1961. Вып. 5.

Калинина З.М. Частица ъ и ее функции в глагольной системе пушту // Индийская и иранская филология: Вопросы грамматики. М., 1976.

Карамхудоев Н. Бартангский язык: Фонетика и морфология. Душанбе, 1973.

Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963.

Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках (шугнано-рушанская группа). Душанбе, 1978.

Карамшоев Д. Проблема категории рода в памирских языках // ВЯ. 1979_1, № 6.

Карамшоев Д. Категория рода в памирских языках (сравнительный анализ): АДД. М., 1979_2.

Кауфман К.В. Некоторые вопросы истории согдийского языка // Тр. ИЯз. АН СССР (М.). 1956. Т.6.

Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. I. М.; Л., 1949.

Кисляков Н. [А]. Описание говора таджиков Вахио-боло // Тр. Тадж. базы АН СССР. (М.; Л.). 1936. Т. 3.

Климов Г.А. Заимствованные числительные в общекартвельском ? // Этимология 1965. М., 1967.

Климов Г.А., Боголюбов М.Н. [Рец.:] Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ш. Л., 1979 // ВЯ. 1980. № 5.

Климчицкий С.И. Ваханские тексты // Тр. Тадж. базы АН СССР. (М.; Л.). 1936. Т. 3.

Климчицкий С.И. Секретный язык у ягнобцев и язгулямцев // Тр. Тадж. базы АН СССР, (М.; Л.). 1940. Т. 9.

Кузьмина И.Б. О месте сочетаний типа (есть) поставлен, был (будет) поставлен; (есть) вставши, был (будет) вставши в грамматической системе современных русских говоров // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1973. М., 1975_1.

Кузьмина И.Б. Еще раз о конструкциях типа картошка выкопано, кони запряжено, пол помыто в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975_2.

Кулаев Н.Х. Местоимения в современном литературном осетинском языке. Орджоникидзе, 1958.

Курбанов Х. Язык рошорвцев: К характеристике шугнано-рушанской группы памирских языков: КД. М., 1972.

Курбанов Х. Рошорвский язык. Душанбе, 1976.

Курилович Е. О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. М., 1965. Вып. IV.

Лашкарбеков Б.Б. Огласовка основы презенса ваханского глагола // Памироведение: Вопросы филологии. Душанбе, 1975.

Лашкарбеков Б.Б. Типы основ прошедшего времени ваханского глагола в историческом аспекте // Лингвистические исследования 1976. М., 1976.

Лашкарбеков Б.Б. К этимологии ваханского глагола tu- : təy- и глагольной связки -it // Республ. конф. молодых ученых и специалистов ТаджССР, посв. 110-летию В.И.Ленина: Тез. докл. Душанбе, 1980.

Лашкарбеков Б.Б. К истории ваханской косвенной конструкции // Monumentum G.Morgenstierne. II. Leiden, 1982$_1$.

Лашкарбеков Б.Б. К этимологии ваханского показателя определенного объекта -i//-y // VIII Всесоюз. науч. конф. "Актуальные проблемы иранской филологии": Тез. докл. Душанбе, 1982$_2$.

Лашкарбеков Б.Б. Ваханский глагол в историческом аспекте: КД. М., 1984$_1$.

Лашкарбеков Б.Б. Ваханский глагол в историческом аспекте: АКД. М., 1984$_2$.

Лашкарбеков Б.Б. Становление системы ваханского глагола на трех стадиях языкового развития // ВЯ. 1985. № 1.

Лебедев К.А. Грамматика языка пушту. М., 1956.

Лившиц В.А. Местоимения в афганском языке (пашто): КД. М., 1951.

Лившиц В.А. О внутренних законах развития таджикского языка // Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ.наук. 1954. № 5.

Лившиц В.А. Указательные местоимения в афганском языке (пашто) // Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук. 1956. № 9.

Лившиц В.А. Лично-направительные местоимения в афганском языке (пашто // Учен. зап. СГПИ. Сер. филол. 1959. Т. 18, вып. 8.

Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.

Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // ОИЯ: Среднеиранские языки. М., 1981.

Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Миллер Б.В. О полистадиальности иранских языков // Академия наук акад. Н.Я.Марру. М.; Л., 1935.

Миллер Б.В. Показатель множественности "ān" в иранских языках // Памяти акад. Н.Я.Марра. М.; Л., 1938.

Миллер В. [Ф.]. Язык осетин. М.; Л., 1962.

Мирзабдинова С. Шеваи Хуфи забони рӯшонӣ. Душанбе, 1983.

Молчанова Е.К. Среднеиранские языки // Языки Азии и Африки. Т. II. М., 1978.

Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I-II. М., 1975.

Оранская Т.И. Местоимения и элементарные числительные: (на материале древних индоиранских языков // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1984. Т. 62, вып.1

Оранская Т.И. Местоименные клитики в индоиранских языках: КД. Л., 1986.

Оранский И.М. Грамматические категории вида и кратности в глагольной системе современного афганского языка (пашто): АКД. Л., 1951.

Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.

Оранский И.М. Иранские языки. М., 1963$_1$.

Оранский И.М. Афганское wú- - персидское bí- // КСИНА. 1963$_2$. Вып. 67.

Оранский И.М. Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). М., 1977.

Оранский И.М. Введение // ОИЯ: Древнеиранские языки. М., 1979$_1$.

Оранский И.М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979$_2$.

Пахалина Т.Н. Ишкашимский язык. М., 1959.

Пахалина Т.Н. Сарыкольский язык. М., 1966.

Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М., 1975.

Пахалина Т.Н. Об индоарийских элементах в системе личных местоимений восточноиранских языков // Иранское языкознание. История, этимология, типология: (к 75-летию проф. В.И.Абаева).М., 1976.

Пахалина Т.Н. Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М., 1983.

Пахалина Т.Н. Ваханский язык //ОИЯ: Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987$_1$.

Пахалина Т.Н. Ишкашимский язык // Там же, 1987$_2$.

Пирейко Л.А. К вопросу об эргативной конструкции в иранских языках // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Пирейко Л.А. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.

Расторгуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 2. М., 1952.

Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык // ОИЯ: Среднеиранские языки. М., 1981$_1$.

Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Парфянский язык // Там же, 1981$_2$.

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и Велатру) // ОИЯ: Новоиранские языки: Западная группа. Прикаспийские языки. М., 1982.

Розенберг Ф. Материалы по двадцатному счету // Языковедные проблемы по числительным. I. Л., 1927.

Сафаревич Я. Развитие формативов времени в индоевропейской глагольной системе // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Соколов С.Н. Авестийский язык. М., 1961.

Соколов С.Н. Язык Авесты // ОИЯ: Древнеиранские языки. М., 1979$_1$.

Соколов С.Н. Древнеперсидский язык // Там же, 1979$_2$.

Соколова В.С. Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.; Л., 1959.

Соколова В.С. Шугнано-рушанская языковая группа // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966.

Соколова В.С. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.

Соколова В.С. Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.

Соколова В.С. К истории вокализма ваханского языка // Иранское языкознание: Ежегодник 1980. М., 1981.

Стеблин-Каменский И.М. Ваханское (ž̌ə)mak '(моя) луна', (y)imɨk 'хвойник' и древнеиранское haυma- // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания: Тез. докл. М., 1970.

Стеблин-Каменский И.М. Историческая фонетика ваханского языка: КД. Л., 1971.

Стеблин-Каменский И.М. Историческая классификация ваханских глаголов // Иранское языкознание: Ежегодник 1980. М., 1981$_1$.

Стеблин-Каменский И.М. Бактрийский язык // ОИЯ: Среднеиранские языки. М., 1981$_2$.

Стеблин-Каменский И.М. Очерки по истории лексики памирских языков: Названия культурных растений. М., 1982.

Степанов Ю.С. Оборот земля пахать и его индоевропейские параллели // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1984. Т. 43, № 2.

Степанов Ю.С. Герундивы и имена действия в древнейшем строе индоевропейского предложения // ВЯ. 1985. № 6.

Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках. I // ВЯ. 1989_1. № 4.

Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989_2.

Токазов Х.А. Исторический оптатив в современном осетинском языке // Изв. Сев.-Осет. НИИ. (Орджоникидзе). 1957. Т. 19.

Токазов Х.А. Исторический конъюнктив в современном осетинском языке // Учен. зап. Сев.-Осет. гос. пед. ин-та. Сер. филол. наук (Орджоникидзе). 1958. Т. 23, вып. 3.

Токазов Х.А. Исторические оптатив и конъюнктив в современном осетинском языке: АКД. М., 1959.

Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние: (вопросы реконструкции). Л., 1967.

Файзов М. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1966.

Фрейман А.А. О показателях множественности -t, -išt, -ēv, -iv в северной (скифской) группе иранских языков // Изв. Отд. рус. яз. и словесности Российской АН (1924). 1925_1. Т. 29.

Фрейман А.А. К этимологии персидской частицы bi- // ЗКВ, 1925_2. Т. I.

Фрейман А.А. Хорезмийский язык. М.; Л., 1951.

Фрейман А.А. Письмо в редакцию // ВЯ. 1957. № 6.

Фролова В.А. Белуджский язык. М., 1960.

Хромов А.Л. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962.

Хромов А.Л. Еще раз о согдийском топоформанте -уβ // Изв. АН Тадж ССР. Отд. обществ.наук. 1968. № 3 (53).

Хромов А.Л. Ягнобский язык. М., 1972.

Хромов А.Л. Ягнобский язык // ОИЯ: Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.

Цаболов Р.Л. Осетинские превербы в историческом освещении: АКД. М., 1959.

Цаболов Р.Л. Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978.

Шафеев Д.А. Краткий грамматический очерк афганского языка // Зудин П.Б. Русско-афганский словарь. М., 1955.

Эдельман Д.И. Современное состояние изучения памирских языков // ВЯ. 1964. № 1.

Эдельман Д.И. Язгулямский язык. М., 1966.

Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М., 1968.

Эдельман Д.И. К вопросу о словообразовании местоимений в индоиранских языках // Индийская и иранская филология: Вопросы лексики. М., 1971.

Эдельман Д.И. Относительная хронология некоторых фонетических и морфологических явлений в северопамирских языках // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинев, 1973.

Эдельман Д.И. О конструкциях предложения в иранских языках // ВЯ. 1974. № 1.

Эдельман Д.И. К генезису вигезимальной системы числительных // ВЯ. 1975$_1$. № 5.

Эдельман Д.И. Географические названия Памира // Страны и народы Востока. Вып. 16. Памир. М., 1975$_2$.

Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание: История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976$_1$.

Эдельман Д.И. Структурные "аномалии" восточноиранских языков и типология субстрата // Studien zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. Jena, 1976$_2$.

Эдельман Д.И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // ВЯ. 1980. № 5.

Эдельман Д.И. Ареальные черты в севернопамирской морфологии // Иранское языкознание: Ежегодник 1980. М., 1981.

Эдельман Д.И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // ВЯ. 1982. № 1.

Эдельман Д.И. Некоторые особенности глагола в восточноиранском ареале: (к реконструкции типологии субстрата) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983.

Эдельман Д.И. К генетической классификации иранских языков // ВЯ. 1984$_1$. № 6.

Эдельман Д.И. К субстратным явлениям в синтаксисе иранских языков // Вопросы диалектологии и истории языка. Душанбе, 1984$_2$.

Эдельман Д.И. О тенденциях типологического изменения (индоиранские языки) // Лингвистическая типология. М., 1985.

Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология. М., 1986.

Эдельман Д.И. Шугнано-рушанская языковая группа // ОИЯ: Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987$_1$.

Эдельман Д.И. Язгулямский язык // Там же, 1987$_2$.

Эдельман Д.И. Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков // Иранское языкознание: Ежегодник 1982. М., 1987$_3$.

Эдельман Д.И. К выражению притяжательности в восточноиранских языках // Иранский сборник: (к 75-летию со дня рожд. и 50-летию науч. и педагог. деятельности проф. В.С.Расторгуевой). М., 1987$_4$.

Эдельман Д.И. К проблемам исторического синтаксиса: (иранские параллели к балто-славянским оборотам "номинатив + инфинитив") // Baltistica. 1987$_5$. XXIII (2).

Badakhshi Sh.A. A dictionary of some languages and dialects of Afghanistan. Kabul, 1960.

Bailey H.W. Khotanese texts. Cambridge. 1 - 1945; 2 - 1954; 3 - 1956; 4 - 1961; 5 - 1963; 6 - 1967.

Bailey H.W. Languages of the Saka // HbO. 1958. Abt. I. Bd IV, Abschn. 1.

Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.

Bartholomae Chr. Vorgeschichte der iranischen Sprachen // GIPh. 1895$_1$-1901. Bd I, Abt. 1.

Bartholomae Chr. Awestasprache und Altpersisch // GIPh. 1895$_2$-1901. Bd I, Abt. 1.

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (Repr. B., N.Y., 1979).

Beekes R.S.P. The subjunctive endings in Indo-Iranian // IIJ. 1981$_1$. Vol. 23, N 1.

Beekes R.S.P. The neuter plural and the vocalization of the laryngeals in Avestan // IIJ. 1981_2. Vol. 23, N 4.

Benveniste E. Essai de grammaire sogdienne. T. 2. Morphologie, syntaxe et glossaire. P., 1929.

Benveniste E. Les infinitifs avestiques. P., 1935.

Benveniste E. Prétérit et optatif en indo-européen // BSL. 1951. T. 47, fasc. 1.

Benveniste E. La construction passive du parfait transitif // BSL. 1952. T. 48, fasc. 1.

Benveniste E. Études hittites et indo-européennes // BSL. 1954_1. T. 50, fasc. 1.

Benveniste E. Expression de "pouvoir" en iranien // BSL. 1954_2. T. 50, fasc. 1.

Benveniste E. Études sur quelques textes sogdiens chrétiens // JA. I - 1955, t. 243, fasc. 3; II - 1959, t. 247, fasc. 1.

Benveniste E. "Être" et "avoir" dans leurs fonctions linguistiques // BSL. 1960. T. 55, N 1.

Benveniste E. Le verbe stā- comme auxiliaire en iranien // Acta Orientalia. 1966. T. 30.

Benzing J. Das chwaresmische Sprachmaterial einer Handschrift der "Muqaddimat al-Adab" von Zamaxšarī. Wiesbaden, 1968.

Benzing J. Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983.

Berger H. Das Yasin-Burushaski (Werchikwar). Wiesbaden, 1974.

Bielmeier R. Präverbien im Ossetischen // Monumentum G.Morgenstierne. I. Leiden, 1981.

Bielmeier R. Zur Entwicklung der ossetischen Deklination // IF. 1982. Bd 87.

Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.

Brugmann K. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen: (Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung) // Abhandl. der philol.-hist. Klasse der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig, 1904. Bd XXII, N VI.

Buddruss G. Nochmals zur Stellung der Nūristān-Sprachen des afghanischen Hindukusch // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1977. H. 36.

Burrow T., Emeneau M.B. A Dravidian etymological dictionary. Oxford, 1961.

Cardona G. The Indo-Iranian construction mana (mama) krtam // Language. 1970. Vol. 46, N 1.

Cowgill W. The aorists and perfects in Old Persian // KZ. 1968. Bd 82, H. 2.

Disterheft D. The Indo-Iranian predicate infinitive // KZ. 1981. Bd 95, H. 1.

Dresden M.J. Iranian optative forms // W.B.Henning Memorial Volume. L., 1970.

Edel'man D.I. Les verbes "être" et "avoir" dans les langues iraniennes // Mélanges linguistiques offerts à É.Benveniste. P., 1975.

Elfenbein J. Landa, zor wala! Wanecī // ArOr. 1967. Vol. 35.

Elfenbein J. The Wanetsi connexion. Pt. I // JRAS. 1984. N 1.

Emmerick R.E. Saka grammatical studies. L., 1968_1.

Emmerick R.E. A Khotanese verb-list // Acta Orientalia. 1968_2. Vol. 31.

Emmerick R.E. r-/n- stems in Khotanese // Lautgeschichte und Etymologie. Wiesbaden, 1980.

Emmerick R.E. Auxiliaries in Khotanese // Historical Development of Auxiliaries. Berlin etc., 1987.

Gao Erjiang. Zhongguo shaoshu minzu yuyan jianzhi cungshu Tajike yu jianzi. Beijing, 1985 (На кит. яз.).

Gauthiot R. À propos des dix premiers noms de nombre en sogdien bouddhique // MSL. 1911-1912. T. 17.

Gauthiot R. Notes sur le yazgoulami, dialecte iranien des confins du Pamir // JA. 1916_1. XI. Sér. T. VII, N 2.

Gauthiot R. De la réduction de la flexion nominale en iranien // MSL. 1916_2. T. 20, fasc. 2.

Gauthiot R. De l'accent d'intensité iranien // MSL. 1916_3. T. 20, fasc. 1.

Gauthiot R. Du pluriel persan en -ha // MSL. 1916_4. T. 20, fasc. 2.

Geiger W. Die Sprache der Afghānen, das Paštō // GIPh. 1898_1-1901. Bd I, Abt. 2.

Geiger W. Die Sprache der Balūtschen // GIPh. 1898_2-1901. Bd I, Abt. 2.

Geiger W. Kleinere Dialekte und Dialektgruppen // GIPh. 1898_3-1901. Bd I, Abt. 2.

Gershevitch I. Iranian Notes // TPhS-1948. 1949.

Gershevitch I. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.

Gershevitch I. Sogdians on a Frogplain // Mélanges linguistiques offerts à É.Benveniste. P., 1975.

Gonda J. The character of the Indo-European moods. Wiesbaden, 1980.

Grierson G.A. Ishkashmi, Zebaki and Yazghulami. L., 1920.

Hamp E.P. Aśīti- '80'// IIJ. 1982. Vol. 24, N 1.

Hamp E.P. East Iranian '6'// IIJ. 1983. Vol. 25, N 2.

Henning W.B. Über die Sprache der Chvarezmier // ZDMG. 1936. Bd 90 (repr. in: Henning, 1977, I).

Henning W.B. The disintegration of the Avestic studies // TPhS - 1942 (Repr.: Amsterdam, 1968).

Henning W.B. The Sogdian texts of Paris // BSOAS. 1946. Vol. 11, pt 4.

Henning W.B. Oktō(u) // TPhS-1948. 1949.

Henning W.B. The Khwarezmian language // Zeki Velidi Togan'a Armağan. Istanbul, 1955_1.

Henning W.B. The structure of the Khwarezmian verb // Asia Major (L.), 1955_2. New Ser. Vol. V, pt I.

Henning W.B. Mitteliranisch // HbO. 1958. I Abt., Bd 4, Abschn. 1.

Henning W.B. A fragment of Khwarezmian dictionary /Ed. by D.N.MacKenzie. L., 1971.

Henning W.B. Selected papers. Téhéran; Liège, 1977. Vol. I-II (Acta Iranica. T. 14-15).

Hinz W. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973.

Hoffmann K. Altiranisch // HbO. 1958. I. Abt., Bd 4, Abschn. 1.

Horn P. Neupersische Schriftsprache // GIPh. 1898-1901. Bd I, Abt. 2.

Insler S. Some problems of Indo-European *ə in Avestan // Language. 1971. Vol. 47, N 3.

Kellens J. Les noms-racines de l'Avesta. Wiesbaden, 1974.

Kellens J. Le verbe avestique. Wiesbaden, 1984.

Kent R. Old Persian: Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1950 (2nd ed. 1953).

Khromov A.L. Die Präposition par und Postposition -yow im Yaghnobi // W.B.Henning Memorial Volume. L., 1970.

Konow S. Saka studies. Oslo, 1932.

Konow S. Primer of Khotanese Saka // NTS. 1949. Bd 15.

Kuiper F.B.J. Die indogermanischen Nasalpräsentia (ein Versuch zu einer morphologischen Analyse). Amsterdam, 1937.

Kuiper F.B.J. [Rec.:] Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964 // IIJ. 1965. Vol. 8, N 4.

Kuiper F.B.J. The nom. sing. ahū in Avestan // Sir J.J.Zarthoshti Madressa Centenary Volume. Bombay, 1967.

Kuiper F.B.J. [Rec.:] Mélanges linguistiques offerts à É.Benveniste. P., 1975 // IIJ. 1976. Vol. 17, pt 1/2.

Kuiper F.B.J. On Zarathustra's language. Amsterdam; Oxford; New York, 1978.

Kuiper F.B.J. Note on Avestan ahū // IIJ. 1985. Vol. 28, pt 4.

Kuryłowicz J. Injonctif et subjonctif dans les Gāthās de l'Avesta // Rocznik Orientalistyczny. 1925. N 3.

Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

Lehmann W.P. Proto-Indo-European syntax. Austin; L., 1974 (2nd pr. 1980).

Lorimer D.L.R. Pashtu. Pt I. Syntax of colloquial Pashtu. Oxford, 1915.

Lorimer D.L.R. The Burushaski language. Oslo. Vol. I-II - 1935; Vol. III - 1938.

MacKenzie D.N. The Khwarezmian glossary // BSOAS. I - 1970, v. 33, pt 3; II - 1971_1, v. 34, pt 1; III - 1971_2, v. 34, pt 3; IV - 1971_3, v. 34, pt 4; V - 1972, v. 35, pt 1.

MacKenzie D.N. Khwarezmian imperfect stems // Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste. P., 1975.

MacKenzie D.N. The Buddhist Sogdian texts of the British library. Téhéran; Liège, 1976 (Acta Iranica, 10).

MacKenzie D.N. Pashto // The World's Major Languages. L., 1987.

Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953-1975.

Mayrhofer M. Sanskrit-Grammatik. B., 1965.

Mayrhofer M. Archaismus und Innovation. Eine grammatische Unterscheidung in Keilschrift-Paralleltexten aus achämenidischer Zeit // ArOr. 1979. Vol. 47, pt 1-2.

Meillet A. Le développement du verbe "avoir" // Antidôron... J.Wackernagel. Göttingen, 1924.

Mękarska B. An attempt at the reconstruction of the Bactrian language system // Folia Orientalia. 1974. T. 15.

Morgenstierne G. An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.

Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages. Oslo. Vol. I - 1929; vol. II - 1938; vol. III, pt 1 - 1967, pt 2 - 1944, pt 3 - 1956; vol. IV - 1973.

Morgenstierne G. The Wanetsi dialect of Pashto: (a preliminary note) // NTS. 1930. Bd 4.

Morgenstierne G. The personal pronouns first and second plural in the Dardic and Kafir languages // Indian Linguistics. 1935. Vol. V (repr.: Poona, 1965).

Morgenstierne G. Archaisms and innovations in Pashto morphology // NTS. 1942_1. Bd 12.

Morgenstierne G. Iranica // NTS. 1942_2. Bd 12.

Morgenstierne G. Indo-European ḱ in Kafiri // NTS. 1945. Bd 13.

Morgenstierne G. Neu-iranischen Sprachen // HbO. I Abt., Bd IV, Abschn. 1. Leiden; Köln, 1958.

Morgenstierne G. Stray notes on Persian dialects // NTS. 1960. Bd 19.

Morgenstierne G. Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973_1.

Morgenstierne G. Traces of Indo-European accentuation in Pashto?// Norweg. J. of Linguistics. NTS. 1973_2. Bd 27, N 1.

Morgenstierne G. Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974_1.

Morgenstierne G. Languages of Nuristan and surrounding regions // Cultures of the Hindukush. Wiesbaden, 1974_2.

Morgenstierne G. Bemerkungen zum Wort-Akzent in den Gathas und im Paschto // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München, 1983, H. 42.

Nehring A. Idg. "Sechs" // Die Sprache. 1962. Bd 8, H. 2.

Pirejko L.A. On the genesis of the ergative construction in Indo-Iranian // Ergativity: Towards a Theory of Grammatical Relations. L.; N.Y.; Toronto; Sydney; San Francisco, 1979.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Pstrusińska J. Vigenticimal system of counting in Pashto // Folia Orientalia (1979). 1980. Vol. 20.

Pstrusińska J. The influence of linguistic substratum on the comparison of adjectives in Pashto language // Folia Orientalia. 1986. Vol. 23.

Reczek J. Les noms de nombre en Sogdien // Studia indoeuropejskie: (Études indo-européennes). Wrocław etc., 1974.

Reichelt H. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.

Rysiewicz Z. Optativus w funkcji czasu przeszłego w chorezmijskim // Biul. Polsk. Towarzystwa Językoznawczego. Kraków, 1954. Zesz. 13.

Salemann C. Manichaica. V. //Зап. Имп. АН. СПб., 1913. Сер. 6.

Samadi M. Das chwaresmische Verbum. Wiesbaden, 1986.

Schaller H.W. Die Balkansprachen: Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg, 1975.

Schmidt K.-H. Beiträge zu einer typologisch-vergleichenden Grammatik der indogermanischen und südkaukasischen Sprachen // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1967. H. 22.

Schmitt R. Epitaphies auf altpersisch hya // Studia Iranica. 1976. T. 5, f. 1.

Sims-Williams N. A note on Bactrian syntax // IF. 1973. Bd 78.

Sims-Williams N. On the plural and dual in Sogdian //BSOAS. 1979. Vol. XLII, pt 2.

Sims-Williams N. The Sogdian sound-system and the origin of the Uyghur script // JA. 1981. T. 269.

Sims-Williams N. The double system of nominal inflexion in Sogdian // TPhS, 1982.

Sims-Williams N. The Sogdian "rhytmic law" // Middle Iranian Studies. Leuven, 1984.

Sims-Williams N. Sogdian kw and Slavonic kŭ // Переднеазиатский сборник. IV. Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. М., 1986.

Statha-Halikas H. How not to tell a passive: the case of Old Persian mana krtam reconsidered // Proc. of the V Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Soc. Berkeley, 1979.

Szemerényi O. Iranian studies. I // KZ. 1959. Bd 76, H. 1-2.

Szemerényi O. Iranica. V (Nos 59-70) // Monumentum H.S.Nyberg. Téhéran; Liège, 1975. Vol. II.

Tedesco P. a-Stämme und aya-Stämme im Iranischen // ZII. 1923_1. Bd 2, H. 2.

Tedesco P. Iranica // ZII. 1923_2. Bd 2. H. 1.

Tedesco P. Ostiranische Nominalflexion // ZII. 1926. Bd 4, H. 1.

Turner R.L. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. L., 1963-1966. Vol. I-XI.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Книги, периодические издания и др.

АДД – автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук

АКД – автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук

ВЯ – Вопросы языкознания. М.

ГОМШ – [Соколова, 1973]

ГОЯШ – [Соколова, 1967]

ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов. Л.

ИЭСОЯ – [Абаев, 1958-1989]

ИЯз – Ин-т языкознания

КД – диссертация на соискание ученой степени кандидата наук

КСИВАН – Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР

КСИНА – Краткие сообщения Ин-та народов Азии АН СССР

НАА – Народы Азии и Африки. М.

ОИТИИЯ – [Опыт..., 1975]

ОИЯ – Основы иранского языкознания. М.

ОЯФ – [Абаев, 1949]

СТВЯ-Ф – [Эдельман, 1986]

AiW – [Bartholomae, 1904]

ArOr – Archiv Orientální. Praha

BSL – Bulletin de la Société de linguistique de Paris. P.

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.

CDIAL – [Turner, 1963-1966]

DKS – [Bailey, 1979]

EGS II – [Benveniste, 1929]

EVP – [Morgenstierne, 1927]

GIPh – Grundriss der iranischen Philologie.

Strassburg
GMS - [Gershevitch, 1954]
HbO - Handbuch der Orientalistik. Leiden; Köln
IEW - [Pokorny, 1959]
IF - Indogermanische Forschungen. B.
IIFL - [Morgenstierne, 1929-1973]
IIJ - Indo-Iranian Journal. Dordrecht
JA - Journal asiatique. P.
JRAS - Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
KEWA - [Mayrhofer, 1953-1975]
KZ - Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Göttingen
MSL - Memoires de la Société de linguistique de Paris. P.
NTS - Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo
SGS - [Emmerick, 1968_1]
TPhS - Transactions of the Philological Society. L.
ZDMG - Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig; Wiesbaden
ZII - Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Leipzig

Языки, диалекты, говоры

ав. - авестийский (г. - диалект Гат, п. - поздний)
ар. - общеарийский
араб. - арабский
бактр. - бактрийский
барт., б. - бартангский
бас. - басидский (диалект бартангского)
бдж., бадж. - баджувский (диалект шугнанского)
бел. - белуджский
ван. - ванеци
вах. - ваханский
вед. - ведический
верх. - верхний
вост. - восточный, -ые
гот. - готский
греч. - древнегреческий
диал. - диалект, -ный
диг. - дигорский
др.-инд. - древнеиндийский
др.-ир. - древнеиранский
др.-ирл. - древнеирландский
др.-п. - древнеперсидский
зап. - западный, -ые
зеб. - зебаки
и.-е. - индоевропейский
индоар. - индоарийские
ир. - общеиранский
ирон. - иронский
ишк. - ишкашимский
йд. - йидга
кан. - канигурамский
кл. перс. - классический персидский
лат. - латинский
лит. - литовский
лог. - логарский
мдж. - собственно мунджанский (без йидга)
мундж. - мунджанский (с йидга)
нур. - нуристанские
орм. - ормури
осет. - осетинский
парф. - парфянский
перс. - персидский
раум.-сип. - раумедо-сипандж-ский (диалект бартангского)
рош. - рошорвский
руш., р. - рушанский

рус. – русский
сак. – сакские
сар., с. – сарыкольский
сангл., сгл. – сангличи
скиф. – скифский
согд. – согдийский (будд. – буддийские тексты, ман. – манихейские, муг. – тексты с горы Муг, Ст.п. – Старые письма, хр. – христианские тексты)
ср.-п. – среднеперсидский
тадж. – таджикский
тумш. – тумшукский (сакский)
тюрк. – тюркские
хетт. – хеттский
хор. – хорезмийский
хотаносак., хс. – хотаносакский
хуф., х. – хуфский
ЦАЯС – Центральноазиатский языковой союз
шахд., шхд. – шахдаринский диалект шугнанского
шугн., ш. – шугнанский
шугн.-руш. – шугнано-рушанская языковая группа
ягн. – ягнобский
язг. – язгулямский

Грамматические термины

абл. – аблатив
акк. – аккузатив
акт. – актив, активный
аор. – аорист
атем. – атематический
буд. – будущее
вок. – вокатив
вопрос. – вопросительное
ген. – генитив
дат. – датив, дательный
дв.ч. – двойственное число
деепр. – деепричастие
длит. – длительное
ед.ч. – единственное число
жен., ж.р. – женский род
им. – именительный
императ. – императив
имперф. – имперфект
инд. – индикатив
инстр. – инструменталис
инф. – инфикс
инфин. – инфинитив
инъ. – инъюнктив
кауз. – каузатив, каузативный
конъ. – конъюнктив
косв. – косвенный, косвенное
лег. – легкая
лок. – локатив
муж., м.р. – мужской род
мед. – медиалис, медиальный, медиум
мест. – местоимение
местн. – местный
мн.ч. – множественное число
направ.п. – направительный падеж
наст. – настоящее время
неодуш. – неодушевленный
неперех. – непереходный
ном. – номинатив, номинативный
одуш. – одушевленный
опт. – оптатив
оруд. – орудийный
осн. – основа
отлож. – отложительный
относ. – относительное
п. – падеж
пасс. – пассив, пассивный
перех. – переходный
перф. – перфект
посесс. – посессивный
превосх. – превосходная степень

през. – презенс, презентный
преф. – префикс
прилаг. – прилагательное
притяж. – притяжательное
прич. – причастие
прош. – прошедшее (время)
преждепрош. – преждепрошедшее
прям. – прямой падеж
род. – родительный
совм.п. – совместный падеж
ср.р. – средний род
сравн. – сравнительная (степень)
суф. – суффикс
сущ. – существительное
тем. – тематический
тяж. – тяжелая (основа)
указ. – указательное
уподоб.п. – уподобительный падеж
част. – частица
числит. – числительное
эмфат. – эмфатический
энкл. – энклитика, энклитический
эрг. – эргативный

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Г л а в а I. Общеиранская морфолого-синтаксическая система . . 9
Элементы формообразования 9
Глагол 14
Личные глагольные формы 15
Индикатив 15
Система презенса 15 (Основы 15. Флексия 22). Система аориста 26. Система перфекта 27. Выводы 29.
Императив 29
Конъюнктив 30
Оптатив 31
Инъюнктив, прекатив 32
Выводы 33
Глагольные имена 36
Причастия 36
Инфинитивы, герундивы, имена действия и т.д. 37
Имя 39
Существительные и прилагательные 39
Основы 39
Флексия 40
Степени сравнения прилагательных 44
Числительные 45
Количественные числительные 45
Порядковые числительные 51
Другие разряды числительных 52
Местоимения 52
Личные местоимения 52
Указательные местоимения 55
Энклитические местоимения 59
Вопросительные, неопределенные и относительные местоимения . 61
Определительные, притяжательные, возвратные местоимения . . . 61
Наречные местоимения 62
Неизменяемые слова 62
√ Наречия, предлоги, послелоги, преверbы 62
Союзы 63
Частицы 64
Элементы синтаксиса 65

Глава II. Развитие морфолого-синтаксической системы в восточноиранских языках 68
Элементы формообразования 68
Глагол 69
Личные глагольные формы 70
Индикатив 72
Изменение древних флективных форм 72. Изменение древних причастных конструкций 103.
Изменение косвенных наклонений 121
Изменение залоговых отношений 133
Общие принципы изменения личных глагольных форм 135
Глагольные имена 142
Причастия, деепричастия 142
Инфинитивы, герундивы, имена действия и др. 145
Имя 146
Существительные и прилагательные 147
Изменение древних флективных форм 147
Артикли, определенность/неопределенность 171
Другие содержательные категории существительных 176
Новые формальные грамматические средства 179
Степени сравнения прилагательных 179
Числительные 181
Количественные числительные 181
Порядковые числительные 200
Другие разряды числительных 202
Местоимения 204
Личные местоимения 204
Местоимения I и 2 лица 205. Местоимения 3 лица 214.
Указательные местоимения 216
Энклитические местоимения 229
Вопросительные, относительные, неопределенные и отрицательные местоимения 233
Сращения местоимений с предлогами и послелогами 234
Определительные, притяжательные, возвратные местоимения . . . 234
Местоимения-числительные, наречия и др. 236
Наречия и вспомогательные слова и элементы 240
Наречия 241
√Предлоги, послелоги 242
√Превербы, поствербы 244
Союзы 245
Частицы 246
Элементы синтаксиса 248
Заключение 257
Литература 268
Принятые сокращения 280
Книги, периодические издания и др. 280
Языки, диалекты, говоры 281
Грамматические термины 282

TABLE OF CONTENTS

Introduction. 3
C h a p t e r I. The Proto-Iranian morpho-syntactic system . . 9
Form-building elements 9
The verb 14
Finite forms. 15
Indicative 15
The system of presence 15 (Stems 15 . Inflection 22).
The system of aorist 26 . The system of perfect 27.
Conclusions 29.
Imperative 29
Conjunctive. 30
Optative 31
Injunctive, precative. 32
Conclusions. 33
Non-finite forms. 36
Participles. 36
Infinitives, gerundives, nouns of action, etc. 37
The noun 39
Substantives and adjectives 39
Stems. 39
Inflection 40
Degrees of comparison of adjectives. 44
Numerals. 45
Cardinal numerals. 45
Ordinal numerals 51
Other categories of numerals 52
Pronouns. 52
Personal pronouns. 52
Demonstrative pronouns 55
Enclitic pronouns. 59
Interrogative, indefinite and relative pronouns. 61
Attributive, possessive, reflexive pronouns 61
Pronominal adverbs 62
Indeclinables. 62
Adverbs,prepositions, postpositions, preverbs 62
Conjunctions. 63
Particles 64
Elements of syntax 65

Chapter II. Evolution of the morpho-syntactic system in the East-Iranian languages 68
Form-building elements 68
The verb 69
Finite forms 70
Indicative 72
Transformation of ancient inflected forms 72. Transformation of ancient participial constructions 103.
Transformation of oblique moods 121
Transformation of voice relations 133
Basic principles of transformation of finite verbal forms . . 135
Non-finite forms 142
Participles, adverbial participles 142
Infinitives, gerundives, nouns of action, etc. 145
The noun 146
Substantives and adjectives 147
Transformation of ancient inflected forms 147
Articles, definiteness/indefiniteness 171
Other contensive categories of substantives 176
New formal grammatical means 179
Degrees of comparison of adjectives 179
Numerals 181
Cardinal numerals 181
Ordinal numerals 200
Other categories of numerals 202
Pronouns 204
Personal pronouns 204
Pronouns of the 1st and 2nd person 205. Pronouns of the 3rd person 214.
Demonstrative pronouns 216
Enclitic pronouns 229
Interrogative, relative, indefinite and negative pronouns . . 233
Pronouns combining with prepositions and postpositions . . . 234
Attributive, possessive, reflexive pronouns 234
Pronominal numerals, adverbs, etc. 236
Adverbs and auxiliary words and elements 240
Adverbs 241
Prepositions, postpositions 242
Preverbs, postverbs 244
Conjunctions 245
Particles 246
Elements of syntax 248
Conclusion 257
Bibliography 268
Adopted abbreviations 280
Books, periodicals, etc. 280
Languages, dialects, sub-dialects 281
Grammatical terms 282

Научное издание

ЭДЕЛЬМАН Джой Иосифовна

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ
МОРФОЛОГИЯ. ЭЛЕМЕНТЫ СИНТАКСИСА

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства Р.М. З а л е с к о в с к а я
Художественный редактор В.Ю. Я к о в л е в
Технический редактор Н.В. В и ш н е в с к а я

ИБ № 46316

Подписано к печати 06.06.90
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 18,0. Усл кр.-отт. 18.4. Уч -изд.л. 21,2
Тираж 1200 экз. Тип.зак. 436. цена 4р.40к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства
"Наука" 199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12